

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1998 г.

Выходит 15 раз в год

Выпуск
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
8 / 2014

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: vestnik_method@bsu.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Редактор *Д.Н. Гармаева*
Компьютерная верстка
Т.А. Олоевой

Подписано в печать 27.05.14.
Формат 60 x 84 1/8.
Усл. печ. л. 21,16. Уч.-изд. л. 18,56.
Тираж 1000. Заказ 104.
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
В.Е. Архинчеев, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
Н.Н. Татарникова (зам. председателя, директор Издательства БГУ);
Н.И. Атанов, д-р экон. наук, проф.; *Т.С. Базарова*, д-р пед. наук, доц.;
А.С. Булдаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук,
проф.; *А.В. Гаськов*, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. на-
ук, проф.; *Ц.З. Доржиев*, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имхелова*, д-р
филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева*, канд. филол. наук, проф.;
К.Б.-М. Митупов, д-р ист. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук,
проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук,
проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

Д.И. Бураев, д-р ист. наук, проф. (гл. ред.); *Л.Е. Янгутов*, д-р филос. на-
ук, проф.; *Э.К. Шохоев*, канд. ист. наук, доц.; *О.Д. Тугулова*, канд. филол.
наук; *Э.В. Афанасьева*, канд. филол. наук; *Д.В. Дашибалова*, канд. фи-
лол. наук; *В.В. Дашеева*, канд. филол. наук, доц.

© Бурятский государственный университет, 2014

БУДДИЗМ В КИТАЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ СУЙСКОГО ИМПЕРАТОРА ЯН-ДИ

В данной статье рассмотрен буддизм в Китае при династии Суй, показаны роль и место буддизма в китайском обществе, охарактеризована позиция буддизма, сложившаяся в период правления династии Суй. В статье приводятся сведения об императоре Ян-ди, строительстве буддийских монастырей и дворцовых храмов. Особое внимание обращается на дружбу между императором Ян Гуаном и буддийским патриархом школы Тяньтай Чжи И.

Ключевые слова: династия Суй, император Ян Гуан, Чжи И, буддизм, дворцовые храмы, строительство буддийских монастырей.

T.F. Markhanova

BUDDHISM IN CHINA IN THE PERIOD OF SUI EMPEROR YANG-DI

In the article, Buddhism in China in Sui dynasty is considered, showed the role and the place of Buddhism in chinese society, was defined a position of Buddhism, which had happened at ruling period of Sui dynasty. In the article is given a historical information about Emperor Yang-di, Buddhist monasteries and palace temple's construction. Special attention is drawn to friendship between Emperor Yang and Buddhist patriarch of Tiantai school Chih-Yi.

Keywords: Sui dynasty, Emperor Yang Guang, Chih-Yi, Buddhism, palace temples, construction of Buddhist monasteries.

Эта работа написана по материалам статьи Гуань Шитяня (关世谦) под названием «Суйский Ян-ди и буддизм» (隋煬帝与佛教) [10]. Гуань Шитянь является буддийским монахом, который преподавал в различных буддийских академиях, написал множество работ по истории китайского буддизма, комментировал буддийские каноны. В данной статье Гуань Шитянь взял за основу сочинение монаха при династии Тан Ши Дао сюаня (釋道玄) «Продолжение биографии выдающихся монахов», а именно начало главы «Монастырь Си Мин» 30-й цзюань «大唐西明寺沙門釋道宣撰» [8].

В то время, когда династия Чэн陳代 (557–589 гг.) пала, а династия Суй (隋朝 581–618 гг.) объединила всю Поднебесную, Ян-ди (тронное имя 煬帝), имя Гуан (广), в возрасте 12 лет получил почетный титул Цзинь Ван Гуан (晋王廣). Великие начинания Вэнь-ди (文帝 – отца Ян-ди 煬帝, имя при рождении Ян Цзянь) не имели продолжения, его старший сын Юн (勇) отличался дурным характером, из-за чего отец назначил наследником своего второго сына Гуана, но и тот, по мнению Ян Цзяня, ничем не отличался от Юна, поэтому император Ян Цзянь снова провозгласил наследником Юна. Имеются

исторические сведения о том, что в 604 году Ян Гуан, хладнокровно убив отца и брата, вззошел на трон и стал императором. Так, в историю Китая он вошел как редкостный тиран, сравнимый с императором династии Цинь Ши хуан-ди. Несмотря на свой дурной нрав, он оказался весьма прогрессивным в плане экономического и культурного развития Китая. Цзинь Ван Гуан, заняв престол, издал указ о строительстве большого канала, соединив тем самым пути рек Хуанхэ и Янцзы. Вел активную внешнюю политику с окружающими азиатскими странами, внес выдающийся вклад в культурный обмен между Севером и Югом. Так же, как отец, поддерживал и прославлял буддизм и даосизм. В особенности уважал тяньтайского патриарха Чжи И (智顓 538–598). Во время своего правления учредил целый ряд монастырей, взял под защиту и поощрял буддизм.

Восьмой год эпохи Кай хуан (588) император Вэнь-ди в целях воссоединения Севера и Юга Китая приказал атаковать войска династии Чэнь, верховным главнокомандующим был назначен его второй сын Ян Гуан, тогда ему едва исполнилось двадцать лет. В первый месяц следующего года многочисленная армия Суй вплотную приблизилась к столице династии Чэнь Цзянь Кан (старое название Нань цзина). Войска династии Чэнь как раз намеревались принять бой и дать отпор врагу, но были окру-

жены и тогда столица пала, Вэнь-ван и У-ван (основоположники династии Чжоу), все официальные чины были взяты в плен, затем всех послали под стражей до города Чаньань. На тот момент аристократическая культура Цзяннаня (юг Китая) уже объявила об упадке империи, буддийские группы, находящиеся в Цзяннани, также следовали одновременному подчинению, к тому же они обязаны были принять режим династии Суй, также разрешалась выдача новых степеней буддийским монахам. С победой династии Суй в Цзяннани для буддийских монастырей оставалось все как прежде, как и при династии Чэнь, им также разрешались земельные угодья. Режим монастырей и религиозных объединений новая власть осуществляла на деле. Так, в «Разъяснениях по поводу прозрения в храме мудрости Будды династии Суй и Юга Китая» (隋江都内慧日道场释慧覺傳) имеется следующая запись:

«Династия Суй сумела привести в порядок правобережье и законы страны, также проводились реформы внутри областей, учреждались буддийские монастыри, количество же окраинных буддийских монастырей пришло в упадок» [5, с. 499].

Соответственно можно сказать, что правители династии Суй, для того чтобы контролировать буддийские религиозные группы, разработали новый указ, разрешающий в одном округе основывать только два буддийских монастыря, все же остальные должны быть упразднены. О количестве храмов в период династии Суй говорится в «Полемике правильного трактата» («辯正論» «Бянь чжэнлунь») – эта полемическая работа была написана Фалином (法琳-572-640) в 633 году в 8 главах и включала комментарии ученого-служащего Чэнь Цзыляна 陈子良 ? – 632»), 3-й том:

«右陳世五主，合三十四年，寺有一千二百三十二所，國家新寺一十七所，百官造者六十八所，郭內大寺三百餘所»。

(«Было пять властителей – объединение происходило 34 года, монастырей насчитывалось 1232, государственные новые монастыри – 17, чиновническое строительство – 68, в пригородах насчитывалось 300 монастырей») [11].

Защитники буддизма при династии Суй объявили предыдущий указ ошибкой, они представили доклад о несправедливом решении учреждать только 2 храма в округе, поэтому императорский двор отменил этот указ. Это означает, что убеждения защитников буддизма были авторитетны для Ян-ди, они приветствовали Цзинь ван Гуана, а затем в недавно учрежден-

ном храме «Хуэйжи даочан» (慧日道場) он занялся всякого рода крупными законами и делами государства.

10 год эпохи Кайхуна (590 г.) Цзинь Ван Гуань взял на себя ответственность за управление Бинчжоу (древняя область в нынешней провинции Шаньси), вступив в должность, также управлял Янчжоу, к тому же нес военно-полицейскую охрану города Цзянду (Янчжоу). С тех пор Цзинь Ван Гуан превратил Цзянду в основной центр развития буддизма, к тому же храм «Хуэйжи» в Цзянду стал центром буддийской религии в Цзяннани. После этого Цзинь Ван Гуан пригласил целый ряд известных монахов в этот храм. Также Цзинь Ван Гуан создал коллекцию буддийских канонических сутр, таким образом удалось узнать установку буддийских сутр в эпоху Южных и Северных царств, которое в прошлом имело широчайшее хождение, к примеру: сутры династии Сун хранились в подземельях храма, сутры (Южная) Ци – в городе Да Юнь, сутры Праджняпарамиты – в храме Цзян чу и т.д. В другие годы сутры находились в храме Ву Чжан при династии Суй. В «Шань сячжи» 《陝縣志》 (описание уезда провинции Шэньси) в 21 цзюане описано:

«收錄有《北周陝州宏農郡五張寺經藏碑》

文，據以得知，收藏有三百餘部的經論»。

(«При династии Северной Чжоу в уезде провинции Шэньси на обширных пахотных землях располагались стелы и сутры в храме «Ву чжан», в хранилищах имелось 300 сутр и толкований, среди них «Культура сутр в северной Чжоу») [10].

Ян-ди постановил собрать «Башню сокровищницы Сутрапитаки» (寶台經藏願文). В «Гуан Хун Мин Ци» (廣弘明集) Расширенное собрание сочинений, светоч истины распространяющих» Ши Дао-сюаня) в 22 цзюане имелась запись:

«因為長期的戰亂，許多佛像及經典已經化歸灰燼，寺塔亦已遭湮滅，煬帝亦命眾軍收集佛像與經典，未及期月，即頗有所集，因而乃命學司作成目錄，展示於道場，並考證經典義理，校訂比對的結果，則可獲得根本經典原貌»。

(«Из-за долгосрочных войн многие статуи и классические книги уже превратились в пепел, храмы и башни подверглись уничтожению, Ян-ди велел народу и военным собирать уцелевшие изображения Будды и канонические книги весь год, в некоторой степени поддерживая и отчасти коллекционируя, приказал школам следить и составлять каталоги, проводить критическое ис-

следование содержания канонических книг путем корректировки и сравнения с правильными результатами, таким образом получали исконные канонические книги и их классический вид» [9].

После общего сбора четыре канона из «Башни сокровищницы Сутрапитаки» достигли количества 100 тысяч, император Ян Гуан надеялся, что все эти написанные питаки всегда будут находиться в обращении. Ян-ди смело взял на себя ответственность хранить «Башню сокровищницы Сутрапитаки», объединив собранные коллекции сутр в одну.

Ян-ди защищал и покровительствовал существующим храмам «Хуэйжисы» (慧日寺), «Фаюньсы» (法云寺), «Жияньсы» (日严寺), «Хуншаньсы» (弘善寺) и т.д., каждому монастырю и столичным храмам, даже всем буддийским школам. Ян-ди дал указ буддийским монахам поддерживать в нужном состоянии канонические книги, он сказал, что это является важным и священным делом. В принципе исконные канонические книги – это сутры, сохраненные в Сутрапитаке, монахи, имеющие желание развивать и распространять в некоторых районах канонические книги, получали приказ приходить в храм и переписывать их на месте, т.к. исконные канонические книги запрещалось выносить из храма.

В то же время в собранных канонических книгах имеется возможность знакомства со многими известными монахами.

В свое время наблюдалось совершенно сильное положение ученых, на какое-то время стал популярным монах Чжи Туо (智脱 541–607) из храма «Хуэйжисы». Некогда император Ин Вэнь пригласил его ведать документами, впоследствии Ян-ди, создав храм «Хуэйжисы», среди талантливой группы монахов отобрал ученых, согласившихся истолковать канонические книги, там же присутствовал монах Чжи Туо.

Чжи Туо отправился жить в город Чаньан в храм «Жиянь сы» (日严寺), участвовал в полемиках и обучал релятивизму. Его можно назвать совершенным ученым. В «Продолжении биографии выдающихся монахов» (续高僧传) показано, что по повелению императора известные монахи проживали в храме «Хуэйжисы», кроме Чжи Туо, также находились и были известны Чжи Цзюй, Фа Кань, Цзи Цзан, Хуэй Цзюэ, Цзин Туо, Хуэй Юэ, Хуэй Чен, Фа Ань, Дао Чжуан [10].

Император Цзин Ван Гуан уважал и принимал как наставника третьего патриарха школы

Тяньтай Чжи И из крупного поселения Цзянань. Очевидно, тесное общение Цзин Ван Гуан с Чжи И было продиктовано тем, чтобы управлять буддизмом Цзяннаня, но также он стремился и к обретению стабильности государства.

22 ноября на 11 год эпохи Кайхуан (591) император Цзин Ван Гуан в Янчжоу основал многотысячное духовенство, пригласил Чжи И для произношения религиозных предписаний Бодхисаттвы, он прочел заповеди (статьи монашеского обета при постриге) императору. В «Гуотин байлу» («Сто записей храма Гуотин» 《国清百录》 2 цзюань) в 26 главе под названием «Император принимает заповеди Бодхисаттвы» (王受菩萨戒疏第二十六) [3, с. 803] подробно изложено, как император оказывал помощь в содержании, давал буддийским учителям одежду и деньги и оказывал иную помощь, таким образом очевидно, что он глубоко и искренне уважал тяньтайского патриарха Чжи И. Тогда императору Цзин Ван Гуан исполнилось 22 года, а Чжи И было 54 года. В «Дасун сэншилюэ» («大宋僧史略» «Краткая история буддистов династии Сун») написано:

«做为菩萨戒师的智顓，由晋王赐予国师的称号。另一方面，智顓亦称晋王名叫总持王。晋王对于智顓，则赐予»智者»的称号，由之可以看出这是晋王广与智顓最初的结交之始»。

(«Чжи И, после того как стал учителем заповедей Бодхисаттвы, удостоился от императора титула гуоши (наставник, учитель императора). С другой стороны, Чжи И был также известен как главная поддержка императора. Император жаловал Чжи И званием «чжичжэ» (智者 мудреца), из этого можно увидеть, как начала завязываться дружба между императором и Чжи И») [2, с. 244].

В марте следующего года (13 год эпохи Кайхуан) Чжи И, находясь в преклонном возрасте, возвратился на родину в Цзинчжоу (городской округ в провинции Хубэй), после немедленно основал в уезде храм «Инь сы» (一音寺) (Инь переводится как «великие монахи проповедуют закон Будды»). Вскоре этот храм переименовали в храм «Юйцюаньсы» (玉泉寺 Храм бессмертия), этот храм получил название от источника «юйцюань» и вместе с тем являлся святой землей для школы Тяньтай, были случаи, когда страна испытывала засуху, народ приходил в храм и молился о дожде, и в тот же момент был благодатный дождь. На 15 год эпохи Кайхуан (595) Чжи И еще раз отозвался на приглашение императора прибыть в Янчжоу в храм «Чанчжунсы», Ян Гуан попросил его написать

толкование сутры «Цзинминцзин» (净名经 Ви-малакирти нирдеша сутра). В октябре 17 года эпохи Кайхуан вновь принял приглашение императора и спустился с горы, по дороге, достигнув западных ворот храма «Шиченсы» (石城寺) горы Тяньтай, он заболел, после чего передал ученикам сочинения «Фаюань шувень» (Письмена обетов «发愿疏文» и «Ишу цзинван» (Предсмертное письмо императору «遗书与晋王»)), чтобы те, в свою очередь, передали императору, скончался в 24 день ноября.

Император получил весь рассказ Чжи И, который был передан через ученика Гуан Дина, и у подножия горы Тяньтай учредил буддийские монастыри, Цзинчжоуский храм «Юйцюань», Танчжоуский храм «Дамин», Цзинчжоуский храм «Шичжу», храм «Шанмин» и т.д.

Рассматривая эту дружбу между Чжи И и Ян Гуаном, можно сделать вывод: либо император с самого начала думал с помощью лидера буддизма в Цзяннани Чжи И захватить и контролировать буддизм, либо Чжи И также надеялся путем подчинения императору защитить благополучие буддизма. И тот, и другой аспект имеет множество сторон, но в дальнейшем император чрезвычайно вдохновился великой личностью Чжи И, а потому после смерти Чжи И дал обет защищать гору Тяньтай, подписал указ о строительстве храма «Гоцинсы» (国清寺). Ученики Чжи И Гуан Дин, Чжан Ань поддерживали связь с императором, император же признал важность горы Тяньтай.

Далее рассмотрим храмы, учрежденные при династии Суй. Суйский император Вэнь-ди в Чаньане построил храм «Да син шаньсы» (Храм великой радости и доброты 大兴善寺), кроме того, в 45 округах возвел храм «Да син Гуо» (大兴国 Храм великой радости страны). Вэнь-ди построил храм «Тянь Цзюсы» (天居寺) в Хао Чжоу (ныне провинция Аньхой), в Бин Чжоу (юго-запад города Тайюань, провинция Шаньси) построил храм «Уди сы» (武帝寺), во дворце гуманности и долголетия построил храм «Сань шансы» (Храм трех добродетелей 三善寺), также в дар своей любимой императрице построил храм «Дон Чаньсы» (东禅寺).

Ян-ди в первый год царствования, как и его отец, продолжил строительство храмов: на западе был построен храм «Сичан динсы» (Храм Созерцания 西禅定寺), в Гаояне учрежден храм «Лон Шэнсы» (隆圣寺), в Бин Чжоу основан храм «Хун Шаньсы» (弘善寺), в Ян Чжоу – монастырь «Хуэйжисы», в Пекине – храмы «Тинь

Чаньсы» (清禅寺), «Жиянь сы» (日严寺), «Сянтай сы» (香台寺).

Два императора суйской династии Вэнь-ди и Ян-ди правили в общем 37 лет, число построенных монастырей составило 3985, статус монахов и монахинь получили 236 200 человек, были переведены 82 сутры и трактаты, использовано 26 переписчиков канонических текстов.

В 613 год Ян-ди постановил, что все храмы в пределах империи Суй следует называть «Дао чан» (道场, а не сы寺). А для четырех молелен в пределах своего небесного города Гончэн (宫城), что в Цзянду, он использовал термин «нэйдаочан» (内道场 – дворцовый монастырь, частная молельня, где монахи толковали Писания для императорского дома). Это «Хуэйжи сы» (慧日寺 «Храм мудрости Будды»), «Фаюнь сы» (法云寺 «Храм облака дхарм»), «Юйтин гуань» (玉清观 «Храм нефритовой чистоты»), «Цзиндун гуань» (金洞观 «Храм драгоценной пещеры»). Два из них были буддийскими («Хуэйжи сы» и «Фаюнь сы»), а два других – даосскими («Юйтин гуань» и «Цзиндун гуань») [7, с. 108]. Они располагались на западной стороне улицы, которая вела от северных ворот Цзинюнь (景運) во дворец. Суйский Ян-ди был оригинальным человеком, так как впервые принял термин «Нэйдаочан» для указания дворцовой молельни [4, с. 8].

Ян-ди собрал выдающихся учителей двух религий – буддизма и даосизма, дал указ о необходимости проживания в этих четырех храмах, обеспечил быт необходимыми предметами обихода, относился с почтительностью к монахам, защищал их до конца, развивал преподавательскую деятельность, все эти буддийские и даосские монахи непосредственно управлялись императорским двором.

Янчжоуский Хуэйжи считался центром буддийского монашества, приглашалось множество знаменитых монахов, но в Фаюнь сы приглашенных монахов было мало. В «Биографии выдающихся монахов династии Тан» (唐高僧传) не имелось записей о храме «Фаюньсы».

Среди приглашенных известных монахов в храм «Хуэйжи» также были Цзи Цзан (吉藏 549–623) из школы Саньлунь, Чжи Цзю (534–606 智矩) и даже Хуэй Цзюэ (慧觉 554–606), Хуэй Чэн (慧乘 555–630), Чжи Туо (智脱 541–607), Фа Чэн (法澄 538–605), Дао Чжуан (道庄) и другие, они все относились к храму «Хуэй жи».

Таким образом, особенность буддизма в эпоху Суй заключается в создании императорами большого количества монастырей, следова-

тельно, расходовались огромные средства из казны на буддийские молельни во дворце, земельные уделы, государственные храмы.

Буддийские молельни во дворце являлись императорскими храмами в пределах городской стены. В буддийских молельнях во дворце при императоре Ян-ди организовывали молитвенные службы и проповеди буддизма, а при династии Сун, взяв это под образец, дворцовые храмы стали именоваться как храмы внутри 内寺.

Ян-ди также учредил храм «Жиянь сы» (日严寺). Первый год правления в эпоху Жэньшоу (601) Ян-ди, став Цзин Ваном в Чанане на улице Черного дракона в юго-западной части, воздвиг храм «Жиянь сы» и созвал известных буддийских монахов. Этот храм просуществовал до династии Тан (632), а затем был упразднен. Среди приглашенных известных монахов присутствовали суйский монах Чжи Туо (541~607), Дао Чжуан, Чжи Цзюй, Хуэй Гань, Хуэй Цзе, Бянь И, Мин Шунь, Хуэй Цзюнь, Фа Сянь, Тань Се, Хуэй Чан, Чжи Гуо, Шань Цюань, Фа Янь и др. монахи. Более того, присутствовал и знаменитый Цзи Цзан из школы Саньлунь, он в то же время, когда был создан храм «Жиянь сы», прибыл для проживания в Чанань и как раз жил в этом храме, вплоть до упразднения династией Тан. «Жиянь сы», был храмом, созданным Ян-ди, одновременно также являлся центром буддийской религии в городе Чанань.

Вместе с храмом «Жиянь» император Ян-ди в первый год правления эпохи Дае (605) учредил храм «Великое созерцание» (大禅定寺). Он дал указание, чтобы монахи шли на службу и проживали в этом монастыре. На третий год эпохи Дае монах Хуаянь в этом храме занимал главное место, к тому же были и другие монахи – Бао Си, Пу Куан, Сэн Бянь, Фа Чан, Дао Хон, Цзин Сюань, все они проживали в этом храме. В пятый год эпохи Дае монах Чжи Фань присоединился к ним. Примерно в восьмой год эпохи Дае (612) монах Шэ Лунь, изучавший высшие принципы семейной жизни, также жил в храме «Великое созерцание». Этот храм в начале правления эпохи Удэ при династии Тан был переименован в храм «Абсолютный контроль» (大总持寺).

Седьмой год эпохи Дае (611) Ян-ди впервые затеял поход в Корею и потерпел поражение, в связи с этим на следующий год твердо решил двинуть армию во второй дальний поход, даже самолично управлял армией вплоть до реки Ляохэ (река в провинции Ляонин). И на этот раз войскам династии Суй было нанесено крупное поражение, но Ян-ди опять в десятый год прав-

ления эпохи Дае (614) осуществил третий дальний поход. Несколько походов привели к тому, что государство претерпевало большие потери во всех направлениях. Было большое количество недовольных, вследствие этого поднялись крестьянские восстания и даже возник бунт в малых перифериях, в результате чего разрушение достигло колоссального масштаба, распространившееся по всей стране.

Невозможно не признать положительное отношение Ян-ди к монахам и строительству целого ряда буддийских храмов, но постепенное материальное расхождение государства привело к его глубокому упадку.

В итоге в столичном Чанане на седьмой год эпохи Дае (611) имелись следующие храмы: Шэнь Цзин сы (圣敬寺), Жень Фа сы (仁法寺), Мин Цзюэ сы (明觉寺), Сян Хай сы (香海寺) и т.д., всего упразднили 21 храм, причиной этого были дальние походы в корейское царство Когуре, а также участие в военных операциях, взимание огромных налогов с народа и соответственно их недовольство, истощение государственной казны и даже принудительное участие в военных действиях несовершеннолетнего населения.

Таким образом, за время своего короткого правления китайская династия Суй впервые объединила север и юг Китая со времен династии Хань. Императорам династии Суй удалось сохранить единство страны, укрепить ее положение, реализовать ряд грандиозных проектов, а также возродить во всех слоях китайского общества чувство национального достоинства, уверенности и стабильности. Император Вэнь-ди отменил закон Северного Чжоу, запрещавший буддизм и даосизм, таким образом императоры династии Суй способствовали распространению буддизма, они всячески поддерживали и защищали буддизм, учреждали новые храмы. При Ян Гуане впервые учреждаются дворцовые храмы (内道场), количество храмов, монахов и монахинь достигает своего предела. Но династия Суй под воздействием непродуманных военных походов в корейское царство Когуре подвергла себя разрушению, тем самым дав путь другой самой могущественной в истории Китая династии Тан.

Литература

1. Гуань Дин. Дасун сэншилуюэ (Краткая история буддистов династии Сун); раздел 54. – С. 244.
2. Гуань Дин. Гуотин байлюэ (Сто записей храма Гуо Тин) цзюань 2; раздел 46. – С. 803.
3. Краткая история Сангхи, [составленная] при Великой Сун, Т 2126, 3.247b8–10.

4. Ши Даосюань. Сюй Гаосэн чжуань (Продолжение биографии выдающихся монахов); цзюань 9; раздел 50. – С. 499.

5. Ши Даосюань. Гуан Хун Мин Цзи (Расширенное собрание сочинений, светоч истины распространяющих); 22 цзюань.

6. Yamazaki, Zuit bukky shi no kenky, 104–112.

7. URL:http://buddhism.lib.ntu.edu.tw/BDLM/sutra/chi_pdf/sutra20/T50n2060.pdf

8. URL:<http://dzj.zgfj.cn/e/action/ShowInfo.php?classid=56&id=824>

9. URL:<http://www.douban.com/group/topic/15214346>

10. URL:<http://dzj.zgfj.cn/e/action/ShowInfo.php?classid=56&id=794>

Марханова Татьяна Фридриховна, переводчик в ООО «Бест Плюс». E-mail: tatiya6a@mail.ru

Markhanova Tatiyana Fridrichovna, interpreter in «The Best Plus» company. E-mail: tatiya6a@mail.ru

УДК 615.89

© С.М. Найданова

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ

В статье рассматриваются основные концепции буддийской философии и их связь с теорией тибетской медицины. Философия буддизма послужила мировоззренческой базой для медицинской традиции Тибета, сформировав ее представления о природе человека, болезней и специфические подходы и методы лечения, а также определив ее конечную высшую цель.

Ключевые слова: буддийская философия, тибетская медицина, концепция природы человека, сотериологический аспект.

S.M. Naydanova

PHILOSOPHICAL BASE OF TIBETAN MEDICINE

The article describes the main concepts of Buddhist philosophy and their communication with the theory of the Tibetan medicine. The philosophy of the Buddhism formed world outlook base for the medical tradition of Tibet, having created its ideas of human nature, diseases and specific approaches and treatment methods, and also, having defined its ultimate prime target.

Keywords: Buddhist philosophy, Tibetan medicine, the concept of human nature, soteriological aspect.

Любая медицинская система формируется на базе философских представлений и концепций, служащих основаниями данной медицинской системы. Сказанное является верным и в отношении тибетской медицинской традиции, которая сегодня широко известна в мире. Ее философские и теоретические истоки коренятся в традиционных мировоззренческих и концептуальных паттернах самих тибетцев и сопредельных цивилизаций, с которыми тибетская цивилизация исторически имела контакты и взаимодействие, – Центральной Азии, Индии, Китая. Наиболее значительное влияние оказала на формирование теоретической основы тибетской медицины буддийская философия, которая служит мировоззренческой и концептуальной базой и дает объяснения всех аспектов этой древней медицинской традиции, начиная с детально разработанных представлений о природе человека, сознания, тела, болезни и ее причинах, заканчивая эффективными методами лечения. Более того, можно сказать, что буддийская философия не просто служит исходной мировоззренческой базой построения медицинской теории в тибетской медицине. Последняя тесно переплетена с буддийским учением. Их связь можно установить, сравнивая и сопоставляя множество меди-

цинских понятий с основными категориями буддийского учения.

Мы можем утверждать, что именно философское ядро делает тибетскую медицину уникальным феноменом медицинской науки, с древности развивавшейся в лоне восточных цивилизаций, именно оно обеспечивает ей высокую эффективность, поскольку предоставляет мировоззренческий и теоретический подход к пониманию феноменов человека, жизни, здоровья, болезни, смерти, во многом выгодно отличающийся от утвердившейся в современном мире западной медицинской традиции.

Прежде всего для тибетской медицины характерен особый холистический подход к пониманию мира и человека. Вообще говоря, концепция человека находится в центре большинства теорий, и не только философских. Конечно, для медицинской науки концепция человека имеет решающее значение. Именно в этой области коренится радикальное отличие восточных медицинских традиций, в том числе и тибетской, от западной медицинской науки и практики. Для теории тибетской медицины характерно то, что концепция человека вписана в сотериологическую философию жизни, характерную для буддизма. Иначе говоря, теория че-

ловека здесь является частью общей концепции *освобождения* – освобождения от «четырех потоков» страданий (рождение, болезни, старость, смерть). Поэтому для того чтобы понять, в чем заключается специфика той концепции человека, которая характерна для тибетской медицины, необходимо иметь знание о базовых представлениях буддийской философии, выраженных в учении о четырех благородных истинах. Первая благородная истина указывает на то, что вся жизнь таких существ, как мы, не свободна от ментальных омрачений и кармы, пронизана страданием, которое имеет разные формы и проявляется на разных уровнях. Эта истина, проповеданная Буддой, учит, что все виды удовольствия и радости, которые обычно люди считают счастьем, на самом деле являются формой страдания, ибо сам способ нашего существования, именуемый сансарой и заключающийся в бесконечных неконтролируемых нами циклах рождений и смерти, пронизан страданием – *всепроникающим страданием*. Однако оно и все другие формы страдания имеют причины и источник, о чем говорит вторая благородная истина. Третья называется истиной пресечения или нирваной. Утверждается, что жизни, сотканной из страданий, можно положить конец и обрести свободу. Нирвана – это покой от факторов, омрачающих сознание и служащих причиной и источником страданий. Истина пути, ведущего к пресечению страданий, – четвертая благородная истина.

С точки зрения четырех благородных истин страдание имеет причину – ту хроническую болезнь *неведения* (тиб. *ta rig pa*), которой мы поражены с безначального времени, но ей может быть положен конец. Как говорит Его Святейшество Далай-лама XIV, никто не хочет болеть, но для того чтобы сделать попытку исцелиться, необходимо признать наличие болезни. Затем, осознав это, нужно найти причину заболевания. Определив ее, есть возможность прекратить страдание, излечиться от болезни путем принятия различных лекарств. Дхарма Будды подобна медицине, излечивающей тяжелейшую хроническую болезнь неведения, главным целебным лекарством которой является мудрость, рассеивающая неведение и прочие омрачения, которые порождают все виды страдания в колесе сансары – «колесе жизни», существовании, где нет конца конфликтам и боли в течение всей жизни, а также процессам старения и смерти.

Буддийская философия в своей центральной доктрине зависимого происхождения объясняет природу сансары как несвободного циклического бытия и механизм ее воспроизводства, а так-

же природы нирваны как пресечения страданий и их причин и механизм достижения свободного бытия. Эволюция сансары и нирваны представлена схемой двенадцатичленной цепи зависимого происхождения. Началом каждого цикла сансары служит неведение живых существ. Это коренная причина страдания и первое звено 12-членной цепи взаимозависимого происхождения. Иначе говоря, главной причиной пребывания живых существ в колесе сансары является неведение относительно истинной природы бытия (собственной личности и других феноменов), которое, в свою очередь, порождает недисциплинированность ума, вследствие чего проявляются многообразные аффилированные эмоции и всевозможные виды страдания. Коренное неведение напрямую связано с неправильным восприятием живым существом своего собственного «я» – как существующего истинно, объективно, независимо от наименования, данного мыслью. В буддийской философии говорится, что индивидуальное «я» не существует. Но речь не идет об отрицании существования вообще; считается, что нет независимого, субстанционального, объективного, самосущего «я» и других феноменов. С точки зрения высшей философской теории буддизма все феномены, в том числе личности, являются существующими *просто номинально*. «Номинально существующие феномены не имеют сущности в том смысле, что существуют не в силу собственных свойств, а лишь в зависимости от мысленного обозначения» [3, с. 162]. Положение о бессамостности занимает не только одно из центральных мест в буддийском учении, определяя концепцию человека, но и формирует фундаментальную этиологию болезней в теории тибетской медицины. Так, в главном трактате «Чжудши» «в качестве самой общей причины страданий называется неведение об отсутствии индивидуального «Я» [14, с. 51]. Поэтому очень важно разобраться в том, что есть в действительности индивид – «Я» с точки зрения буддийской философии.

В буддийской философии существует четыре философские школы, которые отличаются глубиной понимания природы всех вещей и индивидуального «я», а также интерпретацией бессамостности и пустоты как абсолютной природы всех феноменов. Но все они признают, что сущность и способ существования индивидуального «Я» и других феноменов определяется пятью психофизическими составляющими – скандхами: форма (тиб. *gzugsnyi phungpo*), чувства или ощущения (тиб. *tshorba'i phungpo*), различения (тиб. *'du shes kyi phungpo*), компо-

зитные факторы или волевые акты (тиб. *'du byed kyi phungpo*) и сознание (тиб. *rnampar shes pa'i phungpo*). При этом мадхьямика прасангики, высшая из философских школ буддизма, настаивает на том, что ни одну из скандх, являющихся основами для обозначения личности, как и их совокупность, нельзя определить как личность. Совокупность скандх служит лишь основой обозначения «я», но ни сама основа – совокупность скандх, ни каждая скандха не имеют самосущего бытия, они, в свою очередь, как и «я», существуют лишь номинально. Прасангики объясняют, что «я» не существует ни отдельно от пяти скандх, ни в пяти скандхах.

Скандха формы образуется путем соединения четырех элементов: земли, воды, огня и ветра. Благодаря комбинациям и перестановке этих элементов возникают все материальные объекты, в том числе тело и его органы чувств. Ощущения бывают физическими и ментальными и делятся на три вида: приятные, неприятные, нейтральные. Скандха различия включает в себя шесть видов восприятия: восприятие цвета, формы, запахов, вкусов, телесных ощущений и идей. Под композитными факторами подразумеваются практически все виды умственной деятельности, такие как мнения, мысли, решения и т.д. Скандха сознания определяется как то, что является осознающим и способным различать объекты и явления [4].

«Только динамичное взаимодействие этих пяти дает ощущение себя» [13, с. 31], тогда как сами скандхи имеют изменчивую природу и пусты от постоянного, неподверженного рождению и разрушению «я». «Поскольку наше «я» не имеет собственной фактической основы, отдельной от пяти скандх, то, когда они возникают и разрушаются, «я» тоже должно возникать и разрушаться вместе с ними. Следовательно, это дает основание полагать, что «я» не существует» [3, с. 34].

Но речь идет не о том, что «я» вообще не существует. Оно не существует в абсолютном смысле – с точки зрения абсолютного анализа, нацеленного на обнаружение конечного способа существования. Этот конечный способ существования всех вещей, в том числе нашего собственного «я», есть пустота. Но с точки зрения относительного анализа «я» существует, вне всякого сомнения, как нечто, возникшее взаимозависимым образом, – в зависимости от пяти скандх и наименования, данного этой основе сознанием.

Поток скандх, психофизических совокупностей, который от жизни к жизни непрерывен, находится под влиянием совершаемых по при-

чине омраченности сознания загрязненных действия и клеш и является основой страданий. В этом смысле мы неизбежно должны – поскольку рождены в силу нечистых причин – страдать, пока рождаемся в колесе сансары. Коренной причиной циклических перерождений под властью клеш (омрачений) и кармы является заблуждающееся сознание, неверно воспринимающее природу всех феноменов, чья конечная реальность есть пустота от самобытия [3].

Возникновение клеш, порождающих страдание, и дальнейшая эволюция несвободного бытия объясняется 12-членной цепью взаимозависимого происхождения. Неведение, отсутствие мудрого постижения истинной природы явлений и цепляние за ложные ментальные проекции порождают психические образования, которые делают возможными действия, или кармы, которые приносят свои плоды в будущих жизнях. А некоторые, наиболее тяжкие, кармы «созревают» и приводят к последствиям уже и в этой жизни. Это происходит в силу открытого Буддой закона причины и следствия, согласно которому любые действия, будь то благие, неблагие или нейтральные, несут соответствующие последствия. Психические образования порождают сознание, служащее основой для кармических отпечатков и рождения живых существ. Посредством этих трех факторов – неведения, побуждаемого им действия и сознания (периода причины) – создаются имя и форма, или вышперечисленные скандхи. В результате их возникновения формируются шесть внутренних опор чувств или способностей воспринимать привлекательные, непривлекательные и нейтральные объекты. Вследствие этого возникают ощущения, за которыми следует влечение и далее – привязанность к объекту. Она приводит к действиям, служащим причиной следующего перерождения. Последнее звено в цепи взаимозависимого происхождения, новое рождение, полное страданий, предопределяет последующее старение и смерть [3, с. 15]. Таким образом, каждое последующее звено порождается предыдущим.

Зная механизм эволюции сансары в соответствии с 12-членной цепью зависимого происхождения, мы можем, устранив первое звено – неведение, устранить все последующие звенья, благодаря чему прекращается рождение в сансаре, что является общей целью буддийского учения.

Учение о пути, ведущем к освобождению от страданий, объясняется на основе философской доктрины зависимого происхождения. Учитывая то, что теория тибетской медицины строится в

контексте философской сотериологии буддизма, особое внимание нам стоит уделить универсальному закону причины и следствия – закону кармы, тем более, что на основании этого закона функционирования всех явлений в тибетской медицине выделяют большой класс болезней – кармические заболевания [14].

Теоретики тибетской медицины считают, что причинами данного класса заболеваний являются неблагие деяния, совершенные на уровне тела, речи и ума в прошлых жизнях. Результаты особо негативных поступков могут проявиться в настоящей и будущих перерождениях в виде трудноизлечимых болезней, таких как рак, СПИД и т.д. В тибетской медицине кармические болезни не поддаются лечению на физическом уровне, с помощью лекарств и внешних процедур. Применяется совсем иной метод исцеления, который заключается в работе с сознанием. Так, *эмчи* врачи тибетской медицины, советуют совершать медитации, направленные на очищение сознания от омрачений и негативных эмоций и на осознание истинной природы всех явлений и собственного ума.

В особенности эффективной при лечении кармических заболеваний, считается практика порождения и проявления *бодхичитты*, основанной на великом сострадании к живым существам. Эта практика, которую можно назвать сердцем Махаяны, способна избавить личность от накопленной негативной кармы и болезней. В особенности полезной является техника *тонглен* – принятия-отдавания, рекомендуемая буддийскими наставниками как часть практики порождения бодхичитты. Эту практику в традиции тибетской медицины рекомендуется совершать не только больным людям, но главным образом врачам, потому как «в идеале искусство исцеления неотделимо от Дхармы» [13] и «наилучшим целителем является тот человек, кто обладает реализацией бодхичитты – альтруистической устремленности к освобождению от страданий и достижению просветления во благо всех живых» [11, с. 105]. «Чжуд-ши» гласит, что «в основе лекарской деятельности лежат ум, добрая «белая» душа, верность обетам, умелость, прилежание и мудрость в светских делах», где ум обозначается как ум, обладающий высокими качествами, а «белая душа подразумевает лекаря с душой бодхи», который не различает ни хороших, ни плохих больных; не испытывает ни к кому ни любви, ни отвращения, а проявляет только милосердие, сострадание, радость и уравновешенность [14, с. 125].

В тибетской медицине уже издревле имелись знания о методах лечения различного рода

болезней, в том числе и так называемых неизлечимых, при помощи работы с собственным умом, тогда как ученые светила современной медицины Запада путем проб и ошибок только сейчас приходят к выводу, что источником различных раковых заболеваний служит негативное состояние сознания и допускают возможность лечения таких недугов путем культивации положительных эмоций.

В качестве общей характеристики, роднящей тибетскую медицину с другими восточными традициями, можно сказать, что «основная философия тибетской медицины заключается во взаимосвязи и взаимозависимости всех вещей» [7]. Эта холистическая парадигма единства фундаментальна как для философии буддизма, так и для других философских систем Востока, а главное – согласуется с концепциями современной физики.

В свое время Эйнштейном и его окружением было обнаружено явление квантовой физики – квантовая перепутанность, заключающееся в том, что между двумя взаимодействующими частицами возникает состояние взаимосвязи, которое будет сохраняться независимо от положения и времени в пространстве, и по мере оказания любого воздействия на одну частицу будет косвенно совершаться воздействие на другую частицу. Таким образом, квантовое поле, из которого появляются атомы, представляет собой паутину, соединяющую жизнь, энергию, вещество и существование в единую систему [9].

Основополагающий принцип взаимосвязи и взаимозависимости напрямую связан с системой пяти первоэлементов: пространство, ветер, вода, земля, огонь. В буддийском представлении все существующее определяется этими элементами. Их движение создает Вселенную, поддерживает и разрушает ее жизнь, точно так же, как и все составляющие человека: тело, ум, личность и даже эмоции – все физические, чувственные, умственные и духовные процессы, которые обеспечиваются нераздельным совокупным действием этих элементов.

Тензин Вангьял Ринпоче в книге «Исцеление энергией, формой и светом» пишет, что пять великих элементов могут проявляться на трех уровнях – внешнем, внутреннем и тайном. На внешнем уровне они представляют собой грубые элементы чувственного восприятия. Внутренние элементы – это, скорее, энергии элементов, чем их формы, которые в человеческом теле присутствуют как физические энергии, участвующие в физиологических процессах, а также как более тонкие энергии, которые возможно обнаружить с помощью определенных духовных

практик. Тайное измерение элементов, наитончайшее, пребывает вне двойственности, т.е. в состоянии истинной природы ума. Оно же есть сияние бытия «пяти чистых светов», аспектов светоносности нераздельно с пустотой – основой всего [12]. В буддизме принято считать, что все проявляется и возвращается в пустоту – «поле, обладающее неограниченным потенциалом возможностей», подобное квантовому полю в современной физике [9, с. 12]. «Фактически жизнь, смерть и все проявленное, согласно буддийским воззрениям, возникает, существует и уходит в небытие по модели развертки-свертки великих элементов, так что великие элементы в буддийской культуре представляют собой универсальные принципы структурирования всей проявленной реальности» [8].

Многоуровневость элементов формирует особую концепцию человека в буддизме, которая послужила основой представлений о человеческом организме и в тибетской медицине. Так, в соответствии с буддийской концепцией человека индивид являет собой единство трех структурных уровней [1]: грубый – физическое тело, энергетический – «тонкое тело» и третий – «непроявленное тело абсолютной истины», или тончайшее сознание, опирающееся на энергетический ток. Таким образом, троичная природа пяти элементов образует «три тела» человека, которые отличаются, но являются неотъемлемыми друг от друга.

Первичным уровнем выступает тончайшее сознание, на который уже последовательно опираются остальные, но все три теснейшим образом связаны между собой и оказывают друг на друга влияние.

В системе ваджраяны существует множество видов сознания, различающихся по степени грубости или тонкости. Так, «выделяют три уровня сознания: грубый или низший (пять сознаний), тонкий (80 концептуальных сознаний) и наитончайший (четыре пустых)» [3, с. 73], где «ум ясного света» является наиболее утонченным из последних. Грубый уровень сознания – это чувственное сознание, которое проявляется в деятельности пяти органов чувств. Оно не существует отдельно от физического организма и не перерождается в отличие от ментального сознания. К тонкому уровню, хотя и считающемуся таковым по отношению к чувственному, относятся все виды концептуального сознания, которые считаются все же грубыми, «которые функционируют только до проявления более глубоких» [3, с. 33]. Наитончайший уровень сознания лежит в основе остальных видов сознания и обладает природой чистого света – ему не свойственны

негативные проявления (гнев, привязанность и т.п.), но в нем также заложены и семена грубых видов сознания. Это сознание одухотворяет эмбрион и стимулирует формирование тонкого тела, обитает в сердечной чакре – в одном из главнейших компонентов всей структуры человека.

В процессе умирания происходит постепенное развитие и проявление все более тонких уровней сознания. Каждое из них проявляется по мере последующего распада составляющих тела и ума, по мере того как этот процесс постепенно идет к открытию тончайшего сознания: «основной светоносности», или «ясного света» [10, с. 276].

Все виды сознания теснейшим образом связаны с ветрами, которые имеют природу движения, циркулируют в виде энергетических потоков по бесчисленным каналам, отвечают за процесс дыхания и служат для них опорой и транспортом. Ветра, в свою очередь, различаются: «грубые» функциональные и «тончайшие» его разновидности. Грубая форма ветра связана с процессом дыхания и физиологическими функциями организма. Нематериальная разновидность ветра связана с сознанием, которая делится на два потока. Один поток, смешиваясь с ветром дыхания, циркулирует в каналах тела: это «нечистые кармические ветры», они называются так, потому что переносят силу умственных омрачений. Считается, что посредством энергетической и духовной практики можно преобразовать три яда ума в три мудрости, тем самым очистив каналы тела от «кармических ветров» и дав свободу перемещения другому ветру – «ветру мудрости», который располагается в центральном канале.

«Тонкое тело» представляет собой множество взаимосвязанных между собой тонких сосудов-каналов вкупе с психическими токами, которые несут «жизненные сущности» – «тхикле», а также токи – каналы феноменального тонкого сознания и грубого сознания, связанного с органами чувств [1, с. 100]. Оно возникает в первые два месяца развития эмбриона и служит важным звеном между телом – носителем ясного света и плотным физическим телом. Функциональное взаимоотношение между основными элементами «тонкого» строения человека определяется следующим образом: «тело зависит от психических каналов, каналы зависят от ветра, а ветры от ума» [13], и наоборот.

Великое множество сосудов-каналов по функции разделяют на четыре большие группы: формирующие, управляющие, связующие сосуды и сосуды жизни. В «Чжуд-ши» говорится:

«Они объединяют и возвращают тело и являются вместилищем жизни. Именно поэтому они называются сосудами» [14, с. 40]. Важно учитывать то, что все энергетические каналы имеют отношение к физическим нервам и кровеносным сосудам, но не являются тем же самым. К формирующим относятся три главных, которые первыми возникают в зародыше. Это центральный канал – «ума», проходящий от макушки до места между пупком и половыми органами; правый канал – «рома», который проходит параллельно центральному и справа от него, соединяясь с ним в районе головы и внизу; и левый – «кьянма», располагающийся слева от центрального канала и соединяющий с ним в тех же местах. Физиологическая функция этих сосудов (каналов) связывается с первоэлементами, физиологическими факторами ветра, желчи, слизи, а также с «тремя ядами сознания».

Три главных канала тройко переплетаются в районе головы, горла, сердца, пупка и половых органов, образуя тем самым чакры – энергетические центры, к которым присоединяется множество других каналов. В медицинском аспекте эти сосуды и чакры имеют первостепенное значение в формировании и функционировании органов и систем, а также в «физиологии» смерти и ее неразрывной связи с зарождением новой жизни в процессе телесного перевоплощения души [2, с. 78].

Сосуды, наиболее близко окружающие чакры, относятся ко второй группе – управляющим сосудам. По своим функциям они делятся на пять: сосуды чакры головы, которые отвечают за работу органов чувств, сосуды чакры горла, отвечающие за принятие пищи и ощущение вкусов, сосуды чакры сердца руководят развитием и формированием сознаний, сосуды пупочной чакры отвечают за сохранение и поддержание силы и энергии тела и, наконец, сосуды половой чакры ответственны за поддержание рода [6, с. 49].

Связующие сосуды делятся на две группы в зависимости от их связи с элементами воды и огня: черные, сопоставимые со всей сетью кровеносных сосудов, и белые сосуды, продуцирующиеся «белым сосудом жизни», который сопоставим с головным, спинным мозгом и нервной системой. Они связывают между собой полые и плотные органы. Среди «черных» связующих сосудов различают также «пульсирующие», в которых наряду с кровью присутствует элемент ветра, чье поражение очень опасно для жизни. Именно эти сосуды используют при пульсовой диагностике в тибетской медицине.

К последней группе относятся сосуды жизни, или «жизнетворные сосуды». Эти сосуды, проходящие по всему телу, «являют собой (анатомически) невидимые сосуды «тонкого тела», наличие которых лежит в основе жизни индивида» [1, с. 114] и в которых циркулируют «тхикле» – «жизненные сущности». Они генерируются «главным тхикле», находящимся в центральном канале в сердечной чакре, в «зерне жизни». «Именно это зерно жизни после смерти выходит по центральному каналу через отверстие Брахмы и после ряда трансформаций в бардо схватывается с отцовской спермой и материнской кровью и обретает телесную плоть во время развития плода в утробе матери» [2, с. 78]. Оно включает в себя как чистую квинтэссенцию пяти первоэлементов, так и тончайшее сознание с его опорой – тончайшим энергетическим током.

«Главное тхикле» также производит белые (отцовские) и красные (материнские) «тхикле», которые находятся в сосудах и чакрах «тонкого тела» и в союзе с «грубыми тхикле», мужским семенем и маточной кровью, участвуют в формировании эмбриона, в дальнейшем поддерживая его жизнь и развитие. В целом «жизненные сущности» тибетские ученые также называют «ла» (жизненная энергия). Она непрерывно циркулирует по каналам тела, перемещаясь в соответствии с особыми циклами и проявляя свою потенцию лишь в определенных точках, «местонахождениях ла», и по определенным дням лунного календаря. Это также является выражением тесной связи тибетской медицины с астрологией. Считается, что энергия «ла» может ослабевать или вообще покидать тело по различным причинам, таким как агрессивное и грубое воздействие на организм, различные травмы и операции, в результате чего сокращается продолжительность жизни человека. Поэтому в тибетской медицине существует так называемый массаж энергии «ла», который осуществляется с помощью особых визуализаций и массирования [6].

В тибетской медицине есть раздел анатомии «тонкого тела», или «ваджрного тела», который изучает структуру энергетического тела. Несмотря на то, что изначально она является частью тантрического учения о структуре человека, «ваджрная анатомия» – это неотъемлемая часть тибетской медицины. Она дает действительно важные знания о природе человека, тем самым предоставляя возможность применять наиболее полезное и эффективное лечение (массаж «ла», массаж чакр, начитывание мантр, йогические дыхательные и физические упражнения). Правда, на сегодняшний день есть такие доктора тибетской медицины, которые пренеб-

регают этими знаниями, ограничиваясь лишь работой на физическом уровне, как это делают врачи, практикующие в западной медицинской традиции.

Физическое тело, или грубый уровень, формируется на основе «тонкого тела» и представляет собой материальное тело из плоти и крови, которое изучает академическая анатомия. Оно также напрямую связано с первоэлементами. Так, плоть, кости, орган обоняния образуются из элемента земли. Кровь, орган вкуса и жидкости в теле возникают из элемента воды. Теплота, чистая окраска, орган зрения и форма образуются из элемента огня. Дыхание, орган осязания и физические ощущения формируются элементом ветра. Полости в теле, орган слуха и звуки образуются элементом пространства.

В тибетской медицине буддийская концепция о трехуровневости человека, основанная на системе пяти элементов, сохраняется, но объясняется уже в более общих понятиях, специфичных только для этой медицинской системы. Так, различные виды сознаний и результат их действий принято рассматривать как ментальный. Часто его связывают с работой ума.

На уровне энергии, которая считается мостом между физическим телом и умом, действуют так называемые «три жизненных начала» (тиб. *nyes pa*): «ветер» (тиб. *glung*), «желчь» (тиб. *mkhris pa*) и «слизь» (тиб. *bad kan*), которые являются основой теории тибетской медицины. Они соответствуют тонким эссенциям, сосудам и каналам. Это функциональные энергии организма, которые считаются самыми важными составляющими, отвечающими за физиологические функции тела. «Три жизненных начала» напрямую связаны с пятью элементами, поскольку являются их производными; пространство и ветер преобразовываются в жизненное начало «ветер», элемент огня дает «желчь», а соединение земли и воды образует жизненное начало «слизь». «Ветер» означает движение, вибрацию или воздух. На физическом уровне он связан с дыханием, движением, восприятием органов чувств, нервной системой и интеллектуальной деятельностью. Он считается наиболее значимым среди «начал», поскольку способен влиять на двух других. «Желчь» – жизненное начало горячей природы, которое регулирует пищеварительный процесс, отвечает за температуру тела и регулировку цвета кожи. «Слизь» обеспечивает крепость и устойчивость тела, отвечает за жидкости, соединяет суставы и обеспечивает им гибкость. Если рассматривать *слизь, желчь и ветер* во взаимосвязи с ментальным уровнем, то считается, что они возникают

из трех первичных ядов соответственно: это неведение, гнев и привязанность, которые являются следствием ошибочного понимания себя и всего окружающего, о чем говорилось ранее. Поэтому проявление негативных эмоций на ментальном уровне влечет за собой дисбаланс жизненных начал на физическом уровне, а это уже является условием возникновения болезней, так как здоровье, по теории тибетской медицины, есть естественное состояние человека, равновесие ментального, телесного и энергетического уровней организма, которое возможно при условии гармоничного взаимодействия между собой трех жизненных начал. Имеется множество субъективных и объективных факторов, способных привести к расстройству трех функциональных энергий. Это поведение, образ жизни, питание, сезоны и т.д. В трактате «Чжуд-ши» все это описывается так: «Страсть, гнев и невежество – три причины, порождающие соответственно ветер, желчь и слизь. Время, демоны, питание и образ жизни – четыре условия, способствующие их накоплению или истощению» [14, с. 26].

Физическими компонентами организма, согласно теории тибетской медицины, являются «семь телесных составляющих»: питательный сок, кровь, мясо, жир, кости, костный мозг и регенеративная жидкость [5], состояние которых прямо зависит от вышеописанных «жизненных начал».

На основе данных представлений о триединстве ментального, энергетического и физического уровней тибетская медицина целостно подходит к лечению человека, используя различные методы, которые направлены на гармонизацию тела, энергии и ума. На физическом уровне применяются различные лекарственные препараты, внешние процедуры, коррекция питания и образа жизни и т.д. Для того чтобы сбалансировать энергию, практики тибетской медицины и сами больные работают с энергетическими каналами и жизненными энергиями, используя начитывание мантр, визуализации со светом, дыхательные йогические практики, в результате чего различные энергии и каналы очищаются и преобразовываются. Гармонизировать состояние ума возможно благодаря духовным практикам, которые помогут контролировать ум и проявление отрицательных эмоций. Поскольку все уровни взаимосвязаны, оказание влияния на один из них влечет за собой изменение на другом. Сегодня большинство врачей тибетской медицины предпочитают работать на физическом уровне, тогда как наиболее эффек-

тивным лечением будет считаться работа на всех трех уровнях.

Говоря о философии тибетской медицины, необходимо сказать о ее сотериологическом аспекте. Уже на ранних стадиях буддийская традиция соприкасалась с медицинским знанием и его практической формой как вспомогательной системой буддийского знания и религиозной практики и служила решению сотериологических задач буддизма.

В тантрическом буддизме сохранению здоровья и безупречному функционированию тела человека придавали особое значение, поскольку без этого невозможно было достигнуть освобождения. Согласно тибетским медицинским представлениям, основанным на буддийской теории трех тел Будды, три уровня природы человека в своем очищенном от омрачений, изначально чистом состоянии соответствуют «трем телам Будды» – трем уровням выражения природы Будды. Считается, что абсолютная природа очищенного тончайшего сознания реализуется как дхармакая; очищенное «тонкое тело» реализуется как самбхогакая; а очищенное от омрачений «грубое тело» реализуется как нирманакая [1, с. 100]. Каждый индивид, в буддийском представлении, изначально обладает *природой Будды* и всеми сущностными составляющими – телом, энергией и сознанием, благодаря которым возможно обрести совершенные «тела Будды», т.е. достичь просветления. Именно поэтому тибетская медицина, призванная восстанавливать телесное, энергетическое и ментальное здоровье, имеет сотериологическое значение. Можно сказать, что относительной целью тибетской медицины является предупреждение и лечение болезней, а конечной – достижение просветления.

Таким образом, при рассмотрении философии тибетской медицины можно прийти к выводу о том, что в целом она опирается на фундаментальные идеи буддийской философии, такие как всепроникающее страдание и освобождение от него, закон кармы, пустота от самобытия, принцип взаимозависимого возникновения, универсальная система пяти элементов. Они, в свою очередь, определяют своеобразную концепцию человека. Исходя из этого, тибетская медицина объясняет строение человека, болезнь и здоровье с точки зрения трех уровней, образо-

ванных разным проявлением пяти первоэлементов: тончайшего, связанного с сознанием; тонкого, связанного с энергией, и грубого, которому соответствует физическое тело. Основываясь на данном представлении, она предлагает развитую теоретическую модель врачевания, которая обеспечивает не только высокоэффективный холистический подход, но и служит промежуточным этапом для достижения более высоких целей – освобождения и просветления.

Литература

1. Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому трактату XVII века. Альбом. – М., 1994.
2. Герасимова К.М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. – Новосибирск, 1989.
3. Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Гарвардские лекции. – М., 2003.
4. Джамгон Мипам Ринпоче. *Mkhas pa'i tshul la 'jug ra*.
5. Еше Донден. Здоровье через баланс. – М., 1996.
6. Нида Ченагцанг. Тибетский массаж Кунье. Второй уровень. – 2010.
7. Нида Ченагцанг, Урбанаева И.С., Найданова С.М. Тибетская медицина: философия, духовность и социальная практика // Вестник Бурятского научного центра Сиб. отделения РАН. – 2012. – №6. – С. 109-119.
8. Пупышева Н.В. Система великих элементов в буддийской культуре. – Улан-Удэ, 2010.
9. Пупышева Н.В. Поиск новой парадигмы: буддизм и квантовая физика // Наука и буддизм. – 2012.
10. Согьял Ринпоче. Книга жизни и практики умирания. – М., 1997.
11. Сопа Ринпоче Лама. Абсолютное исцеление. Духовное целительство в тибетском буддизме. – М., 2007.
12. Тензин Вангьял Ринпоче. Исцеление формой, энергией и светом. Пять элементов в тибетском шаманизме, тантре и дзогчене. – СПб., 2003.
13. Терри Клиффорд. Демоны нашего ума. – 2003.
14. Чжуд-ши (канон тибетской медицины) / пер. с тиб. Д.Б. Дашиева. – Кн. 1. – Улан-Удэ, 2003.
15. Чогьял Намкай Норбу. Драгоценный сосуд. – М., 2004.
16. Чогьял Намкай Норбу. Рождение, жизнь и смерть согласно тибетской медицине и учению Дзогчен. – СПб., 2010.

Найданова Софья Минжировна, аспирант отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: prsofia@mail.ru

Naydanova Sofia Minzhirovna, post graduate student of philosophy department of IMBT SD RAS. E-mail: prsofia@mail.ru

УДК 141

© Л.В. Стеженская

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «МАНДАТ НЕБА» (ТЯНЬМИН) С ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ: О ДОБРОДЕТЕЛИ И СУДЬБЕ

В статье подробно рассматривается одно из важнейших понятий китайской философии – так называемый «мандат Неба» (тяньмин), приводятся примеры его использования и толкования в классических китайских памятниках, подробно рассматривается эволюция смысла каждого из двух входящих в него иероглифов.

Ключевые слова: тяньмин, мандат Неба, конфуцианство, даосизм.

L.V. Stezhenskaya

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT «THE MANDATE OF HEAVEN» (TIANMING) FROM ANTIQUITY TO NOWADAYS: ON THE VIRTUE AND THE FATE

The article purpose is the detailed consideration of one of the most important concepts of Chinese Philosophy – the so-called «the Mandate of Heaven» (tianming). In the article there are some examples of its use and the interpretation in Chinese classic books. The author of the article traces the meaning evolution of each character of this philosophical concept from antiquity to nowadays.

Keywords: tianming, the Mandate of Heaven, Confucianism, Taoism.

Понятие «повеление Неба», представленное сочетанием иероглифов *тянь* (Небо) и *мин* (приказ), наиболее тесно связано с традиционной политической философией Китая, в этом смысле обычно переводится на русский язык как «мандат Неба».

Его содержание задано уже в ранних памятниках – «Ши цзин» и «Шу цзин» («Шан шу») [17, 16]. В XI веке до н.э. Чжоу, одно из подчиненных Иньскому государству племен, первоначально располагавшееся на северо-западе Китая, выступило против иньского господства, свергло иньского правителя-вана и образовало государство Чжоу. Чжоусцы еще до своего завоевания находились под сильным влиянием Инь и восприняли многие религиозные представления и культурные достижения иньцев [11, гл. 9, коммент., сн. 9, с. 224; 7, с. 94-95; 10, с. 155-167, 219-220, 252, 256]. Вместе с тем чжоусцам потребовалось идеологически обосновать свержение Иньской династии. Тогда и появилось представление о воле или мандате, который Небо вручает самому добродетельному человеку в Поднебесной. Учитывая недавнее историческое прошлое, связанное со сменой правящей династии, чжоусцам пришлось сделать упор на переменчивости воли Неба и, следовательно, на непостоянстве «счастья» правящего династического дома.

Традиционно идея смены «мандата Неба» приписывается Чжоу-гуну, младшему брату фактического основателя династии Чжоу У-вана (XII–XI вв. до н.э.) (1). Чжоу-гун впоследствии был регентом при малолетнем правителе Чэнване (XII–XI вв. до н.э.), своем племяннике, и в своих наставлениях вану изложил учение о «мандате Неба». Кроме указанного уже непостоянства в учении определяется, что мандат Неба дается тому, кто в состоянии уважать доб-

родетель и оберегать народ и чья добродетель соответствует добродетели Неба. В целом считалось, что воля Неба выражается в том, чего желает народ, или следует желаниям народа [16; 17]. В дальнейшем, в IV–III вв. до н.э., идея Небесного мандата была более подробно разработана Мэн-цзы, согласно которому ненастоящий, т.е. недостойный своего места, правитель обязательно потеряет трон, непременно найдется достойный человек, который станет истинным правителем Поднебесной [5]. Таким образом, в раннем конфуцианстве, как и в дофилософский период, понятие «воли Неба» было главным образом связано с качествами правителя и существованием государства.

Именно в таком политико-философском контексте понимает использование *тянь мин* в четвертой главе раннесредневекового трактата Лю Се (465–502 гг.) «Вэнь синь дяо лун» («Резной дракон литературной мысли») американский исследователь В. Ши. Это следует из его перевода биннома как «the Mandate of Heaven» и примечания, что мандат Неба является одной из главных тем апокрифов [21, с. 41]. Политическая неустойчивость, определенно, была актуальна на протяжении всего жизненного пути Лю Се. Более того, расцвет апокрифов и гадательных книг отнесены Лю Се к не менее бурному периоду политической истории Китая – времени крушения Западной (Ранней) Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.) и восстановления Поздней (Восточной) Хань (23–220 гг.). В качестве иллюстрации приведем (в небольшом сокращении) наш перевод §11-12 четвертой главы «Вэнь синь дяо лун»:

Затем мужи из числа магов и прорицателей приложили к ним странные учения: кто-то давал объяснения, [основываясь на] инь и ян, кто-то выстраивал [свои предсказания, основываясь

на] стихийных бедствиях и необычных природных явлениях, вроде того, что птичий крик похож на человеческую речь, что насекомые превратили листья в иероглифы. Эти писания росли в числе и обязательно приписывались Конфуцию, знающие ученые обсудили и проверили [эти сочинения] и сказали, что подделки происходят [от времен правлений ханьских императоров] Ай[-ди] и Пин[-ди].

Ко временам [ханьского императора] Гуань-ди уверовали в это искусство [предсказания], этому воздействию подчинились, ученые пошли плечом к плечу [в рядах его сторонников]. Принц Пэйсянь собрал апокрифы для истолкования канонов, Цао Бао составил книги [предсказаний] для установления ритуала. [Так] извратили Дао, исказили классические [сочинения] и [сделали] это очень серьезно!

И все же такая определенность трактовки *тянь мин* в тексте четвертой главы вызывает сомнение. Во-первых, текст не дает для этого бесспорных оснований. Во-вторых, эволюция понятия *тянь мин* с древности до времени создания «Вэнь синь дяо лун» заставляет предполагать более широкое значение этого термина у Лю Се.

Прежде всего нужно отметить, что доктрина «мандата Неба» определенно предполагала обожевление Неба. Это находит подтверждение если не в полной синонимичности понятий «Небо» и «Верховный владыка», то по крайней мере в их близости в надписях на ритуальных бронзовых сосудах династии Шан-Инь (XVI–XI вв. до н.э.) [9, с. 206-209; 8, с. 738-739]. Чжоуское завоевание не могло в одночасье изменить это положение, поэтому и сохранялась некоторое время персонификация Неба, т.е. ему приписывались намерения, желания, устремления и т.д. Позднее, насколько можно судить по дошедшим до нас сочинениям древнекитайских философских школ, Небо теряет свойства божества и деперсонифицируется. Конфуций, говоря о Небе, отмечает, что оно «приводит в движение четыре времени года», порождает вещи, безмолвствует и т.д., но непосредственно свою волю не объявляет [18, с. 379]. Еще яснее эта отстраненность Неба выражена в даосском учении. Мы отмечали, что Небо у даосов вторично по отношению к пути-дао, т.е. Дао порождает Небо и Землю. Кроме этого, свойством Неба является недеяние (*у вэй*), что говорит об отсутствии у него определенных намерений, оценок и т.д. (2).

Это понятно и из общей негативной оценки в даосизме всякой социальной и иной «искусственности», присущей человеческому обществу и государству [3, с. 234].

Даосская идея вторичности Неба не могла не вызвать к жизни следующий закономерный вопрос. Если Небо порождено и человек тоже порожден, то не являются ли они явлениями одного порядка? Отсюда должно проистекать представление о космической триаде Неба, Земли и Человека; либо паре, когда слово *небо* стало представлять противоположное человеку природное начало и заменило в этой роли подразумевавшуюся словесную пару *небо-земля*.

Единство коренного свойства человека и природы нашло своеобразное отражение в «Чжуан-цзы», где говорится, что у «совершенного человека природа (*тянь*) сохраняет целостность» [18, с. 379]. Понятно, что здесь речь идет о характере отдельного человека или природных свойствах. Примечательно, что общее свойство и неба, и человека выражено через название свойства, наиболее характерного для «природного» неба, а не для «социального» человека. Природность Неба еще как бы доминирует и проникает в «человечность» Человека. Но уже в сборнике «Весны и осени господина Люй [Бу-вэя]» («Люй-ши чунь цю», сост. около 239 г. до н.э.) Небо и Человек уравниваются в своих ролях, их сходство объясняется единым для обоих свойством – формированием благодаря превращению сил *инь* и *ян* [14]. Представление о единстве свойств Неба и человека подразумевает вопрос о их возможном взаимодействии, который мог решаться и решался в пределах от полной взаимосвязи действий природы и человека до их полной автономности. Видный представитель ханьского конфуцианства Дун Чжуншу (190/179 – 120/104 до н.э.) на основании однородности (*тун лэй*) пневм Неба и человека настаивал на их «взаимном отклике» (*ин*) [18, с. 379]. Отсюда можно понять, почему неправильное управление государством вызывает стихийные бедствия, а нормальная жизнедеятельность человеческого общества, наоборот, вызывает расцвет и в природе.

Идея автономности Неба и человека также имела довольно давнее происхождение и сохранялась долгое время, найдя отражение и в творчестве мыслителей танского времени, например, эссеиста и философа Лю Цзуньюаня (773–819) [12, с. 77-78; 13, с. 143-145; 20, р. 601-603]. Приведем в качестве примера одно из его высказываний: «Небо и человек не вмешиваются [в дела] друг друга (*тянь жэнь бу сян юй*). Процветание [природы] и засухи – прерогатива Неба, законодательство и смуты – человека» [19, с. 329-332].

Китайские мыслители всегда были увлечены познанием предопределения, как на дофилософском, так и на философском этапе своего

развития. Способы познания судьбы очень различались, но очевидна общая историческая тенденция развития – от мантической практики к рациональным способам познания. Идея Конфуция (основоположника основного философского течения китайской мысли) о необходимости «познания предопределения» (*чжи мин*) для «благородного мужа» (*цзюнь цзы*) никогда не ставилась под сомнение [4, с. 219-220].

Наряду с очевидной конфуцианской склонностью к познанию динамического аспекта судьбы-*мин* в средневековом даосизме появилось своего рода субстантивированное понятие судьбы, в котором большее значение получило не столько движение вещи или человека по пути их бытия, сколько набор их свойств [4, с. 219-220]. Коль скоро коренным свойством всех вещей является существование, то все они наделялись судьбой. Для всего живого, естественно, общей чертой была жизнедеятельность, отсюда вытекает значение *жизнь* иероглифа *мин* в современном слове *шэн-мин* (生命) с тем же смыслом [2, с. 189].

По сути обе составляющие первоначального понятия *тяньмин* совершили эволюцию в свою противоположность. Общее всем Небо, говорящее языком многочисленного народа, превратилось в индивидуальную природу отдельного человека, приобретя словесную оболочку в иероглифе *син* (性). Приказ же, посылаемый Небом исключительно одному правителю либо отдаваемый правителем, но адресованный конкретному исполнителю, превратился во всеобщую жизненность *мин*. Преобразованный «мандат Неба» остался основной темой китайской философии, где всегда решался вопрос о соотношении «индивидуальной природы» (*син*) и «судьбы» (*мин*). Сочетание иероглифов *синмин* (性命) в современном китайском языке также приобрело значение *жизнь* [4, с. 193]. Это понятие не только полностью покрывает указанную выше *жизнь-шэнмин* в биологическом или темпоральном значении, но и несет дополнительный смысл целенаправленности, так что китайская философская проблема *син-мин* оказывается в некоторой степени близка русскому вопросу о смысле жизни.

Литература

1. Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (VI–IV вв. до н.э.) / вступ. ст., пер. и коммент. Л.Д. Позднеевой. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1967.

2. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / под ред. И.М. Ошанина. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1983. Т. 2.

3. Кобзев А.И. Даосизм // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. [Т. 1]: Философия. – М.: Вост. лит., 2006. – С. 232-236.

4. Кобзев А.И., Юркевич А.Г. Мин // Китайская философия. Энциклопедический словарь. – М.: Мысль, 1994. – С. 219-220.

5. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова; вступ. ст. Л.С. Переломова. – М.: Вост. лит., 2004.

6. Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. – М.: Вост. лит., 2010.

7. Кравцова М.Е. Представления о верховной власти и правителе // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. [Т. 2]: Мифология. Религия. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 90-99.

8. Кравцова М.Е., Кучера С. Шан-ди // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. [Т. 2]: мифология. Религия. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 738-739.

9. Крюков В.М. Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. – М.: Памятники исторической мысли, 2000.

10. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблема этногенеза. – М.: Наука, Главн. ред. вост. лит., 1978.

11. Кучера С. Конфуцианский трактат «Сяо цзин» («Каноническая книга о сыновней почтительности»). Главы 1-6, 8, 9 (предисловие, переводы, комментарий) // Кучера С. История, культура и право Древнего Китая: собрание трудов. – М.: Наталис, 2012. – С. 197-230.

12. Лю Цзунъюань. Слово о Небе; Федорук В. Трактат Неба в литературном творчестве Лю Цзунъюаня («Слово о Небе») // Проблемы восточной философии. – М., 1979.

13. Лю Цзун-юань. Рассуждения о Небе // Хань Юй, Лю Цзун-юань. Избранное / пер. с кит. И. Соколовой. М.: Художественная литература, 1979.

14. Люйши Чунью (Весны и осени господина Люя) / пер. Г.А. Ткаченко, сост. И.В. Ушакова. – М.: Мысль, 2010.

15. Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. – М.: Мысль, 1995.

16. Читая книгу: древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / подгот. древнекит. текстов и ил., пер., прим. и предисл. В.М. Майорова; послесл. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. – М.: ИДВ РАН, 2014.

17. Шицзин. Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; коммент. А. Штукина. – М.: Худож. лит., 1987.

18. Юркевич А.Г. Сань цай // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. [Т. 1]: Философия. – М.: Вост. лит., 2006. – С. 378-382.

19. Юркевич А.Г. Тянь // Китайская философия. Энциклопедический словарь. – М.: Мысль, 1994. – С. 329-332.

20. Liu Zong-yuan (773-819), A Theory of Heaven // An anthology of Chinese literature: beginning to 1911 / Ed. and tr. by Stephen Owen. N.Y.; L., 1996.

21. The Literary Mind and the Carving of Dragons: A Study of Thought and Pattern in Chinese Literature / Translated and annotated by Vincent Yu-chung Shih. Hong Kong, 1983.

Примечания

1. Более точная датировка нами не приводится по причине расхождения в датах правления, встречаемых в разных источниках. Подробнее об этом см. [6, с. 100-106]. На с. 105 данного издания приводится сводная таблица различных датировок правления первых десяти правителей Чжоу.

2. [15, гл. 12 «Небо и земля», с. 127]: «В глубокой древности миром управляли лишь Недеянием и Небесным Совершенством». Ср. пер. Л.Д. Позднеевой этой же фразы «В далекой древности управляли Поднебесной недеянием, одними лишь природными свойствами» в [1].

Стеженская Лидия Владимировна, научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии Института Дальнего Востока РАН. E-mail: stezh@rambler.ru

Stezhenskaya Lydia Vladimirovna, researcher at Center of comparative studies on North-East Asia civilizations, Institute of Far Eastern Studies. E-mail: stezh@rambler.ru

УДК1(031)+221Д85

© Ч.Ц. Цыренов

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПОЛЕМИКА КОНФУЦИАНЦА ХЭ ЧЭНТЯНЯ И БУДДИСТА ЯНЬ ЯНЬЧЖИ (IV–V ВВ. Н.Э.)

В статье на основе авторского перевода предложена реконструкция понятийного аппарата философской переписки китайских мыслителей раннего средневековья (Хэ Чэнтянь (370–447 гг. н.э.) и Янь Яньчжи (384–456 гг. н.э.)), в которой они вели полемику о сущности буддизма и конфуцианства.

Ключевые слова: китайский буддизм, южные династии Восточная Цзинь (317–420 гг.) и Лю Сунн (420–479 гг.), Хэ Чэнтянь, Янь Яньчжи, учение о трех великих силах (сань цай), совершенные мудрецы (шэнжэнь), все живое (кит. чжуншэнь, санскр. саттва), воздаяние.

Ch. Ts. Tsyrenov

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL POLEMIC BETWEEN CONFUCIANIST HE CHENGTIAN AND BUDDHIST YAN YANZHI (IV–V CENT. AD)

On the basis of the author's translation proposed reconstruction of the conceptual system of philosophical correspondence Chinese thinkers of early Middle Ages (He Chengtian (370–447 AD) and Yan Yanzhi (384–456 AD)), in which they argued on the essence of Buddhism and Confucianism.

Keywords: Chinese Buddhism, Eastern Jin dynasty (317–420 AD), Liu Song dynasty (420–479 AD), He Chengtian, Yan Yanzhi, the doctrine of the three great powers (san cai), sages (sheng ren), all living (chin. zhongsheng, skt. sattva), reward.

Как известно, буддийское учение, проникнув в Китай, столкнулось с традиционными философскими учениями ханьского конфуцианства и даосизма, которые встретили его враждебно. Это вызвало бурные полемики между ними, которые протекали в условиях долгого процесса перевода, интерпретации индо-буддийских сочинений и адаптации буддийской религиозно-философской традиции к социокультурной среде раннесредневекового Китая. Полемики между буддистами и

представителями местных учений продолжались и в период южных и северных царств, возникших после Поздней Хань и Троецарствия. Для выяснения отношений между противниками и сторонниками буддизма правители царств организовывали придворные религиозно-философские дискуссии о сущности буддийского учения. При этом, как правило, обе противоборствующие стороны были представлены китайцами. Имена сторонников и противников буддизма отражены в таблице 1.

Таблица 1

Противники буддизма (конфуцианцы и даосы)	Сторонники буддизма (китайские монахи и буддисты-миряне)
Цай Мо (312–387), сановник-конфуцианец, первый лидер антибуддийской пропаганды	Даоань (312–385), переводчик индо-буддийской литературы.
Хуэйлинь (сер. 4 в. – нач. 5 в.), сановник, принявший буддизм, но позже написавший антибуддийское сочинение «Рассуждения о белом и черном [учениях]» («Бай хэй лунь»).	Хуэйюань (334–416), ученик Дао Аня, переводчик, первый патриарх школы Чистой земли. Автор ряда основополагающих синобудд. сочинений («Рассуждения о тroyаком воздаянии», «Разъяснения воздаяния и отклика» и «Монах не должен почитать императора» и т.д.).
Хэ Чэнтянь (370–447), сановник-конфуцианец, математик, астроном. Автор антибуддийского сочинения «Рассуждения о постижении сущности-син» («Да син лунь»).	Чжэн Сяньчжи (364–427), автор «Рассуждений о бессмертности души» («Шэнь бу ме лунь»).
Фань Е (398–445), сановник-конфуцианец, считается автором летописи «Хоуханьшу».	Цзун Бин (375–445), будд. монах, живописец, автор сочинения «О разъяснении буддизма» («Мин фо лунь»).
Гу Хуань (420–483), даос, автор сочинения «О варварах и китайцах».	Янь Яньчжи (384–456) буддист, оппонент Хэ Чэнтяня.
Фань Чжэнь (450–510/515), сановник-конфуцианец, автор «Рассуждения о смертности души» («Шэнь ме лунь»).	Сяо Чэнь (476–512), сановник-буддист, оппонент Фань Чжэня. Автор соч. «Опровержение "Рассуждений о смертности души"» («Нань шэнь ме лунь»).

Хронологические рамки исследования охватывают период династий Восточной Цзинь и Лю Сун и отражены в таблице 2.

Таблица 2

	Сев. дин. (не кит.)	Сев. Вэй (386–534)	Поздняя Цинь (384–417)		
Ди-настии	Зап. Цзинь (265–316 гг.)				
	Южн дин. (кит.)	Вост. Цзинь (317–420)	Лю Сун (420–479) 1. Сун У-ди (420–422) 2. Сун Шао-ди (422–423) 3. Сун Вэнь-ди (424–453)	Южн. Ци (479–502)	Южн. Лян (502–557)
		Хуйюань (334–416), будд. патриарх	Хуэйлинь (?–?), придворный монах-буддист, инициатор антибуддийской компании Хэ Чэнтянь (370–447), конфуцианец, лидер антибуддийской пропаганды	Сяо Цзылян (460–493), буддист-мирянин Фань Чжэнь (450? –510/515), конфуцианец	
		Янь Яньчжи, буддист-мирянин (384–456)		Сэнью (445–518) придворный будд. историограф, составитель первой будд. антологии «Хун мин цзи»	
		Цзун Бин (375–443), будд. монах		Шэнь Юэ (441–513), буддист	

Суть полемики между буддистами и представителями местных учений наиболее характерно отразилась в споре между сановником-

конфуцианцем Хэ Чэнтянем и сановником-буддистом Янь Яньчжи.

В отечественной и западной научной литературе философская переписка Хэ Чэнтяня и Янь Яньчжи, несмотря на ряд публикаций, осталась малоизученной, за исключением российских ученых Е.В. Еремеева и М.Е. Кравцовой (словарные статьи о Хэ Чэнтяне и его трудах [1]) и американской ученой Тины Мэри Гардинг (поэтическое творчество Янь Яньчжи [10]). Из китайских исследователей следует выделить Жэнь Цзинюя, Тан Ицзе и Ян Юйцзиня (жизнь и творчество Хэ Чэнтяня [5, 6, 3]), а также Шэнь Юйчэна (биография и поэзия Янь Яньчжи).

Биографические сведения о Хэ Чэнтяне и Янь Яньчжи сохранились в династийной хронике «Сун шу» (раздел Лечжуань, гл. 24 и 33 соответственно), написанной сановником-буддистом Шэнь Юэ (441–513 гг.). Из официальных жизнеописаний Хэ Чэнтяня и Янь Яньчжи видно, что оба оппонента относились к северным аристократическим кланам, которые вместе с цзиньским правящим домом переселились на Юг (за р. Янцзы, 308–316 гг.), спасаясь от северных кочевников, захвативших весь Северный Китай. И Хэ Чэнтянь, и Янь Яньчжи родились уже в Южном Китае и, судя по всему, даже не были на малой родине своих предков. При этом нужно отметить, что клан Янь (в отличие от клана Хэ) утратил на Юге свой престиж при цзиньском дворе. Тем не менее при следующей династии (Лю Сун) Янь Яньчжи, несмотря на отсутствие покровителей, смог сделать хорошую придворную карьеру именно по причине низкого положения своего некогда влиятельного клана, т.к. он уже не мог представлять опасности для сунских императоров, возможно, свою роль

сыграло и поэтическое творчество Янь Яньчжи. Что же касается клана Хэ, то его представители занимали высокие посты не только при Восточной Цзинь, но и при Лю Сун, так как Хэ Чэнтянь в смутное время конца династии Восточная Цзинь вовремя примкнул и оказал помощь основателю сунской династии генералу Лю Юю. Тем не менее в конце концов Хэ Чэнтянь был разжалован за разглашение секретного императорского указа о своем назначении на новую должность. Необходимо отметить, что Хэ Чэнтянь был ревностным сторонником точных методов познания и не признавал религиозную картину мира (он внес большой вклад в развитие календарной астрономии, математики, теории музыки и т.д.). Помимо этого известно, что Хэ Чэнтянь хорошо играл на щипковом инструменте чжэн, а также мастерски играл в облавные шашки (вэйци). Поэтических сочинений Хэ Чэнтянь не писал, хотя в те времена поэтический дар высоко ценился при дворе. Что касается Янь Яньчжи, то он был склонен к гуманитарным наукам (поэзия, литература, живопись и религия). Кроме того, он близко общался с такими корифеями поэзии, как Се Линьюнь (385–433 гг.) и Тао Юаньмин (365–427 гг.). Примечательно то, что Шэнь Юэ (автор официальной биографии буддиста Янь Яньчжи в «Сун шу»), сам будучи буддистом, не упомянул о буддийских воззрениях Янь Яньчжи. В период переписки Хэ Чэнтяня и Янь Яньчжи оба занимали высокие должности в цензорском ведомстве.

Основные даты жизни Хэ Чэнтяня и Янь Яньчжи отражены в таблице 3.

Таблица 3

	Хэ Чэнтянь (370–447)	Янь Яньчжи (384–456)
Государи династий Вост. Цзинь и Лю Сун	Основные события	Основные события
7-й государь Вост. Цзинь Фэй-ди (365–371)	370 г. Дата рождения Хэ Чэнтяня.	
8-й государь Вост. Цзинь Цзяньвэнь-ди (371–372)	375 г. Хэ Чэнтянь лишился отца.	384 г. Дата рождения Янь Яньчжи.
9-й государь Сяо У-ди (372–396)	406 г. Хэ Чэнтянь примкнул к группировке генерала Лю Юя (363–422), будущего основателя южной дин. Лю Сун (420–479), и сделал карьеру при этой династии.	Янь Яньчжи лишился отца, придворная карьера оказалась под вопросом. 415 г. Янь начал чиновничью службу. Был в дружеских отношениях с поэтами Се Линьюнем (385–433) и Тао Юаньмином (365–427)
10-й государь Ань-ди (396–418)		
11-й государь Гун-ди (419–420).		
Лю Сун (420–479)		
1. Сун У-ди (420–422)	Служба в южных инородческих областях в должности военного советника.	Лю Юй назначил Яня придворным служащим при наследнике престола.
2. Сун Шао-ди (422–	Служба в южных инородческих	424 г. Сун Шао-ди понизил Яня в должности

423)	областях в должности военного советника.	(назначил губернатором отдаленной области Ши-ань).
3. Сун Вэнь-ди (424–453)	430 г. Хэ Чэнтянь получил должность Хэньянского канцлера (нэй-ши). 442 г. Хэ Чэнтянь был назначен по совместительству ученым государственной Академии. В 440-х годах Хэ написал антибуддийское сочинение «Бао ин вэнь» («Вопросы о воздаянии и ответе»). 447 г. Хэ Чэнтянь был смещен с должности за разглашение тайного императорского указа о своем новом назначении. В том же году он ушел на покой и скончался.	426 г. Сун Вэнь-ди расправился с союзниками прежнего императора и отозвал Яня из области Шиань, а также присвоил ему высокое звание <i>Великий муж с золотой печатью и пурпурным шнуром</i> (цзиньцзы гуанлу дафу). 434 г. Янь Яньчжи из-за интриг оставил службу. Позже он был назначен главой цензора. 435 г. Янь Яньчжи написал опровержение на сочинение Хэ Чэнтяня «Да син лунь».
Примечания	Государственный деятель, ученый-конфуцианец. Представитель влиятельного северного аристократического клана. Автор важных научных трудов по астрономии, математике и теории музыки. Предшественник Фань Чжэня.	Государственный деятель, буддист, литератор, поэт. Представитель обедневшего северного аристократического клана. Известно, что Янь Яньчжи был вегетарианцем и в письмах к Хэ Чэнтяню писал об отказе от мясной пищи и забоя скота в контексте доказательства учения о воздаянии.

На основе вышеприведенных дат и событий можно установить примерное начало переписки Хэ Чэнтяня и Янь Яньчжи. Ответное опровержение, написанное буддистом Янь Яньчжи, было в 435 г. В этом письме Янь Яньчжи назвал Хэ Чэнтяня титулом Хэньянский тайшоу (губернатор), который был ему присвоен в 430 г.

Таким образом, хронологически рамки создания этого произведения ограничены датой присвоения Хэ Чэнтяню титула Хэньянский тайшоу (430 г.) и датой появления сочинения-опровержения, написанного буддистом Янь Яньчжи (435 г.).

Судя по всему, взгляды Хэ Чэнтяня о смертности души были обусловлены идеями ханьского философа-материалиста Хуань Тая (43 г. до н.э. – 28 г. н.э.) и его последователя Ван Чуна (27 – ок.104 гг. н.э.) о неизбежности смерти всех живых существ как о всеобщем законе природы. Этот закон распространяется не только на тело, но и на душу человека, так как тело и душа, по Хэ Чэнтяню, неразрывно связаны между собой. Необходимо отметить также, что Хэ Чэнтянь подвергал критике не только буддийское учение о перерождении душ и воздаянии за поступки, но также и даосское алхимическое искусство продления жизни.

Хэ Чэнтянь написал свое антибуддийское письмо-сочинение «Да син лунь» в поддержку сунского сановника-монаха Хуэйлиня (автора «Хэй бай лунь») и против Цзун Бина (автора «Мин фо лунь»).

Конфуцианцы и даосы стремились подорвать фундамент, на котором основаны буддийские религиозно-философские концепции (учение о воздаянии, учение о бесконечных перерождениях в сансаре, учение о бессмертии души и т.д.). Фундаментом всех этих концепций антибуддисты считали концепцию бессмертия души, так как без нее все остальное не имеет смысла. По словам Л.Е. Янгута, «идея неуничтожимости духа стала одной из наиболее обсуждаемых тем в китайском буддизме. Причиной для ожесточенных споров вокруг этой проблемы стала буддийская идея о перерождении, понимаемая не как переселение души, поскольку буддизм отрицал ее наличие, а комбинация дхарм, обусловленная кармическим воздаянием. Китайцам трудно было понять эту идею, поэтому отдельные последователи буддизма полагали, что в основе всех перерождений лежит неуничтожимая духовная субстанция».

Таблица 4

Схема переписки Хэ Чэнтяня и Янь Яньчжи

Хэ Чэнтянь	Янь Яньчжи
1 а. 达性论. «Да син лунь» («Рассуждения о постижении изначальной природы [человека]»)	1 б. 释达性论. «Ши да син лунь» («Относительно "Рассуждений о постижении изначальной природы [человека]"»)
2 а. 答颜永嘉. «Да Янь юн цзя» («Ответ сановнику Яню»)	2 б. 重释何衡阳. «Чун ши Хэ Хэньян» («Повторные размышления о сочинении Хэ Хэньяна»).
3 а. 重答颜永嘉. «Чун да Янь Юнцзя» («Повторный ответ сановнику Яню»)	3 б. 又释何衡阳. «Ю ши Хэ Хэньян» («Снова размышляю о сочинении Хэ Хэньяна»)

По всей видимости, конечная цель Хэ Чэнтяня в «Да син лунь» заключалась в опровержении буддийского учения о воздаянии, а также связанного с ним учения о бессмертии души. Для этой цели Хэ Чэнтянь привлек конфуцианское учение о

трех великих силах (сань цай): Небо, Земля и Человек (в первую очередь император). Содержание переписки Хэ Чэнтяня и Янь Яньчжи отражено в таблице 5.

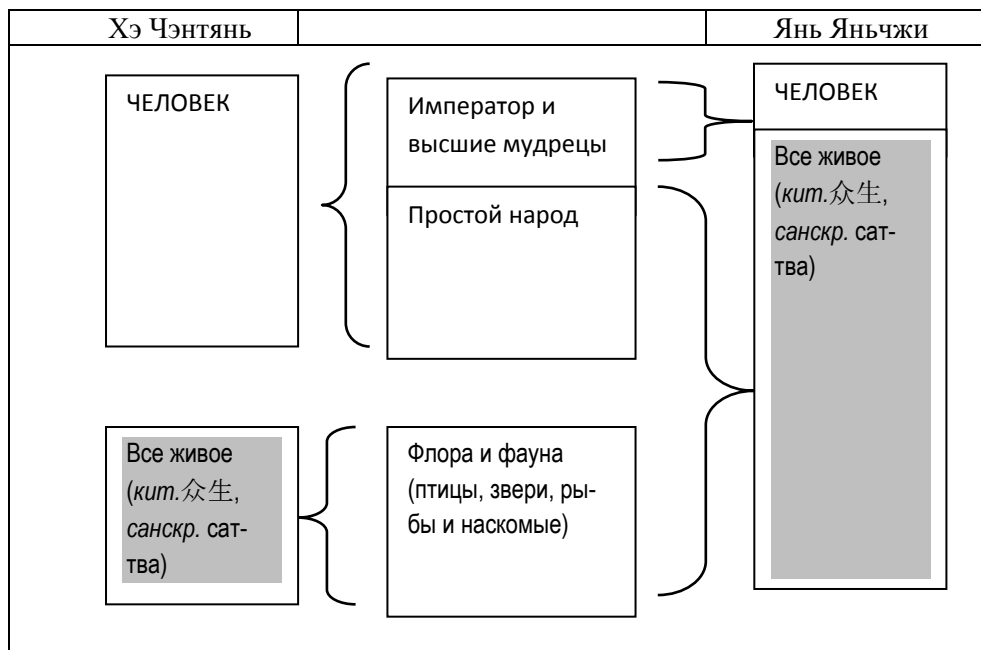
Таблица 5

Хэ Чэнтянь	Янь Яньчжи
Учение о трех силах и проблема содержания термина <i>чжуншэн</i>	
<p>Три силы сотворили все остальные вещи (живые существа и предметы). При этом Хэ Чэнтянь подчеркивает равноправие всех трех сил Вселенной («Без Неба и Земли Человек не смог зародиться и выжить, без Человека Небо и Земля не были бы одухотворены-лин»).</p> <p>Необходимо отметить, что концепция трех сил впервые встречается во втором чжане древнего комментария к сочинению «Чжоуские перемены» («Чжоу и»), позднее названному «Канон перемен».</p> <p>Хэ Чэнтянь стремился вывести всех людей из понятия «чжун шэн» и возвысить их (в первую очередь императора) над миром животных и растений. Учение о трех силах было призвано подчеркнуть высший статус человека (равный Небу и Земле) и отграничить людей от братьев своих меньших (птиц, зверей и насекомых). Этот антропоцентричный тезис давал Хэ Чэнтяню моральное право утверждать, что человек, как венец природы, может отнимать жизнь у других живых существ для поддержания своей жизни. Это право подтверждалось и тем, что мудрый и человеческий император ограничивал сезонные сроки, объемы и способы эксплуатации живых существ (охота на птиц и животных, рыбная ловля, вырубка леса и т.д.). Из этого тезиса о разумном, умеренном и щадящем использовании природной флоры и фауны логически вытекает и неправомерность буддийского воздаяния. А это, в свою очередь, подрывает и дискредитирует основы буддийского вероучения, что и является главной целью антибуддийской пропаганды (схемы 1 и 2).</p>	<p>Янь Яньчжи не стал полностью отвергать картину мира Хэ Чэнтяня (три силы и все живое), но решил, сохраняя общий принцип разделения мира по Хэ Чэнтяню, сократить объем понятия «человек» до императора и совершенных мудрецов, а остальных, менее достойных людей, он перевел в разряд «чжун шэн» («все живое»). А отсюда следовало, что право на убийство оставалось только у императора и совершенных мудрецов, тогда как простолюдины уже не могли этого сделать, так как животные и насекомые имели равное с простолюдином право на жизнь. Все эти построения буддиста имели целью отразить аргумент Хэ Чэнтяня для отрицания воздаяния за убийство. Янь Яньчжи писал Хэ Чэнтяню, что в буддийском термине «чжун шэн» («все живое») нет никакого оттенка пренебрежения, так как все живые существа равны в своих правах. Для подкрепления и обоснования правомерности термина «чжун шэн» Янь Яньчжи ввел синонимичный термин «хань ши», т.е. «обладающие сознанием». Иными словами, оппоненты выдвинули два альтернативных основания классификации живых существ.</p> <p>Необходимо признать, что попытка Хэ Чэнтяня возвысить всех людей до высшего идеала выглядит явно неудачной. Тогда как Янь Яньчжи разграничивает все множество людей на истинных мудрецов и заурядных людей, которые по большому счету не отличаются от братьев меньших и соответственно не могут лишать их жизни (схема 1 и 3).</p>
Воздаяние за добро и зло	
<p>Хэ Чэнтянь критиковал буддийское учение о воздаянии за формирование у людей корыстной мотивации для совершения благодеяний (как средство достижения личного благополучия). Сам Хэ Чэнтянь считал, что надо претворять человечность</p>	<p>Янь Яньчжи: буддизм не формирует корыстную мотивацию для благодеяний: просто совершенномудрые творят добро по зову сердца, а заурядные люди исходят из корыстных побуждений. Т.е. вся проблема в природе заурядных людей.</p>

и справедливость, не думая и не надеясь на благое воздаяние.	Для подкрепления тезиса об истинности буддийского закона воздаяния Янь Яньчжи привлек своеобразный традиционный принцип подобия вещей и явлений (<i>кит.</i> тун лэй). Согласно этому принципу, вещи и явления одного рода взаимосвязаны, а потому резонируют (гань) и притягиваются друг другу. Отсюда Янь Яньчжи выводит, что благие мысли и деяния человека притягивают к нему благое воздаяние. Кроме того, во втором письме Янь Яньчжи ссылается на цитаты из трактатов «Чжуанцзы» и «Сюньцзы». Причем в последнем сочинении в контексте воздаяния упоминается термин лэй («род, категория»).
Критерии классификации живых существ	
Моральные качества (человечность-жэнь и долг-и), т.е. сравнительно узкий критерий	Биоцентричные критерии (феномен жизни-шэн и сознания-ши), т.е. расширенный критерий.
Жизнь и смерть	
По Хэ Чэнтяню, все, что рождается, заканчивается со смертью подобно смене весеннему расцвету и осеннему увяданию в природе. Этот закон касается и души.	Для опровержения аналогии Хэ Чэнтяня Янь Яньчжи допускает вывод о том, что человек умирает так же, как и травы с деревьями. Но это допущение-вывод противоречит словам Хэ Чэнтяня о вознесшихся душах трех императоров. А значит, и сама исходная аналогия ошибочна.
Об истинности концепции перерождений души	
После смерти тела человека, остается дух-гуй, но он не перерождается в сансаре(так как ее нет), а блуждает в мире людей.	Тезис о блуждающих духах-гуй сомнителен, так как духи не могут бесконечно блуждать в мире людей. Более убедительной является буддийская концепция (духи перерождаются в человека или животного/насекомого в зависимости от прижизненных деяний человека).

На схеме 1 отражена интерпретация термина *чжуншиэн* в письмах Хэ Чэнтяня и Янь Яньчжи.

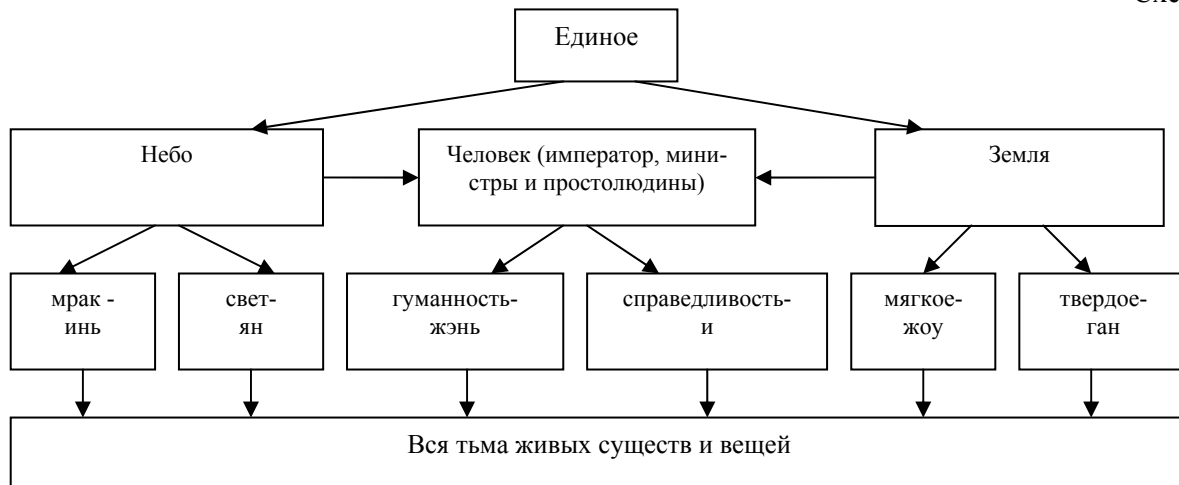
Схема 1

На схеме 2 приводится картина мира, описанная у Хэ Чэнтяня в «Да син лунь».

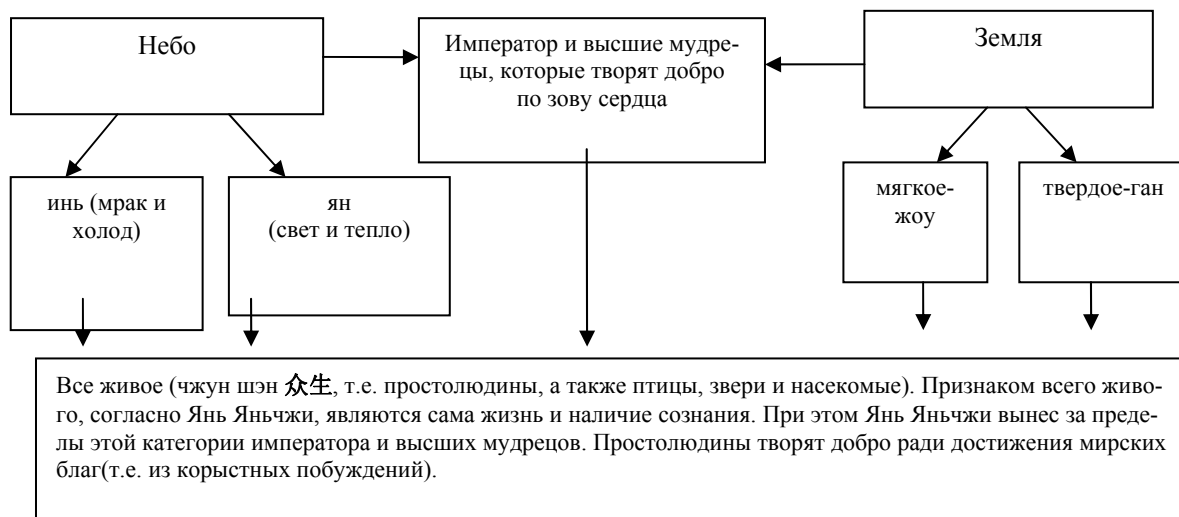

Схема 2

На схеме 3 отражена картина мира, предложенная буддистом Янь Яньчжи в «Ши "Да син лунь"».

Схема 3

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, определено, что в основе понятийного аппарата трех писем Хэ Чэнтяня лежало древнее конфуцианское учение о трех силах (сань цай: Небо, Земля и Человек), где человек (прежде всего император) возвышается над миром животных и насекомых (чжун шэн) и имеет право отнимать жизни у всех остальных более низших существ. Отсюда следует, что буддийское учение о воздаянии за лишение жизни низших существ неправомерно, ложно и бессмысленно. Необходимо отметить и противоречия в рассуждениях Хэ Чэнтяня. Так, он утверждал, что смерть тела влечет за собой смерть души (соответственно загробного воздаяния не существует), а рождение и смерть он сравнивал с естественной сменой времен года в природе (весенний расцвет и осеннее увядание). В то же время он упомянул трех мифи-

ческих императоров, чьи души не исчезли после смерти, а вознеслись на Небо. Самым слабым местом было включение всех людей в понятие «человек», на что и указал оппонент Хэ Чэнтяня. Следует отметить, что Хэ Чэнтянь активно использовал также и традиционную китайскую мифологию для подкрепления своих суждений (души трех мифических императоров вознесшихся на Небо, проявление четырех добрых предзнаменований как признак мудрого и справедливого правления и т.д.).

Необходимо отметить также, что Хэ Чэнтянь подвергал критике не только буддийское учение о перерождении душ и воздаянии за поступки, но также и даосское алхимическое искусство продления жизни.

Во-вторых, определено, что выдвинутая Хэ Чэнтянем в «Да син лунь» концепция трех сил

впервые встречается в древнекитайском сочинении «Чжоуские перемены» («Чжоу и»), позднее названном «Канон перемен» («И цзин»). Хэ Чэнтянь подверг критике буддийское учение о воздаянии с позиций традиционного конфуцианства и поставил буддистов в очень трудное положение, однако сунский император Вэнь-ди (годы правления 424–453 гг.) все-таки встал на сторону буддистов. Эту поддержка объясняется чисто прагматическими потребностями правителя в стремлении к социально-политической стабильности в стране.

В-третьих, определено, что последнее слово в переписке осталось за Янь Яньчжи. Хэ Чэнтянь не смог в полной мере дать убедительные прямые ответы на возражения китайского буддиста. Победа Янь Яньчжи в данной полемике была обусловлена слабыми местами в самой конфуцианской традиции, в которой есть упоминание о душах трех императоров, вознесшихся за свои заслуги на Небо, а также о духах-гуй, живущих после смерти человека. Хэ Чэнтянь не смог отказаться от этих традиционных представлений о душе и потому его доказательства ложности буддизма содержали в себе серьезные противоречия. Кроме того, попытки Хэ Чэнтяня возвысить человека (включая мелких людей «сяожэнь») над остальным животным миром и тем самым обосновать право на лишение жизни окончились неудачей. Определено, что Янь Яньчжи в своих письмах не пытался полностью отвергнуть учение о трех силах, а всего лишь пытался внести небольшие изменения в один из элементов указанной триады. Центральным пунктом полемики между Хэ Чэнтянем и Янь Яньчжи стал вопрос об объеме и соотношении понятий «человек» (жэнь) и «все живое» (чжун шэн).

Примечание

1. В сочинении «Бай хэй лунь» («Рассуждения о белом и черном [учениях]») под белым учением

Хуэйлинь подразумевал конфуцианство и даосизм, а под черным учением – буддизм.

2. Янгутов Л.Е. О роли шести школ и семи направлений (六家七宗, лю цзя ци цзун) в становлении философских принципов буддизма в Китае // Вестник БНЦ. – 2011. – № 4. – С. 144.

Литература

1. Еремеев В.Е., Кобзев А.И. Хэ Чэнтянь // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – С. 891.
2. Кравцова М.Е. Хэ Чэнтянь // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 1. Философия. – С. 519.
3. Жэнь Ци-юй. Чжунго чжэсюэ ши (История китайской философии). – Пекин, 1979.
4. Лю Лифу. Хун дао мин цзяо: «Хунминцзи» Исследование. – Пекин, 2004. – С. 132-135.
5. Тан И-цзе. Хэ Чэнтянь // Чжунго гудай чжумин чжэсюэцзя пин чжуань. Сюй бянь (Критические биографии знаменитых древнекитайских философов). Кн. 2. Цзинань, 1982. – С. 397-437.
6. Хунминцзи / сост. Сэнью; пер. Лю Лифу, Ху Юн. – Пекин, 2011. – С. 107-115.
7. Ян Юйцзинь. Цзечудэ сысянцзя, кэсюэцзя Хэ Чэнтянь // Шандун дан-ань. – 1997. – № 2.
8. Янгутов Л.Е. О роли шести школ и семи направлений (六家七宗, лю цзя ци цзун) в становлении философских принципов буддизма в Китае // Вестник БНЦ. – 2011. – №4. – С. 144.
9. Ancient and Early Medieval Chinese Literature (vol.I): A Reference Guide, Part One / edited by David R. Knechtges, Taiping Chang. Brill. 791. – P. 354-356.
10. Needham J. Science and Civilisation in China. – Vol. III. Cambridge, 1959.
11. Echoes of the Past: Yan Yanzhi's (384–456) Lyric Shi By Tina Marie Harding, Ph.D., University of Colorado at Boulder, 2007. – 254 p.

Статья написана при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН Проект 33.4, номер гос. регистр. 01201252890.

Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела философии, религиоведения и культурологии ИМБТ СО РАН. E-mail: chts17@mail.ru

Tsyrenov Chinghis Tsybikdorzhievich, candidate of history science, junior researcher of the Department of Philosophy, Religion and Culturology of IMBT SB RAS. E-mail: chts17@mail.ru

АДВЕРБИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЙ
МОНГОЛЬСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Одной из функций, выполняемых деепричастными формами в языках, входящих в алтайскую семью языков, является функция обстоятельства. В данной статье рассматривается функция обстоятельства в монгольском и турецком языках в сравнительном ключе.

Ключевые слова: деепричастия, монгольский язык, турецкий язык, функция обстоятельств, грамматика

M.Z. Bilikova

ADVERBIAL FUNCTIONS OF PARTICIPLES
IN MONGOLIAN AND TURKISH

The one of functions of participles in languages of the Altaic Language Family is a function of adverb. The article is devoted to adverb function in Mongolian comparing with the same one in Turkish.

Keywords: participles, Turkish, Mongolian, adverb functions, the grammar.

Как известно, обстоятельство – это зависимая синтаксическая позиция в составе словосочетания или предложения или словоформа с признаковым значением, занимающая данную позицию. Обстоятельство характеризует действие или состояние со стороны условий осуществления, а также определяет активный или пассивный признак в качественном либо в количественном отношении. Кроме этого, обстоятельство, будучи второстепенным членом предложения, служит для характеристики признака чего-либо или указания на пространственно-временную локализованность чего-либо.

В монгольском и турецком языках в функции обстоятельства встречаются наречия, качественные прилагательные, имена существительные и числительные, образительные слова, некоторые причастия и причастные конструкции, а также деепричастия и деепричастные конструкции. В данном случае мы рассматриваем деепричастия и деепричастные конструкции в функции обстоятельств.

В монгольском языке обстоятельственную функцию чаще выполняют обстоятельственные деепричастия и деепричастия смешанной группы, в турецком языке – все деепричастные формы, кроме деепричастий на *-(y)ır* и на *-(y)arak*.

Как в монгольском, так и в турецком языках наблюдаются случаи употребления сопутствующих деепричастий в функции обстоятельств образа действия. В основном в данной функции сопутствующие деепричастия выступают, если предшествуют непосредственно определяемому глаголу, например, монг. *гэтэл Дагдангийн эхнэр зургаан ханатай том гэгчийн цагаан гэрээс*

гарч ирээд, их л хүйтэнээр хялайн харж... нуруун дунд нь цохиж аваад... (Д. Нацагдорж. Цагаан сар ба хар нулимс) «вдруг жена Дагдана, выйдя из огромной шестистенной белой юрты, холодно покосившись... ударив по спине...». В приведенном примере соединительное (гарч), слитное (хялайн) деепричастия обозначают не действия, которые предшествуют или происходят параллельно последующему действию, а характеризуют его

с точки зрения образа действия. В турецком языке сопутствующие деепричастия *-(y)ır* и *-(y)arak* также могут выражать обстоятельство образа действия, например, *...diye bana sesi titreyerek söyledi* «...сказала мне дрожащим голосом» (досл. «дрожа голосом, сказала»), *koşup gitti* «выбежал».

Как упоминалось выше, монгольские обстоятельственные деепричастия в отличие от сопутствующих выполняют только функции обстоятельств условия, цели, предела, образа действия, времени и т.д. [1, с. 239]. Например, *...яаран ташуурыг тулан босмогц, ар талаас гэнэт буугийн дуу тасхийж даруйцаар хоер удаа дуугарахад...* (Д. Нацагдорж. Үзэгдээгүй юм) «...как только торопливо встал, опираясь на кнут, вдруг сзади два раза прозвучал выстрел...»; *...ном унишхаар хүүхнийг дагалдан, түүний гэрийн зүг одов.* (Д. Нацагдорж. Ламбагуйан нулимс) «...следуя за девочкой, чтобы читать молитвы, пошел в сторону его дома»; *...энгэр дээрээ төвд үсэг бичсэн цагаан бөс хадсаныг үзвэл, үнэхээр сэжиглэлтэй...* (Д. Нацагдорж. Үзэгдээгүй юм) «...а если посмотреть на белую ткань с тибетскими буквами на груди,

действительно подозрительно...»; *Зуны цагт баруун дамнуурчны таван гудамжны шавар үлэмж, үнэр ханхлах нь үнэхээр түмэн багц хүжийг шатаавч үл дарагдмаар* (Д. Нацагдорж. *Ламбагуйан нулимс*) «Запах, издаваемый излишней грязью пяти улиц западного квартала носильщиков в летнее время, не перебить, даже если и зажечь десять тысяч пучков благовоний».

В сложных предложениях обстоятельственные деепричастия образуют подчинительную связь. Кроме того, обстоятельственные деепричастия с зависимыми словами составляют зависимую предикативную единицу, выражающую обстоятельственные отношения, где сами деепричастия непосредственно выполняют функцию сказуемого.

В турецком языке к деепричастиям, выполняющим только обстоятельную функцию, относятся следующие формы: деепричастие на -(у)а, деепричастие на -(у)аl и деепричастие на -casına, которые выражают в предложении обстоятельства образа действия, времени, например, *halk bağıra çağıra kaçtağa başladı* (ПГ Тур. яз., с. 297) «Люди, крича и стона, бросились бежать»; *üniversiteyi bitireli arkadaşlarımla hiç görüşmedim* (Э.Г., с. 28) «С тех пор, как я закончил университет, с друзьями так и не виделся»; *toprakların arasında sanki yalvarcasına köylünün yüzüne bakıyormuş* (З.О.2, с. 13) «на земле [она], словно умоляя, смотрела в лицо крестьянина».

Деепричастия смешанного характера монгольского языка также достаточно часто выполняют функции обстоятельства времени, предела, образа действия, например, *...ирснээс хойш хэдэн жилийн дотор ер ч амарсангүй, бие сэтгэлийн зовлонг цадтал үзжээ* (Д. Нацагдорж. *Цагаан Сар ба хар нулимс*) «в течение нескольких лет, с тех пор как приехала, ни разу не отдохнула, горести и страдания испытала с излишком» (досл. «...досыта попробовала»); *...даруй морио ташуурдан харайлгаж, исгэрэн хатуруулсаар одов* (Д. Нацагдорж. *Хөдөө талын үзэсгэлэн*)

Биликова Маргарита Зориктуевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии. E-mail: mgdaisy9703@mail.ru

Bilikova Margarita Zoriktuevna, candidate of Philology, senior Lecturer of the Department of Philology of Central Asia. E-mail: mgdaisy9703@mail.ru

УДК 81'374(=512.36)

© Д.Н.-Д. Васильева

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА МОНГОЛОВ. СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье приводится краткий обзор личных монгольских имен современного периода (2000-е годы XXI в.), рассматриваются основные тенденции имянаречения и дается лингвокультурная характеристика антропонимов.

Ключевые слова: система личных имен, антропонимы, исконно монгольские имена, буддийские имена.

«тотчас ударив кнутом коня, насвистывая, умчался рысью»; *...чаргаа чирсээр гэртээ харина* (Д. Энхтуяа. *Мөсөн хотхон*) «возвращаются домой, волоча за собой санки».

В турецком языке деепричастия с аффиксами -dikça, -madikça, -(y)ınca, -(y)ıncaya kadar, -madan, -maksızın и глагольная форма на *iken* подобно монгольским деепричастиям смешанного характера могут выполнять в предложении функции обстоятельств условия, причины, цели, времени и т.д. Например, *Can: baba, sen yaşlandığında ben de seni buraya mı getereceğim? diye sorunca dünyası başına yıkıldı* (З.О., с. 26) «как только Джан спросил: «Отец, когда ты состаришься, я тоже тебя сюда принесу?», словно что-то внутри него перевернулось»; *çünkü annesi konuşurken ağzından çil çil altın saçılıyormuş yere* (З.О., с. 30) «Потому что, когда его мама говорила, из ее рта на землю падало золото»; *Kyle'i tanıdıkça onu daha çok sevdim* (З.О. 2, с. 74) «По мере того как узнавал Кайли, я его любил еще больше».

Таким образом, как в монгольском, так и в турецком языках в обстоятельной функции встречаются фактически все деепричастные формы. Однако некоторые из них выступают в функции обстоятельств чаще других.

Принятые сокращения

З.О. – Одемиш Зейнел. *Nayatin penceresinden* (Из окон жизни). – Улан-Удэ, 2003. – Ч. 1. – 86 с.

З.О.2 – Одемиш Зейнел. *Nayatin penceresinden* (Из окон жизни). – Улан-Удэ, 2003. – Ч. 2. – 86 с.

ПГТур. яз. – Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. – М.: Восток-Запад, 2007. – 666 с.

Э.Г. – Гениш Эйюп. Глагольные формы в турецком языке. – М.: Ленанд, 2005. – 120 с.

Литература

1. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. – М., 1963. – 260 с.

PERSONAL NAMES OF MONGOLS. THE MODERN PERIOD

The article is devoted to the short analyses of the Mongolian personal names of nowadays (the 2000-s of the XXI century). The main tendentious of giving the names is researched in here and one can see the linguacultural characteristic of anthroponoms.

Keywords: system of personal names, anthroponoms, original Mongolian names, the Buddhist names.

В последние годы большой интерес вызывают исследования в области ономастики, потому как имена собственные являются кладзем культуры и живым свидетелем языка любого этноса. Современная Монголия, яркий пример мононационального государства на Азиатском континенте, развивается быстрыми темпами. Из всемирной паутины, с экранов телевизоров мы узнаем, что в соседней стране активно борются с коррупцией, бывшие президенты не являются неприкосновенными лицами, спортсмены побеждают на олимпиадах, монгольские суматори становятся национальными героями в Стране восходящего солнца. И, как следствие, язык и культура – структуры самые динамичные – вбирают, впитывают в себя все новое. В данном случае в качестве примера мы рассмотрим личные имена «новых» монголов, рожденных в 2000-е годы в демократической Монголии.

Именник становится неким хранилищем новых веяний, каких-то преобразований в различных сферах и, что важно, религиозных воззрений родителей. В качестве материала исследования мы привлекли личные имена учеников первых классов одной из средних школ г. Улан-Батор (227 единиц). Весь материал дан в приложении к данной статье. В примерах после имен в скобках дается их частота повторов в списке. Из представленных имен выбраны традиционные исконно монгольские, состоящие из двух основ: *Анунгоо* (3), *Ариунзаяа*, *Ариунсанаа*, *Болд-Эрдэнэ*, *Болортуяа*, *Нарангоо*, *Энхбаяр*, *Энхмөрөн*, *Азбилэг*, *Мөнхиур*, *Намуунхишиг*, *Нарангэрэл*, *Төртогтох*, *Шинэ-Эрхэс*, *Энх-Амгалан*, *Эрхэмбилэг*, *Мөнхзул*, *Саруулбат*, *Үлэмж-Урам*, *Хатан-Эрдэнэ*, *Энхсүлд*, *Батхуг*, *Золсайхан*, *Сансарнэрэн*, *Сэргэлэнбаяр*, *Төрболд*, *Энх-Өлзий*, *Эрхэмбаяр*, *Ану-Үжин*, *Нарансолонго*, *Тэнгисбаяр*, *Хонгорзул* (2), *Амгаланбаатар*, *Гантулга*, *Маралгоо*, *Нармандах*, *Номуундалай*, *Урантөгс*, *Алтанцэцэг*, *Дэлгэржаргал*, *Мөнх-Эрдэнэ* (2), *Намуунгэрэл*, *Одбадрах*, *Сод-Эрдэнэ*, *Бат-Ирээдүй*, *Есөнтөмөр*, *Мөнхтайван*, *Нандин-Эрдэнэ*, *Наранцацрал*, *Наран-Эрдэнэ*, *Номинчимэг*, *Отгонтуяа*, *Саруул-Эрдэнэ*, *Содбилэг*, *Эрдэмбилэг*, *Булгантамир*, *Ариунбилэг*, *Баттөгөлдөр*, *Түвшинзаяа*, *Мөнх-Оргил*, *Сүхбат*, *Түвшинбаатар*, *Хишиг-Эрдэнэ*, *Эрдэнэбаяр*, *Ари-*

унхишиг, *Гоомарал*, *Номинцэцэг*, *Хүчитбаатар*, *Энх-Анир*, *Эрдэмхүү*, *Батхишиг*, *Мөнхсаран*, *Төөсбаясгалан*, *Үүрийнцолмон*, *Эрхсаран*, *Аззаяа*, *Маралгүнж*, *Батсүрэн*, *Энхмэнд*, *Амин-Эрдэнэ*, *Гантуяа*, *Мөнхсүлд*, *Өнөмөнх*, *Энхчимэг*, *Эрдэммөнх*, *Ариунзул*, *Батнасан*, *Ихбаяр*, *Хангоо*.

Если сравнить с именником халха-монголов 90-х годов прошлого столетия, здесь наблюдается тенденция уменьшения составных имен в связи с модой на некую простоту в звучании и положительную семантику. В именнике того периода большую часть (более 80%) составляли двойные имена пожелательного характера. В настоящее время увеличилось количество антропонимов, состоящих из одной основы. Также нельзя не сказать о том, что среди монголов популярна традиция сокращения имен. Двойные имена сокращаются при помощи аффиксов *-ГИЙ*, *-КА*. Например, пожелательный антропоним *Ариунболор*, где первая основа монг. ариун «чистый, священный, святой, честный», вторая – монг. болор «хрусталь», при сокращении звучит как *Ариука*. Носителя имени тибетского происхождения *Баасаньямаа* в кругу близких называют *Баагий*.

Из представленных составных антропонимов можно выделить только 3, где первая основа – имя существительное, вторая – глагольная форма: *Төртогтох*, төр «строй, режим, государство» + тогтох «установиться, образовываться, утверждаться»; *Нармандах*, нар «солнце» + мандах «восходить, возвышаться, подниматься, возрождаться, расцветать»; *Одбадрах*, од «звезда; перен. счастье, удача, везучесть» + бадрах «процветать, развиваться, распространяться».

Из новых имен здесь можно отметить онимы с основой – *ГОО* «красота; прекрасный, красивый»: *Анунгоо*, *Нарангоо*, *Хангоо*. Также интерес вызывают антропонимы *Үлэмж-Урам* «значительное, сильное вдохновение», *Шинэ-Эрхэс* «новые планеты», *Сансарнэрэн* – букв. «по имени космос», *Эрхсаран* – букв. «капризная луна», «избалованный+луна», *Энх-Анир* «вечный звук», *Маралгүнж* лань + принцесса», *Гоомарал*, *Наранцацрал*, *Нарансолонго*, *Үүрийнцолмон*. Остаются популярными имена, где одна из основ эрдэнэ

«драгоценность» (*Амин-Эрдэнэ, Болд-Эрдэнэ, Хатан-Эрдэнэ, Мөнх-Эрдэнэ (2), Сод-Эрдэнэ, Нандин-Эрдэнэ, Наран-Эрдэнэ, Саруул-Эрдэнэ, Хишиг-Эрдэнэ, Эрдэнэбаяр*), билэг «талант, дар» (*Азбилэг, Эрхэмбилэг, Содбилэг, Эрдэмбилэг, Ариунбилэг*), мөнх «вечный» (*Мөнхшүр, Мөнхзул, Мөнх-Эрдэнэ (2), Мөнхтайван, Адъямөнх, Мөнх-Оргил, Мөнхсаран, Мөнхсүлд, Эрдэммөнх*), энх «спокойствие, мир» (*Энх-Амгалан, Энхбаяр, Энхмөрөн, Энхсүлд, Энх-Өлзий, Энхмэнд, Энхчимэг*), ариун «чистый, священный, святой, честный» (*Ариунбилэг, Ариунзаяа, Ариунсанаа, Ариунзул*).

В последние годы популярными стали имена, обозначающие драгоценные и полудрагоценные камни: *Болор* «горный хрусталь», *Маргад* «изумруд», *Оюу* «бирюза», *Анар* «гранат», *Номин* «лазурит», *Сувд* «жемчуг», *Молор* «опал», *Мөнхшүр*, ср. монг. шүр «коралл», *Биндэрьяа* «берилл».

Следует отметить, что онимов, заимствованных из тибетского языка и санскрита, несколько: *Санчирмаа, Гиймаа, Данзанжамъян, Баасаньямаа, Биндэрьяа, Сүндэрьяа, Адъямөнх, Ананд, Базармаа, Аръяндэв, Мичидмаа, Санжаадорж, Билгүүндарь, Дэлгэрмаа, Анударь, Номундари, Минжундарь, Нямдаваа*. В списке имен учащихся необходимо назвать онимы, которые состоят из собственно монгольской и тибетской основ *-маа* «мать»: *Маралмаа (3)*, где монг. марал «лань, марал» + *-маа* «мать»; *Дэлгэрмаа*, где монг. дэлгэр «распространенный; обширный» и *-маа* «мать». Также встречаются антропонимы, где одна из основ собственно монгольского происхождения, а вторая – буддийского. Например, *Билгүүндарь*, где монг. *Билгүүн* произошло от апеллативной основы *билэг* «талант, дар» при присоединении аффикса *-ҮҮН*, и санскрит. *дарь* «спасительница»; *Анударь*, монг. *Ану* (в честь Ану-хатун) + *дарь*; *Номундари*, монг. *нотун* + *дарь*; *Минжундарь*, монг. минж(ин) «бобр, бобровый» + *дарь*.

Имен-меморативов зафиксировано также несколько: *Тэмүүжин*, первое имя Чингисхана, данное ему отцом в честь побежденного им татарского Тэмуджин-Уге; *Үжин (2)*, от кит. 夫人 «госпожа, леди, супруга», субстантивация апеллативной основы от имени старшей ханши Чингисхана Бортэ-ужин; антропонимы *Ану, Ануужин (3) / Ануужин, Ану-Үжин (2)* в честь Ану-хатун, жены джунгарских ханов Сенге и Галдан Бошогту, прославившейся своей храбростью; *Хулан (3)*, монг. хулан «кулан», в честь одной из ханш Чингисхана; *Марал*, монг. марал «лань, марал», в честь прародительницы монгольских народов Марал-Гуа; *Үүлэн*, монг. үүлэн «обла-

ко», имя матери Чингисхана; *Бэртэ*, в честь старшей ханши Чингисхана; *Мандуул*, от монг. мандах «восходить, возвышаться, подниматься, возрождаться, расцветать», в честь монгольского хана; *Есүй (2)*, имя одной из ханш Чингисхана; *Өнөмөнх*, монг. өнө «долгий, давний, долго, давно» + мөнх «вечный, вековечный, бессмертный; вечно, навеки», имя дано в честь потомка Хасара; *Тимур*, тюрко-монг. темүг «железо», в честь эмира Тамерлана; *Тэмүүлэн*, в честь младшей сестры Чингисхана; *Таян*, в честь монгольского Батмөнх Даян хана; *Лигден*, в честь Лигден хана Чахарского.

Среди пожелательных имен, желающих нареченному красоте цветов, растений, животных и природных явлений, можно выделить такие, как *Нарангэрэл*, букв. «солнечный свет», *Нарансолонго*, букв. «солнечная радуга», *Хонгорзул*, ср. монг. бот. хонгорзул цэцэг «василек», *Алтанцэцэг*, букв. «золотой цветок», *Номуундалай*, букв. «тихий, спокойный, нежный + океан», *Налуунгэрэл*, букв. «тихий, спокойный, нежный + океан», *Наранцацрал*, букв. «солнечный» + «сияние, луч, блеск, излучение, яркий свет», *Нандин-Эрдэнэ*, букв. «святой, священный, честный, дорогой» + «драгоценность», *Номинцэцэг*, букв. «лазурит; лазурный, лазоревый» + «цветок», *Булгантамир*, букв. «соболь, норка» + «сила, энергия», *Наран-Эрдэнэ*, букв. «солнечный» + «драгоценность», *Солонго* «радуга».

Наблюдается много имен с аффиксом *-ЖИН*: *Нинжин (2)*, ср. монг. нинжин сэтгэл «милосердие, сострадание», *Энхжин (3)*, монг. энхжин «рай, страна счастья». В антропонимах *Ануужин (5), Номинжин, Танужин, Эмүжин* мы наблюдаем сращение основ от личного имени Ану, монг. номин «лазурит; лазурный, лазоревый», монг. тана «перламутр; перламутровый»; монг. эм «женщина, жена» + *ужин* «госпожа, ханша, принцесса». Имена, оканчивающиеся на *-ЖИН*, даются девочкам.

Отметим пожелательные онимы, желающие нареченному обрести качества характера и души, перечислено несколько: *Дөлгөөн* «тихий, спокойный; мягкий», *Нинжин* «доброта», *Нандин* «священный», *Энэрэл (3)* «сострадание, гуманность, человечность, милосердие», *Урин* «нежный, милый», *Цэгээн* «светлый; беловатый, белый», *Цэцэн* «мудрый, умный», *Саруул* «светлый». В списке имен только 2 пожелательных имени, где нареченный будет иметь данное качество, которое хранится в его семантике: *Билэгт* «имеющий дар, талант», *Түшигт* «имеющий опору, основу». К пожелательным именам относятся следующие: *Ундрам* от монг. ундрах «бить ключом» (например, амьдрал ундрач байна

«жизнь бьет ключом»), *Тэргэл* от монг. тэргэл «полный» (тэргэл сар «полнолуние»), Уянга от монг. уянга «лиричность, мелодичность».

Издавна в антропонимии монгольских народов воспевалась красота, сила и мощь животных, потому в настоящее время данный факт не является исключением. Например, имена *Гарьд* «мифическая птица; гаруда»; *Хулан* (4) «кулан, дикая лошадь», *Гоомарал*, *Марал*, *Маралгоо*, *Маралгүнж*, *Маралмаа* (3), ср. монг. лань; марал буга «изюбрь»; марал гөрөөс «колень», *Тэлмэн*, ср. монг. тэлмэн жороо / усан тэлмэн жороо «чистый иноходец», *Халиун* (3), ср. монг. халиун «буланный; каурый», халиун морь «каурый конь, буланая лошадь; конь буланой масти», *Булган-тамир*, ср. монг. булга(н) «соболь».

В корпусе имен многих народов мира особое место занимают антропонимы, выполняющие охранную функцию. Вплоть до начала XXI в. в ономастических исследованиях охраняемые имена занимали особый пласт. В списке анализируемых имен отмечается два имени: 1) *Бат-Ирээдүй*, ср. монг. бат «крепкий, устойчивый, твердый», ирээдүй «будущее». Данный оним можно перевести как «тот крепкий, который еще не пришел». 2) *Ербол*, ср. монг. ерийн «обычный, обыкновенный; заурядный; привычный, простой», букв. «будь простым». Имена с охранной семантикой давались в семьях, где дети болели, умирали или их долго ждали.

К новым личным именам можно отнести *Амина*(а), *Амирлин*, *Амура*, *Мишээл*, ср. монг. мишээл «улыбка», *Тэргэл* «полный», *Инжир*, ср. монг. бот. инжир «инжир, фи́га», *Эгшиглэн*, ср. монг. эгшиглэх «мелодично петь, мелодично играть (о музыке)», *Сараана* «луна+наа», *Гарьд*, ср. монг. хангарьд «мифическая птица "гаруда"»), *Учрал*, ср. монг. учрал «встреча, случай», *Эрхэс*, ср. ст.-монг. erkes, монг. эрхэс «небесные тела; планеты». Кроме того, необходимо отметить некоторые необычные и редкие имена для монгольского именника: *Учрал*, *Соембо*, *Хүслэн*, *Энхлэн*, *Тамир*, *Жаргалан*, *Итгэл*, *Цэгээн*, *Тэргэл* (2), *Инжир*, *Ангар*, *Мөрөн*, *Ербол*, *Жаяа*, *Эрхэс*. Личное мужское имя *Жаяа*, возможно, произошло от тиб. жаяг «статут, устав, канон», также можно объяснить это чередованием согласных ж~з (жаяа~заяа, где монг. заяа(н) «судьба»).

Антропонимы с аффиксом –УУН/-УУН следует отнести к онимам, образованным по новой модели: *Цэлмуун* / *Цэлмүүн* от монг. цэлмүүн «ясный, чистый», *Номулуун* от номлох «учить, утверждать», *Тэмүүн* от монг. тэмүүлэл «стремление, усердие, рвение», *Энгүүн* (2) от монг. энгүй «неизмеримый, необъятный, беспредельный, безмерный, громадный», *Тэнүүн* от монг. тэнүүн «сво-

бодный, просторный», *Эрмүүн* от монг. ирмүүн «энергичный, ударный, сильный», *Ялгуун* от монг. ялгах «различать, отличать, отделять, обособлять», ср. монг. ялгуусан «победоносный», *Билгүүн* (2) от монг. билиг «мудрость, разум, талант, дар». Антропонимы с данным аффиксом могут быть и мужскими, и женскими.

В последние годы стали популярны женские имена, оканчивающиеся на –ЛАН, –ЛЭН, –ЛИН: *Амирлин* (2), *Жаргалан*, *Хүслэн* (3), *Энхлэн*, *Эгшиглэн* (4).

Если в прошлом монголы давали детям имена в основном исконно монгольские и буддийского происхождения, то в настоящее время в ходе проведенного анализа выясняется, что с начала 2000-х годов тенденции меняются. Наблюдается увеличение односоставных имен с благозвучной семантикой. С начала 90-х годов наряду с онимами, оканчивающимися на аффиксы –А, –НА / –НАА (*Амура*, *Сараана*, *Амина* (3), *Аминаа*, *Амира*), появились и новые личные имена, звучащие на европейский манер (Мишээл «улыбка» (созвучное французскому Мишель)). Зафиксированы имена, оканчивающиеся на –УУН, –ЖИН, –ЛЭН (*Хүслэн*, *Энхлэн*, *Эгшиглэн*), меньше стало имен-меморативов, если сравнивать с 90-ми годами. В антропонимах, функционирующих в именнике монголов вплоть до конца XX в., гендерный признак был не столь отчетливо выражен. Одним и тем же именем нарекались как представители мужского, так и женского пола. В последние годы онимы, оканчивающиеся на аффиксы –МАН, –А, –НА / –НАА, –ЖИН, –ЛАН, –ЛЭН, –ЛИН, относятся к женским именам.

Система личных имен монголов в отличие от корпуса имен бурят, калмыков и монголоязычных народов Китая, подвергнувшись большому влиянию со стороны русского и китайского языков, ввиду своей некой изолированности сохранила индивидуальность и неповторимость. До настоящего времени традиции имянаречения у монголов имеют сакральный смысл. Считается, что имя способно предопределить судьбу человека: слабого может сделать сильным, а сильного превратить в немощного. Вспомним монгольские пословицы, идущие из глубины веков: *нэр хугарахаар яс хугар* «лучше кость сломать, чем имя»; *хүн нэрээ тогос өдөө* «человек бережет честь, павлин бережет хвост».

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001–2002.
2. Жапова Д.Н-Д. Функциональная эволюция монгольских антропонимов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. – 154 с.

Приложение
Список имен учеников 1-х классов средней школы г. Улан-Батор

1	Ангар	эр	66	Бөртэ	эм	131	Хонгорзул	эм
2	Анунгоо	эм	67	Нарансолонго	эм	132	Эгшиглэн	эм
3	Ариунзаяа	эм	68	Тэмуун	эр	133	Эгшиглэн	эм
4	Ариунсанаа	эм	69	Тэнгисбаяр	эр	134	Энхжин	эм
5	Болд-Эрдэнэ	эр	70	Тэргэл	эм	135	Энэрэл	эр
6	Болор	эм	71	Хонгорзул	эм	136	Адьяамөнх	эр
7	Болортуяа	эм	72	Хулан	эм	137	Ананд	эр
8	Маргад	эр	73	Хуслэн	эр	138	Маралмаа	эм
9	Нандин	эм	74	Энэрэл	эм	139	Мөнх-Оргил	эр
10	Нарангоо	эм	75	Тамир	эр	140	Мөрөн	эр
11	Оюу	эм	76	Амгаланбаатор	эр	141	Нандин	эм
12	Тэмүүжин	эр	77	Амирлин	эм	142	Нинжин	эм
13	Үжин	эм	78	Баасанямаа	эм	143	Сувд	эм
14	Энхбаяр	эр	79	Биндэрьяа	эм	144	Сүхбат	эр
15	Энхмөрөн	эр	80	Гантулга	эр	145	Түвшинбаатар	эр
16	Азбилэг	эм	81	Мандуул	эр	146	Хишиг-Эрдэнэ	эм
17	Анар	эр	82	Маралгоо	эм	147	Эгшиглэн	эм
18	Мөнхшүр	эм	83	Нармандах	эр	148	Эмүжин	эм
19	Намуунхишиг	эм	84	Номуундалай	эм	149	Энэрэл	эм
20	Нарангэрэл	эм	85	Сүндэрьяа	эм	150	Эрдэнэбаяр	эр
21	Нинжин	эм	86	Урантөгс	эм	151	Амина	эм
22	Санчирмаа	эм	87	Уянга	эм	152	Ариунхишиг	эм
23	Төртогтох	эр	88	Цэцэн	эр	153	Базармаа	эм
24	Ундрэм	эм	89	Энгүүн	эм	154	Билгүүн	эр
25	Хулан	эм	90	Энэрэл	эм	155	Гарьд	эр
26	Цэгээн	эр	91	Алтанцэцэг	эм	156	Гоомарал	эм
27	Шинэ-Эрхэс	эр	92	Анужин	эм	157	Ербол	эр
28	Энх-Амгалан	эр	93	Дэлгэржаргал	эм	158	Есүй	эм
29	Энхжин	эм	94	Жаргалан	эм	159	Молор	эр
30	Эрхэмбилэг	эр	95	Мишээл	эм	160	Номин	эм
31	Анунгоо	эм	96	Мөнх-Эрдэнэ	эр	161	Номинцэцэг	эм
32	Гиймаа	эм	97	Намуунгэрэл	эм	162	Сараана	эм
33	Данзанжамьян	эр	98	Одбадрах	эр	163	Тэмүүлэн	эр
34	Марал	эм	99	Саруул	эм	164	Хүчитбаатар	эр
35	Маралмаа	эм	100	Сод-Эрдэнэ	эр	165	Энх-Анир	эм
36	Мөнхзул	эм	101	Тэлмэн	эр	166	Эрдэмхүү	эр
37	Номинжин	эм	102	Тэнүүн	эр	167	Арьяандэв	эр
38	Саруулбат	эр	103	Халиун	эм	168	Батхишиг	эр
39	Үлэмж-Урам	эм	104	Эрмүүн	эр	169	Итгэл	эр
40	Үүлэн	эм	105	Ялгуун	эм	170	Мичидмаа	эм
41	Хатан-Эрдэнэ	эм	106	Ану	эм	171	Мишээл	эм
42	Хулан	эм	107	Бат-Ирээдүй	эр	172	Мөнхсаран	эм
43	Цэлмуун	эм	108	Есонгомор	эр	173	Санжаадорж	эр
44	Цэнбэл	эр	109	Есүй	эм	174	Соёмбо	эр
45	Энхсүлд	эр	110	Мөнхтайван	эр	175	Таян	эр
46	Амина	эм	111	Нандин-Эрдэнэ	эм	176	Төгсбаясгалан	эм
47	Амирлин	эм	112	Наранцацрал	эм	177	Үүрийнцолмон	эм
48	Амура	эм	113	Наран-Эрдэнэ	эм	178	Халиун	эм
49	Ананд	эр	114	Номин	эм	179	Хүслэн	эм
50	Батхуг	эр	115	Номинчимэг	эм	180	Энхлэн	эм
51	Золсайхан	эм	116	Отгонтуяа	эм	181	Эрхсаран	эм
52	Номулуун	эм	117	Саруул-Эрдэнэ	эр	182	Аззаяа	эм
53	Сансарнэрэн	эр	118	Содбилэг	эр	183	Анар	эм
54	Сэргэлэнбаяр	эр	119	Эрдэмбилэг	эр	184	Анунгоо	эм
55	Танужин	эм	120	Булгантамир	эм	185	Ану-Үжин	эм
56	Торболд	эр	121	Ануужин	эм	186	Батсүрэн	эр
57	Тэргэл	эм	122	Ариунбилэг	эм	187	Билгүүндарь	эм
58	Цог	эр	123	Батгөгөлдөр	эр	188	Билэгт	эр
59	Энх-Өлзий	эр	124	Инжир	эм	189	Дөлгөөн	эр
60	Эрхэмбаяр	эр	125	Маралмаа	эм	190	Дэлгэрмаа	эм
61	Амина	эм	126	Мишээл	эм	191	Маралгүнж	эм
62	Амира	эм	127	Тимур	эр	192	Мөнх-Эрдэнэ	эр
63	Ану	эм	128	Түвшинзаяа	эм	193	Халиун	эм
64	Ануужин	эм	129	Учрал	эм	194	Энхжин	эм
65	Ану-Үжин	эм	130	Хантайшир	эр	195	Энхмэнд	эр

196	Эрхэм	эр	208	Урин	эм	220	Минжиндарь	эм
197	Амин-Эрдэнэ	эр	209	Хангоо	эм	221	Нямдаваа	эр
198	Анударь	эм	210	Хулан	эм	222	Тэргэл	эм
199	Анужин	эм	211	Энхчимэг	эм	223	Үжин	эм
200	Билгүүн	эр	212	Эрдэммонх	эр	224	Хүслэн	эр
201	Гантуяа	эм	213	Аминаа	эм	225	Цэлмүүн	эм
202	Жаяа	эр	214	Ариунзул	эм	226	Энгүүн	эр
203	Мөнхсүлд	эр	215	Батнасан	эр	227	Эрхэс	эр
204	Номундари	эм	216	Буд	эр			
205	Өнөмөнх	эр	217	Ихбаяр	эр			
206	Солонго	эм	218	Лигден	эр			
207	Түшигт	эр	219	Маргад	эр			

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Центральной Азии БГУ. E-mail: dug-vema@mail.ru

Vasilieva Dugvema Natar-Dorzhiievna, candidate of philological sciences, lecturer of department of philology of Central Asia, Oriental Institute of Buryat State University. E-mail: dug-vema@mail.ru

УДК 811.58

© Н.В. Ваталева

ТЕНДЕНЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РАЗГОВОРНОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются основные тенденции употребления глаголов речевой деятельности в современном разговорном китайском языке. Они рассматриваются с позиции количественного критерия морфем в составе исследуемых лексических единиц, их словообразовательных моделей и стилистических особенностей.

Ключевые слова: китайский язык, глаголы речевой деятельности, одноморфемные и полиморфемные лексические единицы, структурно-морфологические модели глаголов, результативные глаголы.

N.V. Vataleva

THE TENDENCIES OF USING SPEECH ACT VERBS IN MODERN INFORMAL SPEECH CHINESE

Basic tendencies of using speech act verbs in modern informal speech chinese are analyzed in the present research. These tendencies were examined in terms of morpheme quantitative criterion in the structure of lexical units, word formations and stylistic features.

Keywords: chinese, speech act verbs, single-morpheme and poly-morpheme lexical units, morphological structure of verbal patterns, result verbs.

Современный китайский язык представляет собой непрерывно развивающуюся систему. Под воздействием различных факторов в этой системе происходят изменения, которые незамедлительно отражаются на лексической составляющей языка: лексика пополняется новыми словами, лексические единицы – новыми значениями и т.д. Эти изменения наиболее ярко прослеживаются в разговорной форме существования языка, которая мыслится в качестве предшественника кодифицированного литературного языка [3, с. 21]. Согласно этому некоторые тенденции, присущие современной разговорной речи китайцев, в частности тенденции употребления глаголов речевой деятельности, гипотетически могут оказать влияние на последующее становление литературной формы китайского языка.

Для сбора полевого материала нами было организовано экспериментальное исследование, в котором приняли участие 90 информантов, носителей нормативного китайского языка пунхуа. В ходе этого исследования на материале выявленных 170 функционально-семантических единств (далее ФСЕ) были обнаружены следующие тенденции употребления глаголов речевой деятельности в современном разговорном китайском языке.

Итак, с точки зрения количественного критерия морфем весь полевой материал был классифицирован нами на одноморфемные и полиморфемные лексические единицы. Причем полиморфемные единицы имеют в своем слоговом составе от 2 до 4 морфем.

Число одноморфемных лексем, представленных в работе, составляет 25 единиц. Стоит заметить, что не все одноморфемные лексиче-

ские единицы выступают в качестве глаголов речевого действия в своем первом основном значении. Например, глагол 放 /fàng/ издавать (звуки) приобрел семантику говорения только в пятом значении, тогда как первое его значение – отпустить, выпускать; первое значение глагола 编 /biān/ – плести, седьмое – плести (небылицы); горючить (чушь); сочинять (врать) и т.д. Тем не менее при наличии второго и последующих значений, сходных с процессом говорения, одноморфемные лексемы не утрачивают своей синтаксической самостоятельности. Односложные глаголы составляют 14,7% от всех экспериментально выявленных нами лексических единиц.

Преобладающая часть всего полевого материала, 119 лексем, представлена двухморфемными лексическими единицами и составляет 70% от всех ФСЕ. Это подтверждает общую тенденцию использования двусложных слов в китайском языке в качестве основных, статистически доминирующих лексических единиц [6, с. 114; 7, с. 18]. При исследовании двухморфемных глаголов речевой деятельности были выявлены слова с одинаковыми морфемами, расположенными в обратном порядке. Например, 骂辱 /màrǔ/ срамить, оскорблять и 辱骂 /rǔmà/ поносить, срамить. В процессе анализа подобной пары глаголов нами было подтверждено утверждение А.А. Хаматовой о том, что значительная часть рассматриваемых слов в той или иной степени отличается друг от друга в семантическом плане [8, с. 110].

Трехморфемных лексем насчитывается 22 единицы, они составляют 13% от всех лексических единиц. Подавляющее большинство данных слов (20 лексем) составляют результативные глаголы. К ним относятся лексемы, состоящие из двухморфемных глагольных оснований и одноморфемного модификатора результативного действия, например, 回答到 /huídádào/ ответить, 解释到 /jiěshìdào/ разъяснить, 请求道 /qǐngqiúdào/ попросить, 要求道 /yāoqiúdào/ потребовать; лексемы, состоящие из одноморфемного глагольного основания и двухморфемного модификатора результативного действия: 讲出来 /jiǎngchūlái/ выговорить, высказать. Помимо глаголов с результативным значением в данную группу вошли лексические единицы 回答说 /huídá shuō/ сказать в ответ и 心里话 /xīnlǐhuà/ говорить то, что на уме.

Четырехморфемным составом представлены четыре единицы, составляющие 2,4% от всех

лексем. К ним относятся функционально-семантические единства 自言自语 /zì yán zì yǔ/ разговаривать с самим собой; обращаться к самому себе; говорить про себя, 念念有问 /niànniàn yǒu wèn/ постоянно спрашивать, 低声细语 /dī shēng xì yǔ/ мямлить, 答应答道 /dāying dádao/ отвечать. Все фразеологические сочетания функционально эквивалентны лексической единице, то есть значение всего фразеологизма передается не его отдельными компонентами, а их совокупностью; с точки зрения возможного функционирования подобных функционально-семантических единств в предложении их можно отнести к фразеосинтаксемам, то есть к фразеологическим единицам, построенным по модели словосочетания, способным выступать в предложении в качестве его отдельного члена [4, с. 145]. В подтверждение последнего положения приведем примеры.

我想什么就说什么。 – 我自言自语。 / «Wǒ xiǎng shénme jiù shuō shénme». – wǒ zì yán zì yǔ./ «Я сказал то, что думал», – сказал я про себя.

不知道对这样的坏人说什么好? –

他念念有问。 / «Bù zhīdào duì zhèyàng de huàirén shuō shénme hǎo?» – tā niànniàn yǒu wèn./ «Не знаю даже, что сказать такому непорядочному человеку?», – постоянно спрашивал он.

还有话可说的。 – 他低声细语。 / »Hái yǒu huà kě shuōde». – tā dī shēng xì yǔ./ «Скажу еще больше», – промямлил он.

说就说。 – 他答应答道。 / «Shuō jiù shuō». – tā dāying dádao./ «Что сказал, то и сказал», – ответил он.

Во всех приведенных примерах рассматриваемые функционально-семантические единства в предложениях занимают синтаксическую позицию сказуемого, что свидетельствует об их общей направленности на передачу предикативного значения.

Далее перейдем к рассмотрению словообразовательных (структурно-морфологических) моделей, свойственных глаголам речевой деятельности в современном разговорном китайском языке. Итак, все полиморфемные глаголы согласно типам связи, существующим между их компонентами, были подразделены нами на четыре большие группы: соединение компонентов в этих группах происходит по копулятивному, атрибутивному, глагольно-объектному и результативному типам связи. В рамках этих групп было выявлено восемь словообразовательных моделей, наиболее продуктивной из которых

явилась модель соединения вербальных компонентов по копулятивному типу связи ($V = V_1 V_2$), например:

回答 /huídá/ *отвечать* = «ответить» + «отвечать»

告诉 /gàosu/ *сказать, сообщить* = «говорить» + «сообщить»

解释 /jiěshì/ *разъяснять, объяснять* = «объяснять» + «разъяснять»

К наименее продуктивной относится модель, в которой по копулятивному типу связи соединяются субстантивные компоненты ($V = N_1 N_2$), например:

言语 /yányǔ/ *сообщить, сказать; говорить* = «слово» + «речь».

Малопродуктивной также является модель соединения субстантивного компонента с вербальным компонентом по атрибутивному типу связи (отношения подчинения) $V = N V_1$, например:

心里话 /xīnlǐhuà/ *говорить то, что на уме* = «душа» + «говорить».

Анализ лексем, образованных по глагольно-результативному типу связи компонентов, позволил обнаружить в их структуре следующие модификаторы результата действия: 到 /dào/, 道 /dào/, 成 /chéng/, 出 /chū/, 出来 /chūlái/, 明 /míng/. Приведем пример.

说出 /shuōchū/ *высказать (что-л.)* = «говорить» + «модификатор результата действия (указывает на появление чего-либо или на удовлетворительный результат действия)».

Показатели результата действия придают глаголу как общее результативное значение, так и конкретное значение [11, с. 95], добавляют «вещественный» оттенок в его семантику [2, с. 210]. Самым частотным результативным компонентом в структуре рассматриваемых лексем явился модификатор результата действия 道 /dào/. Приведем примеры.

辩解道 /biànjiědào/ *дать разъяснения;*

表白道 /biǎobàidào/ *высказать;*

答道 /dádào/ *сказать в ответ, ответить.*

Полевой материал исследования насчитывает 28 лексических единиц, образованных путем соединения глагольной основы с рассматриваемой морфемой. Установлено, что 道 /dào/ вносит в значение слова дополнительную семантику говорения. В связи с отсутствием в работах китайцев какой-либо информации

относительно употребления носителями языка результативных глаголов с рассматриваемым компонентом, данное явление мыслится как одна из современных тенденций, свойственная словообразовательной парадигме разговорного китайского языка.

В ходе исследования нами было предположено, что данная морфема может образовывать результативные глаголы только с лексическими единицами, обозначающими речевую деятельность, внося в значение слова дополнительную семантику говорения. Однако это лишь предположение, не подкрепленное другими примерами употребления 道 /dào/ в составе глаголов, принадлежащих к другим лексико-семантическим полям.

Далее подробно остановимся на обсуждении выявленных в ходе анализа полевого материала стилистических особенностей, характерных для глаголов речевой деятельности в современном китайском разговорном языке. Как показало проведенное экспериментальное исследование, в повседневной разговорной речи помимо общеупотребительной, стилистически нейтральной лексики можно встретить лексику ограниченного употребления (просторечную, диалектную, арготическую) и стилистически окрашенную лексику (лексику возвышенного стиля, стилистически сниженную лексику (грубая брань, ненормированная лексика)).

Просторечия. Рассмотрим употребление лексической единицы 编 /biān/. Глагольные значения лексемы 编 /biān/ представлены следующими дефинициями:

1) 把细长条状的东西交叉组织起来 /bǎ xìcháng tiáozhuàng de dōngxī jiāochā zǔzhī qǐlái/ *соединять узкие полосы, нити чего-нибудь, переплетая их и закрепляя в одно целое;*

2)

把分散的事物按照一定的条理组织起来或按照一定的顺序排列起来 /bǎ fēnsàn de shìwù ànzhào yīdìng de tiáolǐ zǔzhī qǐlái huò ànzhào yīdìng de shùnxù páiliè qǐlái/ *соединять или располагать рассредоточенные предметы в определенном порядке, очередности;*

3) 编辑 /biānjí/ *редактировать; составлять;*

4) 创作 <歌词、剧本等> /chuàngzuò (gēcí, jùběn děng)/ *сочинять (слова песни, драматическое произведение и т.д.);*

5) 捏造 /nièzào/ *выдумывать* [17, с. 80].

Как видно из представленных дефиниций, в процессе семантического развития своего зна-

чения лексема 编 /biān/ приобрела стилистически окрашенное, просторечное содержание *плетсти* (*небылицы*), *городить* (*чушь*). Потенциальная сема значения данной языковой единицы *говорить* дополняет при употреблении в речи ее денотативное значение *плетсти*, *заплетать* ассоциативно-образным представлением [10, с. 236]. Рассмотрим пример.

现在请你们自己说：难道我对他编谎话了吗

? / «Xiànzài qǐng nǐmen zìjǐ shuō: nándào wǒ duì tā biān huǎnghuàle ma?» / «Теперь скажите сами: разве я наплел ему с три короба?».

Примером стилистически сниженной лексики (грубая брань, ненормированная лексика) может также служить использование информантами отыменного (образованного от имени существительного 鸟 /diǎo/ *половой член*) глагола 鸟 /diǎo/ в значении *говорить* (*грубая брань, ненормированная лексика*):

鸟这些话不如不鸟。 / «Diǎo zhè xiē huà bùrú bù diǎo». / «Чем такое говорить, лучше вообще не говорить» (*грубо*).

Исследуя вопрос функционального использования в речи китайцев грубой брани, выраженной посредством лексемы 鸟 /diǎo/, мы столкнулись с тем, что еще некоторое время тому назад большинство носителей языка (наших современников) не совсем понимали смысл данного слова. На этот вывод нас натолкнули заголовки китайских форумов в Интернете, например:

- 为什么人们骂人都很喜欢用»鸟人»这个词，是怎么来的了。 / Wèi shénme rénmen màrén dōu hěn xǐhuān yòng «diǎorén» zhè ge cí, shì zěnmé lái de le. / Почему люди, бранясь, любят использовать слово «diǎorén», откуда это пошло [15]?

• «我鸟你»到底是啥意思？ / «Wǒ diǎo nǐ» dàodǐ shì sá yìsì? / Что все-таки обозначает фраза «Wǒ diǎo nǐ» [16]?

• 不鸟你的»鸟»是指什么？ / Bù diǎo nǐ de «diǎo» shì zhǐ shénme? / Что подразумевается под словом «diǎo» во фразе bù diǎo nǐ [12]?

• 骂人»鸟人»是什么意思？ / Màrén «diǎorén» shì shénme yìsì? / Какое значение имеет грубая брань, ненормированная лексика, «diǎorén» [13]?

Обсуждения на данных форумах относятся к временному периоду – с 2008 по 2010 год, тогда как сбор полевого материала осуществлялся нами в 2010–2011 годах. Это свидетельствует о

недавнем и, как выяснилось, повторном вхождении рассматриваемого слова в лексический оборот современных китайцев. Изучение содержания данных форумов позволило нам заключить следующее. Во-первых, использование лексемы 鸟 /diǎo/ в качестве бранного слова встречается еще в написанном Ши Найанем известном китайском романе «水浒传» /»Shuǐ hǔ zhuàn»/ «Речные заводи». Приведем пример из главы 22:

那汉气将起来，把宋江劈胸揪住，大喝道：

»你是甚么鸟人，敢来消遣我！» /Nà hàn qì jiāng qǐlái, bǎ sòng jiāng pīxiōng jiū zhù, dà hèdào: «nǐ shì shénme diǎorén, gǎn lái xiāoqián wǒ!» [14, с. 113]...он рассвирепел и, схватив Сун Цзяна за грудь, стал орать: «Ты что за черт такой! Издеваться надо мной вздумал?!» [9, с. 328].

Во-вторых, поясняя значение данной лексемы, некоторые носители языка говорят о ее диалектном происхождении. Функционирование рассматриваемого слова в современной речи в качестве предиката, а не имени является результатом семантического развития его значения, что, по словам все тех же носителей языка, свойственно диалектам [16].

Как известно, динамические процессы развития значений лексических единиц языка связаны с непрерывной когнитивной деятельностью его носителей [1, с. 72, 190-191]. В связи с этим можно утверждать, что лексема 鸟 /diǎo/ является семантическим неологизмом, то есть ранее известным и используемым словом, получившим новое значение *говорить* (*грубая брань, ненормированная лексика*) в современном разговорном языке.

Интересным является тот факт, что слово 鸟 /diǎo/ было употреблено четырьмя девушками в возрасте от 20 до 25 лет из разных провинций. Общее число употреблений данного глагола – 15 раз. Частотность употребления анализируемого глагола свидетельствует о том, что данное ругательство, не столь давно появившееся, достаточно прочно закрепилось в обиходно-бытовом лексиконе современной китайской молодежи.

Лексика возвышенного стиля. В противовес представленному вульгаризму в исследовании встретились также и вежливая форма репрезентации речевой деятельности – глагол 赐教 /cìjiào/ *снизойти давать совет* (вежл.).

请赐教吧！ /»Qǐng cìjiào ba!»/ «Будьте любезны, не откажите в разъяснении!»

Использование лексики возвышенного стиля в разговорной речи, а именно рассматриваемого глагола в предложенном контексте, свидетельствует о желании носителей языка подчеркнуть ироничность речевой ситуации. Вследствие чего в структуре семантического значения лексемы 賜教 /cìjiào/ *снизойти давать совет* (вежл.) можно вычленивать дополнительную, потенциальную, сему *иронично*.

Помимо проанализированных лексических единиц в исследовательском материале встречаются и такие стилистически окрашенные единицы, как: 咒骂 /zhòumǎ/ *проклинать; поносить*, 嘲笑 /cháoxiào/ *высмеивать, насмехаться, издеваться*, 聊 /liáo/ *прост. болтать, судачить*, 啰嗦 /luōsuō/ *докучать болтовней*, 哀求 /āiqiú/ *жалобно просить, умолять* и другие.

Разговорная речь китайского языка не только изобилует стилистически окрашенной лексикой, но и служит своеобразным посредником, за счет которого происходит процесс проникновения лексики ограниченного употребления в лексический состав литературного языка [5, с. 161]. К лексике ограниченного употребления относятся диалектизмы и профессионализмы.

Диалектная лексика. Лексема 唠叨 /láodao/ имеет значение *болтать, ворчать* и является диалектизмом, употребление которого, согласно проведенному экспериментальному исследованию, свойственно жителям провинции Хэйлунцзян. Данная лексическая единица в рамках исследования была употреблена респондентами шесть раз. Приведем пример.

说就说。 – 他唠叨了。 / «Shuō jiù shuō». – tā láodao le/ «*Что сказал, то и сказал*», – *проворчал он*.

В словаре современного китайского языка лексическая единица 白话 /báihuà/ так же, как и предыдущее слово, имеет диалектное значение – *попусту говорить, болтать языком* [17, с. 25].

还有话可白话的。 – 他说。 / «Hái yǒu huà kě báihuà de». – tā shuō/ «*Есть еще о чем полялять*», – *сказал он*.

В нашем исследовании данная лексема встретилась один раз и была употреблена девушкой из провинции Хэйлунцзян.

Профессиональные арготизмы. Несмотря на то, что использование лексической единицы 申诉 /shēnsù/ *жаловаться, подавать жалобу* свойственно представителям юридических профессий и данная лексема может быть отнесена к

юридическому сленгу, она также была использована информантами в исследовании.

再申诉什么呢? – 我问。 / «Zài shēnsù shénme ne?» – wǒ wèn./ «*На что еще пожалуешься?*», – *спросил я*.

Данный пример служит подтверждением мысли В. И. Горелова о том, что арготизмы могут свободно функционировать в разговорном стиле, «в сфере непринужденного общения и употребляются главным образом в устной форме» [5, с. 171]. Однако данный пример является в исследовании единичным, в связи с чем мы не можем сделать каких-либо выводов относительно свободного использования арготизмов с семантикой говорения в разговорной речи.

Помимо лексем, употребляемых непосредственно в разговорной речи, в полевой материал исследования вошли лексеммы, относящиеся к письменной речи. Например, глагол 言语 /yányǔ/ *сообщить, сказать* относится только к разговорной лексике, тогда как в дефинициях лексем 回复 /huífù/ *отвечать*, 着 /zhuó/ *предлагать; офиц. приказывать* есть указание на их использование в корреспонденции, официальных бумагах. Более того, в исследовании встретился единичный случай употребления лексемы 曰 /yuē/ *книжн. говорить (что-л.), изрекать; гласить*, которая может использоваться в книжной речи и на сегодняшний день является устаревшей.

Итак, все вышеперечисленные тенденции являются свидетельством того, что разговорная речь представляет собой широкое поле для функционирования в нем лексики, относящейся к разным функциональным стилям, и лексики ограниченного употребления с разнообразной стилистической окраской. В современном разговорном китайском языке в качестве глаголов речевой деятельности в основном используются двусложные лексические единицы, образованные по модели соединения вербальных компонентов по копулятивному типу связи. Что же касается новоявленных тенденций в китайском языке, то к ним можно отнести использование морфемы 道 /dào/ в качестве второго компонента результативной конструкции и глагола 鸟 /diǎo/ в значении *говорить (грубая брань, ненормированная лексика)*.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. – Волгоград: Перемена, 2003. – 95 с.

2. Антонян К.В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. – М.: Муравей, 2003. – 270 с.

3. Антропова Л.И. Современная разговорная речь в Германии: монография. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2005. – 110 с.

4. Ветров П.П. Фразеология современного китайского языка: синтаксис и стилистика. – М.: Восточная книга, 2007. – 368 с.

5. Горелов В.И. Лексикология китайского языка. – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.

6. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. – М.: Просвещение, 1979. – 192 с.

7. Солнцева Н.В. Теоретическая грамматика китайского языка (морфология). – М.: Изд-во Военного института иностранных языков, 1976. – 151 с.

8. Хаматова А.А. К вопросу о словах с обратным порядком следования морфем // Общее и особенное в истории и культуре народов Дальнего Востока. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1991. – С. 109-121.

9. Ши Най-ань. Речные заводы / пер. с кит. А.П. Рогачева. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. – Т. 1. – 504 с.

10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с.

11. Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – 182 с.

12. 不鸟你的»鸟»是指什么? Что подразумевается под словом «diǎo» во фразе bù diǎo nǐ? [электронный ресурс]. – URL: <http://zhidao.baidu.com/question/164010096.html> (дата обращения 19.05.2013).

13. 骂人»鸟人»是什么意思? Какое значение имеет грубая брань, ненормированная лексика, «diǎorén»? [электронный ресурс]. – URL: <http://zhidao.baidu.com/question/81845013.html> (дата обращения 19.05.2013).

14. 施耐庵. 水浒传 / (明)施耐庵 // 中国古典四大名著: 水浒传 · 西游记 · 红楼梦 · 三国演义. – 北京: 北京燕山出版社, 2009. – 594页. Ши Найань. Речные заводы // Четыре классических китайских шедевра: Речные заводы · Путешествие на запад · Сон в красном тереме · исторический роман Троецарствие. – Пекин: Бэйцзин Яньшань, 2009. – 594 с.

15. 为什么人们骂人都很喜欢用»鸟人»这个词, 是怎么来的了. Почему люди, бранясь, любят использовать слово «diǎorén», откуда это пошло? [электронный ресурс]. – URL: <http://wenwen.soso.com/z/q164635354.htm> (дата обращения 19.05.2013).

16. «我鸟你»到底是啥意思? Что все-таки обозначает фраза «Wǒ diǎo nǐ»? [электронный ресурс]. – URL: <http://zhidao.baidu.com/question/72463070.html> (дата обращения 19.05.2013).

17. 现代汉语词典 (第5版). – 北京: 商务印书馆, 2005. – 1871页. Словарь современного китайского языка (5-е изд.). – Пекин: Коммерческое изд-во, 2005. – 1871 с.

Ваталева Наталья Вячеславовна, ассистент кафедры иностранных языков второй специальности Омского государственного педагогического университета. E-mail: vatalevanv@mail.ru

Vataleva Natalia Vyacheslavovna, instructor of Department of Foreign Languages as a Secondary Specialization, Omsk State Pedagogical University. E-mail: vatalevanv@mail.ru

УДК 811.58+811.521

© **Б.-Х.В. Дамдинова**

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена истории изучения китаизмов в монгольских языках в трудах отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Китай, Монголия, языковые отношения, китаизмы, заимствование.

B.-Kh.V. Damdinova

FROM THE HISTORY OF STUDYING OF CHINESE-MONGOLIAN LANGUAGES RELATIONS

This article is about the history of studying Chinese borrowings in the Mongol languages in works of domestic and foreign researchers.

Key words: Chinese, Mongolia, languages relations, sinoisms, borrowing.

Взаимоотношениям двух соседствующих стран – Китая и Монголии, их населению посвящено немало исторических исследований.

Так, в работе Ч. Далая отмечается: «Монголы уже в глубокой древности установили политические, экономические и культурные связи с

другими странами. Особенно на широкой основе Монголия, основным занятием населения которой было животноводство, поддерживала отношения с Китаем и другими земледельческими странами, откуда она получала необходимые продукты земледелия и товары...

Вместе с тем постоянно была велика потребность в торговле между Китаем и Монголией имеющимися у той и другой стороны продуктами хозяйства. По этой причине в истории обеих стран равноправная торговля между ними являлась жизненно важной. С одной стороны, Монголия – страна, богатая скотом и продуктами животноводства, вызывала интерес иностранных купцов. С другой – Китай – страна, производящая в изобилии зерно, муку, ткани и другие товары широкого потребления, был заинтересован в продаже их в другие страны, в закупке скота» [11, с.73-74].

Помимо исторических связей на политической, экономической или иной почве степень владения билингвами обоими языками является немаловажным условием, способствующим процессу заимствования. Еще Б.Я. Владимирцов отмечал, что «...на монгольском языке говорят довольно многочисленные представители иных языковых миров, для которых монгольский является языком подсобным. На первом месте следует упомянуть китайцев, главным образом уроженцев провинций Шань-си, Шэнь-си, Гань-су, Чжи-ли, Маньчжурии и Южной Монголии.

Китайцы, с одной стороны, общаются с представителями почти всех монгольских племен в Азии в качестве торговцев и ремесленников, с другой – они сталкиваются со многими группами монгольского населения в качестве колонистов-земледельцев. Огромное большинство китайцев-торговцев и ремесленников, общающихся с монголами и живущих среди них, говорит по-монгольски. Нередко владеют монгольской речью и китайцы-колонисты...

Также многие монгольские племена, многочисленные представители разных монгольских племен владеют чужими языками, оказываются вовлеченными в орбиту чужого языкового мира.

Так, почти все южные монголы, а также баргу-буряты и дагуры находятся под воздействием китайского языка; многие представители этих племен, говорящие на соответствующих монгольских диалектах, не только хорошо владеют китайским, но часто являются двуязычными, одинаково владея своим монгольским говором и одним из китайских диалектов» [8, с.15].

Процесс заимствования китайских слов в монгольские языки происходил неравномерно. В связи с этим Т.А. Бертагаев писал, что самое

большое количество китаизмов наблюдается в классическом монгольском письменном языке (XVI–XX вв.), затем – в разговорном монгольском (халхаском) языке. Часть этих заимствований проникла в язык в результате непосредственного торгового контакта монголов с китайцами, а значительная часть – поступления из классического монгольского письменного языка. Гораздо меньше заимствований в бурятском языке. Количество китаизмов в бурятском разговорном языке находится в прямой зависимости от территориальной расположенности говора: чем дальше от Китая, тем меньше заимствований из китайского языка [3, с. 367].

Наиболее благоприятные периоды для заимствования китайских слов указываются в работе Ц.Б. Цыдендамбаева [24, с. 495]: а) времена правления монгольских ханов – от Хубилая до Тогон-Тэмюра, когда их ставка и монгольские войска пребывали в Китае (1260–1368); б) период маньчжурской династии, когда Монголия была под протекторатом Китая (1644–1911). Очевидно, в период колонизации Монголии и проникли в монгольский язык титулы бюрократической иерархии Срединной империи, названия товаров и прочих атрибутов китайской торговли, предметов и понятий быта и хозяйства, связанных с началом освоения новых земель под огородные и прочие культуры и т.д. Усиление китайского влияния сказывалось и в том, что осуществлялись переводы исторической, религиозно-проповеднической и иной литературы с китайского языка на монгольский.

Как отмечает Ц.Б. Будаев, в бурятский язык монголизмы китайского происхождения пришли разными путями: как в результате заимствований из монгольского языка, так и в виде лексики, наследованной от исходных халхаских диалектов. В отличие от восточно-бурятских групп в западно-бурятских говорах монгольские заимствования китайского происхождения встречаются лишь в единичных случаях [6, с.189-191; 5, с. 94-97].

Китаизмы часто упоминаются в трудах отечественных ученых при исследовании лексического состава монгольских языков. Так, в трудах Б.Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского языка и халхаского наречия» и «Общественный строй монголов» детально рассмотрены многие «феодальные» термины монгольского средневекового общества. Среди них встречаются титулы, звания и должности, а также некоторые общеупотребительные слова китайского происхождения [8, 7].

В 1964 г. в газете «Буряад үнэн» вышла статья на бурятском языке У-Ж.Ш. Дондукова

«Абтаһан үгэнүүд тухай» («О заимствованных словах»). Она посвящена заимствованным словам из китайского и маньчжурского в монгольском и бурятском языках. Детально рассмотрены китаизмы *һан(г)*, *салин*, *наймаан*, *шан*, *янза*, *шэнжэ*, *сай* и другие слова. Автор указывает, что рассмотренные в статье слова в бурятском языке воспринимаются как исконные и приводит к ним их китайские или маньчжурские эквиваленты [15, с. 4].

При исследовании монгольской летописи XVIII века «Алтан Тобчи» П.Б. Балданжапов вкратце упоминает о том, что наряду с другой лексикой китайского происхождения в классическом письменном языке имеется довольно много китайских административных и политических терминов, названий династий, правлений императоров и чиновничьих должностей, а также различных титулов, и приводит ряд китайских заимствований, встречающихся в «Алтан Тобчи» Мэргэн Гэгэна [2, с. 49-51].

Наиболее содержательным является раздел о китаизмах в работе Ц.Б. Цыдендамбаева «Бурятские исторические хроники и родословные», где приведены несколько десятков китайских заимствованных слов и их прототипы из различных источников. Автором кратко затронута проблема приспособления китайских слов к фонетическим законам монгольского языка, проанализировано семантическое развитие китайского слова *сан*, рассмотрены вопросы взаимоотношения монголов с китайцами, время проникновения китайских слов в монгольский язык [24, с. 485-496].

Т.А. Бертагаев в монографии «Лексика современных монгольских литературных языков» также посвящает заимствованиям из китайского языка один из разделов. В нем автор, помимо того, что нами было уже указано, классифицировал китаизмы по времени заимствования на предположительно самые ранние, средних веков и более поздние. Дополнительно к этому приведены тематические группы китаизмов [3, с. 367-369].

Нельзя не отметить работы Ц.Б. Будаева «Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении», Д.Д. Дондовой «Лексика духовной культуры бурят», И.Т. Зограф «Монгольско-китайская интерференция», М.Н. Орловской «Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке», в которых затронуты вопросы влияния китайского языка на монгольские языки. Ими также приведено немало слов китайского происхождения. Список слов последней работы отно-

сится к архаизмам [6, с.189-191, 14, с.18-21, 76-77, 17, с. 6, 19, с. 51].

Д.Д. Дондовой в статье «Китайские заимствованные элементы в бурятском языке» приведены китайские заимствованные элементы в бурятском языке, в языке бурят МНР и языке шэнэхэнских бурят. По словам автора, некоторые элементы считаются сомнительными, а также рассмотрены предположительно заимствованные слова [13, с.120-137].

Б.З. Базарова в статье «Этимология среднемонгольского слова (б)уджин» всесторонне анализирует китайское заимствование (b)üjin, часто встречающееся в классических монгольских летописях и ставшее архаизмом. Автор также определяет причины обращения монголов к китайским феодальным терминам [1, с.126-146].

Исследованиям заимствования китайских слов в монгольских языках посвящены также работы монгольских и китайских ученых.

В работах ученых Внутренней Монголии (КНР) Бөх Т. «Монгол хэлэн дотрох хятад гаралтай үгийн тухай», Түргэн Б. «Монгол шинэ бичгийн хэлэн дэх хятад хэлнээс зээлдсэн үгийн байдал», Ү Жүн Фүн «Хятад хэлнээс зээлдсэн авсан үгсийн дуудлагын тухай» и Мөрөн Ман «Монгол хэлэн дэх хятад гаралтай үг» рассмотрены вопросы проникновения и функционирования китайских слов в современном монгольском языке [4, с. 8-13, 18, с. 368-416, 22, с.14-27, 23, с. 26-28].

В 1995 г. была опубликована статья Г. Гантогтоха «Хятад хэлнээс монголжиж буриад аялгуунд орсон үгс» в сборнике «Историко-сравнительное изучение монгольских языков», посвященная заимствованиям, бытующим в языке бурят Монголии. В ней рассмотрены многочисленные лексические заимствования, которые разбиты по семантическим группам, и их фонетическое оформление, а также перечислено около десяти калькирований. Достоинством работы, по нашему мнению, является подача материала: к бурятским словам приводятся их китайские соответствия (иероглиф и транслитерация), а также эквиваленты из классического монгольского письма и современного монгольского языка [9, с.109-120].

В 1997 г. в Улан-Баторе Я. Ганбаатором была защищена диссертация «Лексическая интерференция монгольского и китайского языков», посвященная китаизмам в монгольском языке и монголизмам в китайском [10].

Монографическим исследованием, полностью посвященным китайским заимствованиям в монгольском языке, является диссертация Н. Туяацэцэг «Китайские слова, вошедшие в

письменный монгольский язык», защищенная в 2003 г. в г. Улан-Батор [21]. К числу таких работ относится и диссертация Б.-Х.В. Дамдиновой «Китайские заимствования в монгольских языках (на примере современного монгольского и бурятского литературного языков)», защищенная в 2007 г. в г. Улан-Удэ [12].

Результаты исследования китайских заимствований в монгольских языках нашли отражение и в лексикографических работах монгольских и китайских ученых, таких как Дэмбэрэл Д. «Гадаад үгийн товч тайлбар толь» [16], Сүхбаатар О. «Монгол хэлний харь үгийн толь» [20] и «蒙汉缩略语及外来词词典» [25].

Китайские заимствования, существующие в современном монгольском и бурятском литературном языках, в основном унаследованы из лексики классического монгольского письменного языка и составляют в настоящее время немалую в количественном отношении часть лексики. Они стали основным средством номинации новых реалий, которые появились в результате взаимоотношений монгольского и китайского народов. В современном монгольском языке китаизмов намного больше, чем в бурятском. Это объясняется территориальной расположенностью, а также тем, что для обозначения новых понятий в бурятском языке активно заимствуются русские слова. Китаизмы полностью адаптировались в монгольской лексике. Одни из них прочно вошли в лексическую систему и обросли большим числом грамматических и семантических производных. Другие присущи разговорной речи, а третьи отходят в состав историзмов.

В целом китаизмы получили довольно широкое распространение в монгольских языках и сыграли исключительно позитивную роль в развитии лексико-семантической системы монгольских языков, проявили большую словообразовательную активность и оставили заметный след в литературных произведениях, пословицах и поговорках.

Литература

1. Базарова Б.З. Этимология среднемонгольского слова (б)уджин // Лексикологические исследования монгольских языков. – Улан-Удэ, 1988. – С. 126-146.
2. Балданжапов П.Б. Алтан тобчи. Монгольская летопись XVIII века. – Улан-Удэ, 1970.
3. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. – М., 1974.

Дамдинова Буда-Ханда Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета. E-mail: damdin-bhv@mail.ru

Damdinova Buda-Khanda Vladimirovna, cand. of philology science, the senior teacher at the department of philology of Far East countries of BSU. E-mail: damdin-bhv@mail.ru

4. Бөх Т. Монгол хэлэн дотрох хятад гаралтай үгийн тухай // Монгол түүх хэл бичиг. – Хөххот, 1958. – № 12. – С. 8-13.
5. Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты. Опыт диахронического исследования. – Новосибирск, 1992.
6. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск, 1979.
7. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.
8. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. – Л., 1929.
9. Гантогтох Г. Хятад хэлнээс монголжиж буриад аялгуунд орсон үгс // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. – Улан-Удэ, 1995. – С.109-120.
10. Ганбаатар Я. Монгол хятад хэлний үгийн сангийн харилцан нөлөөлөл: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улаанбаатар, 1997.
11. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV вв. – М., 1983.
12. Дамдинова Б.-Х.В. Китайские заимствования в монгольских языках (на материале современного монгольского и бурятского литературного языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2007.
13. Дондокова Д.Д. Китайские заимствованные элементы в бурятском языке // История и внешние связи бурятского языка. – Улан-Удэ, 2004. – С. 120-137.
14. Дондокова Д.Д. Лексика духовной культуры бурят. – Улан-Удэ, 2003.
15. Дондуков У-Ж.Ш. О заимствованных словах // Буряад унэн. – 1964. – 14 марта. – С. 4.
16. Дэмбэрэл Д. Гадаад үгийн товч тайлбар толь. – Улаанбаатар, 2002.
17. Зограф И.Т. Монгольско-китайская интерференция. – М., 1984.
18. Мөрөн Ман. Монгол хэлэн дэх хятад гаралтай үг // Монголын судлалын өгүүлэлийн түүвэр. – Хөххот, 1992. – С. 368-416.
19. Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. – М., 1961.
20. Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. – Улаанбаатар, 1999
21. Туяацэцэг Н. Монгол бичгийн хэлэнд орсон хятад үг (XIII– XX зуун): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улаанбаатар, 2003.
22. Түргэн Б. Монгол шинэ бичгийн хэлэн дэх хятад хэлнээс зээлдсэн үгийн байдал // Монгол хэл зохиол түүх. – Хөххот, 1959. – № 4. – С. 14-27.
23. Ү Жүн Фүн. Хятад хэлнээс зээлдсэн авсан үгсийн дуудлагын тухай // Монгол хэл зохиол түүх. – Хөххот, 1959. – № 9. – С. 26-28.
24. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ, 1972.
25. 蒙汉缩略语及外来词词典. – 呼和浩特, 2003.

УДК 811.58'73

© В.В. Дашеева

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КИТАЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Данная статья посвящена анализу лексико-семантических характеристик личных имен китайцев. В статье предлагается авторская классификация лексико-семантических групп онимов по первичному лексическому значению апеллятивов – нарицательных слов, послуживших материалом для образования имен собственных.

Ключевые слова: ономастика, китайские антропонимы, имена собственные, лексикология, лексико-семантическая классификация.

V.V. Dasheeva

LEXICAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF CHINESE ANTHROPONYMS

In the article lexical and semantic characteristics of Chinese proper names are analyzed. The article offers the author's classification of lexical and semantic groups of onyms, based on the primary lexical meaning of appellatives, served as material for the formation of proper names.

Keywords: onomastics, Chinese anthroponyms, proper names, lexicology, lexical-semantic classification.

Вопрос о своеобразии значения имени собственного, в том числе и лексико-семантического, всегда вызывал наибольшее количество дискуссий в ученом мире, причем он понимался не столько как лингвистическая, сколько как логическая проблема, поэтому исследователями были не только филологи (Бондалетов, Суперанская и др.) [1], [2], но и логики и философы. Согласно одной группе теорий, собственные имена вообще не имеют, по выражению Дж. Ст. Милля, «решительно никакого значения», это лишь метки, ярлыки, позволяющие отличать предметы друг от друга; они не коннотируют – не описывают означаемой ими вещи, а лишь денотируют – называют ее (Милль, Гардинер, Брендалль, Бойссенс, Ельмслев) [2]. Другая группа ученых (Джозеф, Брелль, Есперсен и др.) наделяет имена собственные способностью иметь даже больше значения, чем нарицательные, так как первые дают об обозначаемом ими объекте больше информации, чем вторые [2]. Ср., например, в этом отношении слова: 鲁迅 и писатель.

Доказывая собственную точку зрения на данную проблему, мы опираемся на определение значения слова, принятого в языкознании: под лексическим значением понимается содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление об обозначаемом словом объекте, и на следующее утверждение А.В. Суперанской: «Основное свойство собственных имен – отсутствие связи с понятием, тесная связь с единичным конкретным объектом» [3].

Рассмотрим, например, китайское мужское имя 雷 (kit.) – Лэй 'гром, гроза' и русское женское Любовь. Они могут иметь несколько значе-

ний: во-первых, прямое значение апеллятивной основы (гром, любовь), во-вторых, каждое из них – это наименование конкретного человека: мужчины и женщины. Логично предположить, что значение слов 雷 Лэй и Любовь будет связано с обозначаемыми данными словами определенными людьми ничуть не меньше, чем с прямым значением их лексической основы.

Для традиционно существующих в обществе имен, которые, начиная служить для обозначения людей, утрачивают связь с их характеристиками и получают «статус имени собственного, начинает действовать закон отталкивания имени от породившего его апеллятива. Это проявляется и в фонетических, и в акцентологических, и в графических изменениях облика имени и ведет к семантическому отрыву онома от омонимичного ему когда-то апеллятива, что, в свою очередь, делает возможным повторное сближение имени с иным апеллятивом и ретимологизацию его в плане, не имеющем ничего общего с первоначальной номинацией» [4]. Таким образом, связь антропонима с понятием соответствующего апеллятива, от которого произошел этот антропоним, стремится к нулю. Содержание слова, так же как и его семантическое значение, ни в коем случае нельзя отождествлять со значением апеллятивной основы имени собственного. «Поскольку известно, что «нарицательный смысл» собственного имени постепенно утрачивается, речь может идти лишь о степени сохранения именем этого смысла» [2]. Поэтому «несение этого смысла» именем-дескриптивом не является основной его функцией. Мотивированное имя содержит в себе определенную информацию, связанную с его апеллятивным значением, «но создается имя не ради того, чтобы включать в него эту информацию» [2].

Степень сохранности этимологического значения имени зависит от такого явления чисто экстралингвистического плана, как известность его носителя определенному кругу лиц или всем членам языкового коллектива. В связи с этим можно обозначить следующую ономастическую универсалию: «обратная зависимость сохранности апеллятивного значения лексем, входящих в состав имен, от известности их денотата»: оно тем тусклее, чем лучше известен денотат имени, и тем ярче, чем он менее известен. Так, мало кто вспоминает о слове *пушка* в связи с фамилией известного русского поэта *Пушкина*, так же, как и даже те, кто изучает китайский язык, не отождествляют имя известного китайского государственного и политического деятеля *Мао Цзэдуна* 泽东(кит.) (*Цзэдун* 'блистающий восток') со словом «восток».

Несмотря на универсальность процесса ретимологизации для классификации имен собственных, определение границ лексико-семантических полей, необходимо учитывать первичные семантические значения апеллятивов, послуживших материалом для их образования. Логичным представляется деление ИС в соответствии с природой породивших их апеллятивов на три большие группы. Классификация эта предложена М.А. Бородиной и В.Г. Гаком и логически обоснована Л.В. Шулуновой как наиболее подходящая для классификации обозначаемых элементов внеязыковой сферы (денотатов) [5]:

I. Не связанные с деятельностью человека – объективно данная физическая действительность, не зависящая от деятельности людей (названия частей ландшафта: возвышенности, равнины, водные объекты; физических явлений и состояний: огонь, жидкость, газ; свойств: форма, размер, цвет; представителей флоры и фауны и т.п.).

II. Связанные с деятельностью человека: различные элементы материального мира, созданные человеком: пища, одежда, жилище, предметы быта; все созданные людьми общественные институты, организации, предприятия, учреждения культуры; формы государственного устройства и общественной иерархии, традиции, мода и т.п.

III. Связанные с духовной жизнью человека: понятия: научные, религиозные, абстрактные, этические и эстетические; чувства, ощущения; плоды человеческой фантазии.

«Деление на эти три группы (нетворимый материальный мир, творимый материальный мир и духовный мир) существенно для исторической лексикологии, как указывают М.А. Боро-

дина и В.Г. Гак: слова, обозначающие элементы каждой из этих трех групп, проявляют определенную специфику в развитии» [5].

I. Не связанные с деятельностью человека

Китайские антропонимы, обозначающие те или иные природные объекты и явления, представлены большим количеством онимов. Будучи земледельцами, проживая возле различных водных объектов, китайцы также неразрывно связывали свою жизнь с дикими и домашними животными.

1.1. Части ландшафта

东海 (кит.) *Дунхай* 'восточное море', 南山 (кит.) *Наньшань* 'южные горы', 河口 (кит.) *Хэкоу* 'устье реки', 青山 (кит.) *Циншань* 'зеленые горы', 浅滩 (кит.) *Цяньтань* 'отмель, брод', 春光 (кит.) *Чуньгуан* 'весенний пейзаж', 玉山 (кит.) *Юйшань* 'яшмовая гора' [6] (имя дано по географическому названию *Яшмовая гора*, Тайвань).

1.2. Минералы, металлы, почва

泥 (кит.) *Ни* 'ил, глина', 土块 (кит.) *Тукуай* 'ком земли', 石 (кит.) *Ши* 'камень', 石头 (кит.) *Шитоу* 'камень' [6].

1.3. Животный мир

Многие наименования животных в составе личных имен используются как метафорические, некоторые как охранные.

1.3.1. Звери

豹 (кит.) *Бао* 'леопард', 狗 (кит.) *Гоу* 'собака', 狗蛋 (кит.) *Годань* 'охранное имя: собачьи яйца', 马 (кит.) *Ма* 'конь', 牛 (кит.) *Ню* 'корова', 熊 (кит.) *Сюн* 'медведь', 小马 (кит.) *Сяома* 'жеребенок', 小虎 (кит.) *Сяоху* 'тигренок', 驹 (кит.) *Цзюй* 'молодой конь', 骏 (кит.) *Цзюнь* 'быстроногий скакун', 狮 (кит.) *Ши* 'лев', 羊 (кит.) *Ян* 'баран'.

1.3.2. Птицы

雕 (кит.) *Дяо* 'беркут, орел', 鸟 (кит.) *Няо* 'птица', 黄鹂 (кит.) *Хуанли* 'желтая иволга, китайская иволга' (см. также п.1.7.2), 鹤 (кит.) *Хэ* 'журавль', 鹅 (кит.) *Э* 'гусь'.

1.3.3. Земноводные

蛙 (кит.) *Ва* 'лягушка'.

1.3.4. Пресмыкающиеся

蛇 (кит.) *Шэ* 'змея'.

1.3.5. Рыбы

鲍鱼 (кит.) *Баоюй* 'абалон', 鲟 (кит.) *Фан* 'леуц', 鱼 (кит.) *Юй* 'рыба'.

1.3.6. Моллюски

蚌 (кит.) *Бан* 'беззубка китайская'.

1.3.7. Насекомые

蚁 (кит.) *И* 'муравей' [7].

1.4. Растительный мир

Среди популярных китайских имен выделяются довольно большие группы онимов, содержащих иероглифы 梅 (кит.) 'дикая слива, мэйхуа', 兰 (кит.) 'орхидея'.

梅 (кит.) Мэй 'дикая слива, мэйхуа', 雪梅 (кит.) Сюэмэй 'снежная (засахаренная) слива', 寒梅 (кит.) Ханьмэй 'зимняя слива', 红梅 (кит.) Хунмэй 'красная слива' (см. также п.1.7.2), 咏梅 (кит.) Юнмэй 'петь + слива', 月梅 Юэмэй 'цветок лунной сливы'.

大兰 (кит.) Далань 'большая орхидея', 小兰 (кит.) Сяолань 'маленькая орхидея', 春兰 (кит.) Чуньлань 'цимбидиум зеленеющий, весенняя орхидея', 玉兰 (кит.) Юйлань 'магнолия голая, нефритовая орхидея'.

银枝 (кит.) Иньчжи 'серебряные ветви', 梨 (кит.) Ли 'груша, грушевое дерево', 柳 (кит.) Лю 'ива плачущая', 牡丹 (кит.) Мудань 'пион', 玫瑰 (кит.) Мэйгуй 'роза, шиповник', 楠 (кит.) Нань 'махил, дерево фебе, наньму, китайский кедр, китайское гигантское красное дерево, 杏 (кит.) Син 'абрикос, урюк', 松林 (кит.) Сунлинь 'сосновый лес, сосновый бор, сосняк', 桃 (кит.) Тао 'персик: плод и персиковое дерево (символ долголетия и женской любви)', 桦 (кит.) Хуа 'береза плосколистная', 榎 (кит.) Хуай 'софора японская', 红花 (кит.) Хунхуа 'сафлор, красильный чертополох, шафран' (см. также п.1.7.2), 青松 (кит.) Цинсун 'зеленая сосна', 竹 (кит.) Чжу 'бамбук', 种 (кит.) Чжун 'семя, семена', 椿 (кит.) Чунь 'цедрела китайская, китайский ясень; мифическое дерево долголетия, 树枝 (кит.) Шучжи 'ветка, сук', 杨 (кит.) Ян 'тополь, ива Матсуды', срок жизни которого составляет 16 000 лет' [6].

1.5. Небо и небесные светила

白云 (кит.) Байюнь 'белое облако' (см. также п.1.7.2), 碧空 (кит.) Бикун 'лазурное небо', 高天 (кит.) Гаотянь 'высокое небо', 日光 (кит.) Жигуан 'солнечные лучи', 流星 (кит.) Люсин 'метеор', 明星 (кит.) Минсин 'ясная звезда', 明霞 (кит.) Минся 'ясная заря', 明月 (кит.) Мин'юэ 'ясная луна', 星空 (кит.) Синкун 'звездное небо', 夕阳 (кит.) Сиян 'вечернее солнце', 朝阳 (кит.) Чаоян 'утреннее солнце', 月华 (кит.) Юэхуа 'лунное сияние' [6].

1.6. Физические явления и состояния

雾 (кит.) Ву 'туман', 雷 (кит.) Лэй 'гром', 雪冬 (кит.) Сюэдун 'снежная зима', 风雪 (кит.)

Фэнсюэ 'метель', 海涛 (кит.) Хайтао 'морская волна', 润岚 (кит.) Цзяньлань 'туман в ущелье' [7].

1.7. Физические отношения и параметры

1.7.1. Время

Очень часто антропонимы, обозначающие время, указывают на время рождения ребенка. Например: 冬 (кит.) Дун 'зима', 夏 (кит.) Ся 'лето', 晓 (кит.) Сяо 'рассвет, утренняя заря, утро', 黑夜 (кит.) Хэй'е 'темная ночь' (см. также п.1.7.2), 子夜 (кит.) Цзы'е 'полночь', 秋 (кит.) Цю 'осень', 昼 (кит.) Чжоу 'день', 春 (кит.) Чунь 'весна', 春生 (кит.) Чуньшэн 'родиться весной' (см. также п. 2.4).

1.7.2. Цвет

Наиболее распространены имена со следующими иероглифами, обозначающими цвет:

白 (кит.) Бай 'белый', например: 白毛 (кит.) Баймао 'белые волосы, седые волосы' (см. также п.2.1.1), 白云 (кит.) Байюнь 'белое облако' (см. также п.1.5), 小白 (кит.) Сяобай 'белолицый, прекрасный юноша, красивый мальчик' (см. также п.2.1.1). Имя 白 (кит.) Бай 'белый', принадлежит Ли Бо (701—762/763 гг.), известному китайскому поэту времен династии Тан.

黄 (кит.) Хуан 'желтый', например: 黄鹂 (кит.) Хуанли 'желтая иволга, китайская иволга' (см. также п.1.3.2), 黄历 Хуанли 'календарь' (см. также п.2.2.6).

红 (кит.) Хун 'красный', например: 红梅 (кит.) Хунмэй 'красная слива' (см. также п.1.4), 红花 (кит.) Хунхуа 'сафлор, красильный чертополох, шафран' (см. также п.1.4).

黑 (кит.) Хэй 'черный', например: 黑夜 (кит.) Хэй'е 'темная ночь' (см. также п.1.7.1), 黑脸 (кит.) Хэйлянь 'смуглый, черное лицо' (см. также п.2.1.1).

绿 (кит.) Люй 'зеленый', как в имени 绿丁 (кит.) Люйдин 'зеленый + гвоздь'.

А также с иероглифами 蓝 (кит.) Лань 'голубой, синий, лазурный, лазоревый', 紫 (кит.) Цзы 'фиолетовый, лиловый, пурпурный' и др.

1.7.3. Звук

雪鸣 (кит.) Сюэмин 'щебет в снегу', 啸 Сяо 'звукоподражат.: свист, крик, рев, рык, в т.ч. рев тигра'.

1.7.4. Местоположение

内部 (кит.) Нэйбу 'внутренняя часть, внутреннее пространство', 远 (кит.) Юань 'далекий'.

1.7.5. Меры

白升 (кит.) Байшэн 'гектолитр (1 гл = 100 литров)', 金斗 (кит.) Цзиньдоу 'мерка для вина' [7].

II. Связанные с деятельностью человека

Жизнь человека протекает на разных уровнях: индивидуальном и общественном. При именовании китайцы, как и представители других народов мира, значительное внимание уделяют различным физическим характеристикам человека: внешним, возрастным и т.п., а также материальным и общественным ресурсам, которые производит человек в процессе своей деятельности.

2.1. Физические характеристики человека

2.1.1. Внешность человека, части тела

Следует отметить, что имена с отрицательной семантикой (различные отрицательные характеристики и черты внешности) выполняют охраняющие функции.

白毛 (кит.) Баймао 'белые волосы, седые волосы, седой' (см. также п.1.7.2), 拐子 (кит.) Гуайцзы 'колченогий', 光头 (кит.) Гуантоу 'лысая голова', 大头 (кит.) Датоу 'большая голова', 大脚 (кит.) Дацзяо 'большая нога', 大耳 (кит.) Да'эр 'большое ухо', 大牙 (кит.) Да'я 'крупные зубы', 对眼 (кит.) Дуйянь 'косые глаза', 美丽 (кит.) Мэйли 'прекрасный, изящный, красивый', 胖 (кит.) Пан 'толстый', 胖崽 (кит.) Панцзай 'полный ребенок', 漂亮 (кит.) Пяолян 'красивая', 小白 (кит.) Сяобай 'белолицый, прекрасный юноша, красивый мальчик' (см. также п.1.7.2), 小脚 (кит.) Сяоцзяо 'маленькая ножка', 驼背 (кит.) Тобэй 'горбатый', 黑脸 (кит.) Хэйлянь 'смуглый, черное лицо' (см. также п.1.7.2), 金梁 (кит.) Цзиньлянь 'верхние и нижние зубы', 矬子 (кит.) Цуоцзы 'карлик', 瘸子 (кит.) Цюэцзы 'хромоногий'.

2.1.2. Возрастные характеристики человека

Большинство таких имен носит пожелательный характер, например: 留住 (кит.) Лючжу 'останется жить', 长命 (кит.) Чанмин 'долгая жизнь', 长寿 (кит.) Чаншоу 'долголетие', 站住 (кит.) Чжаньчжу 'останется жить', 延年 (кит.) Яньнянь 'долгая жизнь, продлевать жизнь'.

Немало среди них и слов, обозначающих принадлежность человека к той или иной возрастной группе: в семье, в обществе и т.п.

哥哥 (кит.) Гэгэ 'старший брат', 弟弟 (кит.) Диди 'младший брат', 老太太 (кит.) Лаотайтай 'пожилая женщина', 男孩 (кит.) Наньхай 'мальчик'.

Очередность рождения детей может указываться специальными терминами. Например, прозвища, указывающие на относительный возраст его носителя среди детей в семье: 伯 (кит.)

Бо 'старший ребенок в семье', 仲 (кит.) Чжун 'средний из братьев, второй', 叔 (кит.) Шу 'третий из четырех братьев', 季 (кит.) Цзи 'младший ребенок из четырех, младший сын, младшая дочь' [8].

2.2. Материальная культура

Интересно, что в китайском антропонимиконе отсутствуют антропоформанты, обозначающие одежду (обувь). Очень распространены имена, имеющие в первой – определительной – части иероглифы 金 (кит.) 'золото, золотой', 玉 (кит.) 'яшма, нефрит, яшмовый, нефритовый', 珍 (кит.) 'жемчуг, жемчужный' и названия других драгоценных металлов и камней. Такие названия большей частью метафоричны.

2.2.1. Орудия труда и их детали

犁 (кит.) Ли 'плуг', 锄 (кит.) Чу 'мотыга', 镰 (кит.) Чу 'серп'.

2.2.2. Оружие

银剑 (кит.) Иньцзянь 'серебряный меч', 戟 (кит.) Цзи 'алебарда двузубая', 剑 (кит.) Цзянь 'меч, родовое слово для обоюдоострого оружия'.

2.2.3. Продукты питания

包子 (кит.) Баоцзы 'поза, паровой пирожок', 饼子 (кит.) Бинцзы 'лепешка (из кукурузной муки, риса или чумизы, овальной формы)', 豆包 (кит.) Доубао 'приготовленный на пару пирог с соевый пастой, свернутый соевый творог', 豆腐 (кит.) Доуфу 'бобовый сыр, соевый творог, доуфу', 馒头 (кит.) Маньтоу 'пампушка'.

2.2.4. Постройки, жилище

高楼 (кит.) Гаолоу 'высокое здание, многоэтажный дом, хоромы, богатый дом', 庠 (кит.) Сян 'сельская школа', 小楼 (кит.) Сяолоу 'маленький дом', 金库 (кит.) Цзинку 'казначейство, казна, сокровищница', 剑阁 (кит.) Цзяньгэ 'храмиллице оружия, арсенал, воинский склад', 书阁 (кит.) Шугэ 'книгохранилище, книжный клуб'.

2.2.5. Материалы, минералы, сырье

金叶 (кит.) Цзинье 'здесь: листовое золото' (см. также п. 2.2.7) и другие имена с иероглифом 金 (кит.) Цзинь 'золото', 银 (кит.) Инь 'серебро', 钢 (кит.) Ган 'сталь', 琉 (кит.) Лю 'искрящийся камень, стекло, глазурь', 铁 (кит.) Те 'железо'.

2.2.6. Предметы быта

雨伞 (кит.) Юйсань 'зонт', 黄历 Хуанли 'календарь' (см. также п.1.7.2).

2.2.7. Музыкальные инструменты

笛 (кит.) Ди 'ди, китайская поперечная флейта', 箫 (кит.), Сяо 'сяо, китайская продольная многоствольная флейта', 金叶 (кит.) Цзинье 'здесь: язычок свирели' (см. также п. 2.2.5), 笙

(*кит.*) Шэн 'китайский язычковый духовой музыкальный инструмент, губной орган, китайская губная гармоника', различные имена с иероглифом 琴 (*кит.*), например: Цинь 'цин, цитра, скрипка, щипковый музыкальный инструмент'.

2.2.8. Предметы роскоши

玛瑙 (*кит.*) Манао 'агат', 金钗 (*кит.*) Цзиньчай 'золотая шпилька', 金钏 (*кит.*) Цзиньчуань 'золотой браслет', 珍珠 (*кит.*) Чжэньчжу 'жемчуг, жемчужина', 坠 (*кит.*) Чжуй 'подвеска', 玉 (*кит.*) Юй 'яшма, нефрит', 玉秀 (*кит.*) Юйсю 'яшма, нефрит + цветущий, красивый, изящный', 玉珠 (*кит.*) Юйчжу 'нефритовая жемчужина' [6].

2.3. Социальная культура

2.3.1. Экономика и финансы

富贵 (*кит.*) Фугуй 'богатство и положение, деньги и почет', 经济 (*кит.*) Цзинцзи 'экономика', 长富 (*кит.*) Чанфу 'долгое благополучие, изобилие'.

2.3.2. Профессии, положение в обществе

瓦匠 (*кит.*) Вацзян 'черепичник, каменщик', 伟民 (*кит.*) Вэйминь 'великий народ', 国栋 (*кит.*) Годун 'опора государства', 邻居 (*кит.*) Линьцзюй 'сосед', 木匠 (*кит.*) Муцзян 'плотник, столяр, резчик по дереву', 铁匠 (*кит.*) Тецзян 'кузнец, слесарь', 军 (*кит.*) Цзюнь 'армия' [8].

2.4. Действия

徐行 (*кит.*) Сюйсин 'степенно идти', 疾飞 (*кит.*) Цзифэй 'стремительно лететь', 春生 (*кит.*) Чуньшэн 'родиться весной' (см. также п. 1.7.1), 出发 (*кит.*) Чуфа 'отправиться в путь' [7].

III. Связанные с духовной жизнью человека

Духовная жизнь каждого представителя китайского общества, как и всего китайского народа в целом, разворачивается благодаря духовным достижениям человека и общества. Это происходит в тот момент, когда человек попадает в поле притяжения определенных духовных ценностей. Именно в процессе освоения духовных ценностей кристаллизуется ценностно-нормативный стержень человека, формируются его этические и эстетические понятия. Все его индивидуальные психические и интеллектуальные характеристики – чувства, эмоции, воля, мышление – приобретают ценностную направленность, решается вопрос о смысле жизни, религиозной принадлежности, разрабатывается программа собственной жизнедеятельности. Все эти процессы и понятия находят свое отражение в довольно существенном пласте китайской онимической лексики.

3.1. Психологические, нравственные, интеллектуальные, эстетические, поведенческие характеристики и понятия

博爱 (*кит.*) Боай 'человеколюбие, братство, всеобщая любовь, милосердие', 笨蛋 (*кит.*) Бэньдань 'глупый', 旦旦 (*кит.*) Даньдань 'искренний', 多嘴 (*кит.*) Доцзуй 'болтун', 懒惰 (*кит.*) Ланьдуо 'ленивый, нерадивый, лень', 福 (*кит.*) Фу 'счастье, благословение, благополучие', 糊涂 (*кит.*) Хуту 'глупый, бестолковый', 善人 (*кит.*) Шаньжэнь 'добрый человек', 少奇 (*кит.*) Шаоци 'гениальный с детства', 誉为 (*кит.*) Ювэй 'имеющий большое будущее, слава, известность', 恩惠 (*кит.*) Эньхуэй 'добро, милость' [8].

3.2. Слова с религиозным значением

悟禅 (*кит.*) Учань 'понятие буддизма: уразуметь принципы созерцания, овладеть значением и приемами самосозерцания' [6].

3.3. Мифические существа, предметы и явления

龙 (*кит.*) Лун 'дракон', 鹏 (*кит.*) Пэн 'мифическая гигантская птица Пэн', 凤 (*кит.*) Фэн 'феникс' [7].

Таким образом, для антропонимии Китая характерно наличие большого разнообразия лексико-семантических полей, что обусловлено длительным периодом существования китайской цивилизации. При этом любое имя является объектом хранения, переработки и передачи информации как лингвистического, так и экстралингвистического плана, причем наиболее ярко характер информации, заключенной в имени, проявляется именно в экстралингвистическом плане.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
3. Суперанская А.В. Аpellатив – онома // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978. – С. 32-33.
4. Суперанская А.В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика. – М., 1972. – С. 352-353.
5. Шулунова Л.В. Ономастика Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1995. – 208 с.
6. Ян Иньху. Сяндай шиюн цимин ишу = Искусство современного практического имянаречения. – Цзилинь: Цзилинь жэньминь чубаньше, 2006. – 576 с. (на кит.яз.)
7. Цимин башиба фа = 88 способов имянаречения. – Гуанси, 2003. – 522 с. (на кит. яз.)
8. Цзюй Тяньчжун. Синмин юй жэньшэн = Антропонимы и жизнь человека. – Пекин, 2009. – 250 с. (на кит. яз.)

Дашеева Вера Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета. E-mail: denisova.v@mail.ru
Dasheeva Vera Vitalievna, PhD (Philology), Associate Professor of Philology of the Far East Department, Buryat State University. E-mail: denisova.v@mail.ru

УДК 821.512.36

© Д.В. Дашибалова

МОНГОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1990 – НАЧАЛА 2000-Х ГГ.: ПОИСКИ НОВЫХ ИДЕЙ, ФОРМ, ОБРАЗОВ

В статье дается краткий обзор основных направлений и тенденций современного литературного процесса Монголии, характеризуется творчество наиболее ярких представителей монгольского модернизма и постмодернизма, акцентируется внимание на такие приемы и понятия, как символизм, формализм, интертекст, аллюзии, реминисценции.

Ключевые слова: новейшая монгольская литература, модернизм, постмодернизм, архетип, интертекст, аллюзии.

D.V. Dashibalova

MONGOLIAN LITERATURE OF 1990–2000'S: THE QUEST OF NEW IDEAS, FORMS, CHARACTERS

The article reviews the new tendencies of modern Mongolian literature, including the concepts of symbolism, formalism, and such terms as intertext, allusions and reminiscences. Literary works of the most talented representatives of Mongolian modernism and postmodernism are characterized.

Keywords: modern Mongolian literature, modernism, postmodernism, intertext, allusions, archetype.

Выбор новой социально-экономической модели Монголии в 1990-е гг., деидеологизация во всех сферах общественного сознания привели к переустройству кодов культуры, в том числе и литературы.

Проблемы поиска современной идентичности в новых исторических и культурных условиях становятся предметом усиленной писательской рефлексии, структурируют и литературный процесс.

С точки зрения монгольского литературоведа, профессора Д. Галбаатара новейшая монгольская литература развивается в двух направлениях: «1. Консервативное – сохранение в трансформированном и обновленном виде традиционного “классического” метода реализма. Сюда входят писатели старшего, среднего и молодого поколений, опирающиеся в своем творчестве на ценности национальных традиций. 2. Все радикальные, нереалистические (монг. реалист – бус) направления (в том числе модернизм и постмодернизм), в которых ценится свобода мысли, им присущи коллажность, ассоциативность, утрата традиционных идеалов и ценностей. Представителями этих направлений являются литераторы среднего и молодого поколений конца 80-х – начала 90-х гг. Ими ведутся поиски к интегрированию монгольской литературы в мировой художественный процесс» [3, с. 417].

В фокусе изображения монгольских литераторов продолжают оставаться традиционные темы, посвященные величественной природе монгольских гор и степей, элегическим раздумьям о великом прошлом, народу – носителю кочевой культуры. Однако к концу XX в. очередную главу современной монгольской литературы открыли громкие, талантливые имена, с иными экзистенциальными установками, готовые к художественным экспериментам.

В этот период наряду с действующей писательской организацией (Монголын зохиолчдын эвлэл «Союз монгольских писателей») стали появляться неформальные творческие корпорации. Среди них выделялись литературные объединения: «БИШУБИ» (Билгүүнийг шүтэн бишрэх «С верой в духовность»), «ГУНУ» (Гол ус намуухан урсана «Тихое течение реки»), «Санчир» (Сатурн), «Зүс бүгэг андууд» (Друзья-отшельники), «Хүрээ хөвгүүд» (Столичные парни), Центр поэзии «XXI в.» и др. Их лидеры и ярчайшие представители Д. Урианхай, Г-А. Аюурзана, Ч. Мөнхбаяр, Б. Галсансух, Д. Батбаяр, Ж. Дашдондог и др. в качестве эстетической платформы на разных этапах своих творческих исканий провозглашали символизм, формализм, импрессионизм, авангардные модернизм и постмодернизм.

М.П. Петрова архитектором модернизма называет Б. Галсансуха. Она пишет: «Он – чувственный поэт большого вдохновения. Манера

письма, выбор лексических средств, мощная образность, меткость сравнений, изменчивый нрав насквозь пронизывают его поэзию. Всегда вкусно читать его острейшие стихи с множеством форм, резкими переменами, молниеносными пропорциями» [6, с. 171].

Своеобразный художественный эпатаж выразился в бессмысленных сочетаниях слов и звуков у представителей объединения «Хүрээ хөвгүүд» (Столичные парни). Это рассказ

Ш
и
н
э
Шүлгийн
Шижир алтан
Тооно би өргөж
Үсгийн ханаа дэлгэж
Утгат үгийн униа өлгөөд
Уянгат шүлгийн гэрээ бариад
Эх дэлхийн бүх хүүхдийг урив аа.
Эгшигт хайрцагт уртай бүхэн ирээрэй
Ганцхан л үсэг хөндвөл гажиж мэдэм хийцтэй
Гайхам шидэт яруу найргийн бат цагаан өргөө
Шүлгийн мөнгөн цай морин хуураа татаж
Гийчиндээ бариатай монгол дуу сонсгое
Аяын цэнхэр хадгаа зохиосон дууг минь
Айлчиндаа өргөөтэй зочид минь түрцгээ
Найргаараа исгэсэн найргийн гэрт минь
Айргаар дайлаастай найз нөхөд болцгоо
Хотлыг найргаараа баясгах гэж урласан өргөө
Хойч үедээ үлдээж өгөх шүлгийн цагаан өргөө [3, с. 96].

Д. Дашмөнха «Топот ног» (Хөлийн чимээ), сборник рассказов Г. Батнасана, написанных в стиле дадаизма, «...ЛТ -1 ээАА...УУии», «...ЛТ-2pppЧаЧа, pppХэХа», «... ЛТ-3 НаНаНа», «Дровосек -1-2» (Түлээчин 1-2), «Искатели -1-2» (Эрэлчид 1-2).

Приведем примеры стихотворений поэта-формалиста Ж. Дашдондога «Өргөө» (Чертог), посвященных детям:

Автор построил свое стихотворение в форме юрты путем астротического сочетания стихов. Поэтом в точности соблюдена соизмеримость стихов, упорядоченная содержанием. В той час-

ти стихотворения, где помещены труба, крыша, тооно (дымник) и окончание (пол), автор пишет об убранстве монгольской юрты:

Приподнял я дымник из чистого золота нового стиха,
Разложил я стены, наполненные словами,
Вставил жерди из слов, наполненных смыслом,
Воздвиг юрту, полную мелодичных стихов.
Пригласил в нее всех детей земли-матушки,
Заходите, мастера, в музыкальную шкатулку
Если задеть хоть одну букву, строение может покоситься,
Вот такой он белый чертог, наполненный удивительно волшебными стихами

А места, где условно стоят стены, он разделил двумя опорными столбами из стихов об угощении, музыке, веселье.

Чай серебристый из стихов поднесу гостям,
Хадак голубой из мелодий подарю гостям,
Айраком, заквашенным из поэзии, угощать буду.
Будем вместе слушать песни монгольские
Под мелодию звонкого хура,
Подхватывайте, гости, песню мою,
В поэтическом доме моем
Станем же вместе друзьями.
Вот такой это искусный чертог, радующий гармонией повсюду.
Вот такой это белый дворец из стихов.

Стихотворение «Гора» написано в форме склона горы:

Уул
Уруу
Ундуй
Сундуй
Цанатай
Чаргатай
Хөлтэйхэн
Хөөртэйхэн
Хөвгүүд охид
Цас манарган
Цан савсуулан
Хоер гурваараа
Уралдан торолзон
Урагшлан Тэмуулэн
Урд хойно оролцон
Улам улмаар хурдлан
Даль жигүүрээ дэлгэн
Дайран орох шувуу шиг
Хуйрнан шуугин довтолж
Хулсан таягаа сэрийлгэн
Хэн нэг нь хөгжилтэй унаж
Тэр дороо л босон ухасхийж
Чарган дээр овоорсон хуухэд
Цасан дээр холбирон инээлдэж
Хажуугаар нь сундлаатай чарга
Хар эрчээрэй харайн дүүлэн орж
Уулын оргилоос хүүхдийн хөгжөөн
Уудам бэлдээ эздээ дагаад буулаа
Цастай уулын тухай шүлгийн бэлдээ
Цогтой жаалууд шиг би ч бас буулаа [3, с. 79].

Стихотворение является ритмически динамичным: с каждым разом как будто все быстрее скатываешься вниз. При этом спуск сопровождается веселым смехом, радостными криками детишек.

Характерной чертой поэтического творчества члена литературного направления «Зүс бүгэг

андууд» С. Бадамсамбуу является частое использование многоточий, диалектных слов, архаизмов, новых и непонятных слов, придуманных самим автором. Манифестацией символического, абстрактного видения мира С. Бадамсамбуу служат его поэтические строки:

Хохлатая птица взмыла вглубь земли,
Пока скиталась, превратилась в существо
Без тела и оперения,
А потом молвила: «О, а ведь земля воздушнее неба».
Уверовав в это, она ожила.
За едва видимой во дворце-смерти
Птицей с горячей душой
Сидел и наблюдал.
Она разверзла темную тучу,
Явилась вдоль линии горизонта, – и я с ней подружился [1, с. 86].

Хохлатая птица, которая вторглась в существование (как изобразил автор, «глубь земли») и потусторонний мир, где скиталась, пока не превратилась в химеру, осознала, что земля имеет свойство пустотности больше, чем небо. По мысли автора, субъектное больше объектного, и в дворце-смерти может греться лишь бестелесная душа.

Традиционная в монгольской поэзии тема сравнения четырех времен года с соответствующими периодами в жизни человека нашла оригинальное воплощение в книге С. Бадамсамбуу «Сэтгэлийн улирал» (Сезоны души). Она состоит из четырех глав-сезонов: 1. Весна – «Шувуу хүлээх» («Ожидание птиц»). 2. Лето – «Сар сонсох» («Слушание луны»). 3. Осень –

«Сормуус норгох» («Влажность ресниц»). 4. Зима – «Оюун цэнгэх» («Блаженство разума»):

Разогрев свои глаза
Посмотришь на восток
Зима тает...
Думаешь, это слезы осени
А это весна,
Упавшая из глаз солнца.

Архетипическое творческое мышление представителей монгольского модернизма и постмодернизма, их рецепция искусства прошлого в контексте единого художественного пространства определили современный творческий дискурс в прозе. В поэтике монгольских авторов наблюдаются множество интерпретаций древних мифов и легенд, разнообразных форм цитат, реминисценций, интертекстуальных связей. Благодаря межтекстовым или интертекстуальным связям художественный текст «выступает и как конденсатор культурной памяти и как генератор новых смыслов (Ю.М. Лотман), которые возникают в результате преобразования цитат, диалога с литературной традицией, новых комбинаций уже известных в истории культуры элементов» [5, с. 224].

Взаимодействие интертекстуальных элементов определяет смысловую доминанту и актуализирует скрытые смыслы в романах Гун-Аажавын Аюурзаны (трилогия «Мираж» («Илбээ зрэглээ»), «Долг в десять снов» («Арван зүүдний өр»), «Рожденные эхом» («Цуурайнаас төрөгсөд»)) и роман Дарамын Батбаяра «Создание мemento» («Мementoг бүтээхүй»).

Признанный мастер художественного слова не только в Монголии, но и далеко за ее пределами Г.-А. Аюурзана является, можно сказать, апологетом постмодернистского направления в современной монгольской литературе. Тематика, сюжетные линии, система персонажей его романов насыщены аллюзиями на «Сокровенное сказание монголов», буддийскую сутру «Ваджрачхедика», булгаковского «Мастера и Маргариты». М.П. Петрова, посвятившая постмодернистскому творчеству Г.-А. Аюурзаны специальное исследование, пишет: «...автор создает широкий гипертекст, постоянно обращаясь к тексту, темам, героям, сюжетам самого известного историко-литературного памятника “Сокровенное сказание монголов”, датируемого 1240 г.» [6, с. 150].

Роман Д. Батбаяра «Создание мemento» («Мementoг бүтээхүй») включает главы, снабженные эпиграфами, которые состоят из маленьких философских картин или рассуждений придуманного автором философа Дармажисрая (под этим

именем стоит, видимо, сам Д. Батбаяр). Автор в начале своего романа пишет: «Здесь почти нет действий. Вместо них есть суждения, оценки, выводы, заключения. Роман в таком виде не отвечает критериям жанра классического романа. Его можно назвать антироманом» [2, с. 3]. Действительно, в изображаемой цепи событий мы не обнаруживаем завязки, развития сюжета, кульминации, развязки. Каждая глава, каждая цитата под названием Дармажисрая могут быть самостоятельными произведениями (отсюда виден большой опыт, мастерство Д. Батбаяра). Произведение можно отнести к так называемому направлению «поток сознания», т.е. это роман-размышление, роман-переживание, проникнутое эсхатологическими мотивами.

Написанный по принципу «текст внутри текста», роман наполнен различного рода реминисценциями. Элементы «чужого» текста (фрагменты «Сокровенного сказания» или стилистическая тональность трагедийного мира Шекспира) выполняют различные функции и обладают неким смыслообразующим потенциалом. Цитатным в романе является и заглавие, отсылающее к латинскому *memento mori* (помни о смерти). Как считает Л.Г. Скородумова, «смерть является главной героиней романа. Ряд параллельных сюжетных ходов прослеживает тайны смерти Угэдэя и трех главных героев. Нарушен нормальный ход жизни. Главный герой Ширмуун охвачен сомнением, все происходящее похоже на бред или на сон: «Би чинь сэруун байна уу, зүүдлэж байна уу?» («Что это сон или явь?»). Происходит игра на грани внутреннего и внешнего текстов за обладание большей подлинностью» [7, с. 164].

Рамки небольшой обзорной статьи не позволяют дать всесторонний анализ творчества современных монгольских поэтов и прозаиков. Очевидно, главное – литературный процесс Монголии на рубеже веков развивался и продолжает развиваться интенсивно, а творческий опыт мастеров слова обогащается путем интеграции национальных традиций словесности в мировое художественное пространство.

Литература

1. Бадамсамбуу Г. Үлэмж үзэхүй. – Улаанбаатар, 2000. – 112 с.
2. Батбаяр Д. Мemento бүтээхүй. – Улаанбаатар, 2001. – 146 с.
3. Галбаатар Д. Монголын уран зохиолын онол, түүхийн зангилаа асуудлууд. – Улаанбаатар, 2001. – 437 с.
4. Дашдондог Ж. Аранзал зээрд. – Улаанбаатар, 1993. – 95 с.

5. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Академия, 2007. – 269 с.

6. Петрова М.П. Нүүдэлчний уран зохиолыг шинжлэхүй. – Улаанбаатар, 2011. – 198 с.

7. Скородумова Л.Г. Монгольский язык: образы мира. – Улан-Батор, 2004. – 328 с.

Дашибалова Дарима Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: dardash3@gmail.com

Dashibalova Darima Vladimirovna, candidate of philological sciences, senior research worker at the Center of oriental manuscripts and xylography's, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Russian Academy of Sciences, Siberian branch. E-mail: dardash3@gmail.com

УДК 82.09

© М.Ю. Дондокова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

В статье рассматриваются вопросы развития художественных образов в национальной поэзии, трансформация которых создает новые тенденции исследований в сравнительном литературоведении (на примере бурятской и китайской поэзии).

Ключевые слова: художественный образ, сравнительное литературоведение, бурятская поэзия, китайская поэзия.

М.Yu. Dondokova

TRANSFORMATION OF ARTISTIC IMAGE AND NEW TENDENCIES OF COMPARATIVE LITERATURE

The article describes some questions of artistic image in the national poetry, which transformation creates new tendencies of researches in comparative literary criticism are considered. The research is shown on the example of the Buryat and Chinese poetry as a result of which possibility of comparison of the specified national literatures is approved.

Keywords: image, comparative literature, Buryat poetry, Chinese poetry.

Художественный образ, являясь одной из основных категорий литературоведения, представляется как особый способ субъективного отражения действительности, «поскольку она всегда преобразуется писателем, поэтом в согласии с его индивидуальным видением мира и избранным методом творчества» [1, с. 25].

Поскольку традиционная система образов каждый раз переосмысливается, наполняется новым содержанием, складывается из особенностей художественного видения поэта, соответственно появляется необходимость определения в творчестве автора традиционных национальных символов и индивидуально авторских образов, которые составляют основу его мировидения. Согласно И.П. Смирнову, «историческая специфика различных картин мира определяется теми правилами, которыми руководствуется писатель, трансформируя универсальные смыслы в конкретные значения литературного текста» [2, с. 3].

Здесь на первый план выходит понимание символа как знаковости и многозначности, который раскрывается в определении С.С. Аверинцева: «Смысл символа объективно осущест-

вляет себя не как наличность, но как динамическая тенденция; он не дан, а задан. Этот смысл... нельзя разъяснить, сведя к однозначной логической формуле, а можно лишь пояснить, соотнеся его с дальнейшими символическими сцеплениями, которые подведут к большей рациональной ясности, но не достигнут чистых понятий» [3, с. 827].

Соотношение образа и понятия имеет принципиальное значение в истории поэтики Н.Д. Тамарченко [4], который вслед за Э.Р. Курциусом выделял три стадии. Для первой стадии синкретизма (от предыскусства до античности), где слово в эстетическом сознании не отделено от того, что оно обозначает, т.е. от предмета высказывания, характерно нерасчлененно-слитное восприятие предметов, предполагающее «не смешение, а отсутствие различий». Вторая стадия – эйдетическая поэтика (другие названия – рефлексивный традиционализм, традиционалистская, нормативная, риторическая поэтика), характеризуется нерасчлененностью идеи и образа, понятие и образ не исключают друг друга, они еще не автономны, хотя уже различны. Начинается эта стадия в VII–VI вв. до н. э. в Гре-

ции и в первые века н.э. на Востоке и длится до середины XVIII в. в Европе и *до начала XX века на Востоке* (курсив наш. – М.Д.). Третья стадия – поэтика художественной модальности (иные ее названия – эпоха прозы, неканоническая, нетрадиционалистская, историческая, *индивидуально-творческая*) – начинает складываться с середины XVIII в. в Европе и *с начала XX в. на Востоке и длится по сегодняшний день* (выделено нами. – М.Д.), на этой стадии образ и идея приобрели автономный статус и модальные отношения.

Особое значение имеет тот факт, что в восточной литературе стадия поэтики художественной модальности – качественно иное восприятие образа и понятия – начинает складываться позже, чем в Европе. Это, несомненно, связано с переменами в социальной и культурной жизни восточного общества. Кардинальные политические, социальные, экономические и другие изменения в обществе предшествовали каждой стадии в истории поэтики.

Известно, что влияние фольклора на литературу имеет свои особенности, обусловленные своеобразием каждого проживаемого этапа и уровнем развития литературы. В связи с этим в бурятской литературе выделяют две системы развития: литературно не определившаяся (в 20–50-е гг. XX в.) и литературно определившаяся (в 60–90-е гг. XX в.) [5].

«В бурятской поэзии последних лет можно заметить довольно интересное явление: синтез традиций европейской и восточной поэзии. Если раньше ведущее положение занимала традиция европейская, в основном русская, то с середины 1960-х и 1970-х гг. ощущается интерес к восточной поэзии, к ее национальным традициям, таким как поэзия Японии, Монголии, Индии, Тибета» [6]. Появляются переводы стихов выдающихся японских поэтов, относившихся к «подлинной школе» – «Сефу» и писавших в жанре хайку (Басе, П. Бусон, К. Исса и других), а также стихи поэтов демократической Японии. Бурятским любителям поэзии стали доступны произведения индийского поэта Калидасына на русском и бурятском языке, четверостишия из тибетского сочинения «Эрдэниин сан Субашид» Сажи бандид Гунгажалцана, стихи арабского поэта Ибн-аль-Мутазз и др. Этот интерес явился одним из средств обогащения бурятской поэзии.

Как видно, новые подходы к поэтическому творчеству, художественный интерес к восточному началу культуры обусловили следующий этап развития поэзии, который на Востоке начинает складываться в середине XX в., что имеет немаловажное значение в определении сравни-

ваемых литератур, вводимых в качестве восточного контекста – бурятской и китайской. Основанием такого выбора является как общая типологическая близость традиционных культур, к которым относятся и бурятская, и китайская культуры, так и сходство переживаемого исторического периода: постперестроечный период в России и посткультурный в Китае, кроме того, в XX в. бурятская поэзия прошла такой же быстрый и стремительный путь развития, как и китайская в аналогичный период XX в. Так, в Китае за последние сто лет поэзия существенно изменилась под влиянием иностранных культур и их литератур, происходит масштабное движение за замену в литературе классического письменного языка *вэньянь* на разговорный язык *байхуа*.

Таким образом, проблема традиционализма в китайской литературе возникла в начале XX в., что было закономерно продиктовано реалиями того времени. Она знаменовала развитие третьей стадии – поэтики художественной модальности.

Бурятское общественное развитие к этому периоду тоже не соответствовало мировому уровню, однако не в силу стагнации, а по причине более позднего начала развития. Общественное развитие Китая к началу XX в., имея многовековой опыт в прошлом, отставало от общемирового процесса в силу исторических и политических причин. Бурятская литература, унаследовав традиции русской литературы, развивалась в русле социалистического реализма, являясь в прошлом литературой с зачатками раннего «просветительства». Китайская же литература, имея огромный опыт классицизма, не получившего дальнейшего развития, лишь после активных изменений в обществе и влияния зарубежных литератур в начале XX в. активизирует процесс ускоренного формирования китайской национальной литературы. Главным образом «ускоренное» развитие национальных литератур (к каковым Н.И. Конрад относит китайскую и советские национальные литературы) обусловлено историко-экономическими изменениями в обществе, поскольку активные изменения в стране не могут не сказаться на национальной литературе, – в Бурятии наблюдался расцвет литературы в 1960–1970-х гг. [9], в Китае такой расцвет приходился на конец 1970–1980-х гг. Расцвету бурятской поэзии, как и всей литературе страны, предшествовал национальный кризис – разоблачение культа личности И. Сталина и последовавший за ним процесс «зачистки» во второй половине 1950-х гг.; расцвету китайской поэзии – тяжелое десятилетие

«культурной революции» (1966–1976). Отсюда общий для бурятской и китайской поэзии современный литературный контекст, идентичность в понимании традиционного и авторского, сходный генетический – общевосточный код. Таким образом, есть возможность сравнивать литературы с учетом исторических и экономических процессов двух стран.

Таким образом, с начала XX в. и по сегодняшний день, к началу третьей стадии – поэтики художественной модальности, одновременно с тем, когда образ и идея приобрели автономный статус и модальные отношения, возникают активные изменения, о которых говорилось ранее, в бурятском и китайском обществе.

Символ как универсальный способ художественной образности способен связывать творчество разных поколений и разных народов. Это его свойство обусловлено сочетанием переживаний в их многозначности, однако каждое поколение, пополняя знания об окружающем мире, обновляет взгляд на традиционные образы. Такое свойство символа раскрывает проблему традиционализма и позволяет рассмотреть бурятскую поэзию в контексте китайской литературы как восточной, применяя принципы современной компаративистики. Ведь, как известно, компаративистика исследует связи, изменения, общее и различное между национальными литературами, те особенности литературного развития, которые охватывают языковые границы и определяют своеобразие сверхнациональных литературных феноменов, которые характерны не одной конкретной, а каждой национальной литературе (например, эволюция жанров, трансформация традиционных символов). В то же время каждое литературное произведение рассматривается как отражение в нем национально обусловленных психологических, языковых и ментальных структур народного сознания. «Компаративистика исследует такие межнациональные области мирового литературного процесса, как мотивы, топосы, эмблематика, вопросы воздействия и влияний "классических" авторов (Гомер, Данте, Шекспир, Мольер, Гете, Достоевский, Чехов и др.) на отдельные литературные произведения и на их авторов» [7, с. 83]. По мнению А.А. Смирнова, в современных исследованиях

по сравнительному литературоведению поднимаются проблемы литературных ценностей, истории идей и духовно-исторических эпох, литературной социологии и интернациональной рецепции классических текстов, международной литературной критики и даже взаимного освещения связей литературы и других видов искусств в пределах общей культурологии [8].

По словам ученого, проблемы перевода инонациональных текстов и их роли в национальной литературе также нередко выступают в качестве задач сравнительного литературоведения, вытесняя их из «рабочего поля» специалистов по мировой литературе. Такая тенденция возникла вследствие того, что процесс глобализации активно влияет на формирование национальных литератур, поэтому их сравнительное и сопоставительное изучение становится особенно актуальным. Современные подходы компаративистики позволяют отойти от «европоцентризма» и провести параллели между такими неблизкими национальными литературами, как бурятская и китайская.

Литература

1. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. – Москва: Эдиториал УРСС, 2002. – Т. 1. – 249 с.
2. Смирнов А.А. Сравнительное литературоведение: Россия и Запад. XIX в. – М.: Высшая школа, 2008. – 352 с.
3. Аверинцев С.С. Символ художественный // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – Т.6. – С. 826-831.
4. Теория литературы: в 2-х т. / Под ред. Н.Д. Титаренко. – Москва: Академия, 2004. – Т.1, 2. – 513, 360 с.
5. Балданмаксарова Е.Е. Бурятская поэзия XX в.: истоки, поэтика жанров: монография. – М.: Спутник+, 2002. – 363 с.
6. История бурятской литературы. Современная бурятская литература (1956–1995). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – Т. III. – 298 с.
7. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – 495 с.
8. Смирнов А. А. Сравнительное литературоведение: Россия и Запад. XIX в. – М.: Высшая школа, 2008. – 352 с.
9. Найдаков В.Ц. Становление, развитие и упадок бурятской литературы (1917–1995). – Улан-Удэ, 1996. – 106 с.

Дондокова Максара Юрьевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета. E-mail: sara746@yandex.ru

Dondokova Maksara Yurievna, Chinese language teacher, The chamber of Far East philology Buryat State University. E-mail: sara746@yandex.ru

УДК 82.09:(571.54)

© И.Н. Именохоева

КОНЦЕПТ «КОЧЕВНИК» И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛАЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается концепт «кочевник» как одна из базовых единиц изучения менталитета монголоязычных народов в художественном тексте, как репрезентация кочевой культуры и как основной элемент национальной художественной картины мира.

Ключевые слова: концепт, этническое самосознание, архетип, современная поэзия, лирический герой, художественный образ, кочевник.

I.N. Imenokhoeva

CONCEPT «NOMAD» AND ETHNIC SELF-CONSCIOUSNESS IN MODERN MONGOLIAN POETRY

The article deals with the concept «nomad» as a main category devoted to the study of Mongolian common mentality, as a representation of nomadic culture and as a core element of national world view in modern poetry.

Keywords: concept, ethnic self-consciousness, archetype, modern poetry, main character, image, nomad.

Современная поэзия монголоязычных народов, восходящая к единому генетическому стволу, – модель этноментального восприятия мира, система традиционных ценностей и национального самосознания. Одна из функций категории концепта заключается в его способности быть носителем и одновременно способом передачи этнического самосознания. «Этническое самосознание – осознание (представление) общности психологических особенностей, общности происхождения, исторического прошлого, этнической территории и культуры и тем самым осознания принадлежности к тому или иному народу» [17, с. 13]. Оно формируется в жизненном пространстве общества, в слое его духовной культуры. Соответственно обуславливает наличие единства психических процессов и реакции человека на отдельные явления.

По мнению В.И. Козлова, «достигнув определенной стадии развития, этническое самосознание, подобно другим идеологическим формам, может приобрести известную самостоятельность. Оно, в частности, может сохраняться довольно длительное время даже при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра и при утрате им своего родного языка» [18, с. 109].

Концепт «кочевник» – это единый фундамент этнического самосознания, в котором синтезировались основные национально-культурные темы, мотивы, проявились особенности поэтического стиля. Изучение данной категории способствует выявлению единого в русле поэтических текстов монголоязычного мира.

По нашему мнению, невозможно дать смысловое освещение и декодировку художествен-

ных образов, созданных современными поэтами, без обращения к ментальному национальному прошлому монгольского этноса. Поэтическая парадигма, богатая содержательными возможностями и семантическими образованиями, неразрывно связана с менталитетом.

Концептосфера кочевого мира как суммарный результат концептов отдельных монголоязычных поэтов не может существовать вне образа Монголии. Следовательно, в общей системе моделирования концепта «кочевник» тема Монголии является основной. Безусловно, эта тема – отражение авторских представлений о тех ценностях, на которых базируются его убеждения и жизненные принципы.

Баир Дугаров воспринимает монгольский мир как свою прародину. Кульминационным воплощением концепта «кочевник» в его поэзии является образ Монголии. Монголия как родина предков, как исток духовных поисков воссоздана поэтом в задушевных, лирических тонах:

Монголия –
лазурь моих утренних небес,
печали моей сиреневая песнь,
любви моей серебряный эдельвейс.
[7, с. 279].

Образ Монголии сквозной линией проходит через все творчество поэта. У Б. Дугарова монгольский мир выступает не только как поэтический историко-культурный континуум, но и в качестве своеобразного лирического образа возлюбленной. Заметим, что и в поэзии Б. Явуухулана присутствует мотив признания в любви к родине, который отражен в пейзажной зарисовке: «Проснусь рано утром, в окошко взгляну – / и станет пронзительно ясно: / все больше люблю

я родную страну, / она несравненно прекрасна! / Прекрасны пустыни ее и цветы, / бескрайние степи и реки» [13, с. 37].

Тенденция к изображению кочевого пространства, генетическая общность происхождения монголоязычных поэтов, а также процесс

исторического развития этноса являются первопричиной сходства отдельных семантических элементов концепта «кочевник» у разных авторов. Концепт «кочевник» в поэзии монголоязычных народов – это ключевой ментальный образ.

*Хошоо хоёр хубиэр гэйдэ
Хорбоо дэлхэй баг таажа,
Даяар Монголой таладаа
Утын дуугаа шуранхайлхан,
Би монгол хүн!*
[8, с. 9]

В две струны морин-хура
вместил я планету ...
протяжная песня
не смолкнет вовеки в степях ...
Я – монгол!
(перевод Р. Шоймарданова)

В концепте «кочевник» мы рассматриваем в первую очередь образ лирического героя-кочевника как наиболее значимый художественный образ в национально-этническом аспекте. Динамичное жизненное пространство героя-кочевника – это пространство его национально-духа. «Протяжная песня», длинная как урточная дорога, повествует о кочевническом образе жизни. Прилагательное «протяжная» символизирует ориентацию лирического героя в пространстве, его стремление к движению.

Национальный инструмент символизирует душу монгола, многообразную и многогранную, как звук хура. Лирический герой Болдын Батхуу патриотичен в самоидентификации себя как монгола. Эстетическая сторона кочевой культуры, на наш взгляд, заключена в этом национальном инструменте:

*Миний зам эхэлсэн газар бий, тэрнь Монгол
Миний зам дуусах газар бий, тэрнь Монгол.
Миний зам амьдрал мэт энгийн, дуу мэт гайхамшиг
Миний зам хүсэл мэт урт, зовлон мэт ухаалаг.*
[10, т. 188]

Земля, где начался мой путь, – это Монголия,
Земля, где закончится мой путь, – это Монголия.
Мой путь, как жизнь, прост и, как песня, удивителен.
Мой путь, как мечта, бесконечен и, как страдание, разумен.
(перевод Е. Сундуевой)

В данном контексте поэт объединил два культурных пласта истории Монголии: буддийский срединный путь и путь кочевника-номада.

*Урээ санаж
Үймрэн хүлээсэн эн хүн
Үзүүргүй энэ зам руу
Сүү өргөн харуулдана*
[11, т. 116]

Вспоминая своего ребенка,
Мать ждет его, беспokoясь.
Окропляя молоком, охраняет
Его бесконечный путь...
(перевод Е. Сундуевой)

Отметим, что образ молока, который сформировался из обрядово-культурных практик монголов, придает многоплановость семантической составляющей концепта «кочевник». В стихотворении «Путь» (Зам) Ц. Цолмон, наряду с Б. Дугаровым,

Струна, струна волосаяная,
чем в сердце родину заменишь?
Пой, пой, струна моя степная,
пой так, как только ты умеешь.
[9, с. 29]

Концепт «кочевник» неизменно воплощается в текстах монголоязычных поэтов через образы, связанные с песнопениями, национальными инструментами. Это то, что сопровождало кочевника, то, что было неотъемлемой частью его дороги, его Вселенной.

Поэт Л. Нямаа в стихотворении «Моя Вселенная» («Миний амьдардаг ертөнц») создает образ панорамной Монголии, наполняя детализированную картину родной земли философским подтекстом:

также использует данный образ в традиционной охранной функции. Древние говорили, «дорога – это жизнь» и кропили вслед путнику молоком.

Поэт утверждает, что вся наша Вселенная начинается с белого молока, молока матери:

«Вселенная с запахом молока» (*Энэ дэлхий сүүнээ сэхэлнэ*) [11, т. 117]. В творчестве Б. Дугарова также встречается этот мотив: «И мать глядит мне вслед из тьмы столетий / и путь мой окропляет молоком» [1, с. 292].

Каждый поэт индивидуален в своем описании и видении Монголии. Б. Дугаров использует образ травы дэрисун в качестве создания образа родины, островка родной степи на чужой земле:

В ханском дворике у стен
посреди оранжереи
есть маленькая степь,
где растет ковыль – дэрисун.
И хан Хубилай,
устав от забот Поднебесной,
запах вдыхает родимый,
степной вспоминает край.
[7, с. 389].

*Дэлгэр Монгол нютагт
Дэнжийн намар шаргалтана
Дээлтэй Монгол хүн
Дэрсний чимээтэй мишээнэ*
[11, 2011, т. 154]

На просторной монгольской земле
Желтеет неустойчивая осень
Монгол в своем халате
Похож на ковыльную траву
(перевод Е. Сундуевой)

Особая нравственно-эстетическая константа концепта образуется на основе семантической связи: монгольская земля – осень – монгол – ковыльная трава. Эта константа, характерная монгольскому менталитету, играет ведущую роль в современной монголоязычной лирике.

*Хаяац агаан дэрс
Салхиа дагаад найгана
Хатан газар эхдээ
Сөгдөж мөргөн бөхөлзөнө*
[12, 2005, т. 172]

Густой белый ковыль
Вслед за ветром колышется.
Госпоже Матери-земле
Падая молится, поклоняется.
(перевод Е. Сундуевой)

Белый цвет ковыля восходит к культу белого у монгольских народов, который возник как олицетворение всего чистого, священного, благородного. Широко распространенный образ стелющегося ковыля встречается также в поэзии Б. Явуухулана: «...степной травой на том ветру я гнусь» [13, с. 20]. Синонимичный ряд лексем «ковыль», «чий», «дэрс», «дэрисун» – это на поэтическом языке олицетворение полупустыни кочевых империй тюрко-монгольского ареала.

Таким образом, создается своеобразная парадигма, связанная с образом слова-сигнала «чий». В стихотворении китайского монгола чий олицетворяет образ монгола, созданный на базе цветовой символики. Чий у монгольского поэта ассоциируется с образом матери-земли. В стихотворении Б. Дугарова чий олицетворяет образ родных степей и при создании картины монгольского мира. Если у первых двух поэтов се-

Воспоминания хана Хубилая о родных краях наполнены элегической грустью. «Трава дэрисун / грустит о родном пространстве, / о кочевом счастье / в круговращении лун / Качается на ветру дэрисун, / родину напоминая. / Слезы текут по лицу – / хана Хубилая» [15, с. 389]. Трава дэрисун – это воплощение образа родины. Стихотворение демонстрирует еще один эпизод из истории Монголии, воссозданный поэтом через концептуальный образ ковыля как воплощение монгольского мира. Ключевыми словами, раскрывающими основной концепт «кочевник», являются образы Монголии, степи, травы дэрисун / чий, полынь.

В стихотворении Ц. Цолмона «Ковыльная осень» (*Дэрсний намар*) образ Монголии тесно связан с цветом травы чий:

Например, Ц. Цолмон связывает образ монгола с образом травы. В стихотворении «Густой белый ковыль» (*Улхын цагаан дэрс*) поэт Б. Лхагвасурэн также создает образ монгольской земли, связанный с образом белого ковыля:

мантическое поле текста соединяется с природой и пейзажем, то Б. Дугаров рисует более сложную сюжетную картину с историческим подтекстом. Чувственное восприятие родины связано с цветовой символикой. Здесь решающую роль играет образ травы чий, являясь осязаемым, зримым и ольфакторным символом.

Эстетическая концепция поэта базируется на попытке запечатлеть явления современной жизни в неразрывной связи с элементами исторического и культурного наследия монгольского этноса. В стихотворении «На смерть Галдан Бошокту-хана» Б. Дугаров обращается к прошлому, упоминая об историческом факте, имевшем особое значение для монгольского мира: «Тень дракона ползла по земле. / Одиравшие выли собаки. / Хан Галдан умирал на кошме – / сын последней ойратской отваги, / Блеск утратило имя монгол. / Но остались равнины и горы,

/ помнят заповедь Неба просторы, / голос славы еще не умолк» [7, с. 343].

Как известно, по древним религиозным верованиям монголоязычных народов, собаки воют в предчувствии смерти хозяина. Б. Дугаров с первых строк усиливает гнетущий эмоциональный фон стихотворения, выстраивая определенную систему негативных топосов. Далее автор вновь обращается к использованию элементов и особенностей развития кочевого сообщества в степи, в котором небо выступало центральной осью мировоззрения.

По древним представлениям кочевников, огонь символизирует возрождение и продолжение жизни рода, его традиций. В следующих строках Б. Дугаров вновь отмечает эпитетом «последняя звезда» сохранность духа монголов: «Последняя звезда горит в ночном тумане» [7, с. 343]. Последний герой – последняя звезда Бошокту-хан. Лейтмотив стихотворения «На смерть Галдан Бошокту-хана» – это исторический мотив памяти, раскрытый в творчестве поэта.

Последний герой, последний бурят-монгол... Б. Дугаров зачастую использует авторский литературный неологизм «бурмон» как универсалию, синтезирующую в себе не только этническую принадлежность поэта, но и особую жизненную позицию. «Бурмон» – это, безусловно, и память о Бурят-Монголии, и размышления о сущности национального менталитета. Бурмон – это последняя горящая звезда. Бурмон – это синоним слову кочевник. Думается, в данном случае «художественный концепт личности есть неведомая архаичному мифологическому сознанию мифологизация экзистенции (личностного существования): это универсальное я-в-мире» [14, с. 78].

Как и в стихотворении «Путь кочевника» (От крика к голосу), автор вновь акцентирует внимание на проникновении в монгольский кочевой мир буддийского смиренного мировосприятия: «Сменить на четки меч – предел желаний, / но век дружить с молитвой не дает. / И колесо вращается страданий, / охватывая степь и небосвод» [7, с. 343]. Несмотря на описанное автором стремление «сменить на четки меч», процесс междоусобных войн, проникновения «тени дракона» и ассимиляции культур продолжается, «охватывая степь и небосвод».

Поэтическая практика Б. Дугарова включает в себе художественное новаторство, обостренную метафоризацию и новое звучание традиционных национально-культурных образов. «Он похоронен – головой на север» [7, с. 343]. Среди погребальных обрядов кочевников Цен-

тральной Азии важным является направление головы усопшего на север, где, по верованиям монголов, находится следующий мир.

В следующих строках, на наш взгляд, имеет место мотив памяти. В рассматриваемом концепте «кочевник» он выполняет функцию побочного мотива: «И может быть, не раз потомок запоздалый / его в печали вспомнит, имя назовет. / Пребудет предков дух в степи, от бурь усталой, / и от земли не отвернется небосвод» [7, с. 343]. Мотив памяти, направленный на возрождение национального самосознания, является итогом его рассказа об этом событии.

Б. Дугаров объединяет характерную для монгольского мира цветопись, образы степи, травы чий, родины в единый художественный синтез:

Я знаю, что родину не выбирают.
Кочуют народы и кров свой меняют.
И там, где рожден я, там выше деревья.
Но есть еще память о первом кочевье.
Кольшутся стебли кустистого чия.
Желт войлок земли, лишь края голубые.
[7, с. 289]

Современный кочевник не только помнит свою историю и культуру, не только трепетно относится к родной земле, но и почитает мудрые традиции предков. Есть известная бурятская поговорка: «*Эрэ хүнэй досоо эмээлтэ морин багтаха*» – «Коль широк ты душою, то верится: конь с седлом в твоём сердце поместится». По словам Б. Дугарова, это «поговорка, в которой сформулировано кочевническое понятие о достойном мужчине» [7, с. 390]. Душа кочевника широка настолько, насколько широка его степь. «И красота земли и вечность небосвода / перетекали в достояние души» [7, с. 200]. В едином с Б. Дугаровым художественно-образительном ключе пишет и Б. Явуухулан: «Степи Восточной Монголии сини / и широки-широки. / Этим просторам по шири и силе / Духа под стать степняки» [13, с. 28]. Душа степняка-кочевника тесно связана с просторами монгольской земли:

Поднималась трава на склонах упруго и нежно,
По перевалам седым перекатывался лиственниц шум.
Настежь распахнутое небо синело светло-безмятежно
Над величавым простором страны Баргуджин-Тукум.
[1, с. 101]

В поэзии Б. Дугарова топоним Баргуджин-Тукум олицетворяет тот монгольский мир, в котором этнос имел территориальное единство. Поэт детально создает образ величественной

родной земли, медитативный гармоничный простор:

Нерушимый покой исходит от небес голубых.
И в святящейся мантре любви продолжается светлая эра,
И слагается тихая сутра летящих мгновений моих.
[1, с. 119].

В творчестве Б. Дугарова прослеживается вектор этноцентризма и отчасти идеализирование своей территории. В то же время концепт «кочевник» выступает как особое смысловое наполнение творчества каждого отдельного монголоязычного поэта, а также как важный фактор выявления дифференциальных признаков в аспекте национально-культурных концептов. Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что общемонгольские культурные ценности, особый традиционализм кочевников – основа творческих и эстетических взглядов современных поэтов.

Мы полагаем, что концепт «кочевник» наиболее вариативен и красочен, поскольку формируется из широкого спектра мотивов, тем и образов, характерных для поэтов с общенациональным мышлением. Основными образными элементами репрезентации концепта «кочевник» является определяющий мотив Монголии, а также мотив пути кочевника, имеющий ретроспективный оттенок.

Звездный кочевник. Простор мирозданья.
Мать на планете стоит в ожиданье.
Степью коснулась созвездий Земля.
В Млечном Пути есть дымок ковыля.
[9, с. 69]

Метафора «дымок ковыля» также обладает глубоким художественным потенциалом, образуя неочевидный ассоциативный фон. В двух словах автор синтезировал всю историю, культуру и мировосприятие монгольского этноса. Огонь – это прошлое, настоящее и будущее народа, неразрывно связанного с небом. Одна из центральных «семантических сфер» в индивидуально-авторском прочтении концепта «кочевник» – связь героя с небом. Концептуальный признак кочевника выражен единственным прилагательным «звездный».

Возможно, произведения Б. Дугарова объединяют воедино характерные для концепта «кочевник» образы монгольского мира. Анализируя формирование и эволюцию смыслового поля концепта «кочевник» в его творчестве, можно прийти к следующему выводу: смысловые слои концепта в содержательном плане насыщены

неравномерно как по объему, так и по значимости.

Сравнительная интерпретация поэтических текстов показала, что монгольские поэты Китая среди второстепенных мотивов, сопровождающих концепт «кочевник», используют константный образ молока, имеющий обрядово-культурную природу происхождения, и константный образ травы чий. Монголия и ковыльная трава – два образа, выступающие слитно как в творчестве Б. Дугарова и монголоязычных поэтов, так и в их мировоззрении.

Концепт «кочевник» представляет базовое явление, раскрывающее историзм, сложную судьбу монголоязычного народа. Как носители единого этнического самосознания Б. Дугаров и монголоязычные поэты в своем творчестве формируют глубинный, латентный слой истории кочевой цивилизации. Мы можем утверждать, что мотив пути прямо или косвенно отражается почти в большинстве рассмотренных стихотворений монголоязычных поэтов.

Концепт «кочевник» (вербализованный такими лексическими вариантами, как странник, гонец и т.д.) представляет собой особый пласт национальной художественной картины мира. Важно охарактеризовать автора в этом случае как представителя свободного, незамкнутого пространства. Этот концепт – элемент кочевой культуры с многовековыми традициями. Безусловно, ядром концепта выступают ментальные его проявления. В поэтическом тексте концепт рассматривается как элемент репрезентации ментальности.

По нашему мнению, именно национально-культурные концепты в поэзии Б. Дугарова раскрывают феномен «национального «возрождения» монгольских народов» [16, с. 17]. Мы оказываемся свидетелями постепенного возвращения современников к тому мировоззрению, характерному для мифологического мышления, которое адаптировалось к новым культурным кодам, сформировало особый тип современного этнического самосознания. Коллективное этническое самосознание Б. Дугарова и монголоязычных поэтов в аспекте ассимиляции на территории транскультурья становится константным явлением и устойчивой национальной моделью. Таким образом, основываясь на материалах нашего исследования и разработках в области этнического самосознания, смеем предположить о наличии у бурятского поэта Б. Дугарова устойчивой самоидентификации на основе этнической идентичности.

Литература

1. Дугаров Б.С. Азийский аллюр. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2013. – 208 с.
2. Герасимова К.М. Символика орнамента на стрелохранилище // Зап. Бурят-монгол. ин-та культуры и экономики. – Улан-Удэ, 1948. – Вып. 8. – С. 163-175.
3. Потанин Г.Н. Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1882. – № 2. – С. 288-331.
4. Дампилова Л.С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. – М.: Вост. лит. РАН, 2012. – 263 с.
5. Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. – М.: Наука, 2004. – 633 с.
6. Кугультинов Д. Явление слова: избр. в 2-х томах: т. 2: пер. с калмыцкого. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. – 623 с.
7. Дугаров Б.С. Сутра мгновений. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011. – 440 с.
8. Батхуу Б. Великий поток: сб. избр. стихотворений. – Улан-Батор: Жиком Пресс, 2009. – 220 с.
9. Дугаров Б.С. Струна земли и неба: стихотворения. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. – 360 с.
10. Нямаа Л. Гүн харан хуйд тэнгэрийн заадас // Монголын сонгомол яруу найраг. – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2005. – Т. 149
11. Цолмон Ц. Цэцгийнсалхи. – Улаанбаатар, 2011. – 210 т.
12. Лхагвасүрэн Б. Улхын цагаан дэрс // Монголын сонгомол яруу найраг. – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2005. – Т. 172.
13. Явуухулан Б. К вершине горы: вост. альманах. – М.: Худож. лит., 1983. – Вып. 11. – 646 с.
14. Тюпа В.И. Аналитика художественного: (введение в литературоведческий анализ). – М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. – 192 с.
15. Дугаров Б.С. Стихи // Байгал. – Улан-Удэ: Буряад Унэн, 2011. – С. 44 – 45.
16. Ру Ж.-П. История империи монголов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. – 672 с.
17. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. – СПб.: Алетейя, 2000. – 240 с.
18. Козлов В.И. О понятии этнической общности // Сов. этнография. – 1967. – № 2. – С. 109–111.

Именохоева Иветта Николаевна, младший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: yni@mail.ru

Imenokhoeva Ivetta Nikolaevna, junior research fellow, department of literature and folklore studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS. E-mail: yni@mail.ru

УДК 811.512.161

© Э. Кулач

О КЛАССИФИКАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается эволюция взгляда отечественных и зарубежных тюркологов на служебные слова в турецком языке и их классификацию.

Ключевые слова: турецкий язык, служебные части речи, грамматика турецкого языка.

E. Kulach

ABOUT THE CLASSIFICATION OF FUNCTION WORDS IN MODERN TURKISH LANGUAGE

The article deals with the evolution of points of view on the function words and their classification of native and foreign turkologs.

Keywords: Turkish, service part of speech, the grammar of Turkish

Служебные части речи в турецком языке, так же как и в других языках, не имеют конкретного лексического и общего грамматического значения, не изменяются, не являются отдельными членами предложения, они выполняют лишь служебные функции в предложении. Возможно, именно «вспомогательная» природа служебных слов не привлекала особого внимания исследователей. Ничуть не умаляя роли служебных частей речи в языке, а также функций, выполняемых ими в предложении, лингвисты, изучавшие турецкий язык в разное вре-

мя, по-своему трактуют и названия служебных слов, и их классы.

Так, например, в грамматике турецкого языка, изданной в 1934 г., известные тюркологи Х. Джемдет-Заде и А.Н. Кононов выделяют в составе неизменяемых частей речи в качестве отдельной категории только союзы. Прочие разряды служебных слов рассматриваются ими в других разделах грамматики [3, с. 198]. В этой же работе представлена классификация послелогов по типу управления:

1) послелогои, требующие неопределенного падежа имен существительных и родительного падежа личных и указательных местоимений;

2) послелогои, требующие дательного падежа (*karşı, doğru, göre, binaen, mebni, rağmen(a), mukabil, nisbetle*);

3) послелогои, требующие исходного падежа (*başka, dolayı, ötürü, beri, sonra, evvel(evvel)(a), itibaren(a)*).

Кроме этого, ряд послелогов отнесен авторами к «служебным именам» [3, с. 205]:

1) собственно «турецкие служебные имена» (*yan, üst, alt, arka, artı(di), ön, karşı, ara, orta, iç, içeri, dışarı, baş, yüz, yer, yol, su*);

2) служебные имена арабского и персидского происхождения (араб. *taraf zarf dahil hariç leh aleyh hak(kk) huzur makam saye nezd*; перс).

Также в [3] частицы, как и послелогои, не выделяются в качестве отдельного разряда служебных слов.

В другой грамматике турецкого языка А.Н. Кононова (1956 г.) представлена уже иная классификация служебных слов: 1) послелогои (послелогои-частицы, послелогои-имена); 2) частицы и модальные слова; 3) союзы (сочинительные союзы, противительные союзы, разделительные союзы, разделительно-перечислительные союзы, подчинительные союзы, союзные слова) [5, с. 188].

Ю.В. Щека также относит служебные слова ко второстепенным частям речи и называет их служебными имеют, которые делятся на три группы: послелогои, союзы и частицы.

Послелогои турецкого языка, по мнению данных лингвистов, являются служебными словами, располагающимися после того слова, к которому относятся, и имеющие функции, аналогичные русским предлогам. Некоторые послелогои употребляются после имен в основном падеже (без падежных аффиксов), другие послелогои требуют постановки имени в том или ином падеже [5, с. 363]. Что же касается частиц и модальных слов, то их авторы грамматик турецкого языка относят к служебным разрядам слов, которые объединяются под единым термином «частицы», разделяясь при этом на «собственно частицы», «имена-частицы».

Тюрколог В.Г. Гузев, который занимался вопросами турецкой грамматики, относит послелогои к классу служебных слов, являющихся аналитическим средством выражения отношения предмета к другим предметам, признакам или процессам. Они уточняют, дополняют значения падежей и образуют вместе с ними единый грамматический комплекс, служащий для отражения всех многообразных связей предмета

в объективном мире. Послелогои-частицы семантически и функционально тесно связаны с наречиями и функционально-обстоятельными формами. Многие слова приходится рассматривать как входящие одновременно в разные лексико-грамматические классы, в частности в класс послелогов и наречий.

В.Г. Гузев считает, что использование союзов в тюркских языках это результат влияния на них других языков, и подавляющее большинство староосманских союзов представляет собой прямые заимствования из арабского и персидского языков. В качестве собственно тюркских союзов, т. е. таких, которые развились на тюркской почве, ученый называет союз *kim*, который в текстах имеет самые разнообразные значения, например, является грамматическим показателем любого придаточного предложения, вводит прямую речь [2, с. 73-74].

В более поздней работе «Грамматика турецкого языка» Э. Гениша [1] служебные слова рассматриваются наряду с именами и глаголами в качестве одного из «типов слов». Служебные слова, согласно Генишу, «сильно отличаются, как от первых (т.е. *имен* – К.Э.), так и от вторых (т.е. *глаголов* – К.Э.) [1, с. 11]. Далее, здесь же он предлагает называть служебными словами все слова, не попавшие в класс имен или глаголов. Он выделяет следующие основные особенности служебных слов: *ile, gibi, kadar(kadar), için, göre, yalnız, ancak, rağmen(karşın), beri, karşı, diye, dolayı(ötürü), önce(evvel), doğru, sonra, başka, beraber, başka, ait, hakkında(dair)*.

Служебные слова поделены автором на три основных разряда: послелогои, союзы и междометия.

Послелогои автор называет «слова, не несущие сами по себе никакого смысла», они лишь показывают связи других слов между собой, их роль в предложении. Поскольку эти слова могут стоять после имен или глаголов, выполняя роль словоизменяющих аффиксов, они получили еще одно наименование в грамматиках турецкого языка: *son çekim edatları*. Послелогои используются вместо устаревших аффиксов, т.е. могут вносить словоизменяющие значения. При удалении послелогов из предложения оно либо полностью теряет или изменяет смысл, либо в нем ощущается какая-то незаконченность [1, с. 12].

Э. Гениш довольно подробно описывает отдельные послелогои с достаточно иллюстративными примерами, давая, где это необходимо, сведения о значении и управлении конкретного послелогоа. В «Грамматике» подробно описаны следующие послелогои: *ile, gibi, kadar (dek), için,*

göre, ancak, rağmen (karşın), yalnız, beri, üzere, diye, doğru, dolayı (ötürü), önce (evvel), sonra, başka, beraber, ait, hakkında (dair).

Союзы и частицы, рассматриваемые Э. Генишем, имеют следующее определение: «Союзами и частицам (по-турецки они называются одним словом *bağlaç*) называются слова, не несущие смысла сами по себе, и служащие для соединения частей сложного предложения или слов и групп слов внутри предложения. Далее мы условно будем называть эту группу слов союзами» [1]. Здесь он снова делает важное замечание о том, что не следует путать три похожие части речи: союзы, послелого и наречия. Послелого, как и союзы, устанавливают связь между словами в предложении, однако они приносят новый элемент смысла. Вместо союзов могут использоваться просто знаки препинания. Если из предложения удалить союз, смысл предложения не изменится, но несколько сузится. Все союзы (за исключением *ile* и *ise*) являются самостоятельными словами и пишутся отдельно.

Э. Гениш выделяет следующие группы союзов: 1) сочинительные союзы; 2) противительные союзы; 3) альтернативные союзы; 4) союзы условия или причины; 5) резюмирующие союзы; 6) пояснительные союзы; 7) союзы предположения вероятности; 8) союзы, имеющие значение «по крайней мере»; 9) союзы подобия; 10) усилительные союзы; 11) сравнительные союзы.

Ученым подробно анализируются союзы *ve, ile, ama, fakat, lakin, ne var ki, ne yazık ki, veya, yahut, veyahut, ya da, eğer, şayet, yeter ki, çünkü, madem (-ki), yoksa, aksi halde, aksi takdirde, nasıl ki, nitekim* и др. [1, с. 29, 30, 31].

Новый труд Ю.В. Щеки «Практическая грамматика турецкого языка» в целом не отходит от традиционных в тюркологии, да и в современной лингвистике, взглядов на служебные слова. Под служебными именами автор понимает группу слов, «которые с одной стороны, являются обычными существительными и одновременно, с другой стороны, выступают в служебной функции, соответствующей предлогам русского языка» [7, с. 322]. Согласно Ю.В. Щеке, служебные имена выражают главным образом пространственные отношения, хотя некоторые служебные имена передают отвлеченное (непространственное) значение [7, с. 323].

Автор выделяет служебные слова: 1) служебные имена в турецком языке – есть группа слов, которые, с одной стороны, являются обычными существительными и одновременно, с другой стороны, выступают в служебной

функции; 2) послелогоми являются служебные слова, располагающиеся после того слова, к которому относятся, и имеющие функции, аналогичные русским предлогам. Некоторые послелого употребляются после имени в основном падеже (без падежных аффиксов), другие послелого требуют постановки имени в том или ином падеже; 3) к союзам относятся служебные слова, выражающие связь между словами, словосочетаниями и предложениями. По грамматическому значению союзы в турецком языке делятся на сочинительные и подчинительные [7, с. 322-333].

Послелого определяются автором как «служебные слова, располагающиеся после того слова, к которому относятся, и имеющие функции, аналогичные русским предлогам» [7, с. 324]. Не классифицируя послелого по разрядам и типу управления, автор тем не менее подробно описывает послеложное управление и значение послелогов.

К союзам согласно Ю.В. Щеке относятся «служебные слова, выражающие связь между словами, словосочетаниями и предложениями». По грамматическому значению он выделяет сочинительные и подчинительные союзы [7, с. 328]. Сочинительные союзы по грамматической функции подразделены им на соединительные, противительные, разделительные и разделительно-перечислительные.

Частицы – это «слова, не имеющие знаменательного значения, но выражающие различные модальные оттенки» [7, с. 332]. С одной стороны, они, обладая грамматической семантикой, сближаются с аффиксами, с другой – близки к союзам, т.к. выполняют семантико-синтаксические функции. К частицам относятся: *-mî (mî, mi, mü)* – является второстепенной частицей; *-da (de, ta, te)* – является энклитической частицей, которая придает предшествующему слову различные экспрессивные оттенки; *-ise* или (при слитом написании как безударный вариант) *-(u)sa (se)* – является противительной частицей, передающей значение «же»; *-a (e)* имеет оттенок побуждения к действию.

Известный турецкий исследователь грамматики турецкого языка Нуреттин Коч в своей «Новой грамматике» классифицирует служебные слова следующим образом: 1) послелого; 2) союзы [6].

Слова, которые выполняют в предложении связующую функцию, называются послелогоми. По его мнению, в турецком языке слов такого типа довольно мало. Однако некоторые имена и союзы используются в качестве послелогов и также есть послелого, используемые с падеж-

ными словообразующими окончаниями. При наличии такого количества разных по образованию и по функциям послелогов нельзя сказать, что их очень мало.

Послелого в турецком языке делятся на шесть групп:

1) именительные послелого; 2) направительные послелого; 3) исходные послелого; 4) связующие послелого; 5) послелого с падежными окончаниями; 6) послелого с окончаниями действия.

Слова, которые связывают служебные слова, другие слова и группы слов в одну смысловую группу называются союзами.

В источниках говорится, что союзы и послелого тождественны, однако некоторые исследователи считают их противоположными.

Главной функцией послелогов является образование групп в предложениях. Союзы, напротив, не образуют групп. Есть группа с союзами, но нет группы союзов.

В турецком языке союзы связывают предложения, а также выступают в функции слов. На первом месте стоит функция связующего. Поэтому основная масса союзов используется в функции окончаний. Эти окончания влияют не только на структуру предложения, но и на его смысл [6, с. 742].

Частицами, турецкий филолог Н. Коч, называет слова, которые устанавливают семантические отношения между словами или словосочетаниями. Автором сразу отмечается ограниченный состав таких слов. Вместе с тем он указывает, что в такой функции могут выступать другие части речи: некоторые прилагательные, наречия, союзы. Н. Коч выделяет шесть групп частиц: 1) собственно частицы; 2) направительные; 3) исходные; 4) связующие; 5) частицы, употребляющиеся с глагольными формами; 6) частицы, употребляемые с глагольными образованиями. Стремясь провести границу между союзами и частицами, Н. Коч указывает, что частицы (в его понимании) в отличие от союзов, образуют в составе предложения словосочетание, тогда как союзы не образуют подобных синтаксически связанных единиц.

В своем монументальном труде Зейнеп Коркмаз не отходит от традиционных взглядов на классификацию частей речи и помещает служебные слова в виде отдельных второстепенных частей речи на один уровень с прочими лексикограмматическими группами слов. Союзы определяются им следующим образом: «Союзы это такие слова, которые не несут смысла сами по себе, союзы в турецком языке не имеют само-

стоятельного реального значения, а присоединяются к именам, субстантивированным словам и группам слов, объединяя их по смыслу» [8]. По значению автор делит их на следующие разряды: уподобительные, совместные, заместительные, качественные, причинные, орудные, временные, места, направления и т.д. По составу союзы бывают простые и сложные. Кроме того, она подробно описывает различия и сходства между союзами и аффиксами, союзами и именами.

З. Коркмаз классифицирует союзы следующим образом: 1) по структуре и типу корня (собственно турецкий именной или иностранный глагольный); 2) по употреблению; 3) по роли, выполняемой в предложении.

Автор также подробно останавливается на союзах, использующихся в качестве имен.

Исследуя послелого турецкого языка, З. Коркмаз считает, что послелогоми называются слова, не несущие смысла сами по себе, служащие для соединения частей сложного предложения или слов и групп слов внутри предложения. Послелого устанавливают связь между словами в предложении. Если из предложения удалить послелог, смысл предложения не изменится, но несколько сузится.

Коркмаз выделяет послелого как самостоятельные слова, которые пишутся отдельно. Характеризуя послелого как части речи автор определяет их по функциям:

1) послелого не выражают самостоятельно значения, употребляются только как служебные слова;

2) послелого выступают как связующий компонент в словосочетаниях и предложениях. Помогают наиболее точно выразить то или иное значение;

3) послелого отличаются от союзов своим расположением и функциями, которые они выполняют в словосочетании или предложении;

4) наречия, выражающие значение времени, деепричастия и послелого в некоторых случаях могут использоваться в качестве послелогов, а послелого, в свою очередь, никогда не могут переходить в другие части речи;

5) послелого не могут выступать в качестве таких членов предложения, как подлежащее, дополнение или сказуемое.

Кроме этого, З. Коркмаз отмечала, что союзы и частицы (на турецком они называются одним словом *bağlaç*), несущие смысл сами по себе, служат для соединения частей сложного предложения или слов и групп слов внутри предложения [8, с. 1224].

Другой турецкий исследователь, лингвист Х. Эдискун союзами (*bağlaçlar*) называет слова, которые не имеют самостоятельного значения, но используются в словосочетаниях и сложных предложениях, формально и семантически связывая их в одно целое. Здесь так же наблюдается отсутствие определенных критериев классификации союзов. По этой причине к разряду союзов относятся слова с разными функциональными ролями, а именно: слова с междометной функцией, частицы, модальные слова. Х. Эдискун и сам отмечает зыбкость границ между служебными частями речи и стремится дать отличительные особенности союзов от послелогов.

Таким образом, мы видим, что вопрос о сущности служебных слов в турецком языке и их классификации так или иначе все же затрагивался исследователями турецкого языка. При этом до сих пор отсутствуют единые критерии определения тех или иных служебных слов к различным разрядам служебных слов. Невоз-

можно не отметить факт некоторого отхода современных лингвистов от традиционных в тюркологии взглядов на служебные слова и принципы их классификации.

Литература

1. Гениш Э. Грамматика турецкого языка. – М.: Ленанд, 2007.
2. Гузев В.Г. Староосманский язык. – М., 1979.
3. Джевет-заде Х., Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого языка. – Л., 1934. – 268 с.
4. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. – М.; Л., 1941. – 312 с.
5. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 571 с.
6. Нуретин К. Новая грамматика турецкого языка. – Стамбул, 1996. – 742 с.
7. Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. – М., 2007. – 666 с.
8. Korkmaz Z. Türkiye türkçesi grameri. – Ankara, 2003. – 1224 с.

Эртугрул Кулач, доцент кафедры филологии Центральной Азии. E-mail: ert2020@gmail.com

Ertugrul Kulach, the senior Lecturer of the Department of Philology of Central Asia. E-mail: ert2020@gmail.com

УДК 811.512.31:811.512.161

© Э. Кулач

ПОСЛЕЛОГИ МЕСТА В БУРЯТСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительно-типологическому анализу сущности, функций послелогов места в бурятском и турецком языках.

Ключевые слова: бурятский язык, турецкий язык, послелогов.

E. Kulach

PLACE POSTPOSITIONS IN BURYAT AND TURKISH LANGUAGES

The article is devoted to comparative-typological analysis of origin and functions of the place postpositions in the Buryat and Turkish languages.

Keywords: the Buryat language, Turkish, postpositions.

Общеизвестно, что и бурятский, и турецкий языки являются языками агглютинативного типа, то есть, словоизменение и словообразование в данных языках происходит путем наращения аффиксов к основе слова. Кроме этого, как и в других языках алтайской семьи, в бурятском и турецком языках развита система послелогов, а также падежно-послеложных конструкций, выражающих значения предлогов в языках флективного типа. К примеру, рус. *на ящике* сравним с бур. *хайрсаг дээрэ* и тур. *sandık üstünde*.

Как отмечает О.Г. Макарова: «Абсолютному большинству русских первообразных предлогов соответствуют бурятские послелогов, которые не утратили генетической связи с формами полных слов» [2, с. 192], при этом среди приве-

денных примеров встречаются следующие слова *соо* (*досоо*) – в, *сооһоо* – из, *доро* – под, *урда* – перед [2] и т.д. Здесь же автором отмечается, что данные послелогов в бурятском языке дополняют падежные формы имен различными смысловыми оттенками, уточняя, синтаксическое значение словосочетаний, а также и сами послелогов способны присоединять падежные окончания [2].

Что касается турецкого языка, то здесь вышеуказанным бурятским послелогом соответствуют так называемые служебные имена, которые по сути идентичны данным бурятским послелогом. Рассмотрим описание турецких служебных имен, приведенное Ю.В. Щекой «В турецком языке имеется группа слов, которые, с одной стороны, являются обычными существи-

тельными и одновременно, с другой стороны, выступают в служебной функции, соответствующей предлогам русского языка... употребляясь в качестве определяемого двухаффиксного изафета, служебные имена выражают главным образом пространственные отношения, аналогично русским «под», «на», «внутри» [3, с. 322-323]. Подобное же описание служебных имен в турецком языке встречаем у П.И. Кузнецова, добавляющего так же, что «к служебному имени присоединяется нужный по смыслу аффикс» [1, с. 121]. В качестве примеров приведены слова *üst* – над, *ön* – перед, *iç* – в, внутри.

Рассмотрим пары бурятских послелогов и турецких служебных имен, передающих пространственные отношения.

1. Со значением «на, наверху, сверху» бур. *дээрэ* – тур. *üst*. Значение расположения лица или предмета непосредственно на поверхности чего-либо передается в бурятском языке послеложным сочетанием имени с послелогом *дээрэ*, при этом имя остается в основном падеже, например, *ном дээрэ* – «на книге», *дээдэ дабхар дээрэ* – «на верхнем этаже». В турецком языке данное значение передается падежно-послеложной конструкцией, в которой первое слово оформляется аффиксом родительного падежа, а служебное имя *üst* получает аффиксы местного падежа, например, *kitabın üstünde* – «на книге». В зависимости от необходимости передачи определенного значения как бурятский послелог *дээрэ*, так и турецкое служебное имя *üst* присоединяют соответствующие падежные аффиксы, например, бур. *орой дээрээһэ* «с крыши», тур. *masanın üstünden* – «со стола».

2. Со значением «под, внизу, снизу» бур. *доро* – тур. *alt*. Так же, как и в предыдущем случае, послелог *доро* бурятского языка передает значение расположения лица или предмета, но только уже под чем-либо, например, *гэр доро* – «под домом», *модон доро* – «под деревом». Как видно из примеров, здесь также имя находится в основном падеже. Приведенное в качестве аналогии турецкое служебное имя, так же как и *üst*, в функции послелога употребляется в форме местного падежа: *çantanın altında* – «под сумкой». В форме исходного падежа рассматриваемые послелогов в бурятском и турецком языках передают значение русского «из-под», например, бур. *газар дороһоо* – «из-под земли», тур. *yer altından* – «из-под земли». Обратим внимание, что в обоих языках имена остаются в основном падеже.

3. Со значением «впереди, перед» бур. *урда* – тур. *ön*. Как в бурятском, так и в турецком языке употребление данных послелогов требует оформ-

ления стоящего непосредственно перед ними слов аффиксами родительного падежа: бур. *миниш урда* – «передо мной», тур. *senin önünde* – «перед тобой». Турецкий послелог со значением «впереди, перед» является производным от служебного имени *ön* со значением «перед», поэтому фактически всегда употребляется в форме местного падежа. Данные послелогов бурятского и турецкого языков в форме исходного падежа передают значение русского предлога «спереди»: бур. *харшыш урдаһаа* – «спереди от забора, с передней стороны забора» тур. *çantamın önünden* – «спереди сумки, с передней стороны сумки».

4. Со значением «сзади, за» бур. *хойно, саана*, тур. *arka*. Значение нахождения предмета или лица за чем-либо в бурятском языке передается посредством падежно-послеложной конструкции, где первое слово, являющееся показателем места или предмета, за которым находится субъект, оформляется аффиксом родительного падежа, к примеру, *хадын хойно* – «за горой», *тэргын саана* – «за телегой». Приведенный здесь турецкий типологический аналог рассмотренного бурятского послелога также как и предыдущие служебные имена турецкого языка, в функции послелога употребляется в форме местного падежа. Приведем примеры: *dağın arkasında* – «за горой», *dolabın arkasında* – «за шкафом». В форме исходного падежа данные послелогов бурятского и турецкого языков передают значение «сзади, с задней стороны»: бур. *хадын хойноһоо* – «с обратной стороны горы, из за горы», *тэргын саанаһаа* – «из-за телеги, сзади телеги, с задней стороны телеги», тур. *dağın arkasından* – «из-за горы».

5. Со значением «внутри, в, внутрь, изнутри» бур. *досоо, соо* тур. *iç*. Послелог бурятского языка *досоо*, так же как и турецкое служебное имя *iç* имеет значение «внутри, внутренность, внутренняя сторона», ср. бур. *досоомни үбдэнэ* – тур. *içim ağrıyor* – «у меня болит внутри». Тем не менее в послеложной позиции (а в случае с турецким *iç* при оформлении падежными аффиксами) данные слова употребляются в функции послелогов места, например, бур. *байшанай досоо* – «в здании», тур. *çantamın içinde* – «в сумке». Однако следует отметить, что в бурятском языке чаще используется послелог *соо* – *байшан соо* – «в здании», *ном соо* – «в книге», в то время как послелог *досоо* употребляется преимущественно в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть значение нахождения именно во внутренности чего-либо. В форме исходного падежа данные послелогов в бурятском и турецком языках несут значение русского предлога «из»: бур. *байшан сооһоо* – «из здания», тур. *çantamın içinden* – «из сумки, из недр сумки».

6. Со значением «рядом, сбоку, около» бур. *хажууда*, *дэргэдэ* тур. *уап*. Нахождение лица или предмета рядом, около чего-либо в бурятском языке передается так же падежно-последложным словосочетанием: *гэрэй хажууда* – «рядом с домом». Как видно из примера, также употребляется аффикс родительного падежа. В турецком языке падежно-последложное словосочетание (именуемое Ю.В. Щекой «двухаффиксный изафет» [3]) представляет собой конструкцию, где первое слово оформляется аффиксом родительного падежа, а служебное имя получает оформление аффиксом местного падежа: *evin yanında* – «рядом с домом».

Проведенный сопоставительно-типологический анализ основных послелогов места в бурятском и турецком языках показал, что в обоих языках послелоги места представляют собой производные от полноценных служебных имен с определенными значениями «перед», «внутри», «назад». Послелоги места употребляются преимущественно в сочетании с именами в родительном падеже. При этом если в бурятском

языке также достаточно часто используется и основной падеж, то в турецком языке данное явление практически не встречается.

Наличие в бурятском языке различных послелогов от основы *дээ-* в значении «верх» (например, *дээрэ* – «наверху, на», *дээгүүр* – «по верху», *дээрэхээ* – «сверху») и от основы *до-* в значении «низ» (например, *доро* – «внизу», *дороһоо* – «снизу», *доогуур* – «по низу») можно вполне сопоставить с турецкими служебными именами аналогичного значения, что может позволить отнести данные бурятские слова уже не к послелогам, а к служебным именам, как в турецком языке.

Литература

1. Кузнецов П.И. Учебник турецкого языка. Начальный курс. – М.: Муравей, 2004.
2. Макарова О.Г. Бурятский язык. Интенсивный курс по развитию навыков устной речи. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2005.
3. Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. – М.: Восток-Запад, 2007.

Эртугрул Кулач, доцент кафедры филологии Центральной Азии. E-mail: ert2020@gmail.com
Ertugrul Kulach, the senior Lecturer of the Department of Philology of Central Asia. E-mail: ert2020@gmail.com

УДК 394.3

© Самдан Монхтувшин

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ ИГР

В настоящей статье монгольские народные игры по простоте форм, глубине идейного содержания до настоящего времени не потеряли своей культурной ценности.

Ключевые слова: народные игры, простота форм, культурной ценности.

Samdan Munktuvshin

SOME FEATURES OF MONGOLIAN FOLK GAMES

In this article Mongolian folk games for simple forms, the depth of the ideological content to the present time has not lost its cultural values.

Keywords: folk games, simple forms, cultural values.

Каждый народ развивает свой язык, имеет свою культуру, составной частью которой являются игры. Монгольские народные игры по простоте форм, глубине идейного содержания до настоящего времени не потеряли своей культурной ценности.

Одним из культурных наследий монгольского народа, созданных тысячелетиями, правомерно можно считать монгольские народные игры, которые являются большим интеллектуальным вкладом в историю человечества.

В Монголии в воспитании детей и молодого поколения использовали пословицы, наставления, сказки и легенды, песни и музыку, прославления, различные игры, раз-

влечения. Среди них имеется много игр, развивающих у детей и подростков ловкость, стойкость, силу.

Национальные игры не только воспитывают, но и имеют познавательное значение. Дети получают из унаследованных от предков игр понятия о родине, быте, труде, жизни, нравственности, обычаях.

Монгольские народные игры многогранны по виду и содержанию: 1. Шагайн тоглоом 2. Хөлөгт тоглоом 3. Онъсон тоглоом / развивающие сборные конструкционные игры, головоломки / 4. Аман наадам / Словесные игры – скороговорки, / 5. Уран зангилаа. Сүлжээ – развязывание узлов, игры в петли из ирисов,

веревки, ремни, нитки 6. Өрж эвлүүлдэг тоглоом – конструкционные игры 7. Хуруу гараар наадах – игры на пальцах.

Народные игры стимулируют умственное развитие детей: быстроту восприятия, четкость понятия, прочность запоминания, умение сравнивать, анализировать, синтезировать и правильность речи, соответствие сказанного с действиями игрока.

Особенностью монгольских народных игр является то, что в них отражаются жизнь и быт монгольского народа. Монголы почти всегда говорили о шагай – таранных костях: «Хоть и величиной с палец, зато с четырьмя почтенными именами» и играли все от мала до велика.

Когда беседуешь с пожилыми людьми, можно услышать много стилистически прекрасных словосочетаний, терминов, которые не вошли в брошюру об игре шагай и толковые словари.

Такие словосочетания необходимо в дальнейшем собирать как можно больше, чтобы выпустить в реестры, словари, которые станут важным источником для изучения исследователями монгольского языка и культуры.

В ходе социокультурного развития любого народа игра является важным фактором воспитания подрастающего поколения, формирования этнического мировосприятия. В многообразии монгольских народных игр игра «шагай» со всеми своими многочисленными вариациями является самым ярким отражением традиционного образа жизни монгольского народа, его обычаев, традиций, быта, культуры.

Во время праздников монголы играют в традиционные игры с участием шагай. Например, такие игры, как «морь уралдуулах, шагай харвах, мал өсгөх, бэл хаях, шагай булаалдах, аз үзэх мэргэ» и др.

Игра «шагай» способствует умственному развитию, а также духовному воспитанию, формированию и становлению детей и молодежи как носителей духа своего народа, национального менталитета. Примеры игры в

«шагай»: каждая из сторон шагай имеет свое значение: «морь, хонь, тэмээ, ямаа» и т.д.

Подбрасывание 4-х шагай – на удачу. «Дөрвөн бэрх» – морь, тэмээ, хонь, ямаа.

Если вам выпали 4 морь (4 лошади) – удача вам улыбнется.

Если же выпали 4 хонь (4 овцы) – ваши дальнейшие дела пойдут без преград.

Если выпали 4 тэмээ (4 верблюда) – принесут вам благополучие и долголетие.

Если выпали 4 ямаа (4 козы) – то дела лучше отложить, так как дела будут складываться неважно.

Шагай могут выпасть различными комбинациями, тогда значение приобретает совсем иной характер:

1 морь ба 3 ямаа (1 лошадь и 3 козы) означают, что вам следует остерегаться недобрых разговоров на стороне.

1 морь, 2 хонь ба 1 ямаа (1 лошадь, 2 овцы и 1 коза) – дела обстоят хорошо без препятствий.

1 морь, 1 тэмээ ба 2 ямаа (1 лошадь, 1 верблюд и 2 козы) – вас ждет счастье и благополучие.

Неверно думать, что «шагай» только забава, развлечение, это и метод обучения детей владеть собой.

«Шагай» как символ многих сторон традиционного образа жизни монголов является несомненно культурным достоянием нации. Требуящим дальнейшего изучения с исторической, психологической, экологической, культурологической, педагогической, филологической и других позиций.

Литература

1. Сарантуяа Б. Монголын цэнгээн наадам.
2. Улан-Баатар, 1996. – 77 с.
3. Алтанцэцэг Л. Разработка региональных программ по физическому воспитанию на основе сравнительного анализа результатов морфофункциональной и физической подготовленности школьников, различных аймаков Монголии // Теория и практика физической культуры. – М., 2013. № 8. – С. 21.
4. Лхагвасурэн Г. История физической культуры. – Улан-Батор: Адмон, 2000. – 350 хууд.

Самдан Монхтувшин, доцент кафедры филологии Центральной Азии. E-mail: munsamda@gmail.ru

Samdan Munktuvshin, the senior Lecturer of the Department of Philology of Central Asia. E-mail: munsamda@gmail.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КИТАЙСКОГО АНДЕГРАУНДА

В статье исследуется поэтический дискурс «подпольной поэзии» периода «культурной революции», для которого характерно использование анафоры, параллелизма. Эстетическая альтернатива андеграунда официальной поэзии стала для поэтов способом самоидентификации, самоопределения в условиях духовного нигилизма.

Ключевые слова: культурная революция, подпольная поэзия, персональный поэтический дискурс, поколение чжицин, анафора, параллелизм.

O.D. Tugulova

POETIC DISCOURSE OF THE CHINESE UNDERGROUND POETRY

The paper explores the poetic discourse of the «underground poetry» of the «Cultural Revolution» period, which is characterized by the using of anaphora, parallelism. Aesthetic alternative of the underground poetry to the official poetry became for poets a way of identity, self-determination in conditions of spiritual nihilism.

Keywords: Cultural Revolution, «underground poetry», personal poetic discourse, zhiqing generation, anaphora, parallelism.

В условиях идеологических, эстетических и этических ограничений, часто равносильных запретам, деятельность оппозиционных политическому режиму общественных сил, в том числе художественного характера, вынужденно принимает форму подполья. В мировой истории феномен подпольной организационной, идеологической, пропагандистской, художественной деятельности известен давно. В истории Китая также можно найти немало подобных примеров, в частности, так называемые «литературные судилища» (文字狱 – вэньцзы юй, досл. «фальсифицированный судебный процесс над деятелем литературы») эпохи Юань, Цин, «проработочные кампании» 1950-х гг. и др., да и Коммунистическая партия Китая в свое время относилась к числу подпольных организаций. В период «культурной революции» вследствие господства политизированного официального дискурса часть литераторов была вынуждена избрать молчание, а многие, не желавшие мириться с духовным нигилизмом, ушли в подполье. В это же время в подпольную литературу приходят молодые поэты из числа образованной молодежи (知青 – чжицин), вчерашние школьники и студенты (некоторые так и не завершившие образование), сосланные в сельскую местность на трудовое перевоспитание. Для них обращение к поэзии стало не только возможностью удовлетворить запросы творческого самовыражения или стремлением противостоять духовной и физической тирании, но и элементарной потребностью и необходимостью утолить духовный, информационный голод, который был настолько велик, что «проглатывалось» все: конфискованные у репрессированных представителей интел-

лигенции книги (Бэй Дао в бытность хунвэйбинном), единственные книги, уцелевшие после «литературных чисток» (Гу Чэн – «Записки о насекомых» Фабра; Шу Тин – «Словарь китайского языка»). Резко вырванные из привычной среды они оказались на грани нравственного и физического выживания, вынужденные отказаться от юношеских планов и надежд. В одночасье повзрослевшие они создают особую художественную модель, в которой из персональных поэтических дискурсов формируется поэтическая культура андеграунда. Примечательно, что данная субкультура станет одним из истоков поэзии периода «политики реформ и открытости» и, постепенно приобретая популярный характер, определит художественные характеристики литературы мейнстрима. Нашей задачей становится описание и определение характеристик поэтического дискурса андеграунда, функционировавшего в период «культурной революции».

Под поэтическим дискурсом в настоящей работе понимается специфический способ организации речевой деятельности, актуализируемый при взаимодействии поэта и читателя. Это своего рода диалектическая система, в которой учитывается социокультурный фон и которая меняет духовное пространство реципиента, вызывая у него ту или иную эмоциональную реакцию.

Подпольная поэзия, как своеобразный мост между эстетическим утилитаризмом соцреализма и многополярностью авангардной, модернистской и постмодернистской парадигм 1980-х гг., выходит за хронологические рамки событий «культурной революции»: давление идеологиче-

ского пресса ощущалось задолго до начала означенных событий, да и в эпоху правления Дэн Сяопина существовали жесткие рамки цензуры. Процесс формирования подпольной поэзии связан с творчеством небольших групп представителей интеллигенции, распространявших свои произведения исключительно в узком кругу самых близких друзей. В редких случаях стихотворения фиксировались в дневниках, посланиях, однако чаще всего жизненный цикл произведения включал лишь два этапа: создание и чтение в кругу единомышленников. В период «культурной революции» в подпольную литературу приходят молодые люди поколения *чжизин*, многие из них впоследствии станут профессиональными поэтами и внесут вклад в развитие поэзии «нового периода».

В условиях господства идеологического дискурса официальной поэзии, наполняющего восторженные песнопения во славу вождя, существовала острая потребность в эстетической альтернативе. Одним из первых попытки создания новой художественной системы предпринял Хуан Сян (黄翔) (родился в 1941 г., начало публикационной активности относят к 1950-м гг.), первые признаки чего, в частности, находим в опубликованном в 1962 г. стихотворении «Соло» («独唱»). Прежде всего метаморфозы претерпел лирический герой произведения. Лирическое «Я» отныне больше не глашатай определенной эпохи, не представитель какого-либо класса, не воплощение революционного борца пролетариата, за спиной которого стоит мощная армия из таких как он, а певец, у которого нет слушателей, одиночка, сторонящийся общества, у него независимый характер, он возвышается над толпой. В стихотворении слышен голос, который противостоит устоявшейся эстетической системе, входит с ней в явный диссонанс:

Кто я?
Я неприютная душа из водопада.
Вечного отшельника одно
стихотворение.
Мои скитания и песни – лишь сновидения след.
Мой единственный слушатель
– одиночество.

В не менее известном стихотворении «Дикий зверь» («野兽») отразились размышления поэта над эпохой, его критический дух и стремление к справедливости.

Я – затравленный дикий зверь.
Я – пойманный только что дикий зверь.
Я – затоптанный зверями дикий зверь.
Я – топчущий зверей дикий зверь.

Весьма продуктивным в данном стихотворении стало использование анафоры, подкрепленной лексическим и синтаксическим параллелизмом, которые пронизывают все строки приведенной строфы. Структуру текста составляет тема «Я – дикий зверь», при горизонтальном ее раскрытии добавляется определение, выраженное отглагольным прилагательным, причастием, с использованием активного и пассивного залога, выполняющего функцию ремы, т.е. актуализатора в читательском восприятии. Для традиционной поэтики подобные художественные структуры, простые внешне, явление достаточно частое, т.к. корнями они уходят в народное песенно-поэтическое творчество, признаваемое одним из истоков китайской поэзии (достаточно вспомнить «Шицзин» или песни юэфу с их зачинами и рефренами). Новаторство Хуан Сяна проявилось в использовании традиционных приемов в их новом функционале, а именно для разрушения стереотипов сознания читателя, усыпленного привычным дискурсом официальной поэзии с лозунговостью и шаблонностью его структуры, для актуализации его восприятия отстраненной и нарочито-монотонной структурой. От строки к строке происходит эмоциональное нарастание, градация, *затравленный, пойманный, затоптанный дикий зверь* в последней строке занимает активную позицию – *он сам топчет зверей*. В заключительной строке парадоксальным образом проявилась гуманистическая идея о сущности человека: превращусь ли я в такого зверя, как диктует создавшаяся ситуация, и в то же время, я как личность, противостоящая ударам судьбы, конформизму, не приемлю пассивного залога, не допущу своей духовной смерти: *[эпоха] загрызет меня до последней косточки / пусть от меня останется единственная кость / но она застрянет в глотке ненавистной эпохи*.

Анафора часто выступает структурным элементом поэтического дискурса Ши Чжи (食指) (псевдоним Го Лушэна (郭路生), родился в 1948 г. в семье пекинского кадрового работника), в 1960-х гг. принимавшего участие в деятельности подпольных литературных салонов, с конца 1960-х гг. подпольно распространявшего поэтические произведения, за что был назван «первым поэтом новой поэзии периода культурреволюции» [4, с. 87]. Наибольший отклик вызвало стихотворение Го Лушэна «Верь в будущее» («相信未来»), возродившее надежду и ставшее своего рода жизненным девизом всего поколения молодых людей, сосланных на трудовое перевоспитание:

Когда нищетою дышит жилище,
Когда паутиной заткнута дверь,
Я разгребаю отчаянья пепел,
Пишу снежинками:
«Верь в будущее, верь!»
[Пер. И. Ли. Азиатская медь, 2007, с. 64]

Произведение написано в духе романтизма, переплетающегося с чистотой душевных порывов юности. «В то время как сотни тысяч молодых людей залегли в укромных местечках и тайком зализывали раны; когда восторженность прошлых лет была вдребезги разбита ледяной реальностью; когда молодые люди уныло пытались найти выход из тупика, эта детская немислимая вера проникла в каждого и воодушевляла на продолжение борьбы» [4, с. 89]. Стихотворение состоит из семи строф, каждая из которых тематически строится на антитезе – противопоставлении жизненных невзгод (*Когда мой цветок обрывает зверь, / Я на земле, пустой и бесплодной, Мы в прах рассып-лемся. / Сомнения, / Блуждания мысли, душевная боль / Останутся людям*) и необходимости веры в будущее, жизнь, себя (*Я верю в будущее – / В грядущие поколения, Я жду. Я хочу, чтобы нас оце-нили, Я верю, что юность сильнее смерти. / По-верьте в упорство своих усилий*). Использование автором анафоры, а также параллелизма в каждой из строф позволяет усилить эмоциональный накал произведения, передать напряжение, моральное, физическое, которое пришлось пережить поколе-нию автора.

В последней строфе содержится универсаль-ный бином: жизнь и смерть, столь характерный для мифопоэтического мышления, однако в инди-видуально-авторской интерпретации Ши Чжи приобретающий дисбаланс в сторону одного из компонентов оппозиционной, но равновесной пары – жизни: «*Верь в юность, смерть побеждаю-щую, / Верь в будущее, жизнь любви*».

Все строфы стихотворения равнозначны по количеству строк, и строки содержат примерно одинаковое количество иероглифов, что харак-терно для большинства произведений Ши Чжи, но отнюдь не для китайской поэзии XX в., ос-новные характеристики которой сложились в 1920-е гг., «когда соответствующей требованиям времени поэтической формой стал свободный стих на разговорном языке «байхуа» с заимство-ванными на Западе и ставшими впоследствии характерными чертами китайской поэзии XX в. принципом разбивки стихов на строки, отсутст-вием рифмы, произвольным количеством иерог-лифов в строке, свободным строфическим по-строением» [2, с. 186]. С одной стороны, в этом проявляется индивидуальный почерк Ши Чжи, с другой, его стремление установить связь с клас-

сической поэзией с ее строгими правилами сти-хосложения, возможно, как подспудный протест против отрицания пропагандистами «культрева» национального наследия, традиций классиче-ской литературы.

При очевидной скупости изобразительных средств произведения андеграунда обладают вы-сокой степенью интенсивности воздействия и выразительной энергией, поскольку являют со-бой результат особой, обусловленной специфич-ной исторической эпохой, взволнованности авто-ров. Словарь подпольной лирики прост и обыден, в нем отсутствует поэтическая возвышенность, красота, вычурность. Содержательность ее достигается не только лексическими средствами, но и элементами сюжетности, которые, напри-мер, присутствуют в стихотворении Ши Чжи «*Это Пекин в шестнадцать ноль восемь минут*» («*这是四点零八分的北京*») и, накладываясь на лирическую основу, добавляют тексту реали-стичности, убедительности, достоверности, а значит, увеличивают его воздействующую силу. В основе произведения – событие 20 декабря 1968 г., всколыхнувшее всю страну и кардиналь-но изменившее судьбу целого поколения, – ссы-лка образованной молодежи «в горы и деревни» на трудовое перевоспитание. «Сюжет» стихотворе-ния, отразившего чувства молодых людей и их родственников, обрамлен большим кольцом, куда включается и название произведения. Таким об-разом, в поэтической истории обозначена точка отсчета «новой» жизни многих будущих поэтов Китая, их личностного и творческого становле-ния (а значит, данное стихотворение в опреде-ленном смысле можно считать началом подполь-ной субкультуры). Пекин представлен в тексте как символ малой родины, которую против своей воли с большой болью оставляли тысячи пред-ставителей поколения *чжизин*:

Вдруг кольнуло в груди.
Я знаю:
Это мамина нитка прошла сердце.
И оно, как воздушный змей, куда-то поплыло.
Ну а нитка осталась в руках у мамы.
[Пер. И. Ли. Азиатская медь, 2007, с. 66]

Личное отношение Ши Чжик к происходя-щему позволяет не только познать историю драматических событий, но и прочувствовать атмосферу горечи расставания с родными, при-вычным укладом жизни, разочарование нес-бывшихся надежд и разрушенных идеалов: *Вой протяжный уши дерет – / закачался огромный вокзал*. Поэт дает обобщенную картину траге-дии, разыгравшейся в период «культурной рево-люции», и Пекин уже предстает как символ все-

го Китая, погруженного в политический, духовный хаос. Автор переходит от субъективного восприятия лично пережитого к объективным масштабам пережитого всем китайским народом: *Не пущу, не отдам! / Это ведь мой Пекин. / Это мой последний Пекин.*

Первая строфа стихотворения, в которой использована анафора и присутствует рифма, задает темп всему повествованию, интенсивному и эмоциональному, аффективному:

Это Пекин в шестнадцать ноль восемь минут 这是四点零八分的北京，

волны рук поднимает перрон. 片手的海洋翻动；

Это Пекин в шестнадцать ноль восемь минут 这是四点零八分的北京，

от гудка содрогнулся вагон. 声雄伟的汽笛长鸣。

Однако необходимо отметить, что явление рифмы скорее спорадично, нежели регулярно, тем более что на протяжении всего текста ее больше нет, но свою роль для первой строфы она сыграла.

Вопрос, который поэт задает во второй строфе (*Я в окно поглядел, чуть разинув рот: / Что случилось – кто бы сказал?*) и на который находит ответ в четвертой (*И сейчас, вот в самую эту минуту, / я все понял. Сейчас я все понял*), отражает ту растерянность и даже потерю самоидентификации, которую испытали многие: в одночасье жизненные константы и ориентиры опровергнуты, жизнь, которую сосланные на трудовое перевоспитание будут наблюдать в деревне, как оказалось, сильно отличается от содержания лозунговых речей партийных руководителей. Использование в приведенных строках параллелизма (неизвестно что произошло – я только что понял что произошло) зрительно и интонационно выделяет важную для понимания этой потери «главу» в произведении Ши Чжи. Именно как возможность самосознания и самоопределения, поисков духовных ориентиров возникла поэзия андеграунда. Стихотворение Ши Чжи, созданное в день описанных событий, моментально распространилось в кругах молодежи и вместе с риском для автора принесло ему славу первого поэта «культрева». «Го Лушэна называют первым поэтом "культурной революции", должен отметить, что это очень точная его характеристика. С него в поэзии начинаются изменения: от классовой, партийной поэзии совершается переход к индивидуальной поэзии, возрождается внимание к достоинству человека, возрождается авторитет поэзии. Стихотворения Го Лушэна были горячо встречены молодежью, отправленной на перевоспитание. Его произведения стремительно разлета-

лись среди молодых людей, переписывавших их от руки, многократно декламировались. Так был приподнят угол тяжелого занавеса, и открылись новые горизонты» [3, 1994].

Поэзию андеграунда наполняет идея поиска (лексема 寻找 – «искать») жизненных ориентиров, гуманистических идеалов, самопознания. Так, строки *Ушли так далеко / Мы ищем лампы свет*, служащие зачином и концовкой стихотворения Гу Чэна «Мы ищем лампы свет» (《顾城》我们去寻找一盏灯), кроме того, перемежаются три строфы произведения, подчеркивая сущность поэзии «потерянного» поколения чжэицин, находящегося в неустанном поиске и познании. В стихотворении Бэй Дао (北岛, псевдоним Чжао Чжэнькая 赵振开) «Пойдем» («走吧») также реализуется идея поиска: *Пойдем, / Мы не теряли память, / Мы идем искать озеро жизни.* Примечательно, что и в данном произведении присутствует единоначатие каждой строфы – *пойдем*, отражающее призыв и задающее ритм стихотворению.

Анафора и параллелизм определяют ритмичность, эмоциональность, философскую метафоричность и лаконизм и другого стихотворения Бэй Дао «Все» («一切»): *все это – судьба / все это – облачная дымка / все это – начало без конца / все это – мимолетные поиски.* Произведение составляют четырнадцать таких создающих штрихи к эпохе строк, самостоятельных, но предельно точно описывающих атмосферу тех лет, состояние безверия, опустошения, в котором пребывали многие поэты. И даже очевидное целенаправленное поиска (в четвертой строке) как будто обречено на провал. Несмотря на отсутствие визуального деления стихотворения на строфы, каждые две строки лексически и синтаксически параллельны друг другу и структурно могли бы быть объединены строфически, например: *вся радость эта без улыбки / все страдания эти без слез*, *«вся любовь в сердце / все бывшее в снах.* Однако сплошная подача поэтического текста, равно как и отсутствие знаков препинания, определяют специфику персонального дискурса поэта, оставляющего читателю интерпретационное право на паузы, смещение логического ударения. Внешне монотонное произведение эмоционально сгущенно и предельно насыщено. Интенсивность эмоциональной окраски, обусловленная пережитым опытом, достигается также приемом противопоставления, в частности, присутствующим в заключительной паре строк: *все взрывы имеют миг тишины / все смерти имеют протяжное эхо.*

Для поэтического дискурса андеграунда периода «культурной революции» не характерно увеличение используемых тропов, а имеющиеся сгущены и постоянно повторяемы, поскольку достигают своей цели: раскрывают индивидуально-авторское видение действительности и в то же время служат созданию исторически достоверной и эмоционально аффективной художественной действительности. С точки зрения макроструктур, «подпольная поэзия», возникшая как реакция на специфичные исторические условия, представляет собой художественную модель, зеркально отражающую реальный мир, авторский вымысел присутствует только при создании отдельных образов, призванных усилить эмоциональную нагрузку текста. Вместе с тем авторские дискурсы индивидуализированы и, выражая право поэта на творческую самореализацию, потребность самому осваивать окру-

жающий мир, создают предпосылки для дальнейшего развития поэзии.

Литература

1. Азиатская медь: антология современной китайской поэзии / сост. Лю Вэньфэй. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 256 с.
2. Тугулова О.Д. Китайская поэзия 1980-1990-х гг.: смена художественных парадигм // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. – С. 186-190.
3. 宋海泉. 白洋淀琐忆 // 诗探索. 1994年第4期. Сун Хайцюань. Воспоминания о Байяндяне // Поэтический поиск. – 1994. – №4.
4. 杨健. 墓地与摇篮 – 文化大革命中的地下文学. – 北京: 朝华出版社, 1993. Ян Цзянь. Могила и колыбель: подпольная литература периода Великой культурной революции. – Пекин: Чаохуа, 1993.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00435.

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета. Тел.: (3012) 442522, e-mai: tugulova@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, candidate of philological science, lecturer of the department of Far Eastern country's philology, BuryatState University. Tel.: (3012) 442522, e-mai: tugulova@bsu.ru

УДК 811.581

© Д.Б. Цыбикова

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В ТИПЕ РЕЧИ «ПОВЕСТВОВАНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена выявлению особенностей репрезентации способов выражения аспектуальных категорий «ограниченность/неограниченность пределом» и «способы действия» в повествовательном типе речи на материале китайского языка.

Ключевые слова: *аспектуальность, функционально-смысловой тип речи, повествование, диахронность, модификатор вида.*

D.B. Tsybikova

GRAMMATICALIZATION OF ASPECT MODIFIERS IN CHINESE NARRATIVE TEXTS

The article is devoted to the question of the role of the usage of aspect indicators for forming narration context in Chinese texts. Based on the analysis of the Chinese narrative texts, the author makes an assumption about how narration as a type of speech determines the choice of aspect indicators.

Keywords: *functional-semantic type of speech, narration, diachronicity, aspect modifier.*

В повествовательной речи содержание контекста отличается динамичностью, т.е. характеризуется переходом от одного действия или состояния к другому действию или состоянию. В повествовании действительность воспринимается в процессе изменения и развития [3, с. 111]. Структурно-семантической основой повествовательного текста служит предикатное ядро: «Если в "фокус" внимания говорящего попадает объект, являющийся величиной стабильной, то его функции, действия представляют собой величины неустойчивые в том смысле, что одно

действие сменяется другим в поле зрения говорящего. Такой способ "видения" внеязыкового ряда вербализуется текстовой единицей – повествованием» [5, с. 41]. Последовательность признаков выражается диахронологемой [4]. Динамичность повествовательной речи создается с помощью различных средств языка, среди которых главными являются грамматические средства выражения категорий аспектуальности и темпоральности. Различным языкам свойственны неодинаковые способы репрезентации данных характеристик.

Целью исследования является выявление способов выражения аспектуальных категорий «ограниченность/неограниченность пределом» и «способы действия» в функционально-смысловом типе речи «повествование» в текстах на китайском языке.

Актуальность и новизна темы определяется отсутствием исследований в области функционально-смысловых типов речи на материале китайского языка.

Объектом исследования выступает функционально-смысловой тип речи «повествование». Предмет исследования – аспектуальные средства выражения динамики повествования в текстах на китайском языке.

В качестве основного метода применяется описательный метод, предполагающий таксонометрическое и объяснительное описание, категориальный и компонентный анализ языковых единиц; в исследовании конкретного текстологического материала использованы методы анализа и синтеза, сравнения и аналогии, метод контекстного анализа.

Под аспектуальностью мы, вслед за А.М. Пешковским и А.В. Бондарко, понимаем семантический категориальный признак, характеризующий протекание и распределение действия во времени [1, с. 40]. Грамматическое выражение данной категории в китайском языке имеет ряд особенностей. Исследователи расходятся во мнении о количестве видов глагола в китайском языке. Самым распространенным мнением является представление о том, что в китайском языке два основных глагольных вида: общий и результативный [6, 7, 8, 9, 10]. Общий вид обозначает действие как таковое в целом; средством его выражения служат неформленные глаголы недействия, глаголы состояния, непередельные глаголы. Иногда общий вид указывает на действие вместе с его результатом (неформленные передельные глаголы). К глаголам общего вида, таким образом, относятся все глаголы действия и недействия, неформленные грамматическими показателями вида.

Результативный вид обозначает не просто действие как таковое, а определенный переломный момент достижения этим действием какого-либо результата [7, 8, 9]. Механизм результативной глагольной модели словообразования заключается в том, что к центральной независимой основе присоединяется дополнительный элемент (补语 bǔyǔ) со значением изменения или результата [6, с. 151]. Таким образом, результативные глаголы – это сложные глаголы, состоящие из двух частей, первая из которых обозначает собственно само действие, а вторая –

результативная морфема или модификатор вида – указывает на его результат, т.е. на качество или действие, появляющееся в результате первого действия. Модификаторами вида – результативными морфемами, может стать очень обширная группа предикатов: любые прилагательные, непереходные глаголы, глаголы мысли, чувства и речи [7, с. 79; 8 с. 161-172; 9, с. 81]. Выступая в качестве маркированного члена видового противопоставления, результативный вид в китайском языке помимо значения ограниченности пределом выражает самые различные способы достижения действием результата. По семантическому принципу они объединяются в несколько групп: модификаторы, указывающие на признак действующего лица или объекта действия; модификаторы, которые дают оценку действию, выражая идею успешности/неуспешности действия; модификаторы, указывающие на окончание, завершение действия или на его исчерпывающий характер, т.е. на то, что действие распространяется на весь объем объекта; и др. [7, с. 79-91].

Семантический потенциал маркированного члена видового противопоставления – результативный вид, включает в себя, наряду со способами действия, еще и признак лимитативности, т.е. ограниченности действия пределом. С ограниченностью действия внутренним пределом связано выражение последовательности действий: «В контексте ... ограниченность действия пределом проявляется как отграничение от предшествующего и последующего "фона" – длительности или отсутствия всякого действия, в способности ... передавать "цепь" сменяющих друг друга фактов, "цепь наступлений"» [2, с. 18-19]. Из сказанного выше следует, что показатели результативного вида – модификаторы результативных глаголов и результативно-направленных глаголов, а также морфемы, входящие к глаголам направления движения, используемые в отвлеченном значении, используются в констатирующих текстах для реализации логемы диахронности и оформления контекста повествования.

Рассмотрим данный тезис на примерах.

(1) 结婚那天非常热闹, 花轿走到梁山伯的墓前时, 祝英台从轿上走下了, 跪在墓前痛哭起来, 这时, 天一下子暗了下来, 刮起了狂风, 下起了大雨。忽然一声巨响了, 墓裂开了, 祝英台立刻扑了进去, 墓一下子又合上了 [11, с. 45].

В день свадьбы было очень шумно. Когда паланкин был поднесен к могиле Лян Шаньбо, Чжу Иньтай вышла из него, опустилась на колени и горько заплакала. В это время небо вдруг

потемнело, поднялся вихрь, начался ливень. Вдруг раздался страшный гром, могила разверзлась, Чжу Интай упала в нее и земля сомкнулась над ней.

Повествование предваряется описательным высказыванием: *结婚那天非常热闹 (В день свадьбы было очень шумно). В самом повествовании вербализован переход одного действия к другому в хронологической последовательности, что передается грамматическими формами десяти предикатов, которые обозначают десять хронологически последовательных действий и изменений состояний нескольких объектов:*

1) 走到 – «подойти» (走 – «идти», 到 – «достичь, дойти (до)»);

2) 走下 – «выйти (из)» (走 – «идти», 下 – «вниз»);

3) 痛哭起来 – «начать горько плакать» (痛哭 – «горько плакать», 起来 – модификатор результативного вида со значением начала действия);

4) 暗(了)下来 – «потемнеть» (暗 – «темный», 下来 – модификатор результативного вида со значением начала или продолжения действия);

5) 刮起(风) – «подуть (о ветре)» (刮 – «дуть», 起 – модификатор результативного вида со значением начала действия);

6) 下起(大雨) – «начаться (о ливне)» (下 – «идти (о дожде)», 起 – модификатор результативного вида со значением начала действия);

7) 巨响了 – «громыхнуть, раздаться (о треске)» (巨响 – «громыхать», 了 – модальная частица перехода из одного состояния в другое);

8) 开 – «открыть»;

9) 扑(了)进去 – «упасть (внутри)» (扑 – «упасть», 进去 – модификатор направления движения «-в, -внутри»);

10) 合上 – «закрыть(-ся)» (合 – «закрывать», 上 – модификатор результативного вида).

Следующий пример – микротема, ограниченная с двух сторон прямой речью:

(2) 他的儿子说: «有没有上天的台阶, 我们怎么能上去呢?» 汉子说: «这个我自有办法.» 说着便打开箱子, 从里面取出一大团绳子。这团绳子足有十张长, 汉子找到绳子的头儿, 用力地向空中扔去, 那绳子竟然「嗖」地一声直插入空中, 笔直的立在那里。接着, 汉子将绳子越抛越高, 渐渐没入云中, 看不到头儿了, 而他手中的绳子也已经到了末端。他对儿子说: «我儿过来爹爹现在老了, 身体又重又笨, 爬不到

天上了, 只好你上去走一趟了.» 说着就把绳子交给儿子[12, с. 16].

Его сын сказал: «*Есть ли у вас лестница до Неба, как я могу добраться?*» Мужчина сказал: «*Есть у меня один способ. Он открыл ящик и достал из него длинную веревку. Длина этой веревки была 10 чжанов, он нашел ее конец и с силой забросил ее в воздух; веревка вклинилась в воздух и застыла в вертикальном положении. Он забрасывал веревку все выше, пока постепенно она не достигла облаков, и край ее не перестал быть виден, но и той части веревки, которая была у него в руках, осталось совсем немного – самый кончик. Он сказал сыну: «Подойди, сынок. Отец постарел, тело тяжелое и неповоротливое – я не доберусь до Неба; лучше, если ты поднимешься» и дал ему веревку.*

Соотносительные формы предикатов, оформляющие монологическую часть фрагмента текста, служат для реализации диахронологемы:

1) 打开 – глагол движения – «открывать» (или 打开: 打 – «доставать» и 开 – «открывать»);

2) 取出: 取 – «брать, взять, получить» и результативная морфема от глагола движения 出;

3) 找到: 找 – «искать» и результативная морфема от глагола движения 到;

4) 扔去: 扔 – «бросать, кидать» и результативная морфема от глагола направления движения 去;

5) 插入 – «вклиниться, воткнуться» (или: 插入: 插 – «воткнуть» и результативная морфема от глагола действия 入 – «входить»);

6) 越抛越高: Конструкции данного типа (越...越 «чем... тем...») характеризуются бинарной структурой: постепенное изменение одного действия или состояния (в данном примере выраженного глаголом 抛 – «бросить, кинуть, отбросить») ведет к пропорциональному изменению другого действия или состояния (高 – «высокий»);

7) 没入: 没 – «доходить до» и результативная морфема от глагола действия 入;

8) 到了: 到 – «достигать, доходить (до)» и видо-временной суффикс 了;

9) 就...交给: 交给 – «передавать (кому-то)» (или 交 – «отдавать, вручать» и предлог 给, в постпозиции указывающий на достижение действием предела), оформленный союзной частицей/ наречием 就 – «сразу, тотчас».

Приведенные примеры иллюстрируют выдвинутый нами тезис о том, что в китайском языке результативный вид является маркером

повествовательного контекста. Кроме того, с большой долей уверенности можно утверждать, что в констатирующих типах речи использование модификаторов результативного вида будет ограничиваться функционально-смысловым типом речи «повествование». Обусловлено это наличием в семантическом потенциале маркированного члена видового противопоставления доминантного значения «ограниченность действия пределом». Признак лимитативности всегда связан с выражением последовательности действий, которая указывает на логему диахронности, лежащую в основе повествовательного типа речи.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. – Л.: Наука, 1987.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М.: Просвещение, 1971.
3. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974.
4. Нечаева О.А. Логико-смысловая основа монологических типов речи // Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повество-

вание» / под общ. ред. О.А. Нечаевой. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011.

5. Хамаганова В.М. Семантические свойства текстов типа «описание» и «повествование» // Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование» / под общ. ред. О.А. Нечаевой. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011.
6. Хаматова А.А. Словообразование китайского языка. – М.: Муравей, 2003.
7. Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1957.
8. Yip Po-Ching. Don Rimmington. Chinese: a comprehensive grammar. – London. Routledge. – 2004.
9. Hua Lin. A Grammar of Mandarin Chinese. Muenhen, Lincom Europa. – 2001.
10. Chen Xuanbei. Hanyu weiwan chengmaode yufahua ji qi yuyi fenxi. Guoli zhongzhen daxue, yuyan xue, shuoshi lunwen. Zhonghuamingguo. – 2004. (陳宣貝. 漢語未完成貌的語法化及其語意分析. 國立中正大學 語言學研究所 碩士論文//中華民國/ 2004).
11. 汉语听说教程 (上)。北京语言大学出版社, 2008。
12. 聊斋志异。北京出版社, 2007。

Цыбикова Дарима Бадмажаповна, ассистент КВЯЗ БГУ, аспирант кафедры русского языка БГУ. Тел.: 89243901499. E-mail: tdb2014.tsybikova@yandex.ru

Tsybikova Darima Badmazhapovna, an assistant lecturer of department of oriental languages chair of Byriat State University, post-graduate student of department of Russian language. Tel.: 89243901499. E-mail: tdb2014.tsybikova@yandex.ru

УДК 811.581

© Д.Б. Цыбикова

СПОСОБЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИЙ РАЗНОВРЕМЕННОСТИ И ОДНОВРЕМЕННОСТИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена выявлению грамматических способов выражения таксисных категорий одновременности и разновременности действий, а также неактуализированности различения одновременности / разновременности действий в описательных и повествовательных контекстах на материале китайского языка.

Ключевые слова: таксис, одновременность действий, разновременность действий, функционально-смысловой тип речи, повествование, описание.

D.B. Tsybikova

GRAMMATICALIZATION OF SYNCHRONICITY AND DIACHRONICITY FUNCTIONAL CATEGORIES IN CHINESE LANGUAGE

The article is devoted to the term of taxis categories of synchronicity and diachronicity in Chinese descriptive and narrative texts. The starting point for a theoretical understanding of the facts of this language is an idea, according to which the larger-thensentence structures have some fixed patterns (the concept of O.A. Nechaeva). Based on the analysis of the Chinese narrative texts, the author makes an assumption about how narration as a type of speech determines the choice of taxis indicators.

Keywords: taxis, synchronicity, diachronicity, functional-semantic type of speech, narration, description.

Оппозиция «разновременность / одновременность» (действий), являясь ядром семантики функциональной категории таксиса, обладает в разных языках неодинаковыми способами пре-

зентации. Мы рассмотрим способы выражения категории таксиса в китайском языке. Актуальность предмета исследования обусловлена необходимостью детального изучения семантики

видо-временных показателей китайского языка. Материалом послужили аутентичные тексты.

Общая характеристика семантики категории таксиса понимается нами, вслед за А.В. Бондарко, как отношение между действиями в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса, который может быть представлен различными типами предложений, а также высказываниями выше уровня предложения, представляющими собой сверхфразовые единства. Из данного определения следует, что отношения таксиса характеризуют не одну предикативную форму, а сочетание форм. Семантика таксиса представляет собой временные отношения между действиями, всегда сопряженными с аспектуальной характеристикой компонентов и реализуемыми различными способами [1, с. 234-235]. В данной статье мы рассмотрим способы выражения в китайском языке отношений 1) разновременности действий или состояний, 2) одновременности действий или состояний, а также 3) отнесенности действий к одному и тому же периоду времени без актуализированности различия одновременности/разновременности. Все эти значения являются основными для семантики таксиса и в китайском языке имеют определенные способы выражения видо-временными формами предикатов. Так, на семантику разновременности действий или отношений предшествования-следования в китайском языке указывает присоединение к предикату видо-временного суффикса 了 – le; присоединение видо-временного показателя 着 – zhe служит для выражения значения одновременности действий; отнесенность действий к одному и тому же периоду времени без актуализированности различия одновременности/разновременности выражается нулевой формой предикатов. Необходимо подчеркнуть, что при всей определенности плана выражения таксисные категории в китайской языковой системе находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности.

Выделяют два вида отношений разновременности: строгая (полная, сильная) и нестрогая (частичная, слабая). Под строгой разновременностью понимают такие отношения между действиями, когда «действие А строго предшествует (следует) действию В тогда и только тогда, когда каждый момент, в котором имеет место А, находится ранее (позже) каждого момента, в котором происходит В». Иными словами, отношения полной разновременности – это отношения временной исключающей дизъюнкции [1, с. 243]. Данное языковое явление имеет в совре-

менном китайском языке грамматическую форму: предикаты, выражающие действия, находящиеся в отношениях строгой разновременности, оформляются видо-временным суффиксом 了 – le. Основным значением данного грамматического показателя является подчеркивание завершенности действия, вне зависимости от того, идет ли речь о прошлом, настоящем или будущем времени [2, с. 110-112; 8, с. 351-358; 9, с. 55-56; 10, с. 184]. Соображения о том, что данный показатель можно рассматривать в качестве переключателя, «сигнала о переходе в другое состояние» выразила Тань Аошунан [5, с. 26]. Рассмотрим пример:

(1)

奇迹就这样在众目睽睽下发生了。大家眼睁睁地看着一个嫩绿的小牙破土而出，变高变大，不一会儿，竟然就长成了一棵参天大树。紧接着，雪白的梨花开满了树冠。一瞬间，花朵全都落了，无数的梨子长了出来，在人们还没有反应过来时，一树黄灿灿的大梨子就挂满了枝头，清香的气味飘出老远。 [12, с. 20].

Чудо произошло на глазах у уставившейся публики. [Сначала] Все с широко раскрытыми глазами смотрели на то, как из земли показался росток, который становился все выше и больше, и вскоре вырос в очень высокое дерево. Очень быстро крона его покрылась белыми цветами. Через мгновение все цветы опали, [затем] начали отрастать бесчисленные персики; толпа еще не поняла, что же произошло, [(но) вскоре] ветки дерева были плотно обвешаны блестящими желтыми плодами, аромат которых развеялся далеко вокруг.

Помимо первого предложения, играющего роль пролога, предваряющего повествование, в данном контексте насчитывается пять различных действий (ситуаций), находящихся в отношениях строгой разновременности:

1) (大家眼睁睁地看着)一个嫩绿的小牙破土而出，变高变大，不一会儿，竟然就长成了一棵参天大树

(Все с широко раскрытыми глазами наблюдали за тем, как) из земли показался росток, который становился все выше и больше, и вскоре вырос в очень высокое дерево);

2) 紧接着，雪白的梨花开满了树冠
очень быстро крона его покрылась белыми цветами;

3) 一瞬间，花朵全都落了

через мгновение все цветы опали;

4) 无数的梨子长了出来

начали отрастать бесчисленные персики;

5) (在人们还没有反应过来的时候,)一树黄灿灿的大梨子就挂满了枝头,(清香的气味飘出老远)

(толпа еще не поняла, что же произошло) ветки дерева заполнились блестящими желтыми плодами (аромат которых развевался далеко вокруг).

Грамматически идею одновременности передают соотносительные формы предикатов:

1) 长成了: 长 – *расти*, результативная морфема 成 и видо-временной суффикс 了;

2) 开满了: 开 – *расцветать*, результативная морфема 满 и видо-временной суффикс 了;

3) 落了: 落 – *опадать* и видо-временной суффикс 了;

4) 长了出来: 长 – *расти*, видо-временной суффикс 了, результативные морфемы 出来;

5) 挂满了: 挂 – *вешать, висеть*, результативная морфема 满, видо-временной суффикс 了.

В данном повествовательном контексте действия, на которые указывают предикаты, оформленные видо-временным показателем 了, соотносятся друг с другом так, что исключается всякая интерпретация, которая допускала хотя бы частичное «перекрытие» во времени. В тексте на китайском языке грамматическим маркером смены действий в рамках одной микротемы является видо-временной показатель 了 – le. В русском языке такого грамматического маркера смены действий нет; это определяется в контексте повествования лексически и грамматически. Исследователи Ч. Ли и С. Томпсон отмечают, что в подобных случаях перевод с китайского фраз, имеющих в своем составе 了 – le, допускает употребление обстоятельственных слов со значением последовательности действий – *сначала, затем, потом, после* и др. [10, с. 198].

Использование видо-временной формы 发生了 (发生 – *происходить* + видо-временной суффикс – 了) в первом предложении, являющемся прологом (называнием новой ситуации), обусловлено противопоставлением наступившей качественно новой ситуации (奇迹就这样在众目睽睽下发生了 – *Чудо произошло на глазах у уставившейся публики*).

Наряду с полной, строгой одновременностью выделяют также «слабое предшествование», или неполную (частичную, нестрогую) одновременность, суть которой заключается в отношениях неисключающей дизъюнкции, имеющей в данном случае такой смысл: в каком-то отрезке времени происходит действие А или действие В, или какая-то часть А и В вместе. Таким образом, на некотором временном

отрезке можно предполагать сосуществование конечной части одного действия с неопределенной частью другого – однозначное указание на временную отграниченность отсутствует [1, с. 245].

Основным условием возникновения значения нестрогой одновременности является отсутствие выраженного грамматически указания на временной предел действия. С точки зрения типологии речи, данное явление характеризует тип речи «описание» [3; 4; 6]. В китайском языке такой – нейтральной по отношению к функции делимитации (отграниченности пределом) – является нулевая форма предиката. Например:

(2)地震前, 动植物都会有异常反应: 有的人家的金鱼

从鱼缸中跳出来, 鸡不会窝, 老鼠忙着搬家, 植物提前开花. [11, с. 57].

Перед землетрясением животные и растения ведут себя необычно: золотые рыбки выпрыгивают из аквариумов, птицы не стоят гнезд, мыши поспешино «переезжают»; раньше времени расцветают растения.

Описание картины существования живого выражено формами предикатов:

1) 反应 – *реагировать; откликаться* в нулевой форме;

2) 跳出来: 跳 – *прыгнуть* и результативные морфемы 出, 来;

3) 会窝: 会 – модальный глагол *мочь, уметь* и 窝 – *вить гнездо* в нулевой форме;

4) 搬家 – *переселиться* в нулевой форме;

5) 开花 – *расцветать; цвести* в нулевой форме.

В функционально-смысловой типологии речи нестрогая одновременность действий характеризует тип речи – описание.

Отношения одновременности означают, что в один и тот же период времени t имеют место действия А и В. При этом А не тождественно В [1, с. 248]. Одновременность действий, как и одновременность, имеет два варианта: строгую (сильную/полную) и нестрогую (слабую / частичную). Строгая одновременность предполагает наличие в составе рассматриваемого высказывания предикатов, отсылающих к действиям, по выражению А.В. Бондарко, «немгновенного характера», т.е. выраженных неопредельными глаголами. Указание на одновременность в этом случае предполагает процессность, в которой вычленяется некая длительность. В отличие от отношений нестрогой одновременности, отношения строгой одновременности предполагают рассмотрение соотносимых действий в их срединных фазах [1, с. 246]. В китайском языке

грамматическое выражение идеи процессности действия, на которое указывает предикат, различается в зависимости от того, является предикат предельным или неопредельным глаголом. Если глагол неопредельный, то на потенциальную процессность выражаемого им действия указывает его нулевая форма, если же предикат относится к разряду предельных глаголов, то выражением срединности фазы протекания действия, является оформление его видо-временным суффиксом 着 – zhe. С позиции функционально-смысловой типологии речи отношения строгой одновременности являются реализацией синхронологемы в описательных контекстах (описание-характеристика, описание-портрет и др.) [3].

Отношения нестрогой (частичной) одновременности охватывают только два действия, на которые указывает контекст высказывания. Все остальные действия не обязательно находятся в отношениях одновременности к ним. Таким образом, данный тип отношений заключается в сопутствующем характере некоего действия какому-то одному действию и совсем не обязательно – к другим действиям контекста, указывает на логему диахронности, поэтому может соответствовать функционально-смысловому типу речи «повествование» или «рассуждение». В китайском языке отношения одновременности определяет оформление предиката, указывающего на сопутствующее действие, видо-временным суффиксом 着 – zhe. Рассмотрим примеры.

(3)

她**被**着长发, **穿**着T恤衫, 牛仔裤, 手里**提**着两个赛得满满的旅行袋。 [11, с. 58]

У нее были длинные волосы; одета в рубашку и джинсы, в руках – битком набитые одеждой чемоданы.

Визуальное описание, заключающееся в перечислении признаков, находящихся в отношениях строгой одновременности на момент, о котором идет речь, выражается соотносительными формами предикатов:

1) 被着: 被 – *покрывать, накрывать* и видо-временной суффикс 着 – zhe;

2) 穿着: 穿 – *одевать, надевать* и видо-временной суффикс 着 – zhe;

3) 提着: 提 – *поднимать (за ручку)* и видо-временной суффикс 着 – zhe.

Все предикаты контекста – предельные глаголы, оформленные для выражения процессности действий видо-временным суффиксом 着 – zhe.

(4)

几天来, 展览大厅里非常**安**静。除了展览馆门口的一块广告牌子, 美术界的人一句话也**没**说。电视台, 报纸也都**沉**默着, 观众**少**得可怜。

[11, 33]

В течение нескольких дней в выставочном зале было чрезвычайно тихо. [О выставке] можно было узнать только прочитав вывеску у входа на нее – искусствоведческие круги безмолвствовали. Телевидение и газеты молчали; публика безразлично малочисленна.

Для выражения описательного контекста служат соотносительные формы предикатов, которые указывают на отношения одновременности действий, находящихся в срединных фазах своего протекания:

1) 安静 – *тихий* в нулевой форме;

2) 没说:说 – *говорить, сказать* и 没 – отрицательная частица совершенного времени;

3) 沉默着: 沉默 – *молчать* и видо-временной суффикс 着 – zhe;

4) 少得可怜: 少 – *мало* служебное слово/ частица 得 и 可怜 – «жалкий».

Контекст описания формируют три ситуации:

1) (几天来,)展览大厅里非常**安**静

(В течение нескольких дней) в выставочном зале было чрезвычайно тихо;

2) (除了展览馆门口的一块广告牌子,)美术界的人一句话也**没**说。

[О выставке] можно было узнать только прочитав вывеску у входа на нее – искусствоведческие круги безмолвствовали;

3) 电视台, 报纸也都**沉**默着, 观众**少**得可怜。

Телевидение и газеты молчали; публика безразлично малочисленна.

Форма предиката 沉默着 (沉默 – *молчать* + видо-временной суффикс 着 – zhe) указывает на то, что и действие, и момент в целом одновременны ситуации, на которую указывает предыдущее предложение. Если убрать видо-временной суффикс 着 – zhe и оставить предикат 沉默 – *молчать* в нулевой форме, то смысл всего высказывания изменится: временная характеристика явления превращается в постоянный признак – 电视台, 报纸也都**沉**默。 *Телевидение и газеты [всегда] молчат.*

Оба примера – (3), (4) – демонстрируют отношения одновременности событий, предполагающей некоторую степень процессности и длительности. Характер отношений между обозначаемыми действиями таков, что каждое из них представлено «в пределах таксисной ситуации

как занимающее какой-то один индивидуальный неопределенный период времени и неопределенное пространство» [1, с. 245]. Кроме того, наблюдается акцентированная индифферентность к различению направленности на предел (результат), его реальное достижение.

Ситуация одновременности одного действия с другим действием, безотносительно остальных действий и состояний, указанных в высказывании, иллюстрируется в следующем примере:

(5)

道士笑呵呵的**摘下**梨子，分**送给**那些观看的人们，没多久，一树的梨子就**分完了**。道士使用铲丁丁当地**砍伐**那棵梨树，好半天，才将梨树从根**砍断**。道士将梨树连枝干带叶子一起**背**在肩头上，从容地**踱着**步子走了。 [12, с. 20].

[Сначала] Монах, смеясь, срывал персики и раздавал наблюдавшим; [потом] через некоторое время все плоды были розданы. [Затем] он рубил дерево лопатой, долго рубил, пока корень не был перерублен. [После чего] он, взвалив ствол дерева со всеми ветвями через плечо, легко зашагал прочь.

В целом, в контексте можно выделить две ситуации, находящиеся в отношениях строгой разновременности:

1) 道士笑呵呵的**摘下**梨子，分**送给**那些观看的人们，没多久，一树的梨子就**分完了**。

[Сначала] монах, смеясь, срывал персики и раздавал наблюдавшим; [потом] через некоторое время все плоды были розданы;

2) 道士使用铲丁丁当地**砍伐**那棵梨树，好半天，才将梨树从根**砍断**。道士将梨树连枝干带叶子一起**背**在肩头上，从容地**踱着**步子走了。

[Затем] он рубил дерево лопатой, долго рубил, пока корень не был перерублен. [После чего] он, взвалив ствол дерева со всеми ветвями через плечо, легко зашагал прочь.

В обеих ситуациях видо-временной суффикс 了-le играет роль «переключателя» – маркера полного завершения действия: в первом случае оформленный им предикат **分完了**(分 – делить, результативная морфема 完 и видо-временной суффикс 了), во втором – **走了**(走 – идти; ходить и видо-временной суффикс 了). Формы остальных предикатов указывают на неполную разновременность, для которой характерно представление действий в отношениях неполной дизъюнкции: в формах предикатов **摘下**(摘 – срывать (цветы); собирать (плоды) + результативная морфема 下) и **分送给**(分 – делить +送给 – давать (кому-что) отсутствует указание на однозначную временную отграни-

ченность выражаемых ими действий. То же самое можно сказать и о предикатах второй ситуации: **砍伐** – рубить; **заготавливать (лес)** и **砍断** (砍 – рубить + результативная морфема 断) также выражают идею возможности сосуществования конечной части одного из указанных действий с неопределенной частью другого. В контексте строгой разновременности выделяются два предиката, выражающих идею частичной (нестрогой) одновременности: форма предиката – **踱着**(踱 – медленно шагать; прохаживаться; важно ступать+ видо-временной суффикс 着) указывает на одновременность выражаемого им действия только одному действию контекста, выраженного предикатом – **走了**(走 – идти; ходить и видо-временной суффикс 了).

Приведенные примеры иллюстрируют выдвинутый вначале тезис о наличии в китайском языке грамматических способов выражения ядра семантики таксиса – отношений одновременности / разновременности, а также значения отнесенности действий к одному и тому же периоду времени при неактуализированности различия одновременности/разновременности. Важным, на наш взгляд, является установление роли видо-временных показателей 了-le и 着-zhe, а также нулевой формы предикатов в качестве средств выражения темпорально-аспектуальных значений.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
2. Ван Ли. Основы китайской грамматики. – М.: Изд-во иностр. лит. – М., 1954.
3. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 262 с.
4. Нечаева О.А. Логико-смысловая основа монологических типов речи // Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование» / под общ. ред. О.А. Нечаевой. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – 380 с.
5. Тань А. Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1995. – 43 с.
6. Хамаганова В.М. О некоторых онтологических свойствах констатирующих текстов // Вестник Бурятского университета. – № 3. – 1999. – С. 37-43.
7. Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. – Л.: Наука, 1957.
8. 现代汉语八百词. 北京, 2004.
9. 陳宣貝.

漢語未完成貌的語法化及其語意分析. 國立中正大學語言學研究所 碩士論文//中華民國, 2004.

10. Li N. Charles, Thompson A. Sandra. Mandarin Chinese: a Functional Reference Grammar. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, California. 1984.

11. 汉语听说教程（上）。北京语言大学出版社, 2008。

12. 聊斋志异。北京出版社, 2007。

Цыбикова Дарима Бадмажаповна, ассистент КВЯЗ БГУ, аспирант кафедры русского языка БГУ. E-mail: tdb2014.tsybikova@yandex.ru

Tsybikova Darima Badmazhapovna, an assistant lecturer of department of oriental languages chair of Byriat State University, post-graduate student of department of Russian language. E-mail: tdb2014.tsybikova@yandex.ru

УДК 811.512.3+81'374

© Б.Д. Цыренов

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ В МОНГОЛАЗЫЧНО-РУССКИХ СЛОВАРЯХ

В статье рассматриваются особенности лексикографических помет в новейших монголоязычно-русских словарях.

Ключевые слова: лексикография, лексикографические пометы, монгольские языки, словари.

B.D. Tsyrenov

LEXICOGRAPHICAL LABELS IN THE MONGOLIC-RUSSIAN DICTIONARIES

This article is focused on the features of using of lexicographical labels in the Mongolic-Russian dictionaries.

Keywords: lexicography, lexicographical labels, Mongolian languages, dictionaries.

Помета – одно из вспомогательных средств в лексикографии, позволяющих в сравнительно небольшом объеме представить возможно больший объем полезной информации о заголовочной единице. «Пометой, как известно, называют слово (словосочетание), большей частью приводимое в сокращенной или условной (символической) записи и характеризующее какой-либо из параметров либо переводимого слова или словосочетания, либо его переводящего эквивалента, либо отношения между переводимой и переводящей единицами словаря» [1, с. 131]. Традиционно пометы группируются в соответствии с выполняемыми ими функциями и видами информации.

В.В. Дубичинский выделяет десять групп помет, использующихся в лексикографии и представляющих достаточно подробную и обширную классификацию различных помет, употребляющихся в словарях различных типов [3, с. 59-60].

В.П. Берков в своей работе «Двуязычная лексикография» сводит все многообразие помет в 9 групп: «1) грамматические; 2) стилистические; 3) оценочные; 4) частотные; 5) ареальные; 6) отраслевые; 7) степени соответствия эквивалента; 8) степени охвата значений; 9) отсылочные» [2, с. 172]. К группе стилистических помет он относит «собственно стилистические» (функционально-стилевые – по Дубичинскому) пометы, характеризующие степень «серьезности» (*шутл.*, *ирон.* и т.п.), «грубости» (*груб.*,

вульг., *табу* и т.д.). Последние В.В. Дубичинским отнесены к группе эмоционально-экспрессивных помет.

В классификации В.П. Беркова привлекают внимание такие группы помет, как ареальные, степени соответствия эквивалента (эксклюзивная группа помет двуязычной лексикографии), степени охвата значений и отсылочные, которые не были отражены в классификации В.В. Дубичинского. «К числу мало употребляемых в двуязычных словарях, относятся и ареальные, т.е. указывающие на территориальное распространение лексемы» [2, с. 180]. В ареальную лексику, помечаемую соответствующим образом, автор включает три ее вида: 1) региональные, или территориальные дублеты (*а.* когда на данном языке говорят в нескольких странах и *б.* когда язык используется на обширной территории или характеризовался ранее значительной раздробленностью); 2) периферийные термины (слова, которые обозначают понятия, не играющие существенной роли в жизни языкового коллектива, специфические, прежде всего для сельской, негородской жизни и не связанные с какими-либо конкретными диалектами..., обычно для них используются те же пометы, что и для собственно диалектизмов, т.е. *обл.*, *диал.*); 3) собственно диалектизмы [2, с. 181]. В эксклюзивную группу, названную «пометы степени соответствия эквивалента», входят *соотв.*, *то же*, *что*, знак приближительного равенства ($\approx$).

Группа помет «степень охвата значений переводимого слова» включает в себя *в разн. знач., т.ж. в знач.* (в сочетании с различными пометами другого порядка, типа *школ., детск., шутил.* и т.д.), *прям., перен.* Отсылочные пометы в работах по теоретической лексикографии оставляются без должного внимания, к ним относится помета *см.* как основная и наиболее употребительная; она сопровождает различные фонетические (часто ненормативные) варианты литературных слов или их малоупотребительные формы. Сокращения *побуд. от, страд. от, уменьш. от* и т.п. могут также быть признаны факультативно отсылочными, поскольку отсылают к исходной форме данной словоформы, как, например, в бурятско-русском словаре:

зулмааха *побудит от зулмаха* 1) шпарить, ошпаривать; 2) отпаривать [БРС-06, с. 408];

дуратайхан *уменьш. от дуратай* [БРС-06, 304].

При всей стройности таких классификаций, пометы в структуре словарной статьи не занимают каких-то определенных зон, кроме грамматических, например, зона функционально-стилевой, стилистической, эмоционально-экспрессивной или статистической характеристики. Грамматические пометы, пожалуй, единственные, которые имеют более или менее стабильное месторасположение – сразу за заголовочной единицей: ГРОМ, -а, *мн.* -ы, -ов, *м.* или: КРАСТЬ *несов., кого-что ...* и т.д., хотя некоторые грамматические пометы приводятся до или после эквивалента. Остальные пометы располагаются либо в зоне заголовочной единицы, либо в зоне эквивалента (до или после).

В новейших монголоязычно-русских словарях в рубрике «Список условных сокращений» приводится весь инвентарь принятых в том или ином словаре помет, правда, без классификационного деления на грамматические, стилистические и т.п.

В монголоязычно-русских словарях употребителен практически тот же инвентарь помет, что и в отечественной русской лексикографии. Это неудивительно, так как калмыцкая и бурятская лексикографии возникли и развивались исключительно в русле русской лексикографии, а современная монгольская – следовала тем тенденциям, которые в ней получали развитие, кроме того, монгольско-русская и русско-монгольская лексикография использовала как базу, образец бурятско-русскую и русско-бурятскую лексикографию.

В Большом академическом монгольско-русском словаре представлены функционально-стилевые пометы (включая терминологические):

ном – номын найруулга – книжный стиль, *яриа – яриа найргийн үг, хэллэг* – разговорный стиль / разговорное слово или выражение, *хүүхд.* – *хүүхдийн хэл* – детская речь, *жинх.* – *жинхэнэ нэр үг* – существительное, *үйл.* – *үйл үг.* – глагол, *хувил.* – *хувилахуй ухаан* – химия, *анаг.* – *анагаах ухаан* – медицина и т.д., стилистические, грамматические, эмоционально-экспрессивные, лексические, хронологические, отсылочные (*үз.* – смотри), номенклатурные (*г.* – гол, *хойг.* – полуостров, *хот* – город). Бурятско-русский и калмыцко-русский словари располагают примерно таким же набором помет.

Заслуживает внимания факт, который выявлен нами при анализе системы помет в монголоязычно-русских словарях, – это пометы, которые мы назвали *лингвистическими*, например, *тиб.* – тибетский язык, *санскр.* – санскритский язык, т.е. пометы, указывающие на язык – источник заимствованного слова. К лингвистическим мы склонны отнести и пометы, указывающие на принадлежность того или иного слова к одному из территориальных вариантов языка: *барг.* – баргузинский говор, *бох.* – боханский говор (в БРС), *бузав.* – бузавинский говор, *торгут.* – торгутский говор (в КРС). Следует заметить, что в БАМРС нет помет, указывающих на какой-либо конкретный диалект или говор, а имеются лишь пометы *нутг.* – *нутгийн аялгуу* – диалектизм и *орон нутг.* – *орон нутгийн үг* – областное слово, хотя разница между объектами, помечаемыми ими, не наблюдается. Общие пометы, встречающиеся во всех трех словарях и указывающие не на ареальное ограничение в употреблении слова, а на то, что оно является диалектным (*диал.*) в БРС и КРС или *нутг.* – *нутгийн аялгуу* (диалектизм), по нашему мнению, относятся к функционально-стилевым, поскольку причисляют слово к одной из разновидностей разговорной речи без указания на конкретный территориальный вариант языка. Возможно, здесь целесообразно выделить отдельно ареальные пометы, как у В.П. Беркова, но, как нам кажется, делить подобные пометы на более мелкие группы излишне. Тем более что чисто лингвистических помет в монголоязычно-русских словарях мало, например, заимствования из русского, других иностранных языков в этих словарях никак не помечены.

Здесь мы особо выделили бы лексические пометы *погов.* – поговорка, *посл.* – пословица, *эсрэг* – *эсрэг үг* – антонимы, *оньс.* – *оньсго* – загадка, *табу / цээр.* – *цээрлэн нэрлэх* – табу, табуизм; эвфемизм и т.п. Лексические пометы показывают лексический статус заголовочной единицы, иллюстративных примеров и т.д. В мон-

голоязычно-русских словарях не употребляются ограничительные пометы (кроме монг. *буруу хэлбэрж.* – *орчин цагийн монгол хэлний зүйн журамд үл нийцэх буруу хэлбэржсэн хэллэг* – неправильное выражение, не соответствующее грамматическим или стилистическим нормам современного монгольского языка), и в минимальной степени использованы хронологические и эмоционально-экспрессивные пометы. Касаясь оценочных помет, В.П. Берков пишет: «... в практике двуязычной лексикографии используются почти исключительно отрицательные (характеристики – Б.Ц.) – *неодобр.*, *preneбр.*, *презр.*, *уничиж.* и т.п., грань между которыми не всегда достаточно четкая. В просмотренных нами списках сокращений при ряде словарей не встретились положительные оценочные пометы типа *почт.* (= почтительное), *полож.* (= положительное) или аналогичные» [2, с. 177]. Интересно отметить, что в монголоязычно-русских словарях подобные пометы с положительной оценкой встречаются: *хүндэтгэх* – *хүндэтгэх үг хэллэг* – почтительное слово или выражение, *ээлд.* – *ээлдэг хэлбэр* – вежливая форма (в БАМРС); *почтит.* – почтительное выражение, *вежл.* – форма вежливости (в БРС), *вежл.* – *һольшиг үг* – вежливое выражение (в КРС). Включение таких помет в монголоязычно-русские словари обусловлено прежде всего самим материалом монгольских языков, идущим от менталитета народов – носителей этих языков. Монголоязычные народы отличаются большим пиететом по отношению к старшему поколению, старшим по чину и т.д., что находит соответствующее выражение в языке.

В монголоязычно-русских словарях слова знаменательных частей речи снабжаются грамматическими пометами лишь в исключительных случаях, например, при омонимии:

аса I 1. 1) развилина, вилы...

аса II *недостаточный гл. повел. накл. дай!*, *подай!*, *отдай* [БРС-06, с. 85].

В приведенном здесь примере частеречная принадлежность первого слова к существительному никак не выражена, поскольку пользователь сам способен по переводному эквиваленту понять, что перед ним существительное, а во втором случае, вне сомнения, требуется указание на часть речи, к которой принадлежит слово.

При всех небольших различиях в составе и распределении помет, монголоязычно-русские словари в целом достаточно единообразно подходят к снабжению слов, эквивалентов пометами. Более интересно рассмотреть специфику сопровождения теми или иными пометами од-

них и тех же или близких по значению и сфере употребления слов.

В бурятском языке определенным стилистическим пиететом обладают монголизмы, точнее старомонгольские слова или общемонгольские слова в фонографическом оформлении в соответствии с историческим написанием [4, с. 20–34]. Например, слово **балгад** в бурятско-русском словаре снабжено пометой *книжн.*: **балгад** *книжн.* город; || *суц. парн.* **хото балгад** города [БРС-06, с. 111]. Кроме всего прочего в бурятском языке слова книжного стиля одновременно относятся к высокому стилю.

В БАМРС оно не имеет пометы *книжн.*, но судя по переводным эквивалентам, данное слово относится к высокому стилю при наличии в языке нейтрального и общеупотребительного *хот* – ‘город’: **БАЛГАС belgesO** (балгад) – град, городище, город; **гандирсан балгас** – мираж; виднеться как город (*о мираже*); **хан балгас** – ханская столица; **хот балгас** – *хори.* города; **эвдэрхий балгас** – городище, развалины, руины [БАМРС I, с. 222].

В калмыцком языке идентичное слово **балһсн** является общеупотребительным и нейтральным словом со значением ‘город’, причем в этом языке отсутствует слово, идентичное бур. и монг. *хото / хот* ‘город’, ср. **хотн** [хотън] хотон; село; деревня ... [КРС, 601].

Интересно также слово *бар*, получившее различную стилистическую окраску в трех сравниваемых монгольских языках:

бур.: **бар II** *уст.* 1) бар (*печатня при дацане*) ... 2) типографские доски с вырезанными на них письменами, клише; *редко* оттиск... [БРС-06, с. 115]; монг.: **БАР II** *тө.*, *хэвлэх.* ксилография; печать; клише; типографские ксилографические доски... [БАМРС I, с. 227]; калм.: **бар** [баръ] *полигр.* печать; **барин көдлэчнэр** работники печати; **барас дегтр харв** книга вышла из печати... [КРС, с. 81].

Как мы можем видеть из приведенных выше примеров, значения одного и того же слова в этих языках разошлись, и соответственно этому разошлась и их хронологическая соотнесенность. В бурятском языке слово помечено как устаревшее, в монгольско-русском словаре оно дано без какой-либо хронологической пометы, но из переводных эквивалентов мы с высокой степенью достоверности заключаем, что оно вышло из активного запаса и относится к устаревшей лексике. Примечательно, что в русско-калмыцком словаре *бар* приведен как второй эквивалент слова *типография*: **типография ж.** типограф, бар [РКС, с. 705]. В монгольско-русском *типография* переведено как *хэвлэх*

үйлдвэр, а в русско-бурятском *типография* передана внутренним алиенизмом-заимствованием – *типографи*, т.е. в монгольском и бурятском языке слово *бар* никак не связывается со словом ‘типография, учреждение печати’, тогда как в калмыцком языке это имеет место. Сказанное дает основание заключить, что слово, перешедшее в разряд устаревших в двух языках, в третьем, родственном, продолжает в большей или меньшей степени активно употребляться.

Некоторый разнобой во всех трех словарях наблюдается при подаче терминологических помет, например, *бот.* (монг.: *ург.*) – ботанический термин, *зоол.* – зоологический термин. Слово со значением ‘кустарник’, ‘один (определенный) из видов кустарников’ в КРС и БРС никак не помечен, а в БАМРС имеет помету *ург.* – *ургамалзуй, ургамал судлал* – ботаника:

бур.: **бургааһан 1.** ... 2) ива, кустарник... [БРС-06, с. 153]; калм.: **бурһсн** [бурһсьсн] верба ... [КРС, с. 120]; монг.: **БУРГАС(АН) BrgesO 1.** 1) *ург.* ива, верба; ивняк, тальник... [БАМРС I, с. 288]. Также неравнозначно помечены такие слова: *зэдгэнэ / зэдэгэнэ / зедһн* в БАМРС, БРС и КРС: пометой, указывающей на то, что слово относится к ботанической терминологии, снабжено слово лишь в БАМРСе.

Пометы в монголоязычно-русских словарях по своему составу, функции и способам представления в основном не отличаются от таковых в других двуязычных словарях. В качестве спе-

цифической черты мы выделяем лингвистические пометы, которые в первую очередь указывают на язык – источник заимствования того или иного слова (*ма.* – *манж* – маньчжурский, *тө.* – *төвд* – тибетский, *са.* – *самгарди* – санскритский и т.д.; *монг.* – монгольский язык, *тиб.* – тибетский язык, *санскр.* – санскритский язык).

Литература

1. Берков В.П. Слово в двуязычном словаре. – Таллин, 1977. – 140 с.
2. Берков В.П. Двуязычная лексикография. – М., 2004. – 236 с.
3. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Наука: Флинта, 2009. – 432 с.
4. Цыдендамбаев Ц.Б. О стилистическом пиетете монголизмов в бурятском языке // Стилистика и лексикология бурятского языка. – Улан-Удэ, 1972. – С. 20-34.

Словари

БРС-06 – Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. – Т. I. А-Н. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. – 636 с.

БАМРС I – Большой академический монголо-русский словарь. В 4-х т. Т. I. А-Г. – М.: Academia, 2004. – 488 с.

КРС – Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.

РКС – Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. Илишкина. – М.: Сов. энц., 1964. – 803 с.

Цыренов Бабасан Доржиевич, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН). E-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru.

Tsyrenov Babasan Dorzhievich, PhD, Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (RAS IMBTS). E-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru.

УДК 81'22

© А.А. Шахаева

ТИПОЛОГИЧЕСКИ ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В ВЫРАЖЕНИИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОСТАВНЫМИ БУРЯТСКИМИ И СЛОЖНЫМИ КИТАЙСКИМИ ГЛАГОЛАМИ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ

В статье в типологическом аспекте рассматривается специфика выражения идеи пространственного перемещения бурятскими составными глаголами и китайскими сложными глаголами, принадлежащими к одной лексико-семантической группе – группе глаголов направления движения.

Ключевые слова: семантика, типология, глагол, глаголы направления движения, бурятский язык, китайский язык.

A.A. Shakhoeva

TYPOLOGICAL COMMON AND DIFFERENT FEATURES OF BURYAT COMPOUND DIRECTION MOTION VERBS AND CHINESE COMPLEX DIRECTION MOTION VERBS IN SITUATIONS WHICH EXPRESS DIRECTION OF MOTION

Given paper is devoted to some questions of semantics buryat and chinese direction motion verbs. The author analyzes the semantic of buryat compound direction motion verbs and chinese complex direction motion verbs to establish typological common and different features.

Keywords: *Semantics, direction motion verbs, buryat language, chinese language.*

Глаголы движения являются одной из важных составляющих пространственной картины мира человека, поэтому установив разницу в оттенках значений глаголов разных языков можно более ясно увидеть способ мышления людей, для которых данный язык является родным.

Цель – выявление типологически общих и различных черт семантики составных глаголов направления движения бурятского языка и сложных глаголов направления движения китайского языка, что позволит не только увидеть специфику выражения пространственных отношений в разноструктурных языках, но также выявить, как актуализируются носителями бурятского и китайского языков компоненты ситуации направленного движения.

Исследователи бурятского и китайского языков в группе глаголов движения выделяют особую группу глаголов – глаголы направления движения, где все элементы связаны общей семой со значением направленного движения. Опираясь на параметры, выделенные американским исследователем Леонардом Талми (Фигура, Фон, Маршрут движения) глаголы направления движения можно охарактеризовать как лексемы, обозначающие ситуацию движения, в которой обязательно наличие говорящего и субъекта движения – Фигуры (иногда говорящий может совпадать с Фигурой). Фигура перемещается по маршруту L1 – L2 относительно какого-либо ориентира движения – Фона, где L1 начальная точка движения, а L2 – его конечная точка. Данная ситуация показывает местонахождение говорящего по отношению к Фону. Говорящий может являться как сторонним наблюдателем за ситуацией движения, так и выступать участником ситуации движения. В случае, когда говорящий выступает участником ситуации, его местонахождение может совпадать с Фоном, а может и не совпадать.

Важно заметить, что глаголы, входящие в лексико-семантическую группу глаголов направления движения обладают полифункциональными свойствами, т.е. имеют способность функционировать как самостоятельный глагол в предложении, а также способность выступать в функции вспомогательного глагола при образовании составных глаголов (или сложных глаголов) в соединении с другими глаголами группы глаголов направления движения.

В данной статье, вслед за В.М. Егудуровой [3], бурятские сложные лексические единицы будут рассматриваться как составные глаголы направления движения и, вслед за В.И. Гореловым

[1], в китайском языке такие образования будут называться сложными глаголами направления движения.

Бурятские составные глаголы направления движения – это лексические единицы со сложноподчиненной семантикой, которая характеризуется двумя направленными движениями, совершаемыми непрерывно одно за другим и каждое в направлении своего Фона.

Рассмотрим способы передачи на китайский язык значения сложноподчиненного движения некоторых составных бурятских глаголов.

Ерэжэ (ерээд) ошохо

1) бур. *Эжымни, бэээ гамнагты, арга оложо, намдаа ерээд ошооройгты* [6]. кит. *亲爱的母亲, 保护自己, 有机会来一下我这儿.* – Мама, берегите себя, как будет возможность, приезжайте [досл. заезжайте ко мне и уедете от меня] ко мне.

2) бур. *Абын үбдээнньөө хойшо хэды ерээд ошоо* [6]. кит. *父亲 (得) 病之后他来了几次.* – После болезни папы приезжал [досл.: приезжал к отцу и уезжал от отца] несколько раз.

Как видно из приведенных примеров, сема направленного движения составного бурятского глагола *ерэжэ (ерээд) ошохо* в китайском языке актуализируется сочетанием глагола направления движения *来 [lai]* (движение к Фону) с морфемой *一下 [yi xia]*, которая, по мнению Чжан Чжицзюня, передает однократный способ глагольного действия, в рамках количественно-временного способа, отражающего «одно конкретное действие в конкретном временном условии» [11, с. 111] или сочетанием того же глагола – *来 [lai]* (движение к Фону) с сочетанием *几次 [ji ci]* – «несколько раз».

Орожо (ороод) ошохо

бур. *Ороод ошоходотнай яадаг юм бэ?* кит. *您来一趟又能怎么样呢* [НКБЯ]? – Почему бы Вам не заскочить [досл.: зайти к нам и уйти от нас] к нам?

Данный пример демонстрирует, что сема направленного движения глагола *орожо (ороод) ошохо* находит свое выражение в китайском языке посредством сочетания глагола – *来 [lai]* (движение к Фону) с морфемой *一趟 [yi tang]*. Такого рода сочетание, как справедливо считает Чжан Чжицзюнь, является показателем однократно-долговременного способа глагольного действия в рамках количественно-временного способа [11, с. 111].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что значение направленного движения состав-

ных бурятских глаголов *ерэжэ* (*ерээд*) *ошохо* и *орожо* (*ороод*) *ошохо* на китайский язык тождественно передается глаголом 来 [lai] (*движение к Фону*), разница состоит лишь в изменении способов действия глагола посредством морфем: 一下 [yi xia] и 一趟 [yi tang].

Гаража (гараад) ошохо

бур. Нимбуу юушье бүтээнгүй, хахад харынгаа хахадые хото руугаа ябуулжа нилээн халаад, үлэгшыень үмдэнэйнгөө хармаанда хээд, Лондондо үлдүүлэн шаху гаража ошобо [6]. кит. 宁布什么事也没办成, 就喝了半瓶白酒, 小醉, 然后把剩下的酒揣在裤袋里, 趁还没赶走之前就离开了. – Нимбу, ничего не успев доделать, выпил половину бутылки водки, опьянел, затем, положив в карман брюк остаток, ушел [досл.: вышел из гостей и ушел от гостей], пока его не выгнали.

Значение направленного движения бурятского глагола *гаража* (*гараад*) *ошохо* на китайский язык передается глаголом 离开 [likai] со значением «покидать», таким образом, при передаче значения составного бурятского глагола сложноподчиненная семантика трансформируется в общее значение движения, которое и передается на китайский язык.

Ерэжэ (ерээд) орохо

1) бур. Дархиин хүндыдэ нэгэ булган байртай юм хаш: мұрынь дүүрэн, жэнгээр гаража гүйдэг, ерэжэ ородог хэбэртэй [6]. кит. 看得出, 树洞是黑貂的巢穴: 很多脚印说明, 黑貂在经常走动. – Видимо в дупле у соболя нора: куча следов, кажется, что он постоянно выбегает и обратно прибегает [досл.: прибегает к норе и забегает туда].

2) бур. Кондратьев танай Һаруул гое гэрһээ ерээд ороходонь, өөрынь байдаг таһалга бүришье уйтаханаар, даншье бүрүүлээр харагдаба [6]. кит. 在堪德拉季耶夫宽敞的房子呆过之后自己的住所更加显得狭小和黑暗. – По-бывав [досл.: пришли к Кондратьевым и зашли к ним] в просторном доме семьи Кондратьевых свое жилище показалось ему еще более маленьким и темным.

Данные два примера демонстрируют, что значение направленного движения бурятского глагола *ерэжэ* (*ерээд*) *орохо* в китайском языке может трактоваться разными глаголами с семантикой движения, в соответствии с ситуацией употребления глагола. В первом примере используется китайский глагол 走动 [zoudong] – *ходить, двигаться*. Во втором примере сема направленного движения бурятского составного глагола *ерэжэ орохо* передается в китайском языке глаголом 呆 [dai] – *задерживаться, нахо-*

диться в сочетании с морфемой 过 [guo]. Форма глагола на 过 [guo], как отмечает отечественный исследователь В.И. Горелов, передает значение действия, которое произошло единожды или повторялось несколько раз, при этом указывает на то, что действие имело место в неопределенное время в прошлом и что оно завершено до данного момента. Исследователь относит данную форму к видовременным формам [2, с. 23]. Тань Аошуан же определяет показатель 过 [guo] как показатель экзистенциального аспектуального значения и объясняет выбор данной трактовки тем, что такое значение предполагает идею кратности, являющуюся основным отличительным признаком данного аспектуального значения [7, с. 433].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантика «последовательного совершения двух направленных движений одного за другим без промедлений» составного бурятского глагола *ерэжэ* (*ерээд*) *орохо* на китайский язык передается или глаголом ненаправленного движения, или глаголом ненаправленного движения, оформленным видовым показателем кратности действия 过 [guo].

Рассмотренные примеры продемонстрировали тот факт, что составные бурятские глаголы направления движения первой группы в китайском языке передаются как глаголами движения, так и глаголами направления движения в различных аспектуальных формах.

Ошожо (ошоод) орохо

бур. Удаань тэдэ хаб хара болошоһон, халуудашаһан, ангаһан юумэд, уһанда ошожо ороно [6]. кит. 然后被干渴折磨得精疲力尽的他们去洗澡. – Затем они уставшие, измученные и томимые жаждой пошли купаться.

Данный пример демонстрирует то, что сема направленного движения бурятского глагола *ошожо* (*ошоод*) *орохо* передается на китайский язык простым глаголом направления движения 去 [qu] (*движение от Фона*), таким образом, можно констатировать, что в китайском языке актуализируется только первая сема значения составного бурятского глагола – движение от Фона.

Орожо (ороод) ерэхэ

1) бур. Хамаһаа эртэ бодоһон Айдай газаһаа ороод ерэхэдээ: Агнуурия хойшолуулаха болоо хабди, гэбэ... [6]. кит. 早上安一岱比谁都起得早, 从外面进来后就说: 不得不把我们的打猎要推迟了. – Айдай, встав раньше всех утром, войдя [досл.: вошел

улицы и подошел к нам] с улицы, сказал: придется отложить нашу охоту....

2) бур. Сэдэн, шамайе хээээдээл ороод ерэнэ ааб гэжэ ехэ хүлээнэлби [6]. кит. 瑟登, 大家都在等你进来呢. – Сэдэн, все ждем, когда же ты войдешь [досл.: войдешь в комнату и подойдешь к нам].

Как показывают примеры, эквивалентом бурятского составного глагола направленного передвижения орожо (ороод) ерэхэ является сложный китайский глагол направления движения 进来 [jinlai]. Следует отметить тот факт, что глаголы не являются полными эквивалентами. Тожественной семантикой их значений является сема направленного движения внутрь Фона, дифференцирующими семами являются сема направленного движения ко второму Фону бурятского составного глагола и сема субъективной ориентации «приближения» китайского сложного глагола.

Для выявления специфики передачи идеи направленности движения в пространстве китайскими сложными глаголами направления движения рассмотрим ситуации передачи их значений на бурятский язык.

Китайские сложные глаголы направления движения – это глаголы, образованные сочетанием простых глаголов направления движения с базовыми глаголами. В отличие от бурятского языка, где составные глаголы характеризуются сложноподчиненной семантикой, спецификой семантики сложных глаголов китайского языка является субъективная ориентация. В семантике глагола совмещаются значения простого и базового глаголов направления движения: первый глагол выражает движение, ориентированное в пространстве по отношению к Фону (вверх, вниз, обратно и пр.), второй глагол – это базовый глагол 来 [lai] или 去 [qu], который содержит сему «субъективной ориентации по отношению к Фону» (приближение/ удаление). Необходимо отметить, что в некоторых случаях сема субъективной ориентации дает возможность сложному китайскому глаголу эксплицитно указать местоположение говорящего лица. Например: 上去 – [shangqu] (движение вверх удаляясь от Фона, иногда от местоположения говорящего), 上来 [shanglai] (движение вверх приближаясь к Фону, иногда к местоположению говорящего).

Рассмотрим несколько примеров, позволяющих увидеть специфику выражения ситуаций движения в пространстве китайскими сложными глаголами направления движения и способы их интерпретации в бурятском языке. Следует отметить, что в статье примеры будут при-

ведены попарно: глаголы группы 去 [qu], где в значении глагола отражается субъективная ориентация направленного движения от Фона, и глаголы группы 来 [lai], где в значении глагола содержится субъективная ориентация направленного движения к Фону.

出去 [chuqu] – 出来 [chulai]

1) кит. 我和朱优待也退了出去 [12, с. 200]. бур. Би Чжу Юдайттай баһа гарабаб. Я и Чжу Еудай тоже отступили и ушли [движение наружу по направлению от находящихся внутри];

2) кит.

正在这么想, 小鸟忽然出来了, 猫倒像吓了一跳, 往后躲了躲 [10, с. 74]. бур. Иигээжэ һанаһаар жаахан шубуухай гэнтэ гараад ерэбэ. Харин муура залд гэхэндэл һөөргөө таталдан далда оробо. Когда он так думал, маленькая птичка внезапно вылетела [движение наружу к говорящему], а кошка, [наоборот] словно испугалась и попятилась назад, чтоб спрятаться.

Как можно видеть из первого примера, значение сложного направленного движения китайского глагола 出去 [chuqu], обозначающего движение изнутри (по направлению извне, удаляясь от Фона), в бурятском языке трактуется с помощью глагола направления движения гараха, который несет значение движения изнутри Фона. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в бурятском языке актуализируется только сема направленного движения, ориентированного в пространстве.

Во втором примере антонимичный по выражению субъективной ориентации глагол 出来 [chulai] – движение изнутри (по направлению извне, приближаясь к Фону), на бурятский язык передается составным глаголом направления движения гараха (гараад) ерэхэ. Необходимо отметить, что несмотря на кажущуюся эквивалентность китайского и бурятского глаголов в передаче значения направленного движения, разница состоит в том, что в семантике китайской лексической единицы отражено только одно движение в направлении Фона, китайский же глагол, в данном случае, эксплицитно указывает местоположение говорящего и движение направлено именно наружу к нему. Не менее важно и то, что в бурятском языке точное местоположение говорящего не отражается в семантике глагола, в отличие от китайской лексики.

进去 [jinqi] – 进来 [jinlai]

1) кит.

这一次, 我们进去的时候, 他的领带被挂好了 [4]. бур. Энэ удаа манай ороодо галстугын уятайхан үлгэгдөөд байба. – В этот раз, когда мы вошли [движение внутрь по направлению от

находящихся снаружи], его галстук был аккуратно повешан;

2) *kit.*

当一切恢复沉寂, 她又悄悄地进来, 眼边红红的, 看着我 [dang yi qie huifu chenji, ta you qiaoqiaode jinlai, yanbian honghongde, kanzhe wo] [10, с. 156]. *бур.* Дахяад аалин болоходо тэрэ аалихан орожо ерээд нам руу улаан нюдөөр хаража. – Когда снова возобновилась тишина, она потихоньку вошла [движение внутрь по направлению к находящимся внутри (повествующий)], поглядела на меня красными в уголках глазами.

Анализ передачи сем, составляющих значения сложных глаголов направленного движения *进去* [jinqu] и *进来* [jinlai] на бурятский язык показал, что в бурятском языке актуализируется только сема направленности ориентированной в пространстве – движение внутрь Фона, сема субъективной ориентации китайского глагола, как можно видеть, на бурятский язык не передается.

上去 [shangqu] – **上来** [shanglai]

1) *kit.*

至于爹爹, 现在每天都到猪栏屋边上上去同那个外地人商讨事情 [12, с. 59]. *бур.* Минии эсэгэ гэхэдэ мүнөө үдэр бүри гахайн байрын тэндэ ошохо үнөөхи хари хүнтэй юумэ хөөрэлдэдэг болобо. – Отец, сейчас каждый день ходит [движение вверх по направлению от текущего местоположения отца (внизу)] к свинарнику, чтобы вместе с тем чужаком обсудить дела;

2) *kit.*

要是地下上来的是干蒸气, 就可以直接用来推动汽轮发电机组... [4]. *бур.* Хэрбээ газар дорохоо гарадаг нь хуурай уурал байбал, сэхэ хэрэглэхээр... – Если из-под земли поднимается [движение, направленное наверх по направлению к находящимся наверху] пар, то можно [его] использовать для паровой электростанции...;

3) *kit.* 是吗? 我回答, 上来我让你看看 [4]. *бур.* Тимэ гү? – гэжэ хариусабаб. Дээшээ гарыш, би шамда харуулахаб. – Да? – ответил я, – Поднимайся вверх [движение наверх, по направлению к находящимся наверху [я]], я тебе покажу.

Пример 1 демонстрирует, что значение направленного движения китайского глагола *上去* [shangqu] в бурятском языке передается простым глаголом направления движения *ошохо* (направленное движение от Фона), поэтому на бурятский язык не передается сема пространственной ориентации «направление вверх», а только сема передвижения по направлению от Фона.

В примерах 2 и 3 прямые и переносные значения сложного китайского глагола *上来* [shanglai] на бурятский язык передаются глаголом направленного движения *гараха* (движение наружу относительно Фона). Как можно наблюдать, семантика китайского сложного глагола в бурятском языке трансформируется в общее значение направленного движения наружу из Фона, таким образом, компоненты ситуации направленного движения в бурятском языке трактуются иначе, т.е. Фоном является закрытое пространство, из которого наружу совершается движение. В китайском языке, Фон находится выше начальной точки движения, соответственно, направление движения будет направленно вверх.

起去 [qiqu] – **起来** [qilai]

1) *kit.*

«叮咚

» 门铃响了, 姜姍一跃而起去开门 [ККЯ]. *бур.* «Дин дон» үүдэнэй хонхын абья гарахада Цзян Шань собхорон бодожо үүдээ тайлахаа ошообо. – «Дин дон» – прозвенел дверной звонок, Цзян Шань, подпрыгнув поднялась [движение, направленное вверх с отрывом от поверхности по направлению от находящихся на поверхности (местоположения Цзян Шань)] и пошла открывать дверь;

2) *kit.*

天还没亮, 我就起来了, 把自己认为最得体的服装找了出来, 浑身上下收拾得干干净净的, 一大早就来到电影制片厂门口 [4]. *бур.* Хара эртэ бодожо гое гэжэ ханадаг хубсаһаа оложо үмдөөд, эртэ үглөө киностудийн үүдэндэ ерээд байбаб. – Еще не рассвело, я уже поднялся [движение, направленное вверх с отрывом от поверхности (кровати), при субъективном определении фона (сюда)], нашел самый подходящий, по моему мнению наряд, привел себя в порядок, и рано утром уже пришел к дверям киностудии.

Значение направленного движения пары китайских глаголов *起去* [qiqu] и *起来* [qilai] на бурятский язык передается глаголом движения *бодохо*. Что позволяет нам снова говорить о том, что в бурятском языке актуализируется только сема направленного движения вверх, отрываясь от поверхности, а местоположение говорящего не эксплицируется.

Таким образом, анализ ситуации движения с составными бурятскими и сложными китайскими глаголами направления движения в предложенной статье позволяет констатировать, что сложные глагольные единицы группы глаголов направления движения бурятского и китайского языков совпадают в выраже-

нии сложного направленного передвижения в пространстве. Данные глаголы передают не простое направленное движение, а наряду с семой направленности также имеют дополнительные семы, уточняющие и расширяющие ядерную сему направленного движения.

Анализ предложенных ситуаций с бурятскими составными глаголами направления движения и китайскими сложными глаголами направления движения позволяет заключить следующее:

1. Семантика бурятских составных глаголов направления движения в силу своей специфики характеризуется особенностью членения ситуации движения на составляющие компоненты, а именно, вся ситуация движения характеризуется двумя последовательными направленными микродвижениями со всеми составляющими (Фон, Фигура, Маршрут и т.д.). Таким образом, характерной чертой в выражении перемещения в пространстве бурятскими составными глаголами направления движения является сложноподчиненное движение, из чего можно констатировать, что в бурятском языке в выражении движения очень важно само перемещение в пространстве независимо от местонахождения говорящего. На китайский язык сема направленного движения составных бурятских глаголов передается или простыми глаголами направления движения, или глаголами движения без указания направления движения, а также видовыми формами.

2. Семантика китайских сложных глаголов направления движения характеризуется субъективной ориентацией в пространстве, т.е. в значении сложного глагола содержатся семы как движения, ориентированного в пространстве, так и сема субъективной ориентации, которая позволяет сложному китайскому глаголу в определенных ситуациях эксплицитно обозначать местоположение говорящего. Следует также отметить и важность трактовки фона (субъективный и объективный) в ситуациях движения, выраженных китайскими сложными глаголами. Исходя из особенностей семантики данных лексических единиц, можно сделать вывод о том, что для китайского языка важно не просто ориентированное в пространстве движение, а какую позицию говорящий занимает в данной ситуации направленного дви-

жения (является Фигурой, является Фоном или простым наблюдателем), т.е. сфера субъекта является частью движения. Семантика сложных глаголов направления движения китайского языка зависит от многих субъективных факторов и поэтому характеризуется субъективной ориентацией.

Литература

1. Горелов В.И. Лексикология китайского языка. – М.: Просвещение, 1984.
2. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. – М.: Просвещение, 1989.
3. Егодурова В.М. Бурятский глагол: учебное пособие. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. – 140 с.
4. Корпус китайского языка. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search.
5. Майсак Т.А., Рахилина Е.В. Семантика и статистика: глагол ИДТИ на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка: языки динамического мира; под ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шагуновский. – Дубна, 1999. – С. 53-66.
6. Национальный корпус бурятского языка. – URL: [http:// Web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru](http://Web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru).
7. Тянь Аошун. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). – М.: Языки славянской культуры, 2002.
8. Шахаева А.А. Семантика китайских базовых глаголов направления движения «来» и «去» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Вып. 8. – С. 113-119.
9. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // *Language typology and syntactic description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon.* (Ed. by T. Shopen.) Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
10. 散文佳作108篇108 шедевральных саньвэней /乔萍等编著 под редакцией Цзяо Пин. 南京:译林出版社. – Нанкин: Илин, 2009.
11. 张志军 Чжан Чжицзюнь. Сопоставительное исследование русского языка с китайским, в аспекте аспектуальности. // 语言-文化-交际. Язык культура коммуникация 国际学术会议论文集. 主编 王仰正, 王永. 黑龙江人民出版社. – 哈尔滨. – 2007. 415 页 (106-116).
12. 中国女性文学: 新名篇 Женская китайская литература: новые имена. 新解读/王红旗主编 / под ред. Ван Хунци. – 北京: 中国文联出版社 Пекин: Изд-во Чжунго Вэнлянь, 2004.

Шахаева Александра Альбертовна, аспирант кафедры общего и исторического языкознания Бурятского государственного университета. E-mail: sashash@yandex.ru

Shakhaeva Aleksandra Albertovna, postgraduate of Russian language & General and historical linguistics department, Institute of Philology and Mass Communications, BSU. E-mail: sashash@yandex.ru

УДК 821.58

© О.В. Шулунова

КОНЦЕПТОСФЕРА ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКИ ХАНЬ ДУНА

В работе рассматриваются концептуальные аспекты пейзажной тематики стихотворений Хань Дуна, позволяющие составить представление в целом о поэтической картине мира Хань Дуна. Выделяются понятия, слова-репрезентанты, метафоры и другие поэтические приемы, позволяющие эксплицировать те или иные концепты пейзажной лирики, представляется собственный перевод стихотворений Хань Дуна.

Ключевые слова: концепт, пейзажная лирика, метафора, китайская поэзия.

O.V. Shulunova

THE CONCEPTOSPHERE OF HAN DONG'S LANDSCAPE LYRIC

The article covers conceptual aspects of Han Dong's landscape poetry, which help to make an idea about the poetic Han Dong's worldview. There is also distinguished few terms, represent-words and metaphors which help to explicit the concepts of landscape lyric, and included proper Han Dong's poem's translation.

Keywords: concept, landscape lyric, metaphor, Chinese poetry.

Пейзажная лирика, известная в традиционном Китае как «поэзия гор и вод», «поэзия садов и полей», во многом стала ведущим идейно-тематическим направлением всей китайской классической поэзии и остается неотъемлемой частью современной поэзии благодаря своей изящности и образности. В произведениях истинной китайской поэзии всегда присутствует подтекст, поэзия не должна и не может говорить прямо. Образы воссоздаются не просто в произведении, а в самом сердце его читателя, чему неизменно способствовала метафора, занимавшая особое место в китайской литературе. «В поэтических жанрах метафоричность лексики является неотъемлемым ее атрибутом, необъятное богатство которой находим у всех китайских поэтов» [1, с.18].

Природа традиционно представлялась тихой, нежной, безмятежной, в ней человек находил гармонию с самим собой и окружающим миром, близость с ней представлялась блаженным умиротворением, столь желанным и, как правило, труднодостижимым. Именно на лоне природы поэты ощущали свободу духа и творчества. Воспевание красот местности – это ода естественности, духовной невинности, чистоты помыслов и устремлений сердца поэта. Подобное восприятие природы свойственно и Хань Дуну:

Поющий человек на равнине,
На высоком холодном плато,
Голову запрокинув,
Напевает песню небу.
Словно сосна,
Протягивает ветви вверх,
Поет-поет.
И превратилась в доски,
Лежащие одна к другой,
«Гимн Григория»

В стихотворении выражена песнь свободного человека. Это воспевание духовной невинности и естественности, которые Хань Дун как представитель «нового поколения» ставит во главу творчества. Автором тонко описана гармония человека как личности, прекрасной в своем пронзительном одиночестве и индивидуальности – метафорическое сравнение сильного человека с *сосной* – довольно традиционное для китайской поэзии представление о стойкости и твердости. Метафора *песни* выражает оду свободе, простоте и непорочности душевных качеств, которые более всего важны в человеке, по мнению поэта.

Структура стихотворения способствует лучшему пониманию его, позволяет читателю понять чувства поэта: начало стихотворения плавное, неспешное, затем следует погружение в гармонию личности с самой собой, а развязка приводит читателя к совершенно неожиданному исходу: человеческая личность оказывается подавленной обществом. Метафорическое превращение когда-то гордой и непреклонной *сосны* в обыкновенную *доску* среди других абсолютно таких же олицетворяет собой несвободу человека, затянутого повседневной рутинной, безликого и безгласого.

В понимании Хань Дуна традиционно также преклонение перед силой природы, осознание слабости человека перед ее лицом:

Ровный склон.
Лао Дин сказал, ему нужно сделать крышу дома.
Пейзаж красив, цена наверняка низкая.
Ровный склон.
Лао Дин зовет его скатом,
Местные говорят, это место где
Сходит сель, Лао Дин
Испугался, взглянул
Его дом смыло потоком.
Остался лишь похожий на дерево Лао Дин.
«Склон»

Поэт признает невозможность человека пойти против сил природы, недолговечность, хрупкость и даже эфемерность творений человека пред лицом судьбы, рока – эти концепты вводятся метафорическими конструкциями «ровный склон», «где сходит сель», «смыло потоком» и метафорическим сравнением «похожий на дерево».

Китайская поэзия традиционно описывала весну и осень – нежная и тихая пора неспешного увядания или, наоборот, пробуждения природы и по сей день остаются излюбленной темой, гораздо реже пишется о суровой зиме и знойном лете. Это мы находим в стихотворениях Хань Дуна:

<<...>>

Мы взяли лопату,
Взошли на осеннюю гору.
Мы притащили камни и
Выслуживались перед солнцем

<<...>>

«Кошачьи поминки»

Метафора «осенняя гора» придает строкам меланхоличное настроение, уподобляет тихое увядание природы уходу в мир иной – это традиционное для китайской поэзии отождествление. В стихотворении ощущается связь природы с мистикой, высшими силами, ее необъяснимая сила. Метафорическая конструкция «выслуживались перед солнцем» указывает на подчиненное, зависимое от небесных сил положение человека, наше временное пребывание в этом мире.

Следующее стихотворение опять же раскрывает тихую красу природы, умиротворение, которое человек находит в ней:

<<...>>

Все уже прошло.
Скоротечно как отцветают яблони.
Я любовался красивым пейзажем,
Пришел в отдаленные южные земли.
Горести и радости уже стали не важны.

<<...>>

Въехал в Нанкин.
Я знаю точно свою родину.
Огни так красивы,
Но я вспоминаю тот далекий убогий дом,
Того далекого от меня человека.

<<...>>

«Фрагменты 2002»

По мнению Хань Дуна, природе чужды суетность, земные хлопоты, «горести и радости». Метафорическое сравнение «как отцветают яблони» характеризует временность, эфемерность людских забот, будничных тревог и люд-

ского существования вообще – все *скоротечно*. Погружение человека в природную стезю позволяет освободиться от треволнений, бранных переживаний, повседневных дум и дарует чистоту естественности. Стоит отметить, что Хань Дун как представитель городской интеллигенции признает своей *родиной* и уже ставшей естественной средой для современного человека город, но в строках ощущается преемственная *тоска* по родным местам, столь свойственная классической китайской поэзии. Однако даже красота огней города не может заставить поэта забыть о простой, незамысловатой и бедной жизни на лоне природы.

Классическая китайская поэзия зачастую описывает покинутые родные места, т.к. традиционно чиновники после сдачи экзаменов приезжали служить непременно в чужой край – так возникала поэзия тоски по родной природе, поэзия любования сосной или кипарисом, цветами и травами, горами и реками. «Близость человека к благодатной китайской земле, с ее цветами и плодами, деревьями и птицами, была неоспорима и неизменна, поэзия неотделима от земли, крестьянско-помещичьей основы, тихой красы природы» [2, с.130]:

Одинокая сельская жизнь моя
Во мне нежной частью станет,
Каждый раз как вдруг придет тоска,
Ветра дуновение меня спасает.
Я все же не такой невежда,
Я знаю истоки зерна,
Смотри я прожил те дни бедно,
А радости имел сполна.
Привык я рано уходить и возвращаться поздно,
Подняться мне легко как мотыгу схватить.
Но ничего пожать уж мне не можно,
Ни одного движения уж мне не повторить.
Здесь навсегда в груди какая-то тоска,
Как та, когда крестьянин плачет по росткам.
«Нежная часть»

Автор вспоминает детство в деревне: в 1969 г. отец Хань Дуна был объявлен «реакционером» и сослан с семьей в сельскую местность. Но воспоминания о трудном времени практики перевоспитания городской интеллигенции не ожесточили сердце поэта, он не помнит тягот «культурной революции», наоборот, то была пора детства и близости с природой, воспоминания о ней раскрыты метафорой «нежная часть». Автор описывает прелесть, красоту, спокойствие природы, ее естественность, легкость, невесомость (метафорический оборот «ветра дуновение меня спасает»). Близость сельской жизни отнюдь не говорит о грубости, неотесанности (метафора «не такой невежда»),

но раскрывает знание первоначала жизни (метафора «истоки зерна»).

На лоне природы поэт наиболее остро ощущает бренность человеческого существования, недалекость будничных устремлений и осознает, что удаленность от естественности и духовной невинности неизбежна, остается лишь беречь воспоминания о них:

В день прекрасный ветерок подует,
Нежность весен и есть ветер по весне,
И солнце теплое меня преобразует,
Смягчилось подобрело все во мне.

От мыслей суровых идет холодная пора,
И льдом меня сковала гладь воды,
Чувствую как стали влажными глаза,
То началось уж таяние души.

Как в панцире своем улитка денно,
Я, лишь в паре цизиней от травы,
В весеннем ветре мое тело бренно,
Мне не любить не можно – тела бренной красоты.
«Прекрасные дни»

Пора детства и близости с природой метафорически названа «прекрасными днями», автор описывает прелесть, красоту, спокойствие природы, ее естественность, легкость, при этом всегда присутствует осознание удаленности самого поэта от такой натуральности: «в весеннем ветре мое тело бренно». Такая удаленность, отчужденность современного человека от природы неминуема, неизбежна, но видно смирение Хань Дуна со своей участью и даже нахождение удовольствия от такого положения вещей (метафорическое выражение «мне не любить не можно – тела бренной красоты»). Красота же человека неоспорима для Хань Дуна, даже при условии суетности, искусственности современного быта и людского самосознания, поэт любит человека, хотя и признает несовершенства, пороки и изъяны. Метафоры «весенний ветер», «солнце теплое меня преобразует», «смягчилось, подобрело все во мне» эксплицируют концепты пейзажной лирики именно в видении Хань Дуна, т.е., по мнению автора, только природа пробуждает в человеке истинные, добрые чувства, лучшие качества, которые в повседневной суете человек не замечает в себе самом.

Бренность и забытие невинности души неизменно находят свое отражение практически в каждом стихотворении Хань Дуна:

Представь, что внутри есть пустой мир.
Моя внешняя сторона уже пуста,
Внутри все сбивается и сжимается в комок.
Должно быть то перемены к худшему.

Взгляну на горы-воды за окном, каждое дерево и куст
Внутри открыты, не предупреждены.

«Перемены к худшему»

Поэт метафорически противопоставляет современного человека, сжатого всевозможными рамками, открытой и свободной природе, описывает опустошение духовного мира, сужение взглядов и внутреннего пространства обывателя. По мнению Хань Дуна, все эти изменения, несомненно, есть «перемены к худшему». Чем дальше лирический герой уходит от безыскусственности и чистоты природы, тем сильнее угнетение и давление в нем самом. В противовес этому поэт метафорически описывает, как каждая частичка природного мира прекрасна, открыта, раскована и невинна: метафоры «внутри», «горы-воды», «открыты», «не предупреждены».

Тончайшее изящество природы хрупко, как и потаенные качества человеческой души, поэту очень важно сохранить их:

Все может измениться.
И самый крупный здоровяк может исхудать,
И любимый тоже может навсегда уйти,
Когда цветут цветы, может холод накрыть.
И надолго,
По-прежнему ярка. И красота уже мертва
Заморожена, сохранена.

«Все может измениться»

Все в мире временно, непостоянно, зыбко и эфемерно – Хань Дун давно смирился с предопределенностью и бренностью. Но в современном человеке поэт сумел разглядеть столь важные ему непорочность и чистоту, только под давлением повседневной суеты и мелочности лучшие качества оказываются «замороженными». Метафора «холод» олицетворяет собой жестокость реальности, захлестнувшей человека хлопотами, будничностью и мелочностью. Духовная же красота человеческой души метафорично уподоблена «цветам», застывшим на пике своего цветения, во всем блеске своей естественной прелести – то есть некий призрак, незримое присутствие невинности под коркой повседневной суеты.

Человек, как правило, в круговороте жизни не обращает внимания на изменения, происходящие в его душе:

Одна лошадь стоит в степи
И то ли движется,
То ли не движется.
Всего за десять минут
Разглядишь ли – эта лошадь
Жива ли
Как другие лошади поблизости?

Наконец, она двинулась,
И мы успокоились.
Довольные сели по машинам и уехали.
«Одна лошадь»

Поэт образно описал осознание человеком изменений в себе, некоего зачерствения природы души – метафорическое уподобление *застывшей* в поле лошади. Человек сознает в себе то или иное душевное качество не сразу, а лишь тогда, когда возникает опасность его потерять. Осознав же, что оно живо, обыватель, как и сам поэт, *успокаивается* и вновь погружается в свою суетную жизнь: метафоричная строка *«довольные сели по машинам и уехали»*.

Творчеству Хань Дуна свойственны признаки неотвратимых изменений природы человеческой души, отрыв от естественности и смирение с потерей духовной невинности, поэт уходит в себя, подводит своеобразные итоги:

<<...>>
Разок ездил в степь, но не ощутил
Единения неба с человеком.
<<...>>
Я по-прежнему Хань Дун, но люди зовут меня
Лао Ханем.
Лао Хань здоровьем крепок, каждую неделю ходит в горы.
И не вглядываюсь вдаль, и не дичаю,
Так с полгоры и спускаюсь.
«Эти годы»

Поэт не ощущает былой тесной связи с природой, небом, широкой землей. Автобиографические строки подводят итоги жизни, Хань Дун обращается к самому себе, концентрирует внимание на собственных ощущениях и чувствах. Метафора «ходит в горы», скорее всего, говорит

о попытках сохранить связь с природой, первоначалом, метафоры же *«не вглядываюсь вдаль»*, *«не дичаю»* – о поверхностности и безрезультатности подобных попыток. Смирение с существующим положением вещей видно в метафоре *«так с пол-горы и спускаюсь»*.

В пейзажной лирике Хань Дуна синтезируются традиции и новаторство. Преемственность отражается в изящных описаниях красот природы, за которыми неизменно наблюдает глаз поэта, образность тихих весен и осеней, отражающих душевное состояние, тоска по деревне, родным местам, воспоминания дорогих сердцу родных пейзажей, радости простой сельской жизни. Авторское новаторство же заключается в смирении, признании безвозвратной оторванности современного человека от природы, пренебрежение духовной естественностью в повседневной рутине, но главным образом в диалоге с собой, акценте исключительно на собственных ощущениях и чувствах как единственном способе сохранить близкую природе чистоту и непорочность в себе. Пейзажная лирика Хань Дуна включает в себе множество концептов, таких как природа, судьба, пространство и время, бренность, рок, одиночество и прочее. Метафорические обороты же позволяют раскрыть читателю многогранность и взаимосвязь всех этих концептов между собой.

Литература

1. Цыренова О.Д. Современная китайская поэзия (1980-е годы – начало XXI века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., Улан-Удэ, 2006. – С. 18.
2. Шулунова О.В. Концепт «природа» в творчестве поэтической группы «Они» // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург: МНИЖ, 2012. – Ч. 2. – С. 130-132.

Шулунова Ольга Васильевна, аспирант кафедры филологии стран Дальнего Востока Восточного института Бурятского государственного университета. Tel.: (3012) 55-02-71. E-mail: kawaiika@mail.ru

Shulunova Olga Vasil'evna, postgraduate student of the Far East countries' literature department of Oriental studies institute of the Buryat State University. Tel.: (3012) 55-02-71. E-mail: kawaiika@mail.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ИНФОРМАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ: ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР

Недавние заявления российского политика В. Жириновского вызвали обостренную реакцию общественности и официальных структур центрально-азиатских республик. Репутационные издержки коснулись не только имиджа российской власти, но и образа России в целом. Разрушение советской модели развития негативно отразилось на деятельности информационных агентств в зарубежных странах и существенно ограничило пропагандистские возможности Российской Федерации. В условиях информационного противостояния инициативу в продвижении образа России на монгольском медианпространстве взяла на себя телекомпания «Аист».

Ключевые слова: образ страны, Россия, Монголия, информационный ресурс, пропаганда.

A.Z. Badmaev

INTERNATIONAL POLICY IN INFORMATIONAL CONTEXT: THE CENTRAL-ASIA'S VECTOR

The Russian politician's recent statements aroused a strong response from the society and governmental offices of the Central-Asian Republics. His claims caused damage not only to the perception of the Russian power, but to the image of Russia on the whole. The destruction of the Soviet model of economic development produced a negative impact on mass media agencies working abroad and significantly narrowed propagandist opportunities for Russia. In the situation of the informational war the initiative to advocate and promote the image of Russia in Mongolian media space was taken by the Aist TV company.

Keywords: the image of Russia, Mongolia, informational resources, propaganda.

В настоящее время возможности сетевого охвата СМИ и масштабы их воздействия на формирование общественного мнения обладают большой мощностью и потенциалом. Любое неосторожно брошенное слово мгновенно тиражируется в теленовостях, активно обсуждается на интернет-форумах, виновник становится медиагероем, сюжет с его участием неизменно набирает популярность на видеохостинге YouTube. Конфликтный потенциал усиливается многократно, если речь принадлежит узнаваемому персонажу политического бомонда.

23 февраля 2014 г. на митинге в Москве лидер ЛДПР В. Жириновский призвал присоединить к России республики Центральной Азии. В эфире телевизионного канала «Россия-24» депутат Государственной думы заявил, что бывшие советские республики Средней Азии при определенных условиях могли бы стать частью российского государства. Жириновский заявил: «Никаких республик Средней Азии! Среднеазиатский федеральный округ! Главный город – Верный! Сегодня у него чужое название – Алма-Ата – мой родной город. А то придумали: Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Казахстан. Среднеазиатский федеральный округ!» [1].

Министерства иностранных дел Киргизии и Казахстана направили ноты протеста в адрес

российского МИДа в связи с некорректными высказываниями В. Жириновского. Дипломаты обратились к российским коллегам с просьбой дать официальную оценку «соответствия выступления господина Жириновского духу союзничества и стратегического партнерства между Россией и Казахстаном» [2]. В связи с этим казахстанские общественники предложили ограничить вещание некоторых российских каналов в республике.

12 марта лидер парламентской фракции ЛДПР В. Жириновский перед журналистами в Госдуме вновь проявил громкую инициативу уже в отношении многострадального (в свете последних событий на Украине) русского языка. Он выступил с идеей реформировать русский алфавит, лишив его буквы «ы». «Убрать эту букву гадкую. Это азиатчина. Нас за это не любят в Европе. Это от монгол к нам пришло. Ни в одном европейском языке буквы «ы» нет. Гортанный звук. Это звери так говорят: «ы-ы». «И» – и все достаточно» [3]. В своем желании понравиться Европе Жириновский явно недооценивает «азиатчину» в лице монголов, демонстрирует полное невежество в вопросах истории и путает звук и букву, которую придумали Кирилл и Мефодий. Первый кириллический алфавит был создан в Болгарии в IX в. и лигатура «ы» в нем

существовала уже тогда, то есть задолго до начала монголо-татарских завоеваний.

Непродуманные маргинальные инициативы, недалновидные и пренебрежительные заявления крупного российского политика формируют неадекватный имидж российской власти в мировом сообществе, не способствуют пониманию со стороны зарубежных партнеров и в некоторых случаях дезориентируют их. В интервью «МК» высокопоставленный собеседник одной из стран, которые, по мнению лидера либерал-демократов должны быть включены в состав России, отметил: «Мы прекрасно понимаем, кто такой Владимир Жириновский. Но кем бы Жириновский ни был, он занимает высокий пост в российском парламенте. А это делает подобные заявления недопустимыми. И еще: не все в моей стране детально разбираются в нюансах российской внутренней политики. Многие простые люди до сих пор уверены в двух вещах: Жириновский был серьезен. Жириновский заявил то, что другие влиятельные люди в России думают, но пока вслух не говорят» [4]. Примечательно, что заместитель руководителя аппарата Госдумы Федерального Собрания РФ, начальник управления по связям с общественностью и взаимодействию со СМИ Ю. Шувалов прокомментировал февральские высказывания Жириновского следующим образом: «Я внимательно слушал, что он говорил. Те оценки, которые сейчас даются, они больше связаны с интерпретацией, с вырыванием слов из контекста. Это моя точка зрения» [5]. Это, во-первых. Во-вторых, эпатажные советы Кремлю известного оппозиционера и писателя Э. Лимонова [6], демарш В. Жириновского объективно способствуют еще большему росту влияния местных «национал-патриотов», увеличению их мощи, весомо влияют на морально-психологический климат среди населения этих республик. Под возможный удар антироссийской риторики, таким образом, попадают в первую очередь русские и русскоязычные граждане центрально-азиатских стран.

Очевидно, что во внешне- и внутривнутриполитическом аспектах направленность использования информационных ресурсов является первостепенной. Это, в свою очередь, чрезвычайно актуализирует роль отечественных СМИ за рубежом, способных вести комплексную разъяснительную работу, давать четкую и компетентную оценку происходящим событиям. В советский период со второй половины прошлого столетия широкую пропаганду укрепления политических, идеологических, военных позиций социализма и единства «лагеря социализма» обеспечивало че-

рез собственные корреспондентские пункты Агентство печати «Новости» (АПН), созданное в 1961 г. В заданном направлении работали Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), который в 1958 г. стал правопреемником Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), и Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС). С середины 1960-х гг. началось активное формирование сети культурных центров за рубежом. За период 1959–1986 гг. было открыто 38 культурных центров за рубежом, «призванных осуществлять благородные задачи укрепления дружбы, взаимопонимания, доверия и культурного сотрудничества народов СССР со всеми народами мира путем взаимного ознакомления с историей, экономикой, культурой, наукой, жизнью и бытом...» [7]. ТАСС являлся центральным информационным органом СССР, его заявления рассматривались как официальная точка зрения правительства.

Распад СССР, кардинальные внутривнутриполитические изменения, экономический кризис в стране, в целом проигрышный внешнеполитический курс России даже в отношении прежних стран-партнеров по социалистическому лагерю не могли не сказаться на повседневной деятельности и сокращении финансирования этих ведомств. Зарубежные корреспондентские пункты в подавляющем большинстве были сокращены и закрыты. В целом ряде стран была прекращена деятельность Российских центров науки и культуры (РЦНК). Оставшиеся на плаву центры сосредоточили свою деятельность на преподавании курсов русского языка. Государство до начала 2000-х гг. не вело какой-либо внятной деятельности, нацеленной на формирование и продвижение положительного образа России за рубежом. За короткий период специфика работы информационных агентств, их эффективность, ориентированность на зарубежного потребителя информации, профессиональные кадры, возможности международных стажировок были практически утеряны. Федеральные власти весьма запоздало обратили внимание на иностранный опыт. Страны, претендующие на укрепление геополитических позиций в мире, широко и последовательно используют информационные ресурсы как важную составляющую «мягкой силы». Ключевые цели этой политики включают популяризацию культурного достояния, распространение языка, пропаганду достижений стран, их образа жизни. Препятствие информационное присутствие России в зарубежных странах восстановить вряд ли удастся. Поэтому особую значимость это обстоятельство приобре-

тает в связи с показательными инициативами наших соотечественников, связанных с подачей и продвижением осмысленной, объективной, достоверной и позитивной информации о нашей стране за границей, в частности в Монголии.

В настоящее время единственным российским электронным средством массовой информации, которое имеет собственное вещание и постоянную аккредитацию в Монголии, является телекомпания «Аист-Монголия». Медиапроект и сама идея вещания на монгольской территории были запущены по инициативе генерального директора известной иркутской телекомпании «Аист» А. Базархандаева. В Улан-Баторе был создан своеобразный корпункт иркутского ТВ, сетевым партнером которого тогда выступил российский музыкальный канал Ru.TV. Таким образом, еще до масштабных приобретений монголами спутниковых антенн из соседнего Китая (как альтернативный ресурс получения оперативной информации) в степной стране был реанимирован и поставлен на постоянное вещание новостной блок из России. На первом этапе становления собственная продукция телеканала «Аист-Монголия» была в большей степени посвящена событиям и мероприятиям Прибайкальского региона. В дальнейшем география региональной трансляции была значительно расширена.

Концепция вещания одноименного телеканала вполне органично легла в основу государственной информационной политики, озаботившейся с медленным скрипом к этому времени формированием положительного образа России. Вещание с декабря 2006 г. ведется на русском языке (информационные программы с переводом на монгольский язык) ежедневно в течение 24 часов. Эфир телеканала «Аист-Монголия» включает в себя трансляцию передач российского производства. Это цикл документальных фильмов, посвященных российской истории и ее деятелям; тематические передачи, освещающие вопросы культуры, науки, спорта, бережного отношения к природным ресурсам России, национальные традиции многочисленных российских народов; лучшие образцы российского и советского кинематографа, концерты российских исполнителей, специализированные детские программы.

В июне 2008 г. «Аист-Монголия» начала производство программы новостей «Энэ цагт» («Сейчас»), которая выходит в эфир 7 раз в течение суток на русском языке (с переводом на монгольский язык). Программа отражает российскую точку зрения на события в жизни Монголии. Творческий штат программы сформиро-

ван из граждан Монголии, хорошо владеющих русским языком.

С августа 2009 г. информационный блок помимо новостей Монголии включает в себя специальные ежедневные выпуски программ новостей «Середина Земли», подготовленные в трех субъектах Российской Федерации: Иркутской области, Забайкальском крае, Республике Бурятия, а также новости Российской Федерации. В сентябре 2012 г. в орбиту вещания телекомпании включился Китай с новостными передачами из Пекина.

Анализ архива видеонюостей телекомпании «Аист-Монголия» свидетельствует, что в эфире подробно и регулярно освещаются важные сферы российско-монгольского сотрудничества, политические контакты лидеров двух стран, визиты первых лиц РФ в Монголию, внутривластные процессы в стране «степной демократии» [8]. Творческий коллектив журналистов телекомпании производит специальные программы, отражающие событийный ряд повседневной жизни Монголии. Эти содержательные сюжеты востребованы как монгольскими зрителями, так и демонстрируются в эфире некоторых субъектов Российской Федерации. Ряд российских федеральных каналов использует продукцию, произведенную телекомпанией «Аист-Монголия», в собственной рамке вещания.

Вместе с тем телекомпания «Аист-Монголия» производит ряд передач на монгольском языке, отражающие экономические, культурные, общественные связи Монголии со столицей Восточной Сибири, другими российскими регионами. Неизменный интерес монгольской аудитории вызывает программа «Иркутская весна», освещающая учебу, быт, досуг и проблемы адаптации монгольских студентов в Иркутске. На монгольском языке выходят программы «Сфера» с прогнозом погоды, «Русский чарт» о новинках российской эстрады, передача «Трест» о новостях в сфере строительных технологий. Программная политика телеканала, связанная с увеличением вещания, позволяет охватывать все возрастные категории потенциальной аудитории.

Монголия является одной из самых молодых стран мира. Более 70% населения Монголии составляют молодые лица в возрасте менее 35 лет [9]. В целом это поколение не понимает по-русски, Россия для этой и будущей части молодого поколения становится незнакомой. Это самая динамичная и восприимчивая часть монгольского общества все чаще обращает свой взор на более успешные модели экономического

развития: страны-«драконы» Юго-Восточной Азии, США, Японию, Западную Европу. На их будущий выбор во многом влияет и информационный ресурс. Оперативную информацию из России, в большей степени негативную, монголы получают через трансляцию спутниковых телевизионных каналов, прессу, радио, Интернет [10]. В своей борьбе за высокий рейтинг федеральные каналы способствуют тому, что образ России зачастую стал характеризоваться через призму бедности как удела основной массы населения, его неприкаянности и невостребованности, общего нестабильного положения в стране, социальных и природных катаклизмов, демонстративных покушений на известных людей и убийств на почве национальной неприязни, криминальных хроник и т.д. Небезопасное пребывание в России для иностранных студентов, высокая плата за обучение в российских вузах и низкая платежеспособность монгольских граждан, падение некогда высокого уровня преподавания русского языка в монгольских школах сдерживают желание родителей дать детям качественное образование именно в нашей стране.

В этой связи принципиальной позицией руководства телекомпании «Аист-Монголия» в лице А. Базархандаева является тот факт, что вниманию монгольской аудитории предлагается совершенно другой, отличный от большинства федеральных каналов, контент новостей и собственных передач. Он позволяет увидеть жизнь соседних регионов во всем ее мультикультурном многообразии, в целом повышает репутацию и престиж России, отвечает стратегической задаче продвижения привлекательного образа России как надежного партнера в глазах монголов, где есть возможности для получения качественного образования, ведения бизнеса, туризма, отдыха.

Российская телекомпания «АИСТ-Монголия» за короткий период смогла зарекомендовать себя на монгольском медиарынке. Усилиями харизматичного руководителя и его коллектива был создан полноценный и востребованный телеканал с круглосуточным вещанием. Зрительская аудитория телеканала только в столице Монголии охватывает более 600 тысяч человек и фиксируется тенденция к ее расширению. Новостной блок, собственная продукция телеканала транслируются в Эрдэнэте, Дархане, Хархорине и ряде других городов. Содержательная часть программной сетки телевещания позволяет рассматривать результаты этой работы как стартовую площадку для формирования у детской и молодежной аудитории неподдельного интереса к России, первых знаний и впечат-

лений о соседней стране. Можно с уверенностью констатировать, что этот интерес монгольской аудитории уже играет пусть пока скромную, но значимую роль в стимулировании изучения русского языка, расширении диапазона связей с Россией, деловом политическом профессиональном диалоге. Поэтому далеко не случайно деятельность телекомпании «Аист-Монголия» была отмечена многочисленными наградами и грамотами правительства Монголии. За значимый вклад в развитие российско-монгольских отношений коллективу телекомпании было вручено благодарственное письмо от имени действующего премьер-министра страны С. Батболда.

В данном направлении вырисовываются дополнительные возможности межведомственной координации в деятельности Посольства РФ в Монголии, Российского центра науки и культуры в Улан-Баторе, обществ российско-монгольской дружбы, православной церкви, телекомпании «Аист-Монголия», монгольских библиотек с их богатейшим русскоязычным культурным наследием, бизнес-структур, печатных и интернет-изданий, других институтов. Большая комплексная и системная работа культурного и гуманитарного плана должна подразумевать и активное наращивание информационного ресурса в стране. Тактика двойных стандартов, конструирование различных страхов и фобий, поиски «русского следа», успешно апробированные западными странами в освещении драматических событий на Украине и вокруг нее, свидетельствуют, что в сознании некоторой части мировой общественности сегодня происходит (пока не фатальное) деформирование образа России. Таким образом, продвижение образа России на внешнеполитической арене является выстраданным и важным направлением. Национальная безопасность, проблемы экологии, мировая экономика, соблюдение норм международного права, образовательная система, собственное видение происходящих событий в мире, внутренняя ситуация и уровень благосостояния в стране, положение русского языка и русскоязычных граждан в мире – эти вопросы всегда будут представлять поле битвы в борьбе за умонастроения масс. Нарастающий с калейдоскопической скоростью темп жизни, само время с его мгновенным сетевым распространением настроений, идей, убеждений и влиянием на политическую составляющую мира неуклонно требуют наступательной профессиональной динамики (без пафоса и взвешенно) в отстаивании позиций страны по вышеперечисленным ключевым вопросам. Будущее страны, ее интел-

лектуальная, политическая, инвестиционная, культурная привлекательность уже во многом напрямую зависят от того, как она сможет интегрироваться в современное информационное пространство.

Литература

1. Официальный сайт РИА Омск-пресс. URL: http://omskpress.ru/news/47984/jirinovskiy_razozlil_mid_kazahstana_grizvami_soзда/ (дата обращения: 25. 02. 2014).

2. Ярунина И. Путин может потерять доверие Назарбаева из-за Жириновского [Электронный ресурс] // Новости@mail.ru. – URL: <http://news.mail.ru/inworld/kazakhstan/politics/17135318/> (дата обращения: 26.02.2014).

3. Цит. по: Ростовский М. Операция «Ы» и другие приключения Жирика // Московский комсомолец. – 2014. – 19-26 марта. – С. 22.

4. Цит. по: Ростовский М. Там же.

5. Tengri News: [Электронный ресурс]. – URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/v-gosdume-rossii-uvereniy-v-neizmennosti-otnosheniy-s-kazahstanom-250972/ (дата обращения: 24.02.2014).

6. См. подробнее: i-News.kz: [Электронный ресурс]. URL: http://i-news.kz/news/2014/02/21/7406759-eduard_limonov_udivlen_chno_ego_vyskazyv.html

7. Официальный сайт Россотрудничества. – URL: <http://rs.gov.ru/node/565> (дата обращения: 02.02.2014).

8. Официальный сайт телекомпании Аист. – URL: <http://www.aisttv.ru/ru/Страницы/Телекомпания%20АИСТ-Монголия> (дата обращения: 03.01.2014).

9. Сактоев В.Е., Банзарагчийн Б. Становление и функционирование рынка труда Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2007. – С. 41.

10. Информация получена автором в ходе беседы с профессором Л. Дугаржавом 30 апреля 2010 г. (Улан-Батор).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока) в странах Северо-Восточной Азии», проект № 14-03-00439.

Бадмаев Андрей Захарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятский госуниверситета. E-mail: badmaevaz@yandex.ru

Badmaev Andrey Zakharovich, Associate Professor, Ph.D Department of General and National History the Buryat State University. E-mail: badmaevaz@yandex.ru

УДК 94 (47) 084

© Е.Н. Бадмаева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫКИИ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

Статья посвящена описанию многих аспектов повседневной жизни населения, временно оккупированных и не оккупированных районов Калмыкии в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, население Калмыкии, оккупация, партизанское движение, буддизм, повседневная жизнь.

E.N. Badmaeva

EVERYDAY LIFE OF THE POPULATION OF KALMYKIA DURING THE GERMAN OCCUPATION

The article is devoted to a description of many aspects of everyday life of the population in the temporarily occupied and not occupied regions of Kalmykia in the years of the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, the population of Kalmykia, the occupation, the guerrilla movement, buddhism, daily life.

Великая Отечественная война оставила тяжёлый и неизгладимый след в истории многих народов СССР, подвергшихся нацистской оккупации. Гибель и разрушения, массовый голод и острая нужда во всем стали элементами повседневной жизни оккупированных территорий страны, в том числе Калмыкии. В отечественной историографии написано значительное количество научных работ, исследующих период временной оккупации на примере отдельных регионов. В совет-

ский период в исторической науке превалировала тема героического сопротивления мирного населения фашистским захватчикам. В последние десятилетия объектом пристального внимания историков стало изучение повседневной жизни простых советских людей в условиях оккупационного режима. В это же время в связи с демократическими процессами, произошедшими в России в конце прошлого столетия, появились первые обстоятельные научные работы о предательстве и

сотрудничестве, коллаборационизме отдельных групп населения с немецкими оккупантами.

Исследование условий жизни населения страны в период немецкой оккупации, а также факторов, влиявших на формирование сознания и норм поведения, социально-политические взгляды простых советских граждан, относившихся к категории «обычных людей», чрезвычайно актуальны для объективной оценки их повседневной жизни.

В начальный период военного противоборства Советского Союза и фашистской Германии немецким войскам удалось захватить огромную часть европейской территории СССР. Летом 1942 г. немецко-фашистскими войсками были оккупированы 8 улусов (районов) Калмыцкой АССР из 13 имевшихся. Полностью были захвачены 5 основных зерновых улусов – Западный, Яшалтинский, Приютненский, Троицкий и Сарпинский, столица республика – Элиста, частично 3 животноводческих улуса – Черноземельский, Кетченеровский, Малодербетовский, в экономическом отношении более благоприятными в сравнении с районами, оставшимися вне зоны оккупации. Временно оккупированная часть составляла почти 43 тыс. кв. км. (54%) территории Калмыцкой АССР. По неполным данным, из районов республики, которые попали в зону оккупации, эвакуировалось свыше 25 тыс. человек. Всего около 135 362 человека оказались в зоне оккупации. На занятой противником территории республики находилось 92% всех посевных площадей. На оккупированной территории осталось 63% сельских советов, 66% колхозов, 82,3% МТС, 92,3% совхозов, 569 промышленных цехов, 52% предприятий, в том числе 48% крупных предприятий и основное богатство животноводческой республики – более 55 % скота [1, с. 490]. В результате оккупации республика временно лишилась 1 491 818 голов скота, из них эвакуированных: из оккупированных улусов – 519 354 гол., из прифронтовых – 258 478 гол. и оставленных в захваченных районах – 713 986 гол. [2].

Прифронтовое, а затем и фронтовое положение в августе 1942 – начале 1943 гг. окончательно усилило продовольственные затруднения в Калмыцкой АССР. Военные действия на ее территории и оккупация разрушили сложившуюся до войны инфраструктуру аграрного комплекса республики и временно оккупированные улусы (районы) выпали из сельскохозяйственного оборота, сократив объем и потенциал сельскохозяйственного производства. Одновременно с обеспечением процесса, главным образом сельскохозяйственного производства, жителям республики пришлось решать многие сложные проблемы, связанные с эвакуацией значительной части населения, техни-

ки, оборудования, скота, а также животноводческого поголовья, перегоняемого через территорию региона из Украины в Казахстан.

Немецкие власти с самого начала стали уделять пристальное внимание вопросам развития сельского хозяйства на оккупированной территории Калмыкии. Как известно, республика являлась важным аграрным регионом в народнохозяйственном комплексе страны. Достаточно сказать, что Калмыкия занимала одно из лидирующих мест по количеству овец и крупного рогатого скота. Поэтому с началом оккупации немецкое командование стало проводить мероприятия, направленные на поддержку сельскохозяйственной отрасли, обеспечение ее необходимой рабочей силой и техникой. В ноябре 1942 г. согласно немецкой реформе 31 колхоз был преобразован в общинные хозяйства и переименован в номерные сельскохозяйственные товарищества. Совхозы стали государственными имениями, МТС – сельскохозяйственными опорными пунктами. Необходимо отметить, что еще в феврале 1942 г. рейхсминистр А. Розенберг в подписанном постановлении отменил все декреты и законы Советской власти, в том числе и «Примерный устав сельскохозяйственной артели». Замена колхозов индивидуальными крестьянскими хозяйствами и владение землей крестьян на правах частной собственности объявлялись конечной целью нового немецкого порядка [3]. Сельское население Калмыкии, находясь в оккупированной зоне, не прекращало уборку урожая зерновых и огородных культур, пасти оставшийся в личном подсобном хозяйстве скот и птицу, дабы избежать зимой голодной смерти.

С сентября 1942 г. в документах оккупационного режима появляются жесткие реквизиционные требования по отношению крестьянам республики. Продовольственные реквизиции проводились под руководством специально выделенных офицеров, уполномоченных по сельскому хозяйству, занимающихся вопросами бесперебойного снабжения армии за счет мирных жителей. Такие подразделения имелись в 16-й моторизованной дивизии и других воинских соединениях 4-й танковой армии, оперативной армейской группы генерал-полковника Гота, а также в 4-й румынской армии (6-й и 7-й армейские корпуса). Непосредственное руководство населенными пунктами в оккупированной части Калмыкии осуществлял земельный отдел, который сосредоточил в своих руках организацию обеспечения продовольствием и необходимым имуществом, командование и части 16-й мотодивизии, расположенной в г. Элисте и ее окрестностях. Главным образом под реквизицию подпадал скот, имевшийся в личных подворьях крестьян, а также колхозный скот, который не был

перемещен в восточные районы страны вследствие быстрого продвижения фашистских войск, отчасти и в результате плохо организованной эвакуации животноводческого поголовья колхозов и совхозов республики. Так, в период с августа по ноябрь 1942 г. только в Малодербетовском улусе немецкие оккупанты забили на свои нужды: КРС – 1190 голов, овец – 2853, свиней – 627 и птиц – 9 тыс. голов [4, с. 130-131].

Накануне Великой Отечественной войны органы нацистской пропаганды являлись одними из самых эффективных по своей наступательной тактике, по наличию специализированных структур и подразделений, по влиянию идеологии на широкие массы различных категорий населения. Немецкие идеологи и пропагандисты в своей работе непосредственно опирались на инструкции Геббельса. По его глубокому убеждению в России не должно быть «... никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства; земля – крестьянам, но колхозы пока сохранять, чтобы спасти урожай...» [5, с. 285].

Наиболее массовым информационным воздействием на жителей оккупированных улусов являлись печать (листочки, газеты) и аудиовыступления (радио, репродукторы и рупоры). На оккупированной территории Калмыкии, как и в других регионах страны, нацистами активно распространялись газеты, отпечатанные в Германии и Прибалтике, так и непосредственно в местных типографиях. Восстановление типографий считалось одной из первоочередных задач. Немецкие информационные службы сразу же организовали на территории Калмыкии выпуск двух газет – на русском «Свободная земля» (50 номеров) и на калмыцком «Теегин херд» («Степной орел»), а также ежедневные радиопередачи на немецком, русском и калмыцком языках, требующих от населения «благодарности к немцам-освободителям» и «совместных жертв в борьбе против большевизма» [6]. На страницах газет подробно описывались впечатляющие военные успехи вермахта, что являлось объективной причиной нарастания чувства растерянности и страха у невоюющего населения. Как отмечали позднее представители советского сопротивления, фашисты пытались убить в людях – жителях оккупированных районов веру в возможность победы Красной Армии и парализовать волю к борьбе с фашизмом.

При завоевании южных территорий СССР, в том числе Северного Кавказа и Калмыкии, действия немецкой армии, нацистской пропаганды становятся наиболее лояльными, чем в Белоруссии и Украине. Особенно это касается горского и казачьего населения. Формы и методы идеологиче-

ской обработки населения кардинально меняются. От политики проведения террора и запугивания, насилия и грабежа фашистская идеология перешла к методам приглашения местного населения к сотрудничеству. Ими была подготовлена специальная программа с учетом многонационального и многоконфессионального состава населения для этого большого региона СССР. Одной из составных частей были и вопросы информационно-идеологической пропаганды, исходя из его национальных, исторических и религиозных особенностей.

Идеологи и специалисты по южному региону СССР тщательно изучили историю, традиции, обычаи, культуру и менталитет населяющих данную территорию народов. Оккупанты для поддержания корректных и доброжелательных взаимоотношений с калмыками назначили ротмистра в отставке, профессора, барона фон Рихтгофенна, свободно владеющего и говорившего на английском, французском, итальянском, польском и русском языках. Одновременно по линии Абвера (военной разведки) для работы с калмыцким населением был командирован зондерфюрер, доктор Отто Долл (Долль) (или Рудольф Верба и Лео фон дер Рекк) [7, с. 19]. Доктор Долл благодаря хорошему образованию, психологии и доброжелательному отношению к калмыкам сумел приобрести авторитет среди небольшой части местного населения. Благодаря его усилиям в г. Элисте вновь открылся хурул (церковь). Хотя назначенный гелюнг (калмыцкий буддийский священнослужитель) не считал нужным вести религиозную буддийскую службу в хуруле. В пос. Яшкуль начались религиозные службы гелюнгом Молом-бакши [8, с. 19]. Оккупанты охотно шли на открытие хурулов. Почти на всей оккупированной территории на службу приглашались гелюнги, но, к слову, не все священнослужители отозвались на призывы нацистов проводить службы. Также ими были открыты хурулы в поселках Оргакин во главе с Нимбакшой, Ики-Бурул с гелюнгом Сохр-эмчи и в пос. Бага-Чонос. В Калмыцком районе Ростовской области, где проживали калмыки, открылся хурул, где проводилась религиозная служба гелюнгом Томудом Улюковым [9, с. 131].

Таким образом, при планировании внутренней политики в регионе фашистские власти активно использовали религиозный фактор. Немецкие пропагандистские службы открыто обещали свободу исповедания любой религии и защиту религиозных обрядов, тем самым преподносили оккупацию как освобождение народов от «большевистского ига». Заигрывая со всеми конфессиями, нацисты провозгласили, что теперь каждый народ имеет право на свое вероисповедание. Религиоз-

ный фактор также учитывался при формировании особых подразделений из числа военнопленных Красной Армии. В такие формирования, как «Туркестанский легион», направляли представителей именно «исламских народов», поскольку эти подразделения планировалось использовать в борьбе с партизанами в славянских регионах – Белоруссии, Прибалтике и на Украине.

Однако серьезных результатов в церковном движении на территории Калмыкии оккупанты не достигли. Это можно объяснить двумя причинами: заметной активизацией патриотической, антифашистской деятельности буддийской и православной деятельности священнослужителей и относительно кратковременным периодом оккупации в указанном регионе. Покидая оккупированные территории, немецко-фашистские захватчики вывозили из буддийских хурулов и православных церквей ценные богослужебные предметы, редкие иконы, изделия из драгоценных металлов. Не особо беспокоясь о том, что мирное население остается без предметов религиозного культа.

Политическая и социально-экономическая жизнь на не оккупированной территории Калмыкии в 1942 г. в значительной мере определялась близостью и нуждами фронта. С осени этого года важное стратегическое значение приобрело строительство оборонительных сооружений на территории Калмыкии на сталинградском, астраханском и ростовском направлениях. Согласно постановлению Совнаркома КАССР № 522 от 13 октября 1942 г. на строительство астраханских рубежей в Юстинский, Приволжский и Долбанский улусы направили 3000 рабочих и 1000 подвод с верблюжьей упряжью [10]. По заданию Генерального штаба Красной армии и Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР сотни женщин и подростков Калмыкии участвовали в строительстве дороги Астрахань – Кизляр.

Первые месяцы войны вскрыли важнейшие недостатки советской идеологии: ее абстрактность и не оперативность. Они были связаны с отсутствием практического опыта ведения аргументированной дискуссии с идеологическим противником в предвоенные годы, а также страхом допустить при самостоятельной работе политическую ошибку. Партизаны и подпольщики не имели опыта практической работы, а предвоенные наработки и штампы оказались не только ненужными, но и нанесли заметный вред в процессе организации пропагандистской деятельности. Отсутствие у народных мстителей постоянной связи с центром мешало им организовывать акции по разоблачению деятельности нацистских служб.

Одной из главных форм участия населения республики в организации сопротивления окку-

пантам в 1942 г. являлось партизанское движение. В первые месяцы войны под грифом «секретно» вышли директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 г. и постановление ЦК ВКП (б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск», известные лишь узкому кругу руководящих партийных работников в советском тылу [11]. В сентябре 1942 г. руководством Калмыцкой АССР и Астраханского округа совместно с командованием Сталинградского фронта была организована специальная школа № 005 по подготовке разведчиков и подрывников в г. Астрахань [12, с. 112]. К 25 октября 1942 г. было подготовлено и отправлено в тыл врага на территорию Калмыкии около 6 групп, а в середине ноября 1942 г. для выполнения специальных заданий в тыл германской армии было послано еще 6 разведывательно-диверсионных формирований. К этому времени на территории республики действовало 12 партизанских отрядов, насчитывающих в своем составе 220 человек [13, с. 209]. В населенных пунктах партизанскими отрядами проводились беседы среди населения, большим тиражом были изданы и распространены листовки. Наладился выпуск еженедельной газеты «Вести с Родины», сообщения информбюро под заголовками «Красная Армия на Сталинградском фронте перешла в наступление», «Все силы молодежи на помощь наступающей Красной Армии» для временно оккупированных улусов. В нескольких тысяч перепечатывалась брошюра с докладом И. В. Сталина «25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». Везде, где проходили партизанские отряды, они вели устную агитацию, распространяли известия о победах Красной Армии, призывали местное население к борьбе против фашизма.

Одновременно в оккупированных улусах Калмыкии решением Калмыцкого обкома ВКП (б) было создано 6 подпольных партийных организаций и 20 подпольных улусных комитетов комсомола, хотя в первое время их работа была деморализована.

Безусловно, масштаб и результативность партизанского движения и сопротивления в КАССР в годы оккупации ее территории трудно сравнивать с партизанской войной в соседних регионах страны. На размах и эффективность партизанской деятельности в Калмыкии существенно влияли сложные природно-климатические условия территории, открытость местности, а также особенности немецкого оккупационного режима. Следовательно, нельзя однозначно оценить действия партизанских подразделений в трудных условиях калмыцкой степи. Но с приобретением военного опыта росла боевая деятельность партизанских отрядов,

которая становилась все заметнее и эффективнее, и, вне сомнения, партизаны Калмыкии внесли свой, пусть маленький, но достойный вклад в общий победный успех Сталинградского фронта.

Население не оккупированных районов республики принимало активное участие в реализации важнейших политических и народно-хозяйственных решений, принятых советским правительством. К концу 1942 г. военкоматы не оккупированных улусов дополнительно мобилизовали на фронт 2 965 человек, колхозы предоставили воинским частям 817 лошадей, 28 автомашин и другие транспортные средства [13, с. 207].

Повседневная жизнь как в оккупированных, так и не оккупированных территориях, безусловно, отличалась по многим параметрам. Люди, жившие в оккупированной части республики, естественно жили в более тревожной обстановке, опасаясь за свою жизнь, безопасность родных и близких, боялись того, что враг в любое время захватит их скот и имущество, разграбит жилище. Повседневную жизнь человека в условиях оккупации было бы точнее назвать «выживанием». Многие жители оккупированных территорий республики погибли от голода и болезней, были уничтожены во время различных карательных акций. Кто-то смог пережить тяжелое время, а кто-то сломался, стал сотрудничать с нацистами. Но в целом население оккупированных районов республики жило общими проблемами страны, с нетерпением ждало радостных известий с фронта, долгожданной и доброй весточки от своих отцов и сыновей, воевавших с ненавистным врагом. На не оккупированных территориях местному населению также приходилось бороться за свое выживание, поскольку трудности военного времени коснулись в полной мере и их. И по эту сторону линии фронта находились те, кто шел в услужение к немецким оккупантам. Причины были самые разные: люта я ненависть к советской власти, желание «отплатить большевикам», удовлетворение собственных нереализованных амбиций путем получения власти при новом режиме. Но таких перебежчиков было единицы. Люди самоотверженно трудились на промышленных предприятиях, в совхозах и колхозах, своевременно сдавали государству сельскохозяйственную продукцию, участвовали не за страх, а за совесть, в движении сопротивления оккупантам в составе партизанских отрядов,

подпольных групп ЦК ВКП (б) и разведывательно-диверсионных групп НКВД на оккупированной территории. Партийным и государственным органам на местах удалось настроить не воюющее население республики на четкую мобилизацию всех сил на нужды обороны, а само оно в основной своей массе проявило свои лучшие человеческие и нравственные качества.

Разумеется, за пределами статьи осталось много аспектов повседневной жизни населения, временно оккупированных и не оккупированных районов Калмыкии в условиях трудного военного времени. Сложная и противоречивая военно-политическая и социально-экономическая история Калмыкии периода Великой Отечественной войны отражает как общие тенденции истории Советского Союза в эти переломные годы, так и специфические черты, связанные с временной оккупацией части территории республики.

Литература

1. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. – Элиста: Герел, 2009. – Т. 2. – 840 с.
2. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК) Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1238. Л. 34-35.
3. НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 961. Л. 111, 116; Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 27, 28.
4. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. – 2-е изд., доп.; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. – М.: Наука, 2010. – 406 с.
5. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. – М.: Терра, 1996. – 576 с.
6. НА РК. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 784. Л. 29.
7. Бугай Н.Ф. Операция «Улусь». – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – 87 с.
8. Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. – 127 с.
9. Басхаев А.Н. Германская оккупация части территории Калмыкии // Великая Отечественная война: события, люди, история: сб. науч. ст. – Элиста: Джангар, 2001. – 236 с.
10. НА РК. Ф. Р.-131. Оп. 10с. Д. 94. Л. 257.
11. НА РК. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 733. Л. 6.
12. Горчаков О.А. «Максим» не выходит на связь. – Ростов н/Д., 1969. – С. 205.
13. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Док. и мат-лы. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. – 551 с.

Бадмаева Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Ekaterina Badmaeva Ph. D of History, associate professor, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Academy of Sciences (Elista), Kalmyk Institute for Humanities of the Academy of Sciences. E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ БУДДИЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ТАЙВАНЯ

Статья посвящена историографии изучения буддийских общественных организаций Тайваня. В ней рассматривается как отечественная, так и зарубежная историография изучения данной темы.

Ключевые слова: буддизм, буддийские организации, Тайвань, научное общество, историография, буддология, сообщества.

L.Ch. Bazarova

THE HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF TAIWANESE BUDDHIST COMMUNITY ORGANIZATIONS

The article is devoted to the study of Buddhist historiography of Buddhist community organizations in Taiwan. It examines both domestic and foreign historiography study of this theme.

Keywords: Buddhism, Buddhist organizations, Taiwan, scientific society, historiography, Buddhologist, community.

На рубеже XX–XXI вв. ряд стран, где традиционно исповедуют буддизм, достиг впечатляющих результатов во многих областях человеческой деятельности. В настоящее время Тайвань является одним из лидеров в развитии современного буддизма. С конца XX в. шел неуклонный процесс усиления влияния крупнейших буддийских организаций Тайваня во всем мире, происходило открытие их филиалов и обществ в различных странах, в том числе и в России. Рост влияния тайваньского буддизма в мире обуславливает актуальность изучения данной темы.

В современном российском научном обществе тема общественных буддийских организаций Тайваня, а также тайваньского буддизма, к сожалению, является недостаточно изученной. В XX в. в России о Тайване писали преимущественно обзоры его истории, куда входили также краткие религиозные сведения. Например, работы Ф. Тадера «Тайвань и его история (XIX в.)», П.М. Иванова «Очерк истории Тайваня». Также в Москве и Иркутске при университетах выпускались сборники статей «Современный Тайвань». Однако работы, опубликованные в них, освещали в основном политическую и экономическую жизнь Тайваня, в то время как о религии практически не упоминалось.

Ситуация изменилась в конце XX в., когда в г. Санкт-Петербурге было учреждено общество «Фо Гуан» (Свет Будды) – российский филиал тайваньской буддийской организации Фо Гуан Шань, президентом которого был избран Е.А. Торчинов. Члены этого общества принимали участие в ежегодных международных конференциях организации Фо Гуан Шань на Тайване, в Австралии, Франции и Гонконге. В 1993–1994 гг. обществом «Фо Гуан» был опубликован перевод тринадцати проповедей Великого учителя Син-юня. Также членами общества К.Ю.

Солониным и Е.А. Торчиновым был подготовлен перевод «Чаньских бесед Син-юня» (Син-юнь чань-хуа), который был опубликован в издательстве «Центр Петербургское востоковедение» в 1998 г.

Е.А. Торчинов известен своими исследованиями даосизма и буддизма. В своих работах он старался охватить все буддийские школы в их исторической и духовной взаимосвязи, результатом чего стал его учебник «Введение в буддологию». Особое внимание Евгений Алексеевич уделял школе китайского буддизма Чань, он выполнил несколько переводов классических и современных чаньских сочинений, посетил чаньский монастырь на Тайване. Им были переведены сочинения чаньских патриархов Хунжэнь и Цзунми, а также труды Син-юня. Торчинов являлся официальным представителем, членом совета директоров и консультантом Buddha's Light International Association – B.L.I.A. (Международная ассоциация света Будды), ее мирским буддийским лектором и президентом санкт-петербургской буддийской общественной организации «Фо Гуан». Его основные работы по буддизму: «Философия китайского буддизма», «Буддизм в Китае», «Введение в буддологию. Курс лекций», «Пятый Чаньский Патриарх Хунжэнь. Трактат об основах совершенствования сознания (Сю синь яо лунь)», «Трактат Гэ Хуна и "искусство внутренних покоев"», «Чжан Бо-дуань. Главы о прозрении истины (Учжэнь пянь). Предисловие, перевод, комментарии» и другие.

Петербургский ученый К.Ю. Солонин, как и Торчинов, занимался изучением буддологии, а также изучением тангутских рукописей, тангуетоведением. Он является автором полутора десятков научных работ, в том числе статей: «Ка-толическая философия на Тайване», «Цзунми.

Чаньские истины» (в соавторстве с Е.А. Торчиновым), «Локальные традиции китайского буддизма: возможный поход к изучению», «Хуйнэн и учение об отсутствии мыслей», «Учение Баотана У-чжу и сычуанский чань-буддизм», «Цзунми и китаизация буддизма» и т. д.

Тайваньский буддизм и тайваньские буддийские сообщества изучали также такие российские ученые, как С.А. Горбунова, П.Л. Гроховский, О.С. Ринчинов, однако тема структуры буддийских сообществ на Тайване в российской историографии не раскрыта и работ, посвященных именно этой теме, в России пока не имеется.

В дальнейшем мы обратим внимание на зарубежную историографию, где имеется значительно больше работ, посвященных данной теме. За рубежом изучение тайваньского буддизма и тайваньских буддийских сообществ началось лишь с середины 80-х гг. XX в. Весомым препятствием для изучения тайваньского буддизма являлся тот факт, что основные материалы по местному буддизму хранились на материке. До дипломатического признания США Пекинского правительства в 1979 г. западные исследователи не имели доступа к материковым материалам. В 1960-е гг. первое обширное исследование по истории китайского и тайваньского буддизма в XX в. было предпринято американским ученым Холмсом Хинкли Уэлчем. Им была написана трилогия, в которую вошли такие работы, как «Практика китайского буддизма: 1900–1950 гг.» (1967), «Возрождение буддизма в Китае» (1968) и «Буддизм при Мао» (1972). Эти книги описывали положение китайского буддизма на протяжении семидесяти лет начиная с XX в. Помимо этого Холмс Уэлч публиковал труды по даосизму.

После 1979 г. западные ученые получили прямой доступ к тайваньским источникам. Это позволило исследовать Тайвань как отдельную культурную и историческую единицу. В 1992 г. в университете Гарвард открылся симпозиум, посвященный исследованиям по Тайваню. Ученые из США и Канады являлись наиболее активными исследователями тайваньского буддизма, что было не случайно, поскольку тайваньские буддийские деятели, основатели буддийских организаций, всячески поддерживали связь с североамериканским материком. Наиболее обширно эта проблема изучалась в университете Гонолулу, где работали такие ученые, как Чарльз Джонс, Синг Лоуренс и другие.

Североамериканские ученые, например, Андре Лалиберте, Ричард Мэдсэн, Чарльз Джонс, уделяли особое внимание социальной

значимости буддийских организаций Тайваня, их влиянию на политику и социальную сферу региона. Во многих работах проводилось описание крупнейших тайваньских буддийских сообществ, сравнительный анализ их деятельности, а также их связь между собой.

Из современных зарубежных ученых можно выделить канадского исследователя Андре Лалиберте (университет Квебек, Монреаль). Сфера его исследований – это политическая и религиозная деятельность Тайваня, КНР и Гонконга. Наиболее известная из его работ по тайваньскому буддизму называется «Политика буддийских организаций Тайваня с 1989 по 2003 год», опубликованная в 2004 г. [8]. В этой книге Лалиберте рассматривает влияние религии на политику современного Тайваня. Также в ней описывается деятельность трех крупнейших буддийских организаций Тайваня (по мнению Лалиберте), таких как Буддийская ассоциация Китайской республики, Фо Гуан Шань и Цы Цзи. В работе делается особый акцент на отношение этих буддийских организаций к политике правительства Тайваня, президентским выборам и социальным нуждам.

Помимо этой работы Лалиберте является автором еще трех книг: «Secular states and religious diversity», «The Chinese party-state in the 21st century: adaptation and the reinvention of legitimacy», «Multination states in Asia: accommodation or resistance»; около полутора десятка статей о Тайване на английском и французском языках: «Рост тайваньской буддийской ассоциации в Китае: мягкая сила и институциональное обучение», «Буддийская благотворительность и социальная политика Китая: возможности для альтернативной помощи», «Религиозная благотворительность и ликвидация последствий стихийных бедствий на Тайване», «Положение религии на Тайване: от государственного контроля к Laissez-Faire?», «Буддийские организации и демократия на Тайване», «Цыцзи и возрождение буддизма на Тайване: возникновение нового консерватизма?».

Ричард Мэдсэн, калифорнийский ученый, является автором и соавтором двенадцати книг по культуре Китая и международным отношениям. Мэдсэн – заслуженный профессор социологии, директор центра Фудань, а также он исполняет обязанности проректора в университете Калифорнии. В 2007 г. он опубликовал книгу «Дхарма и демократия: религиозное возрождение и политическое развитие на Тайване». Автором рецензии к этой работе является другой известный ученый-тайванец Чарльз Джонс. В данной книге рассматривается мирный сценарий

религиозной деятельности, в котором религиозные организации способствуют позитивному развитию демократии. Также в этой работе раскрываются связи между религиозными организациями Тайваня, буддийскими (Цы Цзи, Фо Гуан Шань и Дхарма Драм Маунтин) и даосской (Синтяньгун). Другие работы Мэдсэна посвящены в основном Китаю, например, «Мораль и власть в китайской деревне» (1984), «Неофициальный Китай» (1989), «Китай и американская мечта» (1994), «Католики Китая: трагедия и надежда в формирующемся гражданском обществе» (1998), «Народный Китай: неофициальная культура в глобализирующемся обществе» (2002).

Чарльз Брюер Джонс, американский ученый, создал труд: «Буддизм на Тайване: религия и государство, 1660–1990» (Университет Гавайи Пресс, 1999 г.), в котором он исследовал возникновение буддизма на Тайване, его дальнейшее развитие, влияние японской оккупации, возникновение первых буддийских организаций и их деятельность. Примечательность этого исследования состоит в том, что это была первая работа на западном языке, которая пыталась изучить институциональную и политическую историю буддизма на Тайване. Первая глава охватывает раннюю историю буддизма на Тайване, его возникновение, волнообразную иммиграцию китайцев на Тайвань, сюда входит описание как собственно буддизма, так и народной религии тайваньцев – «zhajiao» [7, с.79]. Вторая и третья главы посвящены японской оккупации и «японизации» буддизма. Наконец, главы с четвертой по седьмую рассматривают события с 1945 г. до конца XX в., куда входит и история создания первых буддийских организаций на Тайване. В 2003 г. Чарльзом Джонсом была опубликована книга «Religion in modern Taiwan» – «Религия в современном Тайване», написанная в соавторстве с коллегой Филиппом Клартом. Эта работа представляет собой обзор буддизма на Тайване на протяжении XX века, его модернизацию и развитие.

Чарльз Джонс интересовался в основном идеологией буддизма, его отношениями с другими религиями и с социализмом. Он является доцентом и заместителем декана в школе богословия и религиоведения в Католическом университете США. Сфера его исследований включает в себя китайский буддизм, теорию и методологию религиоведения и межконфессиональные отношения. Профессор Джонс читал лекции и семинары в качестве приглашенного гостя в университете Чжэнчжи в Тайбэе, он неоднократно посещал Тайвань для исследования буд-

дийских организаций. Помимо этого он известен как автор множества статей о тайваньском буддизме, например: «Буддизм и марксизм на Тайване: религиозный социализм Линь Тиу и его наследие в современном мире», «Модернизация и традиционализм в буддийском милосердии: дело о благотворительности фонда Цы-цзи на Тайване» и другие.

Кроме перечисленных исследователей тайваньских буддийских сообществ, этой проблемой занимались такие западные ученые, как Маркус Бирменхаймер, Гарри Ламли, Чарльз Уэлч, Синг Лоуренс, Стюарт Чэндлер, Элиз Энн ДеВидо, Мюррей Рубинштейн и т.д.

Далее мы рассматриваем исследования тайваньских и китайских ученых, среди которых присутствуют работы самих основателей и членов буддийских организаций Тайваня. В основном работы этих буддийских деятелей посвящены философской проблематике, в том числе Чань-буддизму, Дхарме, заповедям о правильном поведении буддистов и т.д. Наиболее известный из буддийских деятелей, основатель организации Фо Гуан Шань и первый патриарх школы Фо Гуан – Син Юнь является автором более 30 книг, посвященных Чань буддизму, гуманистическому буддизму, Дхарме, нирване и т.д., которые были переведены на русский язык. Ему принадлежат комментарии к «Ваджрачхедика праджня-парамита сутре» и другим буддийским классическим текстам, многотомный труд, всесторонне описывающий самые различные аспекты буддизма, многочисленные беседы и проповеди и так далее.

Самыми популярными работами Син Юня, известными в России, являются «Чаньские беседы» [12], написанные в соавторстве с Е.А. Торчиновым, руководителем филиала организации Фо Гуан Шань в Санкт-Петербурге, а также «Буддизм в нашей жизни. Три проповеди великого наставника Син-юня». Кроме того, на русский язык были переведены проповеди Син-юня.

Шен Янь, основатель буддийской организации Дхарма Драм Маунтин, является автором более 20 книг по буддизму. Среди его произведений наибольшего внимания, по нашему мнению, заслуживает труд «Поэзия просветления. Поэмы древних чаньских мастеров». Эта книга представляет собою комментарии к стихотворениям и сочинениям древних чаньских мастеров, а также их краткую биографию и описание ключевых моментов их жизни. Цель данного сборника, по словам самого Шен Яня, «помочь читателю проникнуть в сознание чаньских наставников – их практику и переживания после про-

светления». Сборник состоит из 24 сочинений, 13 из которых являются стихотворениями. В этих стихах можно найти упоминания об истории философии, религии и литературы Китая, а также об истоках и теориях индийского буддизма.

Интересной для широкого читателя является автобиография Шен Яня «Следы на снегу. Автобиография китайского буддийского монаха», в ней приводится описание буддийских монастырей на Тайване и в Китае, а также описание жизни монахов в них. Книга позволяет получить представление о деятельности буддизма после культурной революции в Китае [11].

Другие работы мастера посвящены в основном Чань-буддизму, медитации и выполнению основных буддийских заповедей.

Тайваньских и китайских ученых, пишущих по данной теме много, поэтому отметим некоторых из них: Хо Эрлинг, Хуймин Бхикку, Дзян Кантен, Лан Дзифу, Хун Чен-чао, Чен Чинг-чи, Чен Эдвард и т.д. В своих дальнейших работах мы постараемся более подробно остановиться именно на трудах тайваньских и китайских ученых.

Японские ученые в основном писали о японской оккупации Тайваня и в том числе о буддизме на острове в этот период. Ученый из Японии Кийоси Ито совершил обзор истории Тайваня на протяжении 400 лет в работах «Тайвань – четырехсотлетняя история и прогноз» и «История Тайваня». Также проблемами буддизма и буддийских организаций на Тайване занимались такие японские ученые, как Окада Юзурю, Найто Хидео, Накамура Хазими, Кабо Норитада и т.д.

В заключение следует отметить, что во всем мире возрастает интерес к тайваньским буддийским сообществам, в связи с этим публикуется

все больше работ по этой актуальной теме. Однако эта тема еще не раскрыта и требует более детального подхода к ней как в нашей стране, так и за рубежом.

Литература

1. Горбунова С.В. Китай: религия и власть в контексте общества и государства. – Владивосток: Форум, 2008. – 320 с.
2. Солонин К.Ю. Обретение учения. Традиция Хуаянь-Чань в буддизме тангутского государства Си-Ся. – СПб.: Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – 268 с.
3. Солонин К.Ю., Торчинов Е.А. Католическая философия на Тайване // *Философские науки*. – 2007. – Вып. 9. – 215 с.
4. Солонин К.Ю. Цзун-ми и китаизация буддизма // *Сборник Первой Всероссийской конференции по буддологии*. – СПб., 1993.
5. Торчинов Е.А. Введение в буддизм. – СПб.: Амфора, Петроглиф, 2013. – 432 с.
6. Торчинов Е.А. Философия китайского буддизма. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 242 с.
7. Jones Br. Ch. Buddhism in Taiwan: Religion and the State, 1660–1990. – Honolulu: University of Hawaii Press Honolulu, 1999. – 260 p.
8. Lalyberte A. The politics of Buddhist Organisations in Taiwan: 1989–2003. Safeguarding the faith, building the pure land, helping the poor. – London and New York, Routledge Curzon, 2004. – 178 p.
9. Madsen R. Democracy's Dharma: Religious Renaissance and Political Development in Taiwan. – Berkeley, University of California Press, 2007. – 194 p.
10. Sheng Yen The Poetry of Enlightenment: Poems by Ancient Chan Masters. – Taibai: Shambala, 2006. – 103 с.
11. Sheng Yen Footprints in the Snow: The Autobiography of a Chinese Buddhist Monk. – Taibai: Double-day Religion, 2008. – 224 p.
12. Xsing Yun Син-юнь. Чаньские беседы / пер. с кит. Е.А. Торчинова, К.Ю. Солонина. – СПб., 1998. – 156 с.

Базарова Лилия Чингисовна, аспирант кафедры истории, археологии и этнографии Бурятского государственного университета. E-mail: liliabazarova@mail.ru

Bazarova Lilia Chingisovna, postgraduate student of History, Archeology and Ethnography chair, Oriental studies department, BSU. E-mail: liliabazarova@mail.ru

УДК 614+947.1/9

© В.Б. Балдоржиева

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЗАКАМНЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматривается история становления медицины, учреждений здравоохранения в отдаленном Закаменском районе.

Ключевые слова: история медицины, здравоохранение, эпидемические заболевания, лечебно-профилактические учреждения, советская медицина.

HISTORY OF THE HEALTHCARE DEVELOPMENT IN THE ZAKAMNA AT SOVIET PERIOD

The article examines the history of the medicine formation and healthcare institutions in remote Zakamensk region.

Keywords: *the medicine history, health care, epidemic diseases, medical institutions, Soviet medicine.*

История возникновения и развития медицины в Бурятии, учреждений здравоохранения представляет большой научный и практический интерес. Впервые она изложена в таких изданиях, как «История Бурят-Монгольской АССР» (Т. 1, 2. 1954 и 1959 гг.), «Очерки истории культуры Бурятии» (1972) и в книгах В.Р. Бояновой, министра здравоохранения по истории здравоохранения Бурятии (1948–1963 гг.) [1-4], а также статьях Л.Д. Мадыевой, министра здравоохранения БурАССР с 1966 по 1987 г. Кроме того, председатель научного общества историков медицины Бурятии Д.Б. Батоев издал серию книг и статей [5-10]. В книге Д.Б. Батоева, С.Д. Батоева, Т.Д. Дугаржаповой «История здравоохранения Бурятии (конец XVIII в. – 1960-е гг.)» изучена и последовательно изложена история формирования кадров здравоохранения Бурятии. Министерством здравоохранения Республики Бурятия издан сборник, где дан экскурс в его историю, показаны судьбы работников здравоохранения, освещены результаты диагностики, лечения и профилактики заболеваний.

История становления здравоохранения в Закаменском районе в контексте формирования государственной системы советского здравоохранения также получила освещение в ряде изданий.

Она была отражена в книгах канд. ист. наук, заслуженного деятеля науки РБ Б.Ш. Доржиева «Закамна. Исторический очерк» (1993), «История Закамны» (1997), «Закамна на рубеже XX–XXI вв.» (2007), отдельных статьях бывших главных врачей Закаменской районной больницы А.А. Жиряковой (1963–1975), Б.Н. Намдакова (1976–1989), главного врача А.Д. Доржиева (2002 г. по настоящее время). К 80-летию образования Закаменского района под руководством кандидата исторических наук, председателя общества историков медицины Бурятии Д.Б. Батоева издан сборник статей по развитию здравоохранения района, которые посвящены отдельным периодам истории и группам работников здравоохранения.

Становление медицины и здравоохранения в Закамне, как и всего советского здравоохранения, происходило в своеобразных политических и социально-экономических условиях.

Становление государственной системы советского здравоохранения было обусловлено политической государством. Руководствуясь большевистской

доктриной, советское правительство боролось с ликвидацией эпидемий, проводило работу по организации лечебно-профилактической и санитарно-гигиенической помощи и развитию сети медицинских учреждений. При работая с местным населением советские специалисты демонстрировали бескорыстность и интернационализм, пропагандируя ценности социалистического строя [11].

До революции в Закаменском районе не было медицинских учреждений, хотя были пограничные станицы, где работали ротные фельдшера. К сожалению, информация об их деятельности не найдена.

Насущными задачами здравоохранения района, как и республики в целом, являлось улучшение лечебно-профилактической и санитарно-просветительной работы среди населения, особенно сельского, охрана здоровья и женщин-матерей, усиление борьбы с социальными болезнями, расширение специализированной помощи. Требовалось улучшить акушерскую помощь в селах и улусах, продолжить начатое строительство лечебных учреждений, развивать курортное и санитарное дело [12].

Первое лечебное учреждение в Закаменском районе основано в 1927 г. в с. Цакир, который был районным центром до 29 июля 1959 г. Стационар был организован только 15 июня 1929 г. на 10 копеек, где оказывали гинекологическую, глазную, венерологическую помощь [13]. Работал один врач. При амбулатории также была открыта аптека и клиническая лаборатория. В с. Цакир в 1930 г. началось строительство типовой районной больницы, было израсходовано 45 тыс. рублей [14].

Организация работы стационарной помощи по трем основным направлениям: гинекологической, глазной и венерологической была весьма актуальной. Поскольку в 1920–1930-е годы прошлого столетия стали началом планомерного наступления советского здравоохранения на заболеваемость сифилисом в Республике Бурятия, в том числе в Закаменском районе. Эпидемиологическая ситуация по сифилису в Закамне, как и во всех районах Бурятии, тогда была угрожающей. Так, по данным профессора дерматовенеролога Я. Халенина (г. Екатеринбург), в 1913 г. в Бурятии были больны сифилисом 42% населения. За 1923 г. в республике было зарегистрировано

9000 больных сифилисом. Это не говорит об истинной картине заболеваемости из-за малочисленности учреждений здравоохранения. Цифра выявленных больных должна быть увеличена как минимум в 2-3 раза. С открытием Верхнеудинского кожно-венерологического диспансера (1924) были организованы обследовательские отряды по борьбе с венерологическими заболеваниями. Открылось 9 венпунктов в Бурятии, в т.ч. в с. Цакир. Он находился в помещении районной амбулатории, занимал одну комнату на 5 коек, что составило 50% от общего числа коек [15]. Это позволило снизить заболеваемость сифилисом в 4 раза в районе, а в республике с 1923 по 1940 г. в 62 раза. В Закаменском районе к концу 1960-х гг. больных с активными проявлениями сифилиса не регистрировала вообще, а регистрировались единичные случаи скрытого сифилиса, нейросифилиса, сифилиса висцерального, позднего врожденного сифилиса (последний случай был в 1970 г.) [16].

Тяжелые условия жизни бурят были причинами массового распространения многих заболеваний. Кочевой образ жизни, нищета, антисанитария способствовали распространению инфекционных заболеваний вообще и глазных в частности. Так, по степени распространения трахомы среди бурят в 1926 г. республика относилась к группе областей с высокой заболеваемостью [17, с. 31]. Нарком здравоохранения Бурят-Монгольской АССР А.Т. Трубочеев в 1923 г. писал: «...глазная помощь в республике совершенно отсутствует. Во всей республике нет ни одного глазного врача, ни одной глазной койки, что при наличии громадного количества трахоматозных больных и других заболеваний ставит перед республикой и Бурконзд-

равом задачу срочной организации указанной помощи» [17, с. 33].

Процесс рождения детей происходил на дому, причем без какой-либо медицинской помощи, оставалась высокой детская смертность, особенно на первом году их жизни. По данным некоторых исследователей, смертность достигла свыше 50%, явилась следствием социальных болезней и некультурности быта. Неблагоприятное санитарное состояние наряду с примитивностью жилищ и полнейшей неблагоустроенностью населенных мест способствовало замедленному естественному росту бурятской народности. Отсутствие данных регистрации актов рождения и смертности среди бурят не позволяет дать цифры, характеризующие рождаемость и смертность в дореволюционное время [18]. Таким образом, первоочередной задачей являлась охрана материнства и младенчества – ограждение здоровья беременной женщины, а с ней и младенца.

Лечебно-профилактическая сеть являлась основной базой для развития мероприятий во всех областях здравоохранения. Поэтому внимание здравоохранения заострилось на организации и укреплении лечебно-профилактической сети [19]. В целом показатели сети учреждений здравоохранения Закаменского района свидетельствуют о том, что за три года достигнуты неплохие результаты, а именно: количество коек увеличилось в два раза (с 10 до 20), открыты врачебные амбулатории, женско-детские консультации, соответственно увеличилось количество врачей на 3 человека (1929 г. – 2; 1931 г. – 5) и среднего медицинского персонала на 4 (1929 г. – 3; 1931 г. – 7) (табл. 1).

Таблица 1

Сеть учреждений здравоохранения Закамны за 1929–1931 годы

	1929					1930					1931				
	Количество		Численность персонала			Количество		Численность персонала			Количество		Численность персонала		
	Учреждений	В них коек	Всего	В том числе		Учреждений	В них коек	Всего	В том числе		Учреждений	В них коек	Всего	В том числе	
		Врачи		Средний мед. персонал	Врачи				Средний мед. персонал	Врачи				Средний мед. персонал	
Больницы	1	10	6	1	1	1	15	9	1	3	1	20	13	2	3
Врачебные амбулатории	-	-	-	-	-	1	-	3	1	1	1	-	3	1	1
Фельдшерские пункты	1	-	2	-	1	1	-	2	-	1	1	-	2	-	1
Вендиспансеры и пункты	1	-	3	1	1	1	-	3	1	1	1	-	3	1	1
Женско-детские консультации	-	-	-	-	-	1	-	3	1	1	1	-	3	1	1

Закаменский район – 85 лет. Юбилейный стат. сб. № 01-01-21/Бурятстат. – Улан-Удэ, 2012. – 41 с.

В 1935 г. в районе функционировали Цакирская районная больница на 40 коек, Санагинская и Михайловская врачебные амбулатории, Енгорбойский фельдшерский пункт, Мыло-Бортойский и Улекчинский акушерские пункты. Был организован фельдшерский пункт на Вольфрамном руднике «Джидастрой» [20].

Большая работа была проведена по организации медицинской помощи сельскому населению. В предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны в каждом сельсовете действовал фельдшерский пункт. Фельдшер и санитарка обслуживали все населенные пункты одного сельсовета. Следует отметить, что в годы первоначального становления здравоохранения Бурятии не все жители отдаленной Закамны владели русским языком. Фельдшеры и врачи, приезжавшие работать в больницы и медицинские пункты Закамны, в основном были специалисты, не знающие бурятского языка. Поэтому стала проблема общения местного населения с медицинским персоналом. Необходимы были переводчики. Такими переводчиками становились санитарки, которых подбирали из числа местного населения, владеющих русским языком. К примеру, улусы Зимка, Хурай-Цакир, Улентуй, Дархинтуй Бур-Цакирского сельсовета обслуживала фельдшер З.И. Арянинова и санитаркой работала Цырен Пылжитова.

С окончанием Великой Отечественной войны перед органами здравоохранения страны встали новые задачи. В целях улучшения медицинского обслуживания населения и устранения разрывов между стационарной и амбулаторно-поликлинической помощью в соответствии с приказом министерства здравоохранения СССР за № 431 от 24 октября 1947 г. в стране было начато объединение больниц и поликлиник. К концу 1950 г. реформа была практически завершена. Вместе с тем реформа со всей очевидностью выявила необходимость пересмотра всей сети учреждений здравоохранения. Новая номенклатура и типовые категории учреждений здравоохранения были утверждены приказом Министерства здравоохранения СССР № 870 от 21 ноября 1949 г. В соответствии с этим приказом в начале 1950 г. специальной комиссией МЗ РСФСР был разработан и утвержден план реорганизации сети учреждений здравоохранения Б-МАССР. Согласно этому плану была пересмотрена коечная сеть участковых и аймачных больниц; в штаты аймачных больниц дополнительно введены должности хирургов, терапевтов, акушеров-гинекологов, фтизиатров, венерологов [21]. В результате проведенных мероприятий повысилась обеспеченность населения больнич-

ными койками. Если в 1948 г. в Закаменском аймаке имелось 3 амбулатории, 7 фельдшерских, акушерских участков, два колхозных родильных дома, два венерических пункта, две больницы (одна из них в Цакире) [22], то в 1953 г. в районе работали 11 фельдшерских пунктов и 2 колхозных родильных дома. Цакирская районная больница располагала 35 койками, Санагинская – 15, Михайловская – 5. Функционировали Гуджирская и Баянгольская больницы по 10 коек, в них работали 4 терапевта, 2 педиатра, один акушер-гинеколог, хирург [23].

Расширение сети медицинских учреждений в послевоенные годы потребовало новых медицинских кадров средней и высшей квалификации. Так, в 1948 г. в Закаменском аймаке работали 6 врачей, а в 1955 г. – 39. В 1955 г. в г. Городок Закаменского района работало по штату 18 специалистов: 2 акушера-гинеколога, 2 хирурга, 4 терапевта, педиатр, венеролог, фтизиатр, окулист, невропатолог, 2 санитарных врача, 2 стоматолога, врач-инфекционист. Еще не было врача-рентгенолога [24].

В целом за период с 1948 по 1955 г. здравоохранение Закамны характеризуется ростом сети медицинских учреждений, улучшением кадрового обеспечения, совершенствованием форм и методов медицинского обслуживания населения.

Большое внимание руководителями здравоохранения уделялось оказанию медицинской помощи детскому населению. В 1958 г. в г. Городок было развернуто 20 детских коек, в 1959 г. увеличили до 25 коек, а в 1961 г. расширили до 30 коек.

В 1960-е гг. в Закаменском районе, как и в республике, была завершена организация государственной системы советского здравоохранения, основанная на принципах общедоступности и бесплатности. Она имела профилактическое направление, проводилась широкая диспансеризация населения [25].

К концу 1960-х гг. в районе действовала центральная районная больница, поликлиника, стоматологическая служба, функционировали противотуберкулезный и кожно-венерологический диспансеры, родильно – гинекологическое и инфекционное отделения.

Таким образом, в ходе формирования и развития государственная система советского здравоохранения Закаменского района в 60-е гг. XX века добилась больших успехов. Она превратилась в развитую систему лечебных санитарно-профилактических учреждений с квалифицированными кадрами и надежно обеспечивала охрану здоровья населения и санитарное благопо-

лучие района. Советское государство рассматривало народное здоровье как общественное богатство, самое ценное национальное достояние. Советская медицина была призвана посредством развития профилактических мероприятий оказывать непосредственную лечебную помощь.

Литература

1. Боянова В.Р. Краткий очерк развития здравоохранения Бурятии. – Улан-Удэ, 1993. – 60 с.
2. Боянова В.Р. На страже здоровья народа. Бурят-Монголия к 40-летию Октября: сб. ст. – Улан-Удэ, 1957. – С. 185-203.
3. Боянова В.Р. На страже здоровья трудящихся Бурятии // Бурятия шагает в будущее. – Улан-Удэ, 1963. – С. 127-139.
4. Боянова В.Р. Развитие здравоохранения города Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 58 с.
5. Батоев Д.Б. Люди в белых халатах. – Улан-Удэ, 2000. – 130 с.
6. Батоев Д.Б. Очерки о медиках Аги. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. – 324 с.
7. Батоев Д.Б. Первое медицинское училище в Бурятии // Фельдшер и акушерка. – 1970. – № 9. – С. 50-53.
8. Батоев Д.Б. Первый доктор кяхтинских бурят. – Улан-Удэ, 1998. – 85 с.
9. Батоев Д.Б. Сподвижники здравоохранения. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. – 128 с.
10. Батоев Д.Б., Маланов К.Ж., Козьменко Л.А. Улан-Удэнский медицинский колледж им. Э.Р. Раднаева // Избранные вопросы истории медицины Бурятии. – Улан-Удэ, 2001. – С. 57-65.
11. Башкуев В.Ю. Медико-географическая характеристика Хэнтэйского аймакам Монголии в очерке советского врача И.А. Охотникова (середина 1930-х гг.) // Вестник БНЦ СО РАН. – 2012. № 1 (5). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – С. 210-211.
12. Из истории развития здравоохранения Республики Бурятия // 80 лет на страже здоровья: сб. ст.: в 2 ч. / отв. ред. В.В. Кожевников. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. – Ч. 1. – С. 15.
13. НАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 1705. Л. 121.
14. НАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 1123. Л. 63.
15. НАРБ. Ф. Р-196. Оп.1. Д.1705. Л. 41.
16. Сулима А.В. Кожно-венерологический диспансер / Из истории здравоохранения Закаменского района: К 80-летию образования Закаменского района. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2007. – С. 69.
17. Боянова Н.Б. Офтальмологическая помощь в Бурятии // Материалы III Респ. науч.-практ. конф. врачей Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. – Улан-Удэ, 1975. – С. 31, 33.
18. Трубочеев А.Т. Здравоохранение в дореволюционное время // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. – М.; Л., 1935. – Т. II. – С. 352.
19. Трубочеев А.Т. Состояние и перспективы здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. – М.; Л., 1935. – С. 353.
20. НАРБ. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 520. Л. 13.
21. Касаткина О.В. Здравоохранение Бурятии в 1946–1955 гг. // Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Л.Д. Мадыевой (г. Улан-Удэ, 15 марта 2002 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. – С. 93-94.
22. Из истории Закаменского района. По документам Национального архива Республики Бурятия 1927–1960 гг. – Закаменск, 2002. – С. 155.
23. НАРБ. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 605. Л. 8.
24. НАРБ. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 293. Л. 2.
25. Батоев Д.Б., Батоев С.Д., Дугаржапова Т.Д. История здравоохранения Бурятии (конец XVIII в. – 1960-е гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2004. – С.142.

Балдоржиева Василиса Батомункуевна, аспирант кафедры теологии и религиоведения Бурятского государственного университета. E-mail: Bagz2010@mail.ru

Baldorzhieva Vasilisa Batomunkuevna, postgraduate student, Buryat State University. E-mail: Bagz2010@mail.ru

УДК 371: 325 (510)

© **О.М. Барлукова, Пэн Лин**

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ СЕЛЬСКИХ МИГРАНТОВ В КИТАЕ

В статье раскрываются проблемы образования детей рабочих-мигрантов, проживающих в сельских и городских районах. Основной проблемой обязательного образования в Китае для детей мигрантов стала система регистрации, обеспечивающая социальные гарантии по месту прописки.

Ключевые слова: дети рабочих-мигрантов, образование детей мигрантов, система прописки.

TO A QUESTION ON THE EDUCATIONAL PROBLEM OF LABOR MIGRANT'S CHILDREN IN CHINA

The article examines in details the educational problem of labor migrant's children in rural and urban areas. The main problem of compulsory education for migrants' children in China is the system of registration, providing social benefits only at the place of residence.

Keywords: labor migrant's children, education of migrants' children, the system of registration.

В Китае во второй половине 1970-х гг. в результате осуществления политики реформ и открытости были осуществлены глубокие экономические преобразования, обусловившие повышение уровня жизни населения. Несмотря на это, доходы городских семей, по-прежнему, существенно превышают сельские.

Для повышения уровня доходов многие сельские семьи вынуждены искать различные способы заработка и чаще всего это приводит к миграции из сельской местности в города и пригородные промышленные районы. Этому способствовало увеличение государственных инвестиций в область инфраструктуры и городского строительства, а также вложение денег иностранными инвесторами в промышленные предприятия в начале 1990-х гг.

Многие мигранты в городах заняты в сфере обслуживания, занимаются строительством, работают на заводах, открывают небольшие магазины или арендуют помещения для продажи.

Мигранты определяются специалистами как крестьяне, переехавшие в крупные города, задействованные во вторичном и третичном секторе экономики (промышленном секторе и сфере обслуживания) [1, с. 165], в то же время имеющие арендованный плодородный участок земли в деревнях, приносящий им небольшой доход [2, с. 1798].

Перемещение сельского населения в города – это сложный демографический процесс, который открывает как новые возможности, так и порождает проблемы для мигрантов и их детей.

В Китае уже более 30 лет наблюдается постоянный поток мигрантов, переезжающих из сельской местности в городскую, из них десятки миллионов имеют несовершеннолетних детей, которых можно подразделить на две категории: дети, оставленные в деревне с родственниками, и дети, переехавшие вместе со своими родителями.

По данным шестой переписи населения Китая за 2010 г., число детей, оставленных родителями-мигрантами в деревне, достигло 61,02 млн, что составляет 37,7% от общего количества сельских детей или 21,88% от количества всех детей Китая. По сравнению с переписью 2005 г.

количество таких детей (58,61 млн) за 5 лет возросло на 2,42 млн. По сведениям мониторинга, количество оставленных детей в возрасте от 0 до 5 лет к 2010 г. достигло 23,42 млн, от 6 до 11 лет – 19,53 млн, от 12 до 14 лет – 9,95 млн, от 15 до 17 лет – 8,13 млн. [3]. Больше количество оставленных детей в деревнях в 2005 г. наблюдалось в провинциях Сычуань (79,26 млн), Аньхуэй (57,08 млн), Хэнань (48,03 млн), Гуандун (43,12 млн) [8, с. 19].

Основными причинами, по которым дети остаются в деревне с родителями мигрантов или другими родственниками, являются:

1) занятость мигрантов на работе, в связи с чем у них не хватает времени на воспитание детей;

2) большие вступительные денежные сборы в городских государственных школах для детей мигрантов. В Китае дети имеют возможность бесплатно посещать детсады и обучаться в государственных школах только по месту прописки;

3) низкая заработная плата, постоянная необходимость отправлять деньги родителям;

4) жилищная проблема. Основная часть мигрантов арендует недорогое жилье, проживание в котором вместе с детьми крайне неудобно.

Социализация детей мигрантов в современном Китае сопровождается проблемами, связанными со здоровьем и образованием, при этом они возникают независимо от места их проживания.

Для многих детей, оставшихся в деревне, одной из основных проблем становится низкая успеваемость в школе. К примеру, в провинции Сычуань она была выявлена у 48% детей. Большая часть учителей (78,4%) считает, что успеваемость детей снижается после того, как родители уезжают на заработки [9, с. 25]. Дети, оставшиеся без присмотра родителей, не имеющие мотивации к учебе, не занимаются и пропускают уроки. Лишь малая доля школьников осознает необходимость в учебе и старается учиться хорошо, чтобы не обременять родителей своими проблемами.

У детей, воспитывающихся без родителей, наблюдаются также психологические проблемы, т.к. они чувствуют себя брошенными. Такие де-

ти чаще всего замкнуты, раздражительны, не уверены в себе. Чем младше дети, тем ярче у них в будущем выражаются данные черты характера. У них в целом ниже уровень нравственного развития, что повышает склонность к девиантному поведению: курению, употреблению наркотиков, воровству и т.д.

Таким образом, у детей, проживающих в деревне без обоих родителей, характер сложнее, успеваемость в школе ниже, неудовлетворенность своей жизнью больше [5, с. 39]. Для обеспечения возможности детям расти с родителями правительству Китая необходимо предоставить сельским мигрантам и их детям равные социальные гарантии с городскими жителями.

Для детей, переехавших на новое место проживания вместе со своими родителями, основной проблемой стало поступление в школу и, следовательно, получение образования. В Китае система прописки ограничивает доступ сельского населения к некоторым преимуществам городов и услугам социального обеспечения, таким как здравоохранение, страхование служащих и получение детьми бесплатного государственного образования.

Следствием системы регистрации для детей явилось распределение школьных мест. Дети, переехавшие с родителями на новое место, часто не могут поступить в местную школу, т.к. количество мест и их финансирование рассчитано из количества прописанных в данной местности детей. Вследствие чего родители вынуждены вносить вступительные и дополнительные денежные сборы в государственные школы. Вступительные сборы – это крупная сумма денег для малообеспеченных рабочих. Многие мигранты не в состоянии их оплачивать. Хотя Центральное правительство запретило сборы в начальных и средних школах, многие школы обходят этот запрет.

Семьи мигрантов, не имеющие возможности внести денежные сборы, устраивают своих детей в частные школы для детей мигрантов, где оплата значительно ниже. Однако в частных школах есть свои недостатки. Уровень образования там ниже, чем в государственных образовательных учреждениях. Это объясняется несколькими причинами, одна из которых, заключается в том, что большое количество школ являются не лицензируемыми. Например, в Пекине из 300 частных школ, только 63 имеют лицензии. Другой причиной послужила невысокая заработная плата учителям за большую учебную нагрузку, которая повлекла за собой некачественное преподавание.

Не лицензируемые школы для детей мигрантов существуют за счет платы за обучение и на пожертвования. Преподавание в таких школах ограничено тремя-четырьмя предметами: чтение, письмо, математика и английский язык, что отражается на дальнейшем развитии детей. Ограниченность предметов, а также обучение в не лицензируемых школах не дает право детям на поступление в вузы.

Некоторые дети в городах не ходят ни в государственные, ни в частные школы из-за неспособности родителей оплачивать учебу. Закон об образовании детей гарантирует обязательное девяти-летнее образование с 6 лет. Образование для детей-мигрантов, как показывает практика, не всегда гарантировано. По оценкам на 2012 г., в Пекине не посещали школу 3,5% детей-мигрантов, в Шанхае – 5,1%, в Гуанчжоу – 5,3%, в то время как в среднем по стране доля детей-мигрантов, не посещающих школу, составила 2% [7].

Более того, в связи с занятостью родителей на работе, дети не получают должного внимания со стороны родителей. Осложняется эта проблема и тем, что родители имеют низкий культурный уровень, что затрудняет помощь детям в учебе, и по причине трудного финансового положения детям не покупают дополнительные учебные материалы, книги и учебники.

Образование детей мигрантов стала одной из основных проблем в стране. Правительство Китая уделяет большое внимание поиску путей ее решения. Начиная с 1998 г. осуществлен ряд образовательных реформ, согласно которым городские школы обязаны принимать детей мигрантов. Новая образовательная политика натолкнулась на сопротивление местных властей и в настоящее время полностью зависит от проводимой политики на местном муниципальном уровне. Отсюда следует, что выполнение образовательной политики варьируется от города к городу. Необходимо учитывать, что трудящиеся мигранты вносят большой вклад в экономическое развитие города, что должно позволять им в соответствии с единством прав и обязанностей налогоплательщиков иметь доступ к городским социальным услугам, в том числе и к получению бесплатного образования их детьми. Теоретически дети мигрантов имеют право на получение обязательного школьного образования, однако возникающие противоречия в системе образования приводят к многочисленным препятствиям на их пути, осложняют процесс последующего трудоустройства.

Используя опыт социологов, политологов, философов, можно предложить ряд следующих мер:

1. Выработать единый закон об образовании детей.
2. Разрешить детям мигрантов обучаться в школах по месту жительства.
3. Увеличить финансирование образования, способного принять детей мигрантов.
4. Начать финансирование школ из местного и центрального бюджета.
5. Устранить необоснованные вступительные сборы в государственные школы.
6. Поддерживать и поощрять развитие частных школ.
7. Провести реформу системы регистрации.
8. Необходимо развивать экономику в сельской местности для того, чтобы обеспечить людей рабочими местами и уменьшить миграцию населения.

Литература

1. 夏艳芳。农民工问题研究综述//现代农业科技。2007年12期。

Барлукова Ольга Михеевна, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета. E-mail: Olga-2b@yandex.ru

Пэн Лин, доцент, преподаватель Восточного факультета Бурятского государственного университета. E-mail: Peng_ling2002@126.com

Barlukova Olga Mikheevna, assistant of the Department of philosophy of BSU. E-mail: olga-2b@yandex.ru
Peng Ling, doct. of history science. Teacher of Oriental faculty of BSU. E-mail: Peng_ling2002@126.com

УДК 332.146.(571+520)

© И.К. Ботоев

ОБРАЗЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ВЗГЛЯД ЯПОНСКОГО БИЗНЕСА

В статье рассматриваются особенности инвестиционного климата Сибири и Дальнего Востока России с точки зрения современного состояния и перспектив развития российско-японских экономических отношений.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, Япония, бизнес, образ.

I.K. Botoev

IMAGE OF SIBERIA AND FAR-EASTERN RUSSIA: FROM THE VIEWPOINT OF JAPANESE BUSINESS

This article is devoted to the case analysis for domestic investment climate in Siberia and Russian Far-East from the viewpoint of the current status of the Russian-Japanese economic relationships.

Keywords: Siberia, Far East, Japan, business, image.

В апреле 2012 г. состоялся первый за последние 10 лет официальный визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Россию. Наряду с договоренностями о возобновлении переговоров по вопросу о подписании мирного договора между двумя странами стороны также достигли соглашения о необходимости дальнейшего укрепления экономического сотрудничества. Лидеры России и Японии договорились о совместном освоении сибирских и дальневосточных регионов России, сотрудничестве в области разви-

2. 熊猛叶一舵。中国城市农民工子女心理健康研究述评//心理科学进展。2011年第12期。

3. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-05/10/c_115720192.htm

4. China Academic Journal Electronic Publishing House. – URL: <http://www.cnki.net>

5. 范兴华, 方晓义, 刘勤学, 刘杨。流动儿童、留守儿童与一般儿童社会适应比较//北京师范大学学报2009年第5期。

6. Hongwei Xu, Yu Xie. The casual effects of rural to urban migration of children's wellbeing in China. – URL: <http://www.psc.isr.umich.edu/pubs/pdf/tr13-798.pdf>

7. URL: <http://www.clb.org.hk/en/content/migrant-workers-and-their-children>

8. 段成荣,杨舸。我国农村留守儿童状况研究//人口研究。2008年第3期第32卷。

9. 王章华, 黄丽群。农村留守儿童教育问题研究综述//问题与思考。2009年第1期。

возможным более активное привлечение японского капитала в отстающие в экономическом развитии регионы Сибири и Дальнего Востока.

По информации японского банка данных «Тэйкоку», на июль 2013 г. в России было зарегистрировано 239 представительств японских компаний, большая часть которых ведет бизнес в сибирских и дальневосточных регионах. Основными игроками являются крупные производственные и торговые бизнес-структуры, доля которых составляет 70,3% от общего количества представителей японского капитала. 20,8% компаний имеет центральные офисы в Приморье, Хабаровском крае и Сахалинской области. Результаты визита японского премьер-министра Синдзо Абэ позволяют сделать предположение о быстром росте японского бизнеса именно в малоосвоенных сибирских и дальневосточных районах России.

В январе 2012 г. в Москве состоялся круглый стол с участием руководителей российских представительств крупнейших японских компаний. Основной темой обсуждения стали геополитические аспекты и перспективы экономического развития Сибири и Дальнего Востока России с точки зрения крупного японского бизнеса. В работе круглого стола приняли участие представители таких лидеров японской экономики, как «Сумитомо Седзи», «Марубени», «Японский банк международного сотрудничества JBIC», «Содзицу», «Мицубиси Седзи», «Тойота Цусе», «Комацу», «Ито-тэ Седзи» и «Мицуи Буссан».

Участники дискуссии единодушно отметили наличие таких положительных тенденций в развитии российской экономики, как устойчивый рост ВВП, снижение инфляции, повышение потребительского спроса. Было особо отмечено улучшение большинства макроэкономических показателей именно на фоне общей стагнации в мировой экономике. Согласно последним прогнозам Международного валютного фонда, к 2020 г. Россия должна занять четвертое место в мире по размерам ВВП после Китая, США и Японии. К сожалению, по мнению большинства участников круглого стола, это слишком оптимистичный прогноз. Высокий уровень рисков геополитического и экономического характера в обозримом будущем не позволит России поддерживать прежний рост бурно развивающейся экономики. Террористические угрозы, международные и межконфессиональные конфликты наряду с высоким уровнем бюрократизации органов власти и несовершенством налоговой системы вызывают особую озабоченность у японских предпринимателей.

Недовольство россиян резко возросшим за последнее время уровнем коррупции во всех эшелонах власти и административном аппарате государственных корпораций может привести к повышению социально-политической активности населения с последующими негативными последствиями для иностранного бизнеса. С другой стороны, антикоррупционная составляющая оппозиционного движения, по мнению японских экспертов, может послужить толчком для дальнейшего развития застоявшихся экономических реформ и модернизации экономики России. Адекватная оценка и соответствующая ей реакция российских властей на данные процессы в обществе станет важным показателем, на который будут ориентироваться иностранные инвесторы.

Основной причиной для подобных опасений является существенная зависимость экономики России от мировых цен на углеводородное сырье. Высокие цены на нефть и газ в начале 2000-х гг. позволили России достичь некоторой стабильности в экономике и обществе в целом, но гарантий на возможность поддержания выгодных цен не существует. Вследствие «революции сланцевого газа» в США и неустойчивой ситуации в арабских странах экспорт природного газа из России в Европу сократится, что приведет к неизбежным финансовым потерям. Однако эти потери частично могут быть восстановлены путем увеличения поставок углеводородного сырья в такие страны, как Китай, Япония, Корея, Тайвань, а также в страны Юго-Восточной Азии. В отношении Японии особый акцент должен быть сделан на производстве и экспорте сжиженного газа в рамках проектов «Сахалин-2» и «Сахалин-3».

В качестве не менее существенного фактора, препятствующего увеличению присутствия японского капитала в экономике Сибири и Дальнего Востока России, была названа проблема непривлекательности инвестиционного климата в данных регионах. Вступление России в ВТО может способствовать созданию более благоприятных условий для иностранных инвестиций, особенно в области автомобилестроения, машиностроения и производства электроники. Тщательно продуманные меры российского правительства по совершенствованию системы дифференцированного налогообложения и созданию особых экономических зон смогут повысить доверие иностранных партнеров к российскому бизнесу.

По общему мнению выступающих, отрицательное влияние на развитие экономических отношений между Россией и Японией оказывает преобладание государственного сектора в российской экономике, а также высокий уровень бюрократизации управленческих и контролирующих

органов государства. Но даже сохранение высокой доли государственного участия в экономической деятельности позволит вести успешный бизнес при обязательном условии изменения делового мышления субъектов коммерческой деятельности в отношении условий создания конкурентной среды. Не менее важным станет и принятие срочных мер по упрощению различных бюрократических процедур в процессе регистрации и ведения бизнеса, получения рабочих виз и квот для высококвалифицированных иностранных сотрудников управленческого звена.

Другим важным результатом дискуссии стало единодушное признание особой роли сибирских и дальневосточных регионов в развитии российско-японских экономических отношений. Результаты деловой активности компаний-участников круглого стола доказывают тот факт, что даже в условиях глобального экономического спада ресурсы Сибири и Дальнего Востока России позволяют японским компаниям вести успешный бизнес. Для японского бизнеса предоставляется прекрасный шанс наверстать упущенные возможности, которые стали результатом чрезмерно осторожной и долговременной компании оценки потенциала российского экономического пространства.

К огромному сожалению участников круглого стола, очень медленно продвигаются процессы, запущенные в результате достигнутых в 2007 г. договоренностей между президентом Владимиром Путиным и премьер-министром Синдзо Абэ. Этот фактор может вызвать скептическое отношение представителей японского бизнеса и к результатам саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке. Одними из основных итогов работы этого авторитетного международного форума как раз должны стать изменение вектора развития России в сторону азиатского направления и повышение внимания российских властей к интенсивному развитию сибирских и дальневосточных регионов страны.

Повышающаяся из года в год активность китайского бизнеса на востоке России также вызвала определенные опасения у представителей японского капитала. Особый интерес Китая к природным богатствам Сибири и Дальнего Востока, имеющий очень глубокие исторические корни, уже в ближайшее время может стать серьезной проблемой для японских инвестиций. Успешный ход российско-китайских переговоров по территориальным проблемам придаст еще более мощный импульс для расширения китайского присутствия на сибирском и дальневосточном рынке. Китайские компании уже заняли прочные позиции в стратегически важных

отраслях российской экономики, связанных с лесопереработкой, добычей минерального сырья и освоением энергетических ресурсов. Японским компаниям предстоит очень серьезная конкурентная борьба в данных направлениях инвестиционной деятельности.

Несмотря на осознание российскими властями важности сибирских и дальневосточных регионов, по мнению представителей японского бизнеса, центральное правительство по-прежнему уделяет недостаточное внимание решению проблем этих удаленных от центра территорий. Государственный управленческий аппарат, основные органы которого сконцентрированы в столице, не может в полной мере осуществлять контроль и руководство над всеми политическими и экономическими процессами на гигантских просторах к востоку от Урала. Неравномерное в пользу западной части страны размещение производственных мощностей делает положение Сибири и Дальнего Востока еще более невыгодным для иностранных инвестиций. Единственная транспортная артерия в виде Транссибирской магистрали, которая должна обеспечить экономические связи центральных и периферийных регионов России, не справляется с возложенными на нее функциями. Работы же по строительству альтернативных путей сообщения продвигаются не столь быстро, как это требуют интересы России и ее иностранных экономических партнеров.

Недостаточная развитость логистической системы в приграничных районах Сибири и Дальнего Востока не позволяет осуществлять в необходимой мере транспортные перевозки как товаров из России, так и обратный поток оборудования и материалов, необходимых для строительства различных объектов производства на территории самой страны. Наряду с этим, японские компании-производители автомобильной и строительной техники уже ощутили острую необходимость в развитии инфраструктуры, обеспечивающей не только выпуск конечной продукции, но и ее последующее сервисное обслуживание. Участники дискуссии отметили и тот факт, что сырьевая направленность российской промышленности особенно заметна именно в сибирских и дальневосточных регионах страны. Увеличивающиеся объемы добычи природных ресурсов должны сопровождаться их дальнейшей переработкой внутри страны, что опять же сможет создать новые возможности для экономического сотрудничества России и Японии.

Немало вопросов у японских бизнесменов вызывает и демографический аспект экономического развития удаленных регионов России. Отрица-

тельные демографические показатели в долгосрочной перспективе могут стать серьезной проблемой для продолжения японских инвестиций в российскую экономику. К тому же, имеющиеся производственные мощности в восточной части страны не могут в полной степени обеспечить трудоустройство и без того небольшого населения этих регионов. Этот фактор, в свою очередь, может привести к проблеме острого дефицита высококвалифицированных кадров, столь необходимых для внедрения передовых иностранных технологий.

В последнее время четко прослеживается стремление России отстроить вокруг себя «единое евроазиатское экономическое пространство». Для того чтобы стать его привлекательным центром, Россия должна приложить немалые усилия для изменения своего негативного имиджа в Японии и других партнерских странах. Наряду с мерами, ожидаемыми от российской стороны, участники круглого стола также обсудили круг вопросов, касающихся возможных конструктивных действий самих японских компаний в работе по улучшению российского имиджа и всего делового климата в целом.

Имидж России, сложившийся в Японии в результате длительного противостояния в первой половине XX в., не может не беспокоить потенциальных японских инвесторов. Среднестатистический японский обыватель все еще рассматривает Россию в качестве противника, противостоявшего «Стране восходящего солнца» во время ряда войн и конфликтов на Дальнем Востоке. Особенно это касается регионов Сибири и Дальнего Востока, с их суровыми климатическими условиями и ставшими местом размещения японских военнопленных после Второй мировой войны. Холодная война во второй половине XX в. вновь вынудила Японию и Россию оказаться по разные стороны баррикад. На этот раз Япония выступала на стороне уже бывших своих геополитических соперников во главе с США и противостояла многочисленным соперникам в лице стран бывшего социалистического лагеря. Даже после развала Советского Союза имидж России не претерпел значительных изменений, несмотря на гигантский прорыв в отношении стран Восточной Европы. По мнению представителей японского бизнеса, для изменения негативного имиджа России большую роль могут сыграть и сами японские бизнесмены при обязательной поддержке на официальном уровне.

Примеры успешной работы флагманов японской экономики в Сибири и на Дальнем

Востоке России должны активно освещаться в средствах массовой информации Японии, что может также привлечь новых участников для совместного освоения восточных районов России. Подобные примеры помогли бы изменить чрезмерно осторожное и предвзятое отношение руководства японских компаний к экономическим возможностям российского рынка. Такое отношение является не столь характерными для коммерческих структур США, европейских стран, Китая и Кореи, что и позволило им занять лидирующие позиции в инвестиционной деятельности. В особенной степени это касается мелких и средних компаний из префектур японского побережья, которые уже в течение длительного времени имеют крепкие побратимские связи со многими сибирскими и дальневосточными регионами. Быстро развивающихся в настоящее время культурных и научно-образовательных связей разного уровня уже явно не достаточно.

К тому же многие стереотипы относительно российских экономических реалий, твердо укоренившиеся в сознании японцев, на самом деле не отражают в полной мере истинную картину. Такие проблемы, как гипербюрократизация системы управления, несовершенство законодательной базы, дефицит высококвалифицированных кадров, взяточничество вполне преодолимы путем адаптации особенностей японского бизнеса к российским условиям.

Таким образом, участники круглого стола отметили перспективность российского экономического пространства для широких иностранных инвестиций. Значительные успехи в модернизации экономики в начале двухтысячных годов придали новый импульс процессу интеграции российского бизнеса в мировое экономическое пространство. Для дальнейшего укрепления своих позиций Россия должна приложить максимальные усилия для поддержания прежних темпов экономического роста. Сам факт проведения подобных форумов говорит о высоком уровне заинтересованности японских бизнесменов в развитии российско-японских экономических отношений. Значительное место в стратегических планах японского капитала занимают сибирские и дальневосточные регионы России. Координация действий российского и японского бизнеса при полномасштабной поддержке правительственных кругов обеих стран поможет решить многочисленные проблемы этих экономически малоосвоенных территорий.

Источники

1. URL: <http://www.tdb.co.jp/report/watching/press/p130703.html>

2. URL: http://www.jetro.go.jp/world/russia_cis/ru/reports/07001623

3. URL: http://www.jftc.or.jp/shoshaeye/pdf/201203/201203_11.pdf

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока) в странах Северо-Восточной Азии», проект № 14-03-00439.

Ботоев Игорь Константинович, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета. E-mail: botoev@yahoo.com

Botoev Igor Konstantinovich, associate professor, department of philology of Far East countries, Buryat State University. E-mail: botoev@yahoo.com

УДК 323.1 (519.5)

© Д.И. Бураев, М.Ц. Гармаханов

КОРЕЙСКАЯ ВОЛНА И МЯГКАЯ СИЛА. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ

В статье рассматривается феномен «Корейской волны» в качестве политики Мягкой силы, используемой для развития и распространения национального бренда Южной Кореи.

Ключевые слова: *Корея, мягкая сила, экспорт культуры, политика, ребрендинг, феномен, халлю.*

D.I. Buraev, M.T. Garmahanov

KOREAN WAVE AND SOFT POWER. STRATEGY OF DEVELOPMENT AND DISTRIBUTION

The article is reviewing phenomenon of «Korean Wave» as Soft Power policy that is used to increase the intensity of development and spreading over the world of South Korea's national brand.

Keywords: *Korea, Soft Power, culture export, policy, rebranding, phenomenon, hallyu.*

Согласно определению президента России В.В. Путина, «Soft Power – это комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [3].

Термин Soft Power, который в большинстве случаев переводится на русский язык как мягкая сила, а также изредка как гибкая власть или мягкое влияние, впервые был употреблен Дж. Наем в 1990 г. в книге Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1990, дальнейшее развитие эта теория получила в труде: Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. (в русском переводе Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: ФСПИ Тренды, 2006). Согласно автору термина, мягкая сила – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия всех сторон, а не с помощью принуждения или подачек [7].

Традиционно политика мягкой силы используется государствами, распространяющими свое влияние на другие страны. В качестве примера можно привести ситуацию с международ-

ными отношениями США и Монголии. Если кратко изложить суть этих отношений, то Монголия, в силу своего геополитического положения, а именно – близкого соседства с Россией и Китаем, становится объектом пристального внимания США. Конкуренция в экономической сфере между тремя странами не приводит к однозначному доминированию одной из сторон, исключением является лишь Китай, фактически занявший освободившееся после СССР место. А так как применение жесткой силы может привести к серьезному дисбалансу сил во Внутренней Азии, то такая модель политического воздействия по отношению к Монголии носит в большей степени демонстрационный характер. Так в ответ на монголо-американские военные учения «В поисках Хана» (Khan Quest – 2007, 2008, 2009, 2011) для восстановления стратегического паритета проводятся российско-монгольские и китайско-монгольские учения [2].

В таких условиях для оказания влияния на Монголию США опираются на доктрину мягкой силы. Однако в ответ Россия и Китай с начала 2000-х гг. начинают предпринимать схожие шаги. Так, что конкуренция за экономические ре-

сурсы и политическое влияние в Монголии сопровождается борьбой за языковое пространство, религиозно-идеологическую сферу, образование и коммуникации [2].

Однако в случае с использованием данной доктрины со стороны Южной Кореи нет какой-либо определенной страны-цели для направленного влияния. Правительство Южной Кореи с конца 1980-х гг. оказывало обширную поддержку развитию культурного продукта, и, хотя успех феномена Корейской волны не был изначально запланирован, в начале роста популярности корейской культуры за рубежом корейское правительство сумело разглядеть открывающиеся возможности и воспользоваться ими [8]. В конце 1990-х гг. наблюдалось «Халлю», или «корейская волна» – растущая популярность всего корейского: от моды и фильмов до музыки и кухни. Традиции корейского искусства, ремесел и кухни распространились по всему миру [6].

Корейская волна в корне изменила восприятие и общий национальный образ Южной Кореи. Изначально корейская волна была простым культурным явлением в конкретном регионе, однако рост и влияние значительно превзошли ожидания. Сегодня, Корея имеет, возможно, одну из самых больших историй национального успеха XX в. [1].

Кроме того, у Южной Кореи есть замечательная история в плане привлекательных ценностей. В 1960 г. уровень экономического богатства страны был приблизительно таким же, как у Ганы – одной из наиболее богатых стран Африки, на тот момент недавно получившей независимость. Сегодня две эти страны довольно сильно отличаются друг от друга. За последнюю половину столетия Южная Корея стала 11-й по величине экономикой в мире с доходом на душу населения, достигающим больше 15 000 долларов США. Она присоединилось к ОЭСР и является важным членом «Большой двадцатки». Страна стала домом всемирно известных марок и лидером в освоении Интернета и информационных технологий [6].

Еще более важным является тот факт, что Южная Корея также сумела развить демократическую политическую систему со свободными выборами и мирным переходом власти от одной политической партии к другой. В этой стране хорошо защищены права человека так же, как и свобода слова. Южнокорейцы часто жалуются на беспорядок в их политической системе, а отчет фонда «Хансум» присвоил Южной Корее 16-е место среди стран «Большой двадцатки» в сфере эффективности законодательных дейст-

вий, а также 17-е в вопросах политической стабильности и эффективности [6].

Согласно отчету, «низкие позиции не удивительны, учитывая традиционно сильные столкновения между правящими и оппозиционными партиями по определенным чувствительным вопросам, а также учитывая бесконечные скандалы со взяточничеством, в которых замешаны политики». В то время как улучшение ситуации в этих областях, безусловно, усилило бы позиции Южной Кореи, сам факт наличия открытого общества, способного привести к появлению и обсуждению такой критики, делает Южную Корею более интересной страной [6].

У Южной Кореи оказалось достаточно ресурсов для создания мягкой силы, не сдерживающей ее географических границ, которые препятствовали распространению жесткой силы на протяжении всей истории страны. В результате Южная Корея начинает проектировать внешнюю политику, которая позволит ей играть более важную роль в международных институтах и сетях, необходимых для глобального управления [6].

«Мягкая сила», описанная во множестве научных работ, по сути своей не является инструментом с ограниченным набором функций. Скорее, наоборот, функционал данного средства может проявляться с ранее неизведанных сторон. Так, например, Корее удалось занять нишу основного культурного экспортера на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, которую до нее занимала Япония, со временем утратившая лидерство в данном регионе. И со временем именно Корея становится для западных обывателей неким основным лицом, представляющим Азию. Китай, несмотря на все его могущество в политике и экономике, с середины прошлого столетия все больше теряет интерес обывателя западной цивилизации в области культуры по тем же причинам, что и Япония – чрезмерное наличие «запаха культуры», описанного японским ученым Коичи Ивабуچی (Koichi Iwabuchi) [5].

Запах культуры (Cultural Odor)

По мнению Сейко Ясумото (Seiko Yasumoto), корейский культурный продукт добился огромной популярности именно по этой причине – всякая популярность, основанная на экзотике и (или) необычных культурных особенностях, со временем начинает приедаться и переходит в разряд обыденного, а то и надоедливости, в то время как корейские производители культурного продукта опираются на такие его качества, которые возможны в любой другой стране [9]. Если речь идет о киноиндустрии, то характеры персонажей часто составлены с уче-

том мировых тенденций, а не каких-либо внутренних особенностей национального менталитета и сюжет фильмов мог происходить и в других странах без скидок на особенности южно-корейских реалий.

Япония, пытаясь вернуться на рынок экспорта культуры, предпринимала шаги по созданию контента без особенностей местного менталитета и частично преуспела в этом, как, например, в широко известном анимационном сериале «Покемон», в котором большинство персонажей носило западные имена и сюжет не особо углублялся в любовании японской культурой. Но данный пример лишь один из немногих удачных проектов японских производителей культурного продукта – в дальнейшем данная инициатива пошла на спад и ныне почти вся промышленность Японии по экспорту культуры находится в упадке [9].

Китайская же культура в первую очередь стала популярна на западе, как во всем цивилизованном мире, за счет несколько иных качеств, нежели в свое время стала популярной культура японская.

Если сравнивать ветви развития и распространения национального бренда двух стран, то Япония, начиная с самого начала массовой популярности в мире, использовала собственные национальные особенности во всех отраслях культурного экспорта в полном объеме, в то время как китайский культурный продукт зачастую заключал в себе признаки как западных и восточных культур с преобладанием восточной составляющей. Данную тенденцию возможно проследить начиная с ранних художественных фильмов о восточных единоборствах с участием актеров вроде Брюса Ли.

На фоне соседних представителей культурной экспансии Южная Корея изначально представляла контент, максимально приближенный к тенденциям мировой массовой культуры без особого углубления в какие-либо идиоматические или же локальные культурные особенности [9].

Данная мера «обезличивания» культурного продукта, или же «удаления запаха» внутренней культурной среды, довольно логична в плане долгосрочных перспектив в силу ослабления или же отсутствия культурного отторжения потребителя страны-импортера. Отсутствие выделяющегося «запаха культуры» также позволяет упростить процесс локализации культурных продуктов на другие языки [5].

Но если оставить в стороне теорию о культурном запахе, то что является причиной популярности корейского кино? Официальная корей-

ская точка зрения сводится к фразам типа «авторам в своих работах удается органично соединить Восток и Запад и что главной темой фильмов являются любовь, взаимоотношения людей, воспитание чувства доброты и справедливости сквозь призму собственного восприятия, которое в то же время не разнится ни с чьим другим». Американские телезрители говорят, что корейские фильмы не такие вульгарные и затянутые, как их аналоги в США. «По сравнению с другими фильмами из Азии, корейские кинокартины раскрывают людские жизни и эмоции более точно. Они также показывают особенную корейскую культуру так, как американцы не могли до этого её увидеть» [1].

Данная политика, впрочем, принимаясь основной особенностью, обеспечивающей долгосрочность популярности экспортной культуры Кореи за рубежом, не является единственной стратегической схемой.

Конкурентная реклама

Конкурентные отношения в экономическом мире работают иначе, нежели конкуренция держав в мире политическом. В мире экономики конкурентоспособность является отчетливым сигналом о жизнеспособности и прибыльности дела, тогда как конкуренция стран зачастую ведет к конфликтам и напряженности на гораздо более фундаментальном уровне и может привести как к потере имиджа или падению экономических показателей, так и к человеческим жертвам. Конкуренция между двумя выделяющимися производителями в сфере дистрибуции производимого продукта приводит к тому, что иные конкуренты, предоставившие на рынок менее качественный продукт, остаются в стороне от борьбы.

Для примера можно привести сравнение компьютеров компании Apple с компьютерами произвольной сборки, в общем именуемыми в обществе как РС. Волна сравнений РС и Apple, спланированная и инициированная маркетинговым отделом компании Apple, является одним из самых успешных примеров применения данной тактики. Также в качестве примера можно привести конкуренцию между двумя платформами для мобильных устройств – iOS от компании Apple и Android от компании Google, в результате которой в тени борьбы двух гигантов остался невостребованным Windows Mobile OS от крупнейшего производителя операционных систем – Microsoft.

Конкурентная реклама в Корейской волне используется в большинстве случаев в виде сравнения внутри корейских продуктов или же групп. Также необходимо отметить, что конкурентная реклама в области культуры несколько

отличается от конкурентной рекламы в сфере сбыта материальных ценностей, так как в данном случае для сравнения невозможно представить какие-либо определенные характеристики, которые было бы возможно однозначно определить в разряд лучшего или худшего относительно характеристик конкурента. Так, например, в Японии по сей день продолжают сравнивать между собой две корейские девичьи группы как Girls Generation и KARA, что в целом приносит некую положительную отдачу популярности обеим группам [10]. Если же брать культурный продукт из разряда высокодоходных, то необходимо обратить внимание на сферу разработки компьютерных игр. Так, корейские разработчики массовых многопользовательских онлайн-игр (ММОГ) зачастую сравнивают свои игры с наиболее популярной MMORPG World of Warcraft. При этом на передний план выставляются некие особенности, которые могли бы позволить их продукту хотя бы близко сравниться с этой игрой-лидером. Согласно отчетам компании Blizzard, в одном лишь 2009 г. игра World of Warcraft принесла создателям более 1 млрд долларов США. И наиболее популярной игрой – конкурентом World of Warcraft, до сих пор считается игра Lineage II, принесшая в 2009 г. корейской компании-разработчику NCsoft 270 млн долларов США. Но, несмотря на меньший доход, максимальное число подписчиков игры Lineage II уже в 2006 г. достигало 14 миллионов человек [12] против 12 миллионов подписчиков World of Warcraft в 2010 г. [11]. Разница в доходах компании и количестве посетителей объясняется отличиями в схеме локализации игр и системе Free-to-play, используемой в LineAge II, при которой игрок может начать играть совершенно бесплатно и в случае желания получения неких привилегий выкупить их через микро-транзакции, тогда как World of Warcraft требует от игрока предварительной платной подписки.

Поддержка национального производителя

С 1980 г. политика в области культуры и создании фильмов Южной Кореи фокусируется на создании и поддержке функционирования действительно строгих механизмов не только сохранения, но и поощрения создания фильмов и проведения выставок. Например, Закон о кино, принятый в 1985 г., предусматривал тот факт, что импортеры иностранных фильмов могут получить лицензию на импорт только тогда, когда ими производится или поддерживается прибыль от киноиндустрии домашнего региона. Два года спустя то же условие было принято для иностранных компаний, желающих снимать, произ-

водить и распространять непосредственно в Корею. Вопреки ожиданиям скептиков, с каждым годом количество ввозимых иностранных фильмов все больше растет, доходы в области корейского кино – тоже. В Законе о кино существует так называемая «экранная квота», направленная на ограничение свободы кинотеатров в выборе собственного расписания. Начиная с 1996 г. определенное количество дней в кинотеатрах должно быть зарезервировано для показа только южнокорейских фильмов. Похожую «экранную квоту» имеют около 11 стран. И обычно квота удерживается на уровне 50 дней в среднем. В Южной Корее этот показатель существенно отличается – обязательная минимальная квота составляет 106 дней в году и государство поощряет кинотеатры, увеличивающие срок до 146 дней, в течение которых кинотеатр показывает кино, произведенное только внутри страны. Это ограничивает доступ к экрану двух основных конкурентов. Первый – кино из США, а вторых – из Японии (с которой эволюция отношений в кино довольно интересна и необычна). Под «экранной квотой» и была создана и доведена до большой популярности корейская кинематография [9].

В целях демонстрации эффективности данной политики в Южной Корее обратимся к статистике. В 2000 г. на долю корейских фильмов приходилось 35,1% рынка. Это означает, что 64,9% фильмов были иностранными. В 2003 г. корейских фильмов было больше, чем иностранных. Корейские фильмы заняли около 53,5% рынка. Зарубежное кино занимало теперь 46,5% рынка. Рыночная доля корейских фильмов продолжает расти до 2006 года. В 2007 г. доли рынка между корейскими и зарубежными фильмами были равны. После этого процент корейских фильмов начинает сокращаться. В 2008 г. иностранные фильмы стали более популярными, но затем они опять идут на спад. В 2011 г. 53,6% от фильмов, которые были замечены в кинопрокате, были сделаны в Корею. Зарубежное кино занимало 46,4% рынка.

До 1987 г. распространение иностранных фильмов на корейском рынке разрешалось лишь корейским компаниям. В 1987 г. корейское правительство разрешило прямую дистрибуцию голливудских фильмов в Корею. Через некоторое время после отмены данной политики голливудские компании начали открывать в стране свои филиалы. Это оказало непосредственное влияние на количество фильмов, которые импортируются в Корею после 1987 г. Как следствие, в 1994 г. обанкротилось десять корейских дистрибьюторов кинофильмов. В 1988 г. импорт

иностранных фильмов увеличился в два раза. Рыночная доля местных корейских фильмов начала снижаться. В 1985 г. целых 74,8% фильмов были сделаны в Корее. Эта доля рынка продолжила снижение до минимального 13,4% в 1997 г. После 1991 г. производство фильмов домашнего региона было невероятно низким. И ситуацию в целом помогли исправить экранные квоты. Дело в том, что вся чистая прибыль от данной меры должна была быть направлена на улучшение качества кинофильмов и эффективности их производства, а конкуренция с качественными фильмами, импортируемыми из Голливуда, способствовала отсеиванию откровенно слабых по качеству и содержанию фильмов. После 1998 г. число производимых корейских фильмов немного увеличилось. В 2010 г. было произведено 152 кинокартины. В 2000 г. было снято лишь 59 корейских фильмов, количество ввозимых иностранных фильмов при этом не снизилось, в 2010 г. было импортировано 381 фильм [9].

Вдохновленное успехом корейского кино, правительство РК начало амбициозную кампанию по пропаганде «Хан (корейского) стиля», который должен бы включать в себя не только кино, но и корейскую письменность «хангыль», корейскую традиционную одежду «ханбок» (хотя бы на уровне вставки ее элементов в современную моду), корейскую традиционную кухню «хансик», корейское традиционное жилище «ханок» (тут скорее имеется в виду мода на подогретые полы), корейскую традиционную бумагу «ханчжи» и «хангук ымак» – корейскую традиционную музыку. Национальная организация туризма Кореи (НОТК) даже объявила 2004-й годом Халлю [1].

Также в Южной Корее действует Закон о трансляции от 2003 г., который гласит, что 60% общего времени на телеканалах, посвященных популярной музыке, должно быть наполнено программами, произведенными в Южной Корее. Иностранным музыкальным компаниям довольно трудно прижиться на корейском телевидении. Он в большинстве своем состоит из японских и американских продуктов и занимает только 20% музыкального рынка. Так что Южная Корея – одна из немногих стран в мире, которая сильно зависит от собственного музыкального производства [9].

Исследователи в целом согласны, что наиболее вероятным объяснением популярности южнокорейских шоу, певцов и фильмов по всей Азии является высокий уровень доходов в Южной Корее, культурная близость и сходство их с соседними азиатскими странами. В свою оче-

редь, успех корейской волны немало способствовал тому, что «Южная Корея в настоящее время двенадцатая по величине экономических показателей страна в мире, и корейские компании, связанные с индустрией развлечений, способны финансировать производство шоу и фильмов с бюджетом гораздо выше, чем в большинстве стран Азии».

Азиатские новостные сайты явно подчеркивают важность национального ребрендинга, произошедшего благодаря «корейской волне». И с начала этого явления корейское правительство играло активную роль в содействии средствам массовой информации в пропаганде корейской народной культуры во всем мире.

Литература

1. Асмолов К.В. Современная ситуация и проблема феномена «Корейской волны». – URL: <http://makkawity.livejournal.com/819307.html> (дата обращения: 12.05.2012)
2. Михалев А.В. Монголия в большой игре: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы / науч. ред. Д.И. Бураев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013.
3. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. – 2012. – №5718 (45).
4. Eunkyong H., Woosung C. & Gabshin H. (2008). A Study on the Relationships Among Hallyu (Korean Wave), National Image, and Corporate Brand Equity. Conference Papers – International Communication Association, 1-17. Retrieved from Communication & Mass Media Complete database.
5. Koichi Iwabuchi, *Recentering Globalization: Popular Culture and Japanese Transnationalism*, Duke University Press, 2002.
6. Joseph S. Nye. South Korea's Growing Soft Power. – URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power> (дата обращения: 25.02.2014).
7. Joseph S. Nye. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs, 2004.
8. Riza Weganofa, 'Korean Wave' – The Pop Culture Comes As Cultural and Economic Imperialism in Asia. – URL: <http://rizaweganofa.blogspot.ru/2013/02/korean-wave-pop-culture-comes-as-2696.html> (дата обращения: 27.01.2014).
9. Seiko Yasumoto. The Impact of the «Korean Wave» on Japan: A case study of the influence of trans-border electronic communication and the trans-national programming industry. – URL: <http://coombs.anu.edu.au/SpecialProj/ASAA/biennial-conference/2006/Yasumoto-Seiko-ASAA2006.pdf> (дата обращения: 11.05.2012).
10. Time Out Tokyo, Kara vs Girls' Generation, The K-pop groups battle it out on 'Girls Forever' and 'Girls & Peace'. – URL: <http://www.timeout.jp/en/tokyo/feature/6459/Kara-vs-Girls-Generation> (дата обращения: 14.03.2014).

11. World of warcraft® subscriber base reaches 12 million worldwide. – URL: <http://us.blizzard.com/en-us/company/press/pressreleases.html?id=2847881>

12. Lineage II™: awesome views, rave reviews! – URL: <http://www.mcvuk.com/press-releases/read/lineage-ii-trade-awesome-views-rave-reviews>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока) в странах Северо-Восточной Азии», проект № 14-03-00439.

Бураев Дмитрий Игнатьевич, доктор исторических наук, директор Восточного института Бурятского государственного университета. E-mail: railia@mail.ru

Гармаханов Мунко Цыденович, аспирант кафедры истории, археологии и этнографии. E-mail: mahanobe@gmail.com

Buraev Dmitriy Ignat'evich, doctor of historical sciences, head of the Oriental Institute, Buryat State University. E-mail: railia@mail.ru

Garmahanov Munko Tsydenovich, postgraduate student at History, Archeology, and Ethnography Chair of Buryat State University. E-mail: mahanobe@gmail.com

УДК 94 (571.54)

© И.А. Бутаев

ВНЕШНЯЯ МОНГОЛИЯ В РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается борьба России и Японии за политическое влияние на Внешнюю Монголию в начале XX в.

Ключевые слова: байкальский коридор, панмонголизм, Унгерн, Семенов, Куроки, Манмо.

I.A. Butaev

MONGOLIA IN STRUGGLE BETWEEN RUSSIA AND JAPAN FOR THE POLITICAL INFLUENCE AT THE BEGINNING OF XX CENTURY

The article is devoted to the struggle between Russia and Japan for the political influence on Mongolia at the beginning of XX century.

Keywords: Baikal corridor, panmongolism, Ungern, Semenov, Kuroki, Manmo.

Приход к власти императора Николая II ознаменовался для России активностью внутренней и внешней политики на востоке. После поражения России в войне с Японией и подписания унизительного Портсмутского мирного договора в 1905 г. в США для России жизненно необходимым геостратегическим регионом становится Внешняя Монголия, получившая в 1911 г. в результате Синьхайской революции автономию и представляющая буферную зону перед уязвимым «байкальским коридором». Единственной транспортной артерией в России, связывавшей Западную Сибирь с Восточной Сибирью и Дальним Востоком, являлся узкий перешеек от южной оконечности озера Байкал до саянского горного хребта Хамар-Дабан на монгольской границе – т.н. «байкальский коридор». Только по нему проходили все возможные дороги как для гужевого и автомобильного транспорта, так и железнодорожная транссибирская магистраль. Захват указанного транспортного перешейка позволял противнику разделить Россию на западную и восточную части по Байкалу. Севернее Байкала никаких трактовых или железнодо-

рожных путей не было. Япония открыто заявила о своих геостратегических интересах в Северо-Восточной Азии. Восточная политика России целиком подчинилась задаче прикрытия уязвимо-го «байкальского коридора» путем образования пророссийски настроенного суверенного южного соседа, выполняющего роль разделительной буферной зоны от агрессивной Японии. Эта же проблема сохранялась и в СССР, когда И.В. Сталин в 1945 г. при обсуждении с Чан Кайши вопроса о предоставлении Китаем независимости МНР отметил, что потеря Сибирской железной дороги является концом России, если какая-нибудь военная сила нападет со стороны Монголии [1].

Европейские демократические преобразования утвердили понятие республики, характеризующейся периодической выборностью и сменяемостью власти, понятие прав человека, право нации на самоопределение, национальный суверенитет и законодательно закрепили их соблюдение и получили распространение во всем мире.

Одной из первых азиатских стран, пошедших по пути изменения внутренней жизни и показавшей пример необходимости переустройства «дремлющей» Азии, становится в XIX в. Япония. Пример Японии, стремительно произошедшие в ней перемены, политическая активность, экономический рост, открытые заявления на лидерство в Азии повлекли остальные народы к активной борьбе за права, за политико-правовое переустройство отставшего азиатского общества. Япония начинает оказывать самое прямое воздействие на территории Маньчжурии и Монголии (Манмо), представляющиеся ей жизненно необходимым пространством [2].

Однако вместе с достижениями правовой мысли в начале XX в. приобретает иной вид и масштаб процесс мировой колонизации и в него активно включаются новые колонизаторы в лице США, Японии, Германии. Россия, несмотря на свою патриархальность, также пытается поспеть за реформированными молодыми «хищниками». В этот же период в международной деятельности среди развитых государств мира окончательно утверждаются основные принципы концепции геополитики, предусматривающие политическую борьбу за влияние и геостратегические интересы государства в мире, за свои судьбоносные зоны контроля. В вечном двустороннем споре «талассократия» (морское могущество) берет верх над «теллуократией» (сухопутное могущество) и новоиспеченные военные флотилии ищут зоны своих государственных геостратегических интересов с выгодными международными торговыми портами. Россия вместе с Японией, США и Германией полностью устремляется в зону Азиатско-Тихоокеанского региона, поспеяв к разделу распадающегося Китая для получения незамерзающих портов. В этот период российский царь Николай II в послании министру иностранных дел С. Сазонову отметил необходимость активной политики в спорных территориальных вопросах в китайском направлении с учетом его сложного внутреннего положения, «иначе мы нигде вдоль китайской границы не добьемся пользы для себя» [3, с. 25]. Ослабление цинской династии в Китае усилило развитие национально-освободительной борьбы в родственных бурятам Монголии и Тибете, в результате которой в Урге в 1911 г. была провозглашена автономная республика, а в 1912 г. на 40 лет китайские войска были изгнаны из Тибета. Молодая и независимая Монголия предпринимала целый ряд шагов в попытке добиться признания со стороны великих держав и особенно Японии, успевшей заявить о себе в Восточной Азии как о расовом ли-

дере на основе развития политических теорий и тезиса «Азия для азиатов». Вовлечение Японии как третьей влиятельной страны в свою внешнеполитическую деятельность помимо России и Китая являлось основной целью Монголии [3, с. 17]. «Японские сокровенные задачи и планы на территории Сибири, Маньчжурии и Монголии» [4] импонировали лидерам бурятского национального движения, которые усматривали в них опору в реализации идеи панмонгольского государства и защиту от ассимиляции русскоязычным большинством. В этих условиях в начале XX в. в среде передовой бурятской интеллигенции и буддийского духовенства получает развитие обновленческое движение, пришедшее к бурятам из Монголии. Идеологом прогрессивного обновления Монголии становится журналист пекинской газеты «Дао гун Бао» Чимэдийн Дэмчигдорж, активно критиковавший Богдохана и религиозное влияние в Монголии и призывавший к созданию общемонгольского государства, ориентирующегося на передовые страны мира [5].

Создание общемонгольского государства предусматривало восстановление в указанных границах раннее существовавшей монгольской империи, поглощенной в XVII в. маньчжурами. Эта идея государственного строительства становится наиболее популярной среди европейски образованной монгольской интеллигенции в начале XX в., получает развитие как национальная идеология бурят, поддержанная большинством монгольских народов, атаманом Семеновым, японцами, а в последующем и Коминтерном вплоть до печально известного 1937 г., когда была объявлена чуждой националистической прояпонской идеологией панмонголизма. Кульминационным моментом в развитии бурятской идеи образования общемонгольского государства явился конечно же 1919 г. когда на приграничной станции Даурия Забайкальской области, являвшейся центром дислокации казачьей армии атамана Семенова, 12-14 января с участием самого атамана Г.М. Семенова и японского майора Судзуки проходила подготовительная конференция монгольских народов с представителями Внутренней Монголии, Барги, Бурятии по этому вопросу, но без Внешней Монголии. Было сформировано временное правительство, главой которого избрали монгольского князя (нейсэ-гэгэна) из Внутренней Монголии [6]. С 25 февраля по 6 марта в Чите проходил уже сам Конгресс монгольских народов, на котором было официально заявлено об образовании панмонгольского государства со столицей в приграничном

г. Хайлар у барга-монголов (современный Эвенкийский хошун Автономного района Внутренней Монголии КНР) [2, с. 30]. Образованное правительство Велико-Монгольского государства вошло в историю как «Даурское». Съезд высказался за переселение иркутских бурят в Забайкалье и Монголию. Последовавшие дальнейшие события показали несбыточность задуманного панмонголистами. Отряд князя (нейсэ-гэгэна) Ничи-Тойна Менду Баира с чахар-монголами был разбит китайцами, а сам он арестован и расстрелян. Правительство образованного государства, не найдя общемонгольской поддержки, не смогло получить международного признания и было забыто. И более того, пришедший к власти в Омске на несколько месяцев в конце 1918 г. адмирал А.В. Колчак, названный Верховным правителем России, сумел убедить, тогда еще доверявших ему англичан и французов в нарушении читинским Конгрессом русско-китайско-монгольского соглашения 1915 г. Японцы также поддались воздействию правительства Колчака, преувеличив его возможности, и отвернулись от атамана Г.М. Семенова и выдвигаемых им инициатив. 15 апреля 1919 г. Генштаб Японии отдал приказ о возвращении офицера Куроки из Забайкалья и снятие его с должности советника Семенова [2, с. 31]. Атаман Семенов при поддержке японцев преследовал собственные цели, которые сводились к образованию самостоятельной от большевиков казачьей республики. В идее панмонголизма он видел первый шаг к реализации своей цели. Политика оказывания бурят была губительной для народа и приводила к его полной самомобилизации на гражданскую войну за интересы Семенова [7].

Однако разработанная бурятской интеллигенцией идея образования панмонгольского государства не забылась и начала реализовываться с новой силой со стороны барона Р.Ф. Унгерна-Штернберга фон Пилькау, который в 1920 г. во главе созданной им Азиатской конной дивизии освободил Ургу от китайской армии и возвратил престол арестованному китайцами Богдо-гэгэну VIII Джебцзундамбехутухте, являвшемуся теократическим правителем Внешней Монголии. Идея немецко-венгерского барона Унгерна, женатого на китайке и исповедавшего буддизм, в деталях несколько отличалась от того, за что ратовали буряты, и состояла в образовании Среднего

азиатского государства, в котором должны были объединиться монгольские кочевые роды в противовес оседлому населению [8, с. 248]. Японцы внимательно отслеживали деятельность Унгерна на интересующей их территории Монголии и отмечали, что именно он освободил Внешнюю Монголию от китайской армии [1, с. 225]. Барон Унгерн, так же как и атаман Семенов, не учитывал межэтнических разобщений внутри монгольских народов. Идея объединения настораживала монголов возможностью перехода ключевых постов в новом государстве к пришлым и обрусевшим бурятам [9]. Исходя из чего, население Внешней Монголии не было заинтересовано в реализации замысла создания в Евразии по принципу «монгольского корня» Среднего азиатского государства Унгерна [8, с. 631]. Лидеры бурятского национального движения очередной раз встали перед выбором дальнейшего пути по строительству государственности: или в рамках России с доминирующим иноязычным большинством и его культурой, или в рамках единого общемонгольского государства со всеми родственными народами. Движение положило начало развитию идеи переселения бурят на юг за пределы России в родственный мир буддистской Азии подальше от насилия русских переселенцев. В последующие годы строительства основ Бурят-Монгольской АССР эта же идея была конкретизирована и озвучена руководством республики перед руководством СССР относительно предоставления возможности переселения всего бурятского населения в Монголию в обмен на оказание помощи со стороны СССР в строительстве Великой Монголии [1, с. 334], но также не получила поддержки Москвы.

Литература

1. Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010.
2. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2002.
3. Адамов Е.А. Урянхайский вопрос при царском и временном правительствах. – Кызыл: ТИГИ, 2007.
4. Курас Л.В. Атаман Семенов и национальное движение бурят // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2008. Вып. 7. – С. 36-39.
5. Гагапов А.С. Монгольский исторический словарь. Энциклопедический справочник. – Улан-Удэ, 2008. – С. 137.

6. Балдано М.Н. Трансграничные аспекты панмонголизма // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2008. – Вып. 7. – С. 47-53.

7. Бабаков В.В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917–1919 гг. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2012. – С. 132.

8. Кузьмин С.Л. Барон Унгерн в документах и мемуарах. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004.

9. Шинкарев Л.И. Цеденбал и Филатова: Любовь. Власть. Трагедия. – М.; Иркутск: Издатель Сапронов, 2004. – С. 98.

Бутаев Игорь Алексеевич, кандидат политических наук. E-mail: rinchina29@yandex.ru
Butaev Igor Alekseevich, candidate of political sciences. E-mail: rinchina29@yandex.ru

УДК 391 (=512.31)

© С.Б. Бухоголова

СПОСОБ РАЗДЕЛКИ МЯСА У НОВЫХ БАРГУТОВ

В статье рассматривается способ разделки баранины у новых баргутов.

Ключевые слова: мясная пища, котел, брюшина, крестец, лимфатические железы, «овца – драгоценность».

S.B. Buchogolova

METHOD OF CUTTING MEAT AT THE NEW BARGUTS

In this paper, a method of cutting a lamb from New Barguts.

Keywords: meat food, boiler, peritoneum, sacrum, lymph glands, «sheep – jewel»

В набор пищи новых баргутов, как и у остальных монгольских народов, входят *улаан идээ* – мясная пища, *сагаан идээ* – молочная пища, *ногоон идээ* – растительная пища, *хүхэ идээ* – синяя пища (ягоды), *боро идээ* – серая пища (крупы). В статье мы подробнее рассмотрим употребление баргутами баранины, которая является более предпочтительной по вкусовым качествам и скорости разделки.

Мясо – самый питательный, сытный продукт, его можно быстро приготовить, на протяжении многих столетий у баргутов оно служило основной пищей. Из года в год, в лютую зиму, в холодную весну, появляется острая необходимость в богатой белком мясной пище. Зимнее мясо – *үүсэ* заготавливают, когда ударят морозы. И поэтому иностранцы говорят про баргутов, что они «умело применяют природный холодильник» – «*байгаалийн хүлдүүр чадамгай ашигладаг*».

На зиму запасаются мясом пяти видов скота, хотя летом также забивают скот, но в это время не возникает большой необходимости в связи с обилием молока, молочной пищи. На летнее мясо предпочтительнее баранина. Весной, когда скот тощий, на мясо обычно закалывают бычка.

Үүсэ – зимнее мясо заготавливается в промежутке между «*бага саһа*» – малым снегом и «*ехэ саһа*» – большим, постоянным снегом. Это мясо хранится в бочке для перевозки воды – *уһанай ган*, так как в этот период баргуты перестают пользоваться водой и используют лед,

снег, их собирают большими кусками возле юрты. Потом заносят в юрту, растапливают в котле – *тогоо*. Особый интерес вызывает загадка, бытующая среди новых баргутов: «*Үбһэгүй хонхорто үүлгүй бороо оробо*» – «Во впадине без сена, без облака пошел дождь», отгадкой является *тогоондо уһа хэхэ* – «лить воду в котел» [5, с. 17].

На зимнее мясо в большинстве закалывают овец, затем коров, также коз, однако, по словам информатора Содномсүрэн, козье мясо оказывает плохое воздействие на здоровье пожилых, больных людей.

В большую бочку можно вместить мясо нескольких овец, даже целой коровы, предварительно разрубив по суставам. Хотя и употребляют мясо верблюда, лошади, но в бочку это мясо не помещают. Конина считается «горячим» мясом – «*халуу ехэтэй*», обладает обогревательной функцией и ее употребляют в самые сильные морозы. Мясо верблюда считается таким, но его нельзя высушивать «*борсоглохо*», так как верблюд относится к животным «с холодным дыханием» – «*хүйтэн хушуутай мал*». Малочисленность верблюдов позволяет закалывать их на мясо в исключительных случаях.

Среди пяти видов скота могут быть животные, посвященные духам – *сэтэртэй мал*, согласно древним традициям, такой скот нельзя забивать, дарить, продавать, он в какой-то степени выполняет функцию хранителя скота. Посвященного животного буряты называли также «*сэтэртэй мал*» или «*онгон*» [3, с. 32].

Если же появлялась необходимость «*того-огоо тоһодохо, тулгаа тахиха*» – «замаслить котел, почитать очаг», то по сведениям информанта Чултэм, сначала выбирают другое животное для этого, затем заставляют прикоснуться мордочками *сэтэртэй мал* и другое животное. Сняв ленточку с шеи *сэтэртэй мал*, завязывают другому. Эта церемония носит название *уурлаха* – сердиться.

Прежде чем забивать животное, новые баргуты вытирают подолом его мордочку и клочок его шерсти предают огню. Эта традиция называется *малын хэшэг абаха* – оставить благополучие скота. Далее рассмотрим процесс умерщвления овцы (козы), мужчина приносит овцу к южной стороне юрты, опрокидывает, обратив головой к северу, сев на корточки с левой стороны овцы, задирает передние ноги к голове, а его жена держит задние ноги. По словам старожил, считается, если крепко держать задние ноги, то животное меньше мучится и при снятии шкуры не будет дефектов. В области живота, в горизонтальном направлении слаживают несколько травинок и затем разрезают их с брюшиной, просовывают руку в грудную полость и разрывают аорту. Это называется «*урсэлжэ гаргаха*».

Баргуты не имеют обычая отрезать голову барана. После разрыва аорты вытаскивают руку и крепко зажимают мордочку с целью, чтобы быстро испустил дух и не высунулся язык. После того, как баран перестает хлопать глазами, считается умершим. Мясо барана, умерщвленного таким образом, вкусное, обладает хорошим цветом.

Затем снимают шкуру, есть два вида его снятия: *задагай* – открытый, *туламлаха* – снимать целиком. *Задагай* – начинают снимать передней ноги туши, которая разрезается посередине, и шкура с остальных ног снимается также. Шкура на грудной кости – *убшүүний бүтүрхэй*, оставляется, которая или опалается и употребляется в пищу, или преподносится огню. Также вокруг пуповины оставляют шкуру. Если это овца, то разрезают вдоль малой берцовой кости левой ноги. Шкура с хвостовой части снимается.

Туламлаха – это так же, как снятие вдоль малой берцовой кости. Снимают шкуру с помощью кулака – *нюдаргалаха*, почти не применяют нож. На шкуре не должны быть остатки мяса, жира и стараются не испортить ее ножом. После снятия шкуры приступают к разделке мяса. Разрезается хрящ, с правой стороны соединяющий *убшүү* – грудную кость и *хабирга* – ребра. Затем разрезаются вдоль *һүбээ хабирга* – три нижние ребра до паховой части и через щель в диафраг-

ме подвешивается к левой ноге туши. Таким образом, отделяется *улаан хоолой* – пищевод и *дэлүү* – селезенка от диафрагмы, также отдирается *гүзээний һэмжэ* – сальник брюшины. Когда брюшина отрезается, то ее подхватывает человек, который будет ее чистить и промывать. Разрывая пищевод и освобождая брюшину от навоза, нужно следить, чтобы не вытекла желчь на мясо и не замаралось мясо навозом. Бывает так, что мужчина и женщина соревнуются на скорость и проворность, каждый в своем деле: мужчина разделяет мясо, женщина чистит, промывает внутренности и готовит еду. Со слов информаторов, если опережает мужчина, то он в шутку бьет ее влажной шкурой, а если женщина справляется быстрее мужа, то бьет его брюшиной.

Затем отделяются сердце, легкие, диафрагма. Сердце разрезается поперек и очищается от крови. В особых случаях *зүлдэлжэ абадаг* – отделяют голову вместе с сердцем. Когда отделяют *сагаан маха* – прямую кишку, стараются не резать на несколько кусков.

При разделке мяса *убшүү* – грудную кость и *сорой* – мясо с области живота, находящееся ниже *убшүү*, снимаются вместе. *Ууса* – крестец, *хабирга* – ребра отделяются от позвоночника. Ноги туши расчленяются и проводят процедуру *үрүү заалаха* – разъединяют челюсти, затем с верхней челюсти трижды берут кусочки мяса и на лбу делают надрез в виде треугольника, данные действия именуют *толгой хүндэхэ*. Согласно баргутской легенде, овца попросила, чтобы не сломали ее золотые скулы – «*алтан шанаа-емни бүү хугалаарай!*», и поэтому баргуты с большой осторожностью относятся к этому действию.

Разрубленные куски мяса подвешивают на стены, такие части, как *үрүү толгой* – голова, *хүзүү һээр* – шея, грудная часть позвоночника, *убшүү чорой* – грудная кость, *ууса* – крестец, *хаа гуя* – бедро и т.д.

Выбрасываются *булиархай* – лимфатические железы, *дэлүү* – селезенка, *нойр* – поджелудочная железа, *сөс* – желчь. Если в матке оказывается зародыш, то ее предают огню. Когда разрезают *баян түрүү* – половые органы овцы, на нее поперек накладывают травинку и шепчут: «*шамайе огтлохгүй, сагаан үбэнүү огтолобо*» – «не тебя разрезаю, а белую траву».

Завершив промывать внутренности, приступают к изготовлению из них разнообразных блюд. *Шуһа шудхаха* – для приготовления кровяной колбасы нужны соль, лук или чеснок по вкусу, все это замешивается с кровяной массой, затем с помощью специальной воронки вливают

в *ходоод* – желудок, *олгой* – толстую кишку, *нарин гэдэнэ* – тонкую кишку. Масса в желудке обязательно обхватывается заостренными деревянными палочками, на него нанизывается *һэмжэ* – брюшной сальник с тонкой кишкой, которая служит ниткой, и восьмеркой крепко обворачивается вокруг палочки. *Зайдаһа* – вид кровяной колбасы в оболочке из тонкой кишки также является зимним кушаньем.

Так, еще одним видом блюда следует называть *орёомог* – кушанье из тонко нарезанных вдоль внутренностей мелкого скота, обернутого тонкими кишками. Его обычно изготавливают в летнее время. Прямая кишка – *сагаан маха* набивается мелко накрошенными *үлэн гэдэнэ* – кишками, *урсэ* – диафрагмой. *Хэршэмэг* – нарезки для супа состоят из накрошенных печени (*эльгэ*), легких (*уушиг*), сердца (*зүрхэ*), почек (*бөөри*), ими также можно набить кишки и заморозить.

Существует около ста названий частей костей. Например, лопатка (*дала*), с ней связаны *даланы тогоо*, которой названа ложбинка снизу наподобие котла, по ней определяют достаток хозяина: если котел глубокий, то хозяева не нуждаются в еде. На верхней части лопатки имеются *мүгөөрһэ* – хрящ. Отделенное от костей мясо называется *шултаһа*.

В летнее время – отделяют мясо от костей, затем его разрезают на длинные, тонкие полоски и развешивают как внутри, так и снаружи юрты под дымом, этот процесс именуется «*борсоглохо*» – вялить мясо. После того, как высушили мясо, его собирают, еще раз крошат на мелкие кусочки, толкут почти до рассыпчатой массы. И это мясо можно хранить долгое время.

Летом, когда основной едой является молочная пища, две соседские семьи закалывают барана, разделив на две половины. Сваренную кровяную колбасу в желудке, вытаскивают на деревянное корыто – *тэбиэ*. Корыто для мяса новых баргутов по размерам соответствует – корыту агинских бурят, описанному А.А. Бадмаевым в статье «Традиционная посуда бурят. Проблема генезиса и типологии»: «Корытца агинских бурят не отличались большими размерами: ширина у них – 19,5 см, длина – около 38 см» [2, с. 22].

Кусочек кровяной колбасы, отрезав сверху, кидают в огонь и, разрезав остальную часть, делят между присутствующими. Остальные внутренности, смешанные со свежим айраком, раздают всем. Если семья, с которой делят мясо, имеет детей, то наряду с мясом отдают почки, сердце, хвост, чтобы утолить потребность в мясе – *хүүгэдийн махсаг гаргана*. Для старших от-

правляют свежую кровь, печень, сальник, хвост, внутренности и также сваренное мясо с бульоном. Голова, грудина, хвост, ноги опаляются и варятся.

Так, из баранины изготавливается большое количество различных блюд, некоторые из них в особых случаях играют определенную роль. *Толгой*, или как еще называют новые баргуты *төөлэй*, преподносится бурхану, на свадьбах, является угощением для почетных гостей. *Убишүү* применяется при почитании огня, при освящении новой юрты, при проходах невесты, входит в ее *хэшэг* – благополучие, также им угощают дорогих гостей, его варят на Белый месяц. *Һүүл* – курдюк с хвоста используется при поклонении новой невесты огню, родителям жениха, на ее пальцы вдеваются кусочки этого жира. Родители невесты при проходах отправляют сваренные *шагайта* – лодыжку, *һүүлын үзүүр* – кончик курдюка, *хабирга* – ребра. *Ууса* – крестец на свадьбах играет главную роль. В набор подарков, преподнесенных невесте свекровью, входит *хүзүү* – шея, и она должна съесть это мясо за три дня, держа в это время за *уня*. Также лодыжка преподносится борцу, занявшему первое место на *обоо* – религиозном празднике. Существует традиция: на свадьбах стороны невесты и жениха обмениваются сваренными ногами. Четыре высоких ребра, называемых у новых баргутов *дүрбэн үндэр*, а у агинских бурят именуется как *үндэр хабаһан* [1, с. 140], и *дала шагайта* – лопатка, лодыжка ставятся перед уважаемыми гостями. Согласно баргутской поговорке: «*Дала хүрээгүй бол, дала гансаараа эдихээгүй*» – «если не достиг 70 лет, не должен в одиночку есть лопатку». Если есть лопатку, соблюдая традиции, тогда обязательно отрезается верхний хрящ, мясо от него делится между многими людьми и затем на лопатке гадают. Гадание делали, когда женился сын, после шитья овечьего одеяла из шкур собранных с двух сторон – жениха, невесты, и предвещали им благополучие, счастье в семейной жизни. Также в виде *тахил* умершим предкам в отдельной чашке ставится еда из *хабирга* – ребер, *шагайта* – лодыжки. По воспоминаниям информанта Жамбалбабуу, в его детстве на Белый месяц людям, заходящим поздравлять с Белым месяцем, родители давали сваренные части *сорой* – мясо с области живота, ниже *убишүү*, *сагаан маха* – тонкую кишку, *шийр* – ноги и др.

Необходимо отметить о существовании видов мяса, которые запрещают употреблять в пищу, это, как выше отмечали, *булишрхай* – лимфатические узлы, также нельзя есть мясо, пораненное *хүдөөгийн нохой* – волком, и мясо

больной овцы. Кроме этого, вообще не употребляется мясо овцы, павшей от грома. Детям нельзя есть *үнийэн хабирга* – крайние два маленьких ребра, *үнийэн эльгэ* – печень, *нугаһа* – спинной мозг, *тархи* – голову, *сэмгэ* – костный мозг. Женщинам запрещается есть *хүнгэлдэһүү* животных – яйца животных после кастрации. Мужчины, проводившие эту процедуру, совместно едят в сваренном виде. Нельзя употреблять кастрированные яйца верблюда, лошади. Их подвешивают к лошади на лопатке, верблюду от горба. Тем самым их предотвращают от того, чтобы не съела собака или птица и не затоптали. Ламе нельзя употреблять мясо *һүүжын нүхэ* – бедра. Строго запрещается на костях оставлять мясо недоеденным.

Баргуты применяют баранину в лечебных целях: *зүрхэлэхэ* – лечить с помощью сердца, *уушгилаха* – легких, *бөөрлэхэ* – почек, *сэбсэлэхэ* – с применением содержимого в потрохах, *олгой талбиха* – с помощью толстой кишки, которые накладываются как отдельно, так и по 2-3. Из костей изготавливается порошок, которым поят маленьких детей. Вместе с этим традиционно практикуются следующие методы лечения: укладывание ребенка на живого барана, обмазывание ожога сальником козы, обматывание мехом, снятым с ног, головы при заболевании суставов – *гэшигүү*. При лечении различных заболеваний применяется *дэлүү* – селезенка, *сөс* – желчь, *улаан хоолой* – пищевод, *хоргол* – помет. В лечебных целях в определенном количестве используются свежая печень, кровь, желчь в сыром и вареном виде. В мае и августе мясо козы считается наиболее целебным. Рога, копыта после того, как их сжигают и затем толкут в поро-

шок, также используются при обработке раны скота [6, с. 297-310]. На деле утверждение, бытующее среди баргутов: «*хони бүхэли бэеэрээ эрдэни*» – «овца – драгоценность» соответствует действительности.

Литература

1. Алексеев Н.А., Гомбожапов А.Г. Обоо тахилган – горное моление Агинских бурят. // Сибирь болон Монголын ард түмний угсаатан зүй. – Улаанбаатар, 2000. – С. 140.
2. Бадмаев А.А. Традиционная посуда бурят. Проблема генезиса и типологии // Сибирь болон Монголын ард түмний угсаатан зүй. – Улаанбаатар, 2000. – С. 22.
3. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М.: Наука, 1978. – С. 32.
4. Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4 т. – М., 2001–2002.
5. Дугаржав Ы. Баргуу янг үйиле. – *Öbür Mongyul*, 2004, с. 215-225.
6. Дугаржав Ы. Onisuy=a. – *Öbür Mongyul*, 2004, с. 17.
7. Sodun malčid=un čiyulyan. – *Öbür Mongyul*, 1999, с. 297-310
8. Čültem Oyungerel. Баргуу negüdelčín. – *Öbür Mongyul=un soyul=un keblel=ün küriy=e*, 2005. – С. 65-105.

Информанты:

1. Жамбалбаабуу, 1926 г. р., род үзөөн, западный хошун новых баргутов.
2. Мангал, 1929 г. р., род үзөөн, восточный хошун новых баргутов.
3. Содномсүрэн, 1921 г.р., род галзууд, восточный хошун новых баргутов.
4. Чүлтэм, 1940 г.р., род галзууд, восточный хошун новых баргутов.

Бухоголова Саяна Батуевна, старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета. E-mail: Sayana050379@yandex.ru

Buchogolova Sayana Baluevna, senior lecturer, Inner Asia Countries Philology Chair, Buryat State University. E-mail: Sayana050379@yandex.ru

УДК 94(517)

© А.Д. Гомбожапов

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НОМАДОВ МОНГОЛИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЕНГИНСКОГО АЙМАКА)

В статье рассматриваются общие тенденции и особенности развития кочевников-животноводов в Селенгинском аймаке Монголии. Автором особое внимание обращается на сложности и проблемы развития пастбищного животноводства в рыночных условиях. Показаны причины социально-экономического характера экологических проблем.

Ключевые слова: Монголия, кочевники, пасторализм, кочевой образ жизни, животноводы, Селенгинский аймак.

SELENGE AIMAG OF MONGOLIA: GENERAL PROBLEMS AND PATTERNS OF NOMADIC DEVELOPMENT

The author of the article analyses general trends and patterns of nomadic pastoralist in Selenge aimag of Mongolia. He also pays special attention to problems of pastoralism's in market system. Reasons of socioeconomic nature of ecological problems are analyzed in the article.

Keywords: Mongolia, pastoralism, nomadic, Selenge aimag.

Современная Монголия относится к числу перспективных стран, в ближайшем будущем прогнозируются самые высокие темпы роста экономики. Так называемые страны «М-3» (Монголия, Мозамбик, Мьянма), по прогнозам экспертов, будут показывать двузначные числа роста ВВП [4]. В первую очередь это связано с развитием горнодобывающей промышленности и ростом экспортируемой продукции. Крупнейшие месторождения полезных ископаемых и активный интерес к ним трансформировали экономику Монголии, традиционно зависевшую от аграрного сектора. В свете данных перспектив, интеграция в мирохозяйственные связи становится насущным вопросом для правительства Монголии. Сложность данных процессов заключается в том, что Монголия остается страной, в сельском хозяйстве которой доминирующую роль играет пастбищное животноводство. Пасторализм как главный вид хозяйственной деятельности остается для многих монголов единственным источником накопления.

В 90-х годах прошлого столетия правительство Монголии осуществило переход к рыночной экономике, приватизировав государственную собственность. Это имело далеко идущие последствия в обществе и во всех секторах экономики. Характерной чертой трансформационного периода стал резкая смена командно-административной система на рыночную. Переходный период преобразований привел на первом этапе к полной смене форм собственности, распаду системы госхозов (60 госхозов и более 30 кормовых хозяйств были ликвидированы), МТС и ветеринарной службы. Таким образом, частная собственность в животноводческой отрасли и в целом в сельском хозяйстве стала доминирующей.

Отказ государства от участия в контроле, надежда на саморегулирующие рыночные механизмы привели к перманентному кризису в экономике, в сельском хозяйстве в частности. Результатом преобразований стало резкое снижение уровня жизни и доходов для большей части сельского населения, особенно скотоводов-аратов. Животноводство, в социалистический период по большей частью ориентированное на

экспорт в страны СЭВ, свелось к «натуральному хозяйству», обеспечивающему элементарные потребности аратов.

В сложившихся условиях единственным выходом стало создание товарных хозяйств, ориентированных на соседний китайский рынок (в особенности кашемировый).

Сегодняшняя Монголия отходит от концепции свободной рыночной экономики, преодолев наиболее острые кризисные явления трансформационного периода. Под трансформационным периодом мы понимаем этап глубоких преобразований не только экономического, общественно-политического характера, но и социоментальные изменения, отражаемые на индивидуальном опыте кочевника-животновода. Новые явления в экономике ведут к дальнейшим изменениям, зачастую к коренным преобразованиям традиционных укладов. В статье обозначим наиболее существенные моменты этих процессов на примере Селенгинского аймака Монголии, поскольку специфика сочетания земледельческого и номадного в нем находит наиболее выразительные черты. Представлены здесь и отрасли горнодобывающей промышленности: золотодобыча (Бороо), разработка угольных месторождений (Улаан-Овоо).

Селенгинский аймак расположен на севере Монголии и относится к Центральному экономическому поясу. На долю аймака приходится более 2,5 % ВВП страны. В валовом региональном продукте 57,7% занимает сельское хозяйство, 19,3% – промышленность и строительство, 23% производится сферой услуг. Здесь сосредоточено 1 305,6 тыс. голов скота, или 3,2% к общему числу. В Селенгинском аймаке производится от 40 до 50% зерновых культур (в 2012 г. было собрано 240,7 тыс. тонн зерна, или 50,5% общемонгольского сбора). Площадь посевов охватывает 158 901,3 га (41% к общему числу) [8].

В настоящее время руководством Селенгинского аймака принята и исполняется программа социально-экономического развития до 2021 г., в ней прогнозируется рост ВВП до 15% ежегодно.

Население Селенгинского аймака за 2012 г. составляет 103 500 человек. Количество живот-

новодческих хозяйств, ведущих кочевой образ жизни, сократилось с 4 341 в 2009 г. до 4 056 в 2012 г. Соответственно численность скотоводов составила 7 741 против 9 123 в 2009 г.

В животноводческой отрасли, представленной традиционными видами домашнего скота, ведущее место принадлежит овцеводству. Не меньшее значение в производстве товарной продукции занимает разведение коз. Кочевое животноводство в Селенгинском аймаке является для части населения, занятого в сельском хозяйстве, важным или единственным источником дохода.

Общая тенденция к ухудшению земельных угодий затрагивает и Селенгинский аймак. В целом предельная нагрузка на пастбища Монголии по разным источникам оценивается в 25 миллионов голов, однако в 2012 г. поголовье скота, по отчетам, составило около 41 миллионов. В пересчете на условную единицу скота достигнут показатель 60 голов на 100 га. Для сравнения в 1967 г. этот показатель равнялся 40 голов, при больших пастбищных угодьях [3]. Лидирующие позиции по поголовью скота занимают аймаки Хубсугул, Убурхангай и Архангай. Селенгинский аймак с 1305,6 тыс. голов скота занимает 18-е место.

Отчасти рост поголовья скота связан с низкими экспортными потоками мясной продукции. Если в социалистический период плановые показатели были включены в систему хозяйственных связей с СССР, то после 1990 г. структура экспорта и его направления были изменены. Большая часть скота и мяса закупается посредниками («ченжами») и отправляется в большинстве своем на столичный рынок, г. Эрдэнэт и Дархан. Посредничество вызвано значительными трудностями доставки на рынок аратами своей продукции и несправедливой ценой. Это же обстоятельство не позволяет приобрести необходимые товары по низкой цене. Так называемые «ножницы цен», зависимость от перекупщиков и покупка по более дорогой цене промышленных товаров распространяются на довольно широкую прослойку животноводов. В основном это хозяйства, имеющие менее 200 голов скота, чаще всего испытывающие нехватку транспортных средств и времени. Основной объем продукции имеет натуральный характер и лишь ее малая часть ориентирована на рынок.

Мелкотоварное кочевое хозяйство является источником доходов аратов. Оно остается привязанным к изменчивым природно-климатическим условиям. Интуитивно выработанное номадами оптимальное соотношение традиционных видов скота остается пока един-

ственно возможной формой, не нарушающей экологический баланс в условиях экстенсивного кочевого и полукочевого животноводства Монголии. В то же время рыночные условия и нерегулируемый спрос на отдельные виды животноводческой продукции приводит к структурным переменам в традиционном хозяйствовании. Задача поднятия жизненного уровня аратов сталкивается с экологическими проблемами деградации пастбищ.

Растущее поголовье личного скота в основном концентрируется вокруг поселений. Перевыпас скота и нерациональное использование пастбищных ресурсов, вследствие чего теряется продуктивность и происходит деградация пастбищных угодий. Отметим, что начало деградации пастбищ было заложено еще в социалистический период и связано с административно-территориальными изменениями, затронувшими и изменившими меридиональное направление кочевания. Механизм использования пастбищ в основном определен на уровне сума, территориальной единицы аймака, по договоренности с администрацией и представителями сообществ животноводов. Айлы объединены между собой исходя из эффективности и взаимовыручки. Хот айлы чаще всего группируются в долинах, впадинах или вокруг источника воды. Традиционная временная и пространственная организация пастбищного хозяйства в суме чаще всего строится на сезонных кочевках (зимник, весенник, летник и осенник). Зимние поселения (зимники) привязаны к деревянным или каменным постройкам, в большинстве случаев относимых к наследию госхозов. Сегодняшняя практика демонстрирует чаще всего отход от данной системы кочевков в сторону уменьшения частоты переездов, а также расстояния между стоянками либо их сокращение.

Деформируется пространственная схема пастбищного хозяйствования, в том числе и высоким процентом миграции животноводов в крупные города и в их окрестности. Как отмечает в своих исследованиях ряд авторов: «Основной причиной миграции является перемещение населения в места с развитой социально-экономической инфраструктурой и более широкими возможностями реализации сельскохозяйственной продукции. Рыночная инфраструктура по обслуживанию спроса и предложений на продукцию животноводства значительно отстает от реальных условий. Все это приводит к нерегулируемому, хаотичному территориальному перемещению животноводов и дислокации пастбищного животноводства, изменению устоявшегося многовекового уклада кочевого общест-

ва (переход от четырехсезонных к двухсезонным кочевкам монгольских аратов)» [6].

Приватизационные мероприятия привели к появлению широкого слоя собственников, а также возникновение «новых кочевников», получивших свою долю собственности СХО – «нэгдэл». В большинстве своем это люди строительных, механизаторских профессий. Столкнувшись с тонкостями кочевого животноводства, требовавшего многолетнего опыта, эта категория аратов оказалась наиболее уязвимой. Пограничное состояние людей связано с низкими ожидаемыми доходами, неустойчивостью ожидаемых доходов от личного хозяйства. Сказывается и цикличность погодно-климатических изменений: неблагоприятные погодные условия определенным образом влияют на количество аратов. Пасторализм как главный вид хозяйственной деятельности и гарант устойчивого жизнеобеспечения теряет свое значение для хозяйств, близких к критической отметке. Гарантировать устойчивое жизнеобеспечение могут хозяйства, в котором численность скота превышает 250-300 голов. Это также становится базовой расчетной ставкой для выдачи сельскохозяйственных кредитов. Потребность в заемных средствах для большей части животноводческих хозяйств велика в силу сезонности производимой продукции. В отличие от богатых домохозяйств хозяйства, имеющие меньше двухсот голов скота, не имеют широких возможностей доступа к кредитным займам. Суровые климатические условия ежегодно заставляют «новых кочевников», потерявших скот в зимовках, искать иные источники дохода. Так, уже бывшие пастухи переквалифицируются в горнорабочих. Оттесняя разорившиеся хозяйства, устойчивое развитие и рост показывают владельцы, чьи стада насчитывают тысячу голов скота (в условных единицах). По данным статистического сборника, их количество достигает 90 (из них 75 имеют от 1 до 1,5 тыс голов; 12 – от 1,5 до 2 тыс. в усл. ед.) [5].

Миграционным взаимодействием покрыта большая часть Монголии. Как известно, причинами внутренних миграций являются поиск работы, улучшение жилищных условий, повышение уровня и изменение образа жизни и т. д. С этой точки зрения, качественная структура миграционного потока на протяжении десятилетий неизменна. В целом ее следует обозначить как дальнейшее развитие процессов урбанизации. Перемещение населения происходит в центральную часть Монголии, в основном в города Улан-Батор, Дархан и Эрдэнэт. В зависимости от природных изменений внутреннюю мигра-

цию характеризуют непостоянство и возвратность. Новые экономические ориентиры приводят к оттоку сельской молодежи. Характерно также временное перемещение рабочей силы в сельскую местность для выполнения сезонных работ: стрижки овец, начеса козьего пуха и т.д.

Несмотря на указанные моменты, современные животноводы довольно успешно осваивают и используют в быту домашнюю технику, средства связи и транспорта, приспособлявая их к кочевому образу жизни. Находят применение именно те вещи, которые мало потребляют электричество, экономичны и компактны. Вместе с тем связь кочевников-животноводов с населенными пунктами все более интенсифицируется и расширяется.

Если смотреть на структуру расходов, то в первую очередь скотоводы тратят свои доходы на покупку солнечных батарей, телевизоров, спутниковых антенн, мотоциклов, автомашин [2]. Так, количество обеспеченных электроэнергией домохозяйств составило 3317. Использование солнечных установок позволило облегчить и улучшить бытовые условия. Обеспеченных телевизорами составило 3118, или 76,8% к общему числу. Транспортные средства: мотоциклы имеются в 979 хозяйствах (24%), автомобили – 1636 (40%) [5].

Одной из болезненных тем для животноводов Селенгинского аймака становится взаимодействие с фермерскими хозяйствами, занятыми в растениеводстве. Наблюдается конфликт земельных интересов между традиционным природопользованием и фермерскими хозяйствами.

Правительством Монголии в конце 90-х годов XX в. было разработано и реализуется целевые программы: «Целина», «Возрождение земледельческого производства» и «Зеленая революция». Реализация программ затронула как существующие пахотные земли, так и освоение целинных залежей. Перевод пастбищных земель в иную категорию приводит к чересполосице, уплотнению и концентрации кочевых хозяйств в районах распашки земель. Это обстоятельство усложняется усилившейся в последние годы миграции кочевников с запада (Баян-Улгий, Убснур и т.д.). В связи с этим кочевникам-животноводам администрация предоставляет возможность переработки продуктов животноводства и организует рынок сбыта для скотоводов, которые получают возможность уменьшить число скота за счет заработка от побочной деятельности. Программа интенсификации животноводства сопровождается определенными сложностями. Хотя и отмечаются хозяйства, переходящие на стойловое содержание скота, но в

связи с дороговизной кормов, высоких транспортных расходов, необходимых условий для хранения кормов и концентрата в сумах, их количество незначительно. Несмотря на обучение, животноводов все еще не хватает знаний и опыта о питательности кормов и кормлении крупного рогатого скота для увеличения удойности молока и производства мяса. Необходима помощь государства в изменении традиционной системы животноводства, в коммерциализации ее продукции.

На фоне взаимодействия кочевых и фермерских хозяйств можно отметить смешанные формы хозяйствования. Представители сельской интеллигенции, бюджетной сферы перемещаются в период летних отпусков из своих стационарных жилищ в юрты. Розданный по родственникам или знакомым скот собирается в руках своего хозяина на летней стоянке. Спрос городского населения на растениеводческую продукцию привел к дополнительным источникам дохода животноводов. На отдельных летних стоянках отмечены занятия огородничеством. В ассортименте выращиваемых культур преобладают неприхотливые растения: морковь, свекла, картофель, капуста. Все это разнообразит экономические стратегии животноводов.

Подводя некоторые итоги, считаем возможным прийти к следующим выводам. Постсоциалистический период в Монголии связан с самыми глубокими трансформационными изменениями в кочевом животноводстве. Прослеживается тенденция к ограничению экстенсивного животноводства и развитию интенсивного. Животноводческая отрасль постепенно начинает концентрироваться в крупных товарных хозяйствах, показывающих жизнеспособность в рыночных усло-

виях. Утратившие свои кочевые хозяйства вынуждены мигрировать в поисках новой работы либо менять традиционный образ жизни.

Литература

1. Janzen, J. Mobile Livestock-Keeping in Mongolia: present Problems, Spatial Organization, Interactions between Mobile and Sedentary Population Groups and Perspectives for Pastoral Development // Pastoralists and Their Neighbors in Asia and Africa. – Osaka, 2005. – P. 242.
2. Батбаяр, Д. Мал мах үнэ // Үндэстний ТОЙМ. – 2013. – №11. – С. 16-22.
3. Бэлчээрийн хурэлцээ [Электронный ресурс] / Үйлдвэр, хөдөө аж ахуйн яам. – http://www.mofa.gov.mn/new/index.php?option=com_content&view=article&id=114&Itemid=207
4. Грайворонский В.В. Монголия: светлые перспективы динамичного развития [Электронный ресурс]. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3009#top
5. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл. Mongolian Statistical Yearbook. 2012. – Улаанбаатар, 2013.
6. Пространственная трансформация пастбищного животноводства Монголии в результате изменения продуктивности «кормящего ландшафта» / П.В. Осодоев [и др.] // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2013. – № 1. – Т. 10. – С. 124-128.
7. Сэлэнгэ аймгийн хөгжлийн хөтөлбөр. – Сухбаатар хот, 2007 он.
8. Хөдөө аж ахуйн салбар, 2012 онд // Монгол улсын Үндэсний статистикийн хороо. – Уланбаатар, 2013 он. – 117 х.
9. Энхтувшин Б., Курас Л.В., Цыбеннов Б.Д. Глобализация и традиционное скотоводство монгольских кочевников // Власть. – 2013. – №10. – С. 11-16.

Работа выполнена при финансовой поддержке проектов СО РАН совместно с Академией наук Монголии и Министерством образования, культуры и науки Монголии № 11 «Традиционные хозяйственные практики монгольских кочевников в условиях глобализации» и № 17 «Монголия – Сибирь в ретроспективе веков»

Гомбожапов Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: agombozh@gmail.com

Gombozhapov Alexandr, candidate of historical sciences, scientific researcher of section of history and culture of Central Asia The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS. E-mail: agombozh@gmail.com

УДК 951.93

© Э.Б. Дашибалов

ДРЕВНИЙ ЭТАП ИСТОРИИ МОНГОЛАЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

В статье проанализированы данные китайских письменных источников о народах дунху, сяньби и ухуань, а также рассмотрены материалы археологических культур, соотносимых исследователями с древними монгольскими народами.

Ключевые слова: дунху, сяньби, археология, древние монгольские народы.

ANCIENT PERIOD OF HISTORY OF MONGOLS

The article analyzes data of Chinese written sources and archaeological materials about Donghu, Xianbei and Wuhuan.

Keywords: Donghu, Xianbei, archaeology, ancient Mongols.

Древний этап истории монголоязычных народов традиционно связывается с племенами дунху и их потомками – сяньбийцами и ухуаньцами.

Название дунху появляется в Китае еще в эпоху Чуньцю (722–481 гг. до н.э.). Дунху с китайского языка дословно значит «восточные варвары» (дун – «восточный» и ху – «варвар»). Дунхусцы неоднократно заключали союзы с императорскими домами Китая, оказывая давление на внутреннюю политику той или иной группировки при чжоуском дворе, использовали династические распри, стараясь захватить чжоуские земли, а также воевали с царствами Янь и Ци. Борьба с Китаем шла с переменным успехом. Царство Чжао в 325–299 гг. до н.э. разбило дунхусцев, закрыло с севера укрепленной стеной свои владения, а захваченные земли превратило в три пограничные области. Предки китайцев из долины Хуанхэ стали продвигаться на север только после перехода к пашенному земледелию, так как освоение земель с более твердыми почвами стало возможным лишь с распространением железных орудий. Вытесняемые с юга китайцами, кочевники вынуждены были отступать к северу в монгольские степи [13, с. 35].

С дунху китайские археологи связывают культуру верхнего слоя Сяцзядянь. Археологическая характеристика культуры дана Цзинь Фэньи. В отечественной научной литературе культура описана С.В. Комиссаровым (1988) и С.С. Миняевым (1991).

Погребения культуры верхнего слоя Сяцзядянь выявлены на двухслойной стоянке на юго-востоке Внутренней Монголии недалеко от города Чифын (Улан-Хад). Нижний слой стоянки относится к раннему этапу бронзового века [1, с. 79, 165]. Верхний слой стоянки относят к скифскому времени (начало – середина I тыс. до н.э.). В этом слое обнаружено два типа могил: захоронения без инвентаря размещены в строевых стоянках; в прямоугольных могильных ямах в деревянном гробе, в некоторых случаях гроб вставлен в каменный ящик. Ориентация умерших неустойчивая. Находки представлены: бронзовыми ножами, наконечниками стрел, пуговицами и бляшками в виде птиц, лапчатыми

подвесками, керамическими сосудами с плоским дном.

К наиболее изученным памятникам культуры верхнего слоя Сяцзядянь исследователи относят могильник у деревни Наньшаньгэнь на западе провинции Ляонин. В 1958 г. здесь была исследована могила с размерами: длина более 2 м, ширина 1,5 м, дно и стены могильной ямы выложены камнями. Захоронение содержало 71 изделие из бронзы. Оружейный набор представлен бронзовым шлемом, тремя клевцами «гэ», втульчатый наконечник копья с профилированным лезвием, два кинжала – один дунбэйского «скрипковидного» типа, другой с листовидным клинком и короткими высоко посаженными шипами. Найдены также три черешковых наконечника стрелы, четыре кельта, четыре ножа [6, с. 45, 46].

Кроме могил в Наньшаньгэнь исследованы хозяйственные ямы. Находки керамики в ямах позволили китайским археологам уверенно отнести памятник с культурой верхнего слоя Сяцзядянь.

Могильники «культуры верхнего слоя Сяцзядянь» также известны в других пунктах северо-восточного Китая. На севере провинции Хэбэй у деревни Дуннатьгоу раскопаны две группы захоронений примерно по 50 могил в каждой. Надмогильное сооружение выглядит в виде земляной насыпи, покрытой каменными плитами. В могильных ямах расположены деревянные гробы, часто вставленные в каменный ящик. В некоторых случаях могильные ямы имеют перекрытие из каменных плит. Умершие направлены головой на восток или юго-восток. В могилах найдены: бронзовый кинжал с рукоятью, украшенной в зверином стиле, нож, клевец «гэ», бляшки в виде фигурок птицы с распластанными крыльями, бронзовые пуговицы и нашивки, имитирующие раковины каури, костяные бусы.

Еще один подобный памятник раскопан у деревни Чжоуцзяди в аймаке Аохань. Захоронения в грунтовых ямах и деревянных гробах. Особенностью погребального обряда является традиция закрывать лицо и грудь умерших створками крупных раковин. Найденные погребальные предметы типичны для могил этой культуры верхнего слоя Сяцзядянь [9].

Российские исследователи отметили близость инвентаря памятников «культуры верхнего слоя Сяцзядянь» к материалам дворцовой культуры Восточного Забайкалья [6, с. 42; 9, с. 174, 175; 15, с. 152].

А.Д. Цыбиктаров предлагает рассматривать дворцовские захоронения Восточного Забайкалья как вариант культуры плиточных могил. На это указывают типологическое единство инвентаря и общность ряда черт погребального обряда. Своеобразие могил дворцовского типа объясняется более высоким общественным положением погребенных в них людей, по сравнению с захоронениями в плиточных могилах [15, с. 133].

Культура плиточных могил получила всестороннее освещение в целом ряде монографий. Большинство исследователей сопоставляют культуру плиточных могил с дунху – предками монголоязычных народов [2, с. 147; 11, с. 211, 212]. Хотя Д.Д. Нимаев склонен полагать, что вопрос об археологической привязке дунху не может быть решен однозначно, так как еще окончательно не определены устойчивые этнодифференцирующие индикаторы в рамках древнетюркских и древнемонгольских культур [10, с. 47].

В целом следует отметить, что с древними монголами дунху связываются две разные по типу хозяйства культуры. С одной стороны, это культура верхнего слоя Сяцзядянь, имеющая стационарные поселения, жилища земляночного типа. Население этой культуры жило оседло, занималось земледелием, одним из основных домашних животных у них были свиньи. Памятники культуры верхнего слоя Сяцзядянь занимают долины рек, стекающих в Желтое море. Вместе с тем, как уже говорилось, с дунху соотносят и культуру плиточных могил. Народ, оставивший эту культуру, проживал в основном в степях Монголии и Забайкалья, занимался кочевым скотоводством и разводил крупный рогатый скот и овец, то есть животных, способных перемещаться по степным просторам.

Некоторые исследователи сделали попытку объяснить это противоречие миграцией оседлого населения в степь, в связи с чем и произошло кардинальное изменение культуры. Жизнь в степи вынуждала к постоянному кочеванию со стадом, что влекло значительные изменения в материальной культуре.

Академик А.П. Окладников отметил наличие триподов в культуре плиточных могил и повсеместное распространение триподов в древних земледельческих культурах Китая. А.П. Окладников отметил и то, что культура бронзового

века Дунбэя также характеризуется захоронениями в каменных ящиках, но последние, в отличие от плиточных могил, находятся в земле, а не на поверхности. Он сделал принципиально важный вывод: «Люди культуры плиточных могил Забайкалья, столь близко знакомые с древними китайцами и их оригинальной высокоразвитой цивилизацией, принадлежали, следовательно, к одному и тому же большому этническому массиву, простиравшемуся в бронзовом и железном веке от Северного Китая, Ордоса и Дунбэя до Байкала. Единство этой культуры, бесспорное сходство характерных для нее погребальных памятников, искусства и быта на всем этом пространстве может рассматриваться, прежде всего, как свидетельство о единстве ее происхождения» [12, с. 285].

Вопросы родства культуры каменных ящиков Дунбэя и культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии рассмотрены В.Е. Ларичевым в статье «О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья» (1959). Он соглашается с выводом А.П. Окладникова о «подлинно интимном характере связей скотоводческих племен Забайкалья с архаическим Китаем» и уже детализирует это на новых материалах, полученных в Дунбэе и Внутренней Монголии [4, с. 64].

Плиточные могилы Дунбэя составляют единую культуру вместе с поселениями, выраженными мощным культурным слоем и занимающими большую площадь. Население проживало в землянках с обожженными и утрамбованными стенами, пол обжигался и обмазывался глиной. Сверху землянки перекрывались деревянными плахами. На поселениях раскопаны многочисленные хозяйственные ямы. Из находок поражает обилие сосудов типа триподов. Сельскохозяйственные орудия представлены мотыгами, зернотерками, курантами и терочниками. Для территории распространения дунбэйской бронзы характерны шлифованные каменные наконечники плугов и бронзовые серпы, близкие по типу к шиферным серпам. В могилах обнаружены остатки растительной пищи, чаще всего зерна проса. Есть археологические свидетельства, указывающие на возможность разведения риса. В одной из могил найдена чаша с отверстиями на дне, аналогичные предметы в Корее и Китае применялись для распаривания риса. Кости животных в основном встречаются на плитах крышки ящика захоронения – преобладают черепа и нижние челюсти собак и свиней, кроме того, попадаются кости быка, овцы и оленей. Фауна поселений состоит из костей этих же животных – свиньи, собаки, лошади, быка и овцы [4, с. 67].

По В.Е. Ларичеву, особенности культуры каменных ящиков Дунбэя, выразившиеся, с одной стороны, в прочной оседлости с развитым свиноводством, а с другой – в разведении таких животных, как лошадь и овца, несомненно, указывающих на скотоводство, уходят в традиции местных неолитических культур, развивавших земледелие и скотоводство. А эти традиции были обусловлены географическими реалиями природных зон, в которых развивались культуры. Это районы с разными ландшафтами: на западе и северо-западе – степи Внутренней Монголии, а на востоке – плодородные черноземные долины провинций Жэхэ, Ляонин, Гирин. Поэтому здесь формируется многоотраслевое хозяйство с высокоразвитым плужным земледелием на востоке и частично кочевым скотоводством на западе расселения [4, с. 68].

Мнения В.Е. Ларичева и А.П. Окладникова о родственности культуры каменных ящиков Дунбэя и культуры плиточных могил были поддержаны Э.А. Новгородовой [11, с. 211] и П.Б. Коноваловым [7, с. 13]. Мы уже указывали, что исследователи наметили определенное сходство «культуры верхнего слоя Сяцзядянь» с материалами дворцовой культуры Восточного Забайкалья, а А.Д. Цыбиктаров дворцовские захоронения Восточного Забайкалья относит к культуре плиточных могил и считает их элитными захоронениями этой культуры [15, с. 128-136].

Таким образом, границы между монголоидными племенами дунху (культура плиточных могил по В.В. Волкову) и их европеоидными соседями на западе проходили по Центральной Монголии. К западу от «плиточников» была расположена зона племен, оставивших культуру курганов херексуров. В Южной Сибири проживали динлины – европеоидный народ, возможно, индоиранского происхождения. Динлины кочевали в юго-западном направлении от Байкала и до Алтая. В оазисах Восточного Туркестана в III в. до н. э. жили ираноязычные юэчжи, севернее их жили усунь.

Восточными и северо-восточными соседями дунхусцев были жившие в таежной зоне предки тунгусо-маньчжурских народов, занимавшиеся в основном рыболовством, охотой, земледелием. Это были различные оседлые племена. Китайские авторы называли их дуньи – «восточные иноземцы». По культурным традициям и языку эти народы отличались от дунхусцев. Границы между дуньи и дунхусцами были подвижны в пределах контактной зоны и проходили в основном по горным цепям Хинганского хребта и его отрогов.

На юго-востоке дунхуские племена граничили с сельскохозяйственными предками когуресцев (северных корейцев). Юго-восточные племена дунху в Ляодуне и пограничных районах Северного Китая, как и их соседи, частично занимались земледелием и имели общие черты в материальной и духовной культуре.

В III в. до н.э. дунхусцы, занимавшие обширную территорию, состояли из многих родов и племен, образовывавших более или менее постоянный союз. Они господствовали в степях Центральной Азии, где вскоре резко изменилась политическая ситуация, которая определила ход этнических процессов на несколько столетий. Причиной этих изменений были хунны, которые занимали земли западнее дунхуских владений, вплоть до Ордоса. В течение I тысячелетия н.э. хунны были вынуждены частично уступить Ордос китайцам и отойти на север, в земли, занятые кочевниками индоиранского происхождения. Хунны Ордоса также зависели от юэчжи и должны были посылать к ним заложников из семьи хуннского правителя.

С дунхусцами у хуннов существовали более равноправные отношения. Их разделяла полоса никому не принадлежащей земли, по обе стороны которой располагались караулы дунхусцев на востоке и хуннов на западе. В 209 г. до н. э. дунхусцы, теснимые Китаем, потребовали у хуннов уступки пограничной полосы земель шириной около 1000 ли. Это требование послужило поводом к войне, в ходе которой сын вождя хуннов Маодунь разбил дунху.

После разгрома часть дунху осталась кочевать на прежних землях, подчинившись хунну, а часть откочевала на север и стала называться ухуань и сяньби. Эти имена не были самоназванием, так они обозначались в китайских хрониках по названию Ухуаньских и Сяньбийских гор, возле которых они поселились.

По мнению В.С. Таскина, гора Ухуань также называлась Чишань, что с китайского значит «красная гора». Слово «красный» на монгольском языке произносится «улаан, улаган»; учитывая особенности китайской транскрипции, оно может быть близко к ухуань [14, с. 7, 57]. В.С. Таскин провел специальное исследование по месту локализации горы Ухуань – Чишань. Он полагает, что она находилась в бассейне верхнего Амура [14, с. 8, 9]. По Фань Е, эта гора лежала в нескольких тысячах ли к северо-западу от округа Ляодун и сюда возвращались и обретали приют души умерших ухуаней. По всей видимости, данная гора была родовой горой ухуаней и располагалась на их священных землях.

Другое мнение о размещении ухуаней высказывает М.В. Воробьев. Он отмечает, что местонахождение ухуаней менялось несколько раз, и чаще всего не по их желанию. Первоначально они жили на землях старой провинции Жэхэ и в юго-западной Маньчжурии. После разгрома хунну часть поселилась у горы Ухуань в верховьях реки Ляохэ, часть – к югу от Великой стены на китайской территории и в Ляодуне. После разгрома от Цао-Цао свыше 10 тысяч ухуаней были переселены в застенный Китай. Однако здесь же В.М. Воробьев указывает, что гора Ухуань находилась в верховьях Амура [3, с. 209].

В китайских летописях отмечается, что ухуани «пасут скот, отыскивая места с (хорошей) водой и травой. Для жилья не имеют постоянного места, домом служит куполообразный шалаш, выход из которого обращен на восток к солнцу» [14, с. 63]. В источниках говорится и о земледелии ухуаней, о том, что их земли благоприятны для выращивания проса и растения дунцян, похожего на просо [14, с. 64].

Вначале ухуани подчинялись хунну, платили им дань крупным рогатым скотом, лошадьми и шкурами овец. Надо сказать, что взаимоотношения хунну и ухуаней чередовались периодами дружбы и вражды: иногда они, объединив усилия, совершали совместные нападения на китайские земли, иногда, пользуясь слабостью, нападали друг на друга. Китай очень хорошо играл на этих противоречиях, вовлекая ухуаней и хунну в борьбу между собой.

К археологическим памятникам ухуаней относят погребения в уезде Сифун провинции Ляонин, исследованные китайскими учеными. Погребения бедны находками, возможно, они были грабленными. Среди коллекций выделяются длинные железные мечи. Особого внимания заслуживают находки железных земледельческих орудий. Украшения представлены изделиями из ценных пород камня [3, с. 215].

Сяньби, как и хунну, подразделялись на северных и южных. Южные сяньби – юйвынь (хи), муюн, кидань. Они занимали земли к востоку от излучины Хуанхэ и в бассейне реки Ляохэ, на северо-востоке расселялись до рек Нонни и Сунгари.

Из северных сяньби наибольшую известность получили тоба (тобгачи). Их земли находились далеко от Китая, и они долгое время оставались неизвестными. В северных пределах тоба пробыли в течение четырех поколений. Определить расселение северных сяньби позволяют данные археологических раскопок. В Восточном Забайкалье исследователи выделяют две

археологические культуры, связанные с сяньби, – зоргольскую и дуройскую. Памятники обеих культур раскопаны в Приаргунье в предгорьях Большого Хингана.

Зоргольская культура представлена памятниками Зоргол 1 и Дурой 2, расположенными на левом берегу реки Аргунь возле одноименных сел на расстоянии 70 км друг от друга. Погребения выделяются на поверхности небольшими каменными кладками овальной формы. Могильные ямы отличаются значительной глубиной до 2-3 метров, нередко выкапывались подбой, закрытые деревянными конструкциями из жердей и бересты. Умерший лежит в деревянном гробу или на берестяной подстилке.

Погребальный инвентарь представлен: железными и костяными наконечниками стрел; предметами конской сбруи, чаще всего это костяные двудырчатые псалии; керамикой и берестяной посудой; бронзовыми украшениями и каменными бусами. Полученные вещи позволили исследователям датировать раскопанные памятники концом I в. до н.э. – II в. н.э. [5, с. 253].

В конце II в. н.э. в Приаргунье появляется новая культура – дуройская. Забайкальскими археологами раскопаны могильники Дурой 1, Большая Канга 1, Копчил 1. Для дуройских погребений характерны однослойные надмогильные кладки. Могильные ямы неглубокие – от 0,5 до 1 метра. Внутримогильных сооружений не отмечено. Умершие лежат на спине, головой направлены на запад. В изголовье размещаются черепа животных (лошади, верблюда, коровы, барана). Инвентарь аналогичен вещам зоргольской культуры: предметы вооружения и конского снаряжения; бытовые вещи и украшения. Вместе с тем появились новые типы наконечников стрел, колчаные крюки с поперечной планкой, нагрудные бляхи-гривны. Некоторые из этих находок получили распространение в бурхотуйской культуре, оставленной племенами шивэй. Е.В. Ковычев связывает дуройскую культуру не с тобаским кругом сяньби, а с другими сяньбийскими ответвлениями, появившимися в Восточном Забайкалье в конце II в. н. э. в период сяньбийского великодержавия [5, с. 257].

Большое количество сяньбийских захоронений исследовано во Внутренней Монголии и Маньчжурии. Китайские археологи выделяют из обширного круга сяньбийских захоронений могилы собственно тоба и мужунов. Ранние захоронения мужунов (предварительная датировка III–IV вв.) раскопаны в Бэйпяо провинции Ляонин. Именно здесь происходило формирование мужунов. В местности Чаоян найдена могила с эпитафией, посвященной Цуй Юй из государст-

ва Поздняя Янь, умершему в 395 г. В провинции Ляонин известна могила Фэн Мусу, который умер в 415 г. Второе захоронение женское. Форма саркофага, присутствие собаки в саркофаге, части ажурной золотой короны – все это, по мнению исследователей, связано с кругом сяньбийских памятников. Около Чаояна вскрыто еще одно захоронение эпохи Северная Янь [3, с. 239, 240].

Тобаские памятники в основном раскопаны во Внутренней Монголии и Дунбэе (в провинции Ляонин). Находки у деревни Мэйдай недалеко от Хух-Хото относятся к раннему периоду тоба, так как некоторые вещи несут следы ханьского влияния. С другой стороны, бронзовый котел и пайцза выполнены в сюннуском типе, а бронзовая табличка с изображением тигра, бронзовый котел с полыми ножками и вертикальными ручками сохранили черты, свойственные изделиям тоба. Здесь же в Хух-Хото известно однокамерное кирпичное погребение мелкого чиновника или землевладельца. На это указывает большое количество земледельческих орудий. Могила датируется концом IV – началом V в. В местности Ваньгун аймака Чэньбаэрху Внутренней Монголии раскопано 26 захоронений ранних тоба. Памятники эпохи правления Тоба Вэй многочисленны и представлены уникальными находками. В могиле Мэйдай у Хух-Хото найден золотой перстень в виде фантастического оленя со вставками из драгоценных камней. Возле города Датун (провинция Шаньси) сохранились каменные барельефы с ажурной фигурной резьбой, серебряная чаша с золотой инкрустацией, серебряные миски с резными узорами. Известны фрески в погребениях у Ляонина и Нинся. На изображениях ощущается смещение религиозных и этических учений: изображения в китайских одеждах, но сяньбийских шапках, конфуцианские служители также в тобаском одеянии [3, с. 262-265].

Сяньбийцы, разместившиеся на границе китайского мира, постепенно стали играть все более значительную роль в истории Китая. Некоторые из сяньби создали свои государства в Северном Китае и управляли китайским населением. Сяньбийское племя муюн основало в Китае династию Янь, юйвэнь создали династию Северная Чжоу, цифу основали династию Западная Цинь.

Наибольшую известность получили сяньби тоба, которые из забайкальских степей вернулись в свой родовой очаг – на полуостров Ляодун – и положили начало династии Вэй, которая правила Китаем более ста пятидесяти лет. С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов это период

называют «первым монгольским завоеванием Китая» [4, с. 49].

Итак, древний период истории монголоязычных народов нашел отражение в китайских письменных источниках. В этот период в источниках не упоминается этноним «монгол», основные племена носят названия – дунху, сяньби, ухуань и другие. Археологи делают попытки увязать с данными народами конкретные археологические культуры. В основном народы группы дунху занимают территории Маньчжурии и Внутренней Монголии. Это земли с разным ландшафтом – плодородные почвы Маньчжурии позволяют части дунху заниматься земледелием, а те дунху, что освоили степи Монголии, переходят к кочевому образу жизни.

Литература

1. Алкин С.В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: неолит Южной Маньчжурии. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007.
2. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. – Улан-Батор, 1967.
3. Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 408 с.
4. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.
5. Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2006. – Вып. 4. – С. 242-258.
6. Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988.
7. Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 214 с.
8. Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. – Улан-Удэ, 1959. – Вып. 1. – С. 33-62.
9. Миняев С.С. Зона скифского мира на северо-востоке КНР: находки и проблемы // Общество и государство в Китае. – М., 1991. – С. 171-175.
10. Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2000.
11. Новгородова Э.А. Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III–I тыс. до н. э.). // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М., 1981. – С. 207-215.
12. Окладников А.П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 2003.

13. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – М.: Наука, 1968. – Вып. 1. – 177 с.

14. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Наука, 1984. – 486 с.

15. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998.

Дашибалов Эрдэм Баирович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета, e-mail: erdem10120@yandex.ru

Dashibalov Erdem Bairovich, candidate of historical sciences, teacher of department of history and regional studies of Asia, Buryat State University, e-mail: erdem10120@yandex.ru

УДК 930.253

© Ю.Ж. Жабон

ОПЫТ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ТИБЕТСКОГО ФОНДА ЦВРК (ИМБТ СО РАН)

В статье представлен опыт научного описания медицинских текстов из тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, сформированного из частных поступлений, главным образом, личных библиотек буддийских деятелей Бурятии прошлого. Коллекция медицинских источников насчитывает в общей сложности 508 рукописных и ксилографических текстов. Составленный аннотированный каталог содержит 20 параметров описания единицы хранения, в том числе сведения по авторству, датировке и структуре письменных источников. Состав сочинений выдержан в рамках тибетской медицинской традиции, и литература полностью отвечает уровню учебно-образовательного процесса.

Ключевые слова: Тибетские медицинские письменные источники, востоковедные исследования, история тибетской медицины, медицинские знания Центральной Азии.

Yu. Zh. Zhabon

EXPERIENCE OF THE SCIENTIFIC DESCRIPTION OF MEDICAL TREATISES FROM THE TIBETAN COLLECTION OF THE CENTER OF ORIENTAL MANUSCRIPTS AND XYLOGRAPHS (IMBTS SB RAS)

This article presents a classification system approach to the medical treatises from the Tibetan fund of the Centre of Oriental manuscripts and xylographs, which was formed mainly from private, personal collections of the Buryat lamas of the past. There are 508 manuscripts and xylographs in the collection. To ensure access of the reader, including the use of Internet technologies, an annotated catalog has been compiled. It contains 20 parameters describing a unit of storage, including information about the authorship, dating, and the structure of the sources. Despite the fact that the collection is relatively small, it corresponds to the teaching process literature in the tradition, and it presents all the necessary texts on Tibetan medicine.

Keywords: Medical Tibetan written sources, oriental studies, history of Tibetan medicine, medical knowledge of Central Asia.

Анализ коллекции тибетского фонда свидетельствует, что, несмотря на накопленный отечественной и мировой тибетологией опыт, степень изученности трактатов тибетской медицины нельзя признать удовлетворительной. До сих пор не разработаны конкретные методики, позволяющие провести научное описание, оценить проблемы структуры, генезиса и эволюции книжного собрания тибетской медицины. Подавляющее число памятников из медицинской коллекции практически неизвестно широкому научному сообществу.

Главной особенностью тибетского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН является то, что он объединяет разнородные книги буддийского содержания, которые в прошлом преимущественно

принадлежали буддийским монастырям и духовенству Бурятии. В настоящий момент фонд насчитывает более 40 тыс. памятников письменности на тибетском языке, которые разбиты на несколько тематических коллекций, содержащих от нескольких сот до нескольких тысяч единиц хранения [10]. В этом ряду в специальную коллекцию была выделена литература по медицине, также относящейся к одной из пяти больших буддийских наук.

Коллекция медицинских книг ЦВРК свидетельствует о широком распространении тибетской медицины в Бурятии. Главным образом она была развита в крупных бурятских монастырях, где открывались специальные школы по подготовке врачей. В частности, медицинские фа-

культеты – *менпа-дацаны* – были открыты при Цугольском (осн. в 1826 г.), Агинском (осн. в 1811 г.), Ацагатском и более десяти других *дацанах*. Здесь же шла публикация классических текстов тибетской медицины. Так, в двадцати девяти из тридцати четырех монастырей имелись свои печатни, в которых с середины XIX в. начали выпускать ксилографы на тибетском и старомонгольском языках и которые к середине XX в. уже предлагали большой выбор медицинской литературы на тибетском языке, в них готовились и издавались оригинальные труды, переводы бурятских *эмчи-лам* [7].

Переходя собственно к описанию коллекции, следует сказать, что активные работы по каталогизации собрания ЦВРК начались со второй половины 90-х гг. При поддержке РГНФ и РФФИ был составлен электронный каталог медицинской коллекции тибетского фонда, содержащий технические сведения об источнике.

Развитие информационных технологий и появление методик цифровой обработки восточных памятников письменности потребовали реализации других задач – описания и аннотирования коллекций, создания их цифровых копий. Так, в ходе реализации интеграционного проекта «Принципы и технология электронного представления книжного памятника» было осуществлено аннотированное описание 64 единиц хранения медицинской коллекции тибетского фонда и сделаны их цифровые копии. Последующее полное научное описание, аннотирование всей медицинской коллекции тибетского фонда ЦВРК было выполнено по проекту Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» [5].

Кроме того, по проекту, поддержанному РГНФ, впервые был создан специализированный мультимедийный многоязычный глоссарий терминов тибетской медицины [4], что позволило заложить основу для терминологических исследований в области теоретических и прикладных аспектов научной и культурной традиции Тибета и связанного с ним региона Центральной Азии.

При описании медицинской коллекции руководствовались той же стандартной схемой описания единицы хранения, которая применялась для всех остальных коллекций тибетского фонда. Вместе с тем она была дополнена краткой аннотацией, сведениями об авторе, датировке и рубрикацией глав, структурой всех медицинских трактатов коллекции.

Если говорить об общей характеристике единиц хранения рукописных копий и ксилографических изданий коллекции, то здесь, пре-

жде всего, необходимо отметить, что особенности состава всего тибетского фонда, сформированного из частных поступлений, отразились также и на коллекции медицинских сочинений. Так, обнаружилось большое количество единиц хранения одного и того же сочинения.

В общей сложности коллекция содержит 508 текстов, которые зарегистрированы под 222 шифрами хранения. Разница между ними состоит в том, что здесь первая цифра отражает все имеющиеся источники в коллекции с учетом всех томов в сочинениях, включая их дублетные экземпляры, а вторая цифра – без учета томов в текстах, как один нераздельный объект хранения.

Примечательно, что из 222 шифров хранения в колофонах 72 текстов ксилографического издания имеются указания о том, что они относятся к изданию бурятских дацанов. Самыми немногочисленными оказались единицы хранения тибетского издания, которые в коллекции представлены всего 8 текстами. Вместе с тем источники, не имеющие колофонов или иных внешних указаний на издание, определялись по типу бумаг.

Что касается 28 рукописных копий, то есть копия «Ньямъйик» – редкого трактата Гонмен Кончок Пендара (1511–1577), 5 текстов из цикла медицинских учений «Юток-ньинтик» или «Сокровенной сущности учений Юток», а также 6 рецептурных текстов. Остальные тексты представляют собой переписанные от руки копии «Чжуд-ши», «Вайдурья-нгонпо», «Лхантаб», медицинских словарей, текстов жанра *карчак* и *тобъйик*.

В общей сложности в коллекции представлено 65 сочинений, из которых 42 медицинских и 23 обрядовых текста. Все они принадлежат перу 25 авторов. Причем авторов медицинских произведений 15: восемь тибетских, пять монгольских и по одному древнеиндийскому и бурятскому автору. Что касается составителей обрядовых текстов, то их всего 10 – семь тибетцев и три монгола.

Из медицинских сочинений в коллекции больше всего работ Деумар-*геше* Тензин Пунцока (1672–? / 1725–?). Он является автором пяти трактатов: двух руководств по кровопусканию и прижиганию – «Тарке-дампа», «Меце-дампа», и трех весьма популярных фармакологических трудов – «Кунсел-нандзо», «Шелтенг» и «Шелгонг». Первые три трактата относятся к изданию Агинского дацана, а последние два текста – монгольского издания. По одному произведению представлены в коллекции Суркарва Ньямни Дордже (1439–1475), Суркарва Лодро Гьялпо (1509–1579?), Гонмен Кончок Пендар (1511–

1577), Джампел Чойкьи Тензин Тринле (1789–1838) и Нгаванг Сангье Пелсанг (нач. XVIII в.).

Из тибетских авторов особого внимания заслуживает Деси Сангье Гьяцо (1653–1705). Несмотря на то, что ему принадлежат всего три произведения коллекции – «Вайдурья-нгонпо» (1688), «Лхантаб» (1691), «Кокбук» (1703), но в количественном соотношении из 508 единиц хранения они занимают 309.

Среди монгольских тибетоязычных авторов здесь хотелось бы упомянуть автора двух фармакологических трактатов Чахар-геше Лувсанчултэма (Лосанг Цултим, 1740–1810), признанного авторитета среди всех ученых врачей Тибета и Монголии – Лунрик Дандара (XIX–XX вв.), а также Лувсанчоймпела (Лосанг Чойпел, XIX в.) и Агваанлуvsанданбийжалцана (Нгаванг Лосанг Тенпе Гьялцен Пел Санпо, 1770–1845).

Сочинение из тибетского буддийского канона «Дасер» (ТТМ-161) кашмирского *пандиты* Чандраниданы и рецептурный справочник «Большой Агинский джор» (ТТМ-201) Сумати Прадхани хранятся в коллекции по одному экземпляру.

Авторами обрядовых текстов являются, как правило, выдающиеся буддийские деятели Тибета и Монголии, такие как Джамьянг-шена IV Келсанг Туптен Ванчук (1856–1916), Чанкья Ролпе Дордже (1717–1786), Кончок Тенпе Дронме (1762–1823), Кангьюрпа Ринпоче, Карма Джикме Чойкьи Сенге (XIX в.), Панчен-лама IV Лосанг Чойкьи Гьялцена (1570–1662). В частности, авторству Панчен-ламы IV принадлежит наибольшее количество сочинений или 4 наибольших по размеру текстов коллекции.

Автором двух ключевых обрядовых текстов в тибетской медицинской традиции является Далай-лама V Нгаванг Лосанг Гьяцо (1617–1682), а именно «Йишин-вангьял» – «Практика семи будд медицины» (ТТМ-170, ТТМ-173) и «Паксам-джоншинг» – *садхана* «Юток-ньинтика» (ТТМ-142). Последний текст составлен им специально для реализации цикла медицинских учений «Юток-ньинтика», и в коллекции хранится только лишь одна, переписанная от руки копия текста. Из монгольских авторов данной группы текстов – это Богдо-гэгэн IV Лосанг Туптен Ванчук Джикме Гьяцо (1775–1813), Агванхайдуб (Нгаванг Кедруп, 1779–1838) и Халха Дамцик Дордже (1781–1855).

Что касается классификации сочинений коллекции, то в самой тибетской традиции не была разработана какая-то конкретная система классификации многочисленных медицинских трактатов. Они рассматривали «Чжуд-ши» как коренной текст, а весь остальной обширный

корпус медицинской литературы (*тиб. sman gzhung*) – лишь как поздние комментарии к нему. И надо сказать, что практически все деятели тибетской буддийской культуры считали своим долгом составить комментарий, если не к полному тексту «Чжуд-ши», то по крайней мере к отдельным его вопросам. Чтобы получить какое-то представление о количестве, характере и типах медицинских сочинений, современные исследователи предлагают свои классификационные схемы данной литературы. Основу одной из них составляют 7 групп сочинений, и она была предложена в свое время С.М. Аникеевой на основании изучения 30 медицинских текстов тибетского фонда ЛО ИВ АН [1]. Мы придерживались именно этой схемы, поскольку она позволяет более или менее корректно группировать источники по общей теме. Хотя между отдельными группами сочинений иной раз очень трудно провести четкую грань. Для примера можно упомянуть «Кунсел-нандзо», где первые четыре раздела посвящены фармакологии, а последний – лечебным процедурам (ТТМ-192). Такие сочинения были классифицированы в соответствии с преобладающей по размеру – основной темой.

Исходя из фактического наличия, состава медицинских сочинений коллекции, схема из 7 типов сочинений – в нашем случае была дополнена еще 4 группами: сочинениями *карчак*, содержащими оглавление или перечень глав, тем, освещаемых в различных медицинских трактатах; текстами *тобъйик*, содержащими перечень полученных медицинских учений; медицинскими трактатами из буддийского канона и обрядовыми медицинскими текстами.

То, что мы здесь обобщенно назвали обрядовыми медицинскими текстами, включает разные сочинения, и может показаться, что подобные тексты никак не могут относиться к медицинским трактатам. Однако в лечебной традиции Тибета духовные практики, йога, медитация играют очень важную роль и рассматриваются как ее неотъемлемые части. Нераздельность тибетской медицины и духовного совершенствования отмечают и западные исследователи. Они выделяют в тибетской медицине три основные составляющие – так называемую дхармическую, или религиозную, медицину, которая включает в себя созерцание, нравственное совершенствование, молитву и другие религиозные практики; тантрическую, или йогическую, медицину, где для лечения применяются особые созерцательные и визуализационные практики, и соматическую, или обычную, медицину.

В нашей коллекции представлены различные обрядовые тексты, которые сгруппированы нами опять же исходя из фактического наличия по двум основным группам и шести подгруппам. В первой группе текстов отметим лишь то, что за исключением трех работ – «Менла-каконг», «Йишин-вангьял» и «Дополнений к "Йишин-вангьял"» – вся остальная группа обрядовых текстов представлена в коллекции по одному экземпляру. Текст «Йишин-вангьял», написанный Далай-ламой V в 1673 г., занимает наибольшее количество и составляет 6 единиц хранения. Причем они различаются как по объему, так и по изданию. Если издания Эгитуйского дацана представляют собой краткий вариант текста, то издания Агинского дацана и Китая содержат полную версию «Йишин-вангьяла». Во второй группе все 6 текстов цикла медицинских учений «Юток-ньинтика» представляют собой переписанные от руки копии неустановленных ксилографических изданий. Наиболее редкими и интересными представляются здесь тексты второй подгруппы – так называемые Дополнительные тексты по практике «Юток-ньинтика», написанные монгольским ученым Халха Дамцик Дордже (1781–1855) дополнительно к основной *садхане* «Юток-ньинтика». По всей видимости, эти копии были сделаны с ксилографа, изданного в Монголии, и до поступления в коллекцию ЦВРК, возможно, принадлежали одному человеку.

В настоящее время бурятские ученые не прекращают изучение текстов и продолжают активную переводческую деятельность по вводу в научный оборот источников тибетской медицинской коллекции ЦВРК. В этой связи в первую очередь следует отметить издание на русском языке медицинского канона «Чжуд-ши» [11], а также публикации таких медицинских сочинений, как «Лхантаб» [4], «Дзейцармикгьен» [6], «Большой Агинский *джор*» [9], «Кунсел-нандзо» [2], «Кокбук» [3]. Готовятся к печати «Шелтенг» и «Вайдурья-нгонпо».

Несмотря на то, что коллекция сравнительно немногочисленна, и не исчерпывает всех медицинских сочинений тибетского фонда (здесь не затронуты медицинские трактаты из собранных сочинений *сумбумов* тибетских и монгольских авторов, коллекции разрозненных сочинений *торбу* и т.д.), в ней есть вся необходимая литература по тибетской медицине. Свидетель-

ством тому достаточное, выдержанное в рамках тибетской медицинской традиции жанровое разнообразие, соответствующее стандартам учебно-образовательного процесса, принятого в данной медицинской системе. Наряду с этим коллекция в известной мере отражает и «бурятский состав тибетских медицинских сочинений», указывая на приоритет, предпочтения бурятского лекаря в выборе того или иного сочинения. Одним словом в коллекции ЦВРК представлена вся необходимая литература по тибетской медицине.

Литература

1. Аникеева С.М. Опыт классификации тибетских медицинских источников (по материалам Тибетского фонда ЛО ИВ АН СССР) // Вестник ЛГУ. – 1983. – № 2. – С. 57-61.
2. Данзин Пунцог. Кунсал-нандзод: тибетский медицинский трактат по приготовлению лекарственных эликсиров. – Улан-Удэ: Изд-во Ассоциация литераторов Бурятии, 1991. – Ч. I. – 64 с.; Ч. II. – 46 с.
3. Деси Сангье Гьяцо. Кокбук: история медицинской науки Древней Индии / пер. с тиб. яз., пред., прим., указ., глосс. Ю.Ж. Жабон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – Ч. I. – 238 с.
4. Жабон Ю.Ж. Краткий тибетско-монгольский медицинский словарь с санскритскими эквивалентами. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 332 с.
5. Жабон Ю.Ж. Аннотированный каталог медицинской коллекции тибетского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 242 с.
6. Жамбалдорчжэ. Дзэйцхар-мигчжан: монголо-тибетский источник по истории культуры и традиционной медицине XIX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 224 с.
7. Земля Ваджрапани. Буддизм Забайкалья: Раздел тибетская медицина в Забайкалье / Ю.Ж. Жабон [и др.]. – М., 2008. – С. 172-208.
8. Санчжей Чжамцо [Деси Сангье Гьяцо]. Практическое руководство по тибетской медицине Лхан-тхабс [Лхантаб]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 224 с.
9. Сумати Праджня. Кунпан-Дудзи. – М.: Вост. лит., 2008. – 214 с.
10. Сыртыпова С.Д., Гармаева Х.Ж., Дашиев Д.Б. Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН: структура и содержание. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 226 с.
11. Чжуд-ши: канон тибетской медицины. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 766 с.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33.4. «Традиции и инновации в истории и культуре».

Жабон Юмжана Жалсановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: yumzhan@gmail.com

Zhabon Yumzhana Zhalsanovna, candidate of historical sciences. E-mail: yumzhan@gmail.com

УДК 930 (517.3)

© Б.В. Золхоев

**ЭТНИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПЛЕМЕНИ КЕРАИТ В IX–XII ВВ.
В ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛОВ И ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ**

В статье рассматриваются вопросы этнической и языковой идентификации племени Кераит в IX–XII вв. на основе анализа письменных источников по истории тюрков и монголов, а также исследований зарубежных авторов XIX–XX вв.

Ключевые слова: этнос, язык, племя, род, тюрки, монголы.

B.V. Zolkhoev

**ETHNIC AND LINGUISTIC IDENTITY OF THE TRIBE OF KERAIT IN IX–XII CENTURIES
ACCORDING TO CHRONICLES ON THE HISTORY
OF THE MONGOLS AND THE FOREIGN RESEARCHES**

The article deals with ethnic and linguistic identification of the tribe of Kerait in IX–XII centuries based on the analysis of chronicles on the history of the Turks and Mongols, as well as studies by foreign authors of XIX–XX centuries.

Keywords: ethnicity, language, tribe, clan, Turks, Mongols.

До того как Чингисхан утвердил свою власть, за господство в монгольских степях боролись между собой, главным образом, пять наиболее сильных племен. К ним относятся татары, занимавшие обширные и богатые травой равнины вокруг озера Буир-Нур; монголы, кочевавшие в междуречье Онона и Керулена, а также на Хангайском нагорье; меркиты, обитавшие в среднем и нижнем течении реки Селенги; найманы в восточной и западной части Алтайского нагорья; кераиты, контролировавшие центральную часть территории к северу от пустыни Гоби – Хангайское нагорье, долины рек Орхон и Туула. Среди перечисленных племен кераиты были одним из наиболее могущественных и процветающих.

В этот период кераиты находились на довольно высоком уровне социального развития в сравнении с другими племенами Монгольского плоскогорья. Задолго до того, как монголы пришли к власти, кераиты уже доминировали над всеми племенами, обитавшими севернее Гоби. В конце XII в. вождь кераитов Он-хан (впоследствии именованный Ван-ханом) предпринял целый ряд военных походов, направленных на покорение различных племен и объединение всех земель севернее Гоби под своей властью. В то время монгольский род кият также находился в зависимости от них, и Темучжин, вождь киятов, известный впоследствии как Чингисхан, являлся лишь одним из вассалов Он-хана. По его (Темучжина) собственному описанию, он «лишь кричит, преследующий добычу по велению Он-хана» [2, с. 129]. Однако Он-хан, свысока смотревший на своих соперников, потерпел в конце концов поражение от значительно укрепившегося Темучжина. Как только ханство кераитов достигло своих максимальных размеров,

оно было поглощено вошедшими в силу монголами. Военные походы Он-хана положили начало предстоящим мировым завоеваниям Чингисхана.

История племени кераитов представляет собой важную главу в общей истории народов Монгольского плоскогорья в домонгольскую эпоху, начиная от падения Уйгурского каганата до образования собственно монгольского средневекового этноса.

Как мы знаем, до сих пор не совсем ясно, к какой этнической группе принадлежали кераиты и каково происхождение этой общности. Большинство исследователей склонны относить их к тюркоязычной группе, однако при этом они весьма осторожны и не вполне уверены в таком суждении.

Поль Пеллио указывает: «Ни в одной из дошедших до нас историй о происхождении монголов не упоминаются кераиты. До сих пор весьма сложно определить – были ли кераиты монголами, испытавшими сильное тюркское влияние, либо они были тюрками, подвергшимися процессу монголизации. Как бы там ни было, но, по всей видимости, большинство кераитских вождей были тюрками. Хотя принято считать, что имя Тогрил (Тоорил) [2, с. 108] – монгольское, я полагаю что оно в равной степени и тюркское» [12, р. 25; 7, р. 245]. Тем не менее Пеллио не приводит каких-либо существенных оснований на этот счет.

Й. Иринчин в своей статье о происхождении монгольских племен восполняет пробелы в теории Пеллио: «По всей видимости, кераиты не являются по своему происхождению монголами. Даже если не принимать во внимание их тюрко-сирийские несторианские имена, то прочие кераитские имена, встречающиеся в историче-

ских источниках, практически все – тюркские. Даже если они и относились к коренным монголам, то испытали сильнейшее тюркское влияние». Он также указывает, что в «Изложении повествований о монгольских, тюркских и прочих племенах» в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина (далее «Сборник»), кераиты перечисляются вместе с племенами найманов, онгутов, тангутов, уйгуров и киргизов, выделяясь, таким образом, от монгольских племен, что «дает хорошую пищу для размышлений» [10]. Здесь, таким образом, Иринчин обращает внимание на два обстоятельства в пользу того, что кераиты были скорее тюрками, а именно: во-первых, их имена были практически все тюркскими и, во-вторых, Рашид ад-Дин в своей классификации отличает их от монголоязычных племен, группируя их вместе с племенами преимущественно тюркского происхождения, за исключением лишь тангутов.

Чжоу Циньшу, рассматривая этническое происхождение племени онгут, также затрагивает и кераитов. Основываясь на классификации племен, приведенной в «Сборнике», он приходит к заключению, что племена кераитов, найманов и онгутов могли быть «остатками» тюркских и уйгурских групп, безраздельно господствовавших в монгольских степях вплоть до упадка их кочевых объединений. Он также указывает на два обстоятельства: во-первых, кераиты наряду с найманами и онгутами восприняли несторианство, и, во-вторых, эти племена были связаны между собой брачными союзами. Опираясь на два этих обстоятельства, Чжоу Циньшу говорит о возможной принадлежности трех этих племен к одной этнической группе. И вместе с тем он добавляет, что «весьма сложно определить – были ли кераиты исключительно тюркоязычным племенем или нет» [20, p. 199–200].

Всех приведенных свидетельств все же недостаточно, чтобы выяснить этническую принадлежность кераитов. Монголоязычные племена в продолжение длительного времени находились в зависимости от тюрков и уйгуров, а затем постепенно одно за другим мигрировали на территории, издавна занимаемые тюрками. Таким образом, они неизбежно подвергались определенному воздействию тюркской экономики и культуры, хотя и не в одинаковой степени. В связи с этим несложно отыскать примеры заимствования тюркских имен в различных монгольских племенах. Например, среди тайчиутов, сулдусов и негусов встречались люди с именем Тогроул (Тогрил) [1, с. 182]. Чингисхан владел унаследованным рабом по имени Тогроул (Тог-

рил), который возмутился и перебежал к Онхану [3, §180].

Отец Амбахай-хана, общего племенного вождя монголов, имел имя Сенгум-билге. Термин «сенгум», являясь искажением официального титула киданей «xiangwen» (т.е. «генерал», «военачальник»), происходит от китайского титула «xianggong» (т.е. «великий советник»), который был воспринят киданями и стал присваиваться наиболее влиятельным родоначальникам подчиненных им племен. Тюркское же слово «bilge» означает «мудрый». Последнее было выбрано тюркским Билге-каганом в качестве его официального титула. В монгольском племени Кият был человек из рода Джуркин по имени Бури Боко (Böri Bökö), который ранил в плечо младшего брата Чингисхана Белгугея во время съезда монгольских племен на реке Онон. Значение тюркского слова «bögi» – «волк», а в монгольском же ему соответствует – «cino» [13, p. 189; 8, p. 311]. В племени Джуирит был также человек по имени Тахай-дару. В армии Чингисхана упоминается выдающийся военачальник из племени Сулдус по имени Тахай-багатур. По мнению Пеллио, «Тахай» («Taqaï»), вероятно, происходит от тюркского слова «тарай» («tarai») со значением «дядя по материнской линии», которому в монгольском языке соответствует слово «нагацу» (naqaçu) [13, p. 127].

Можно привести и другие подобные примеры, которые свидетельствуют, что монголы нередко воспринимали тюркские слова в качестве имен собственных. И тем не менее этих свидетельств все равно недостаточно, чтобы окончательно доказать принадлежность кераитов к тюркской этнической группе.

Если же обратиться к языку кераитов, не принимая во внимания их имена, то других прямых доказательств их принадлежности к тюркам нет. В «Сборнике» встречается лишь замечание о том, что «они [кераиты] имели сходство с монгольскими племенами, и их обычаи, нравы, наречия и словарный состав близки друг другу» [2, с. 108].

Тем не менее в 1246 г. посланец Папы Римского Иннокентия IV в Монгольской империи Джованни Плано Карпини оставил следующее замечание: «К востоку лежит земля, называемая Монголией. Некогда там обитали четыре племена. Одно называлось "йэхамонгол", что означает "Великие Монголы"; другое – су-монгол, т.е. "монголы воды", но сами они именовали себя "татарами" по названию реки Татур, протекающей по их земле; третье племя называлось "меркит", а четвертое "мекрит". Все эти племена были схожи внешне и имели один язык, хотя и от-

делялись друг от друга, имея собственных правителей и провинции» [4, р. 19].

Среди специалистов нет единого мнения относительно племени, которое Карпини назвал «мекрит». В дальнейшем, после восьмилетнего пребывания Карпини у монголов, французский посланник Вильям (Гильом) де Рубрук отметил, что «Он-хан владел людьми, называемыми "крит" и "меркит", которые исповедовали несторинское христианство» [4, р. 122]. Арманд де Аvezьяк предположил, что упомянутых Рубруком «крит и меркит» следует рассматривать как «крит и мекрит», что более согласовывалось бы со сведениями, приводимыми Карпини. Он полагал, что эти два имени относятся к одному племени (как, например, лонга и соланга, чин и мачин), и что это племя являлось кераитами [5, р. 534]. Однако Вильям Рокхилл усомнился в справедливости такого предположения. По его мнению, указанное Рубруком племя «крит» являлось кераитами, а «меркит» – меркитами, и Арманд де Аvezьяк не имел оснований произвольно переименовать «меркит» в «мекрит». К тому же меркиты не были несторинцами, как и не находились в подчинении у Он-хана. Таким образом, Рубрук, по-видимому, лишь воспроизвел неверное толкование этого вопроса, имевшее распространение до него [16, р. 111].

В «Изложении повествований о племенах» в «Сборнике» в разделе о племени меркитов говорится: «хотя некоторая часть монголов называет меркитов мекритами, [но] смысл обоих [названий] один и тот же» [1, с. 114]. Таким образом, очевидно, мы можем рассматривать «мекритов» и «меркитов», приводимых Карпини, относящихся к одному и тому же племени. Однако Карпини упоминает эти имена дважды, при этом относя их к разным племенам, что делает сложным согласование текстов двух этих источников.

В сочинении «Хроники посольства на Север» Лю Ци, летописца эпохи династии Цзинь (1115–1234 гг.), сообщается, что в 1220 г. посланник династии Цзинь по имени Угусунь Чжуаньдуань, проезжавший через Монголию и западные регионы для сбора сведений, записал имена таких северо-западных племен, как молиси (molixi), мокэли (mokeli), киргизы, найманы, хангли, гуйгу и другие. Ван Гуовэй считает, что «molixi» являлись меркитами, а «mokeli» – кераитами [18]. Это согласуется со сведениями Карпини. Янаи Ватару (Yanaï Wataru) также придерживается этого мнения. Более того, он полагает, что «mokeli» – это «мекриты» Карпини [19, с. 538].

Вада Сей (Wada Sei) отождествляет «mokeli» и «мекрит» с «бекрин» (или «мекрин»), упоминаемыми в «Сборнике», а также он отождествляет их с племенем «миэкэли» («miekelii») эпохи династии Мин [17, р. 337-346]. Однако племя Бекрин, упоминаемое в «Сборнике», проживало в труднодоступных горах Уйгуристана. Это было небольшое племя, не превышавшее одну тысячу семей [1, с. 149]. Карпини же сообщает, что мекриты были одним из четырех великих монгольских племен. Таким образом, среда обитания и положение этих двух племен («мекриты» Карпини и «бекрины» Рашид ад-Дина) совершенно различны.

На наш взгляд, «мекриты» Карпини являлись, по-видимому, племенем кераитов, поскольку на землях, занимаемых монгольскими племенами к востоку от найманов, располагались три племени – монголы, татары и меркиты, которые были относительно равны между собой, и племени кераитов среди них не упоминается. Замечание Карпини о том, что эти четыре племени говорят на схожем языке, является ценным свидетельством относительно языка кераитов.

В классификации племен «Сборника» к первой категории, составляющей первый раздел «Изложения повествований о племенах», отнесены потомки огузов. Остальные 24 подобных племени принадлежат к тюркской языковой группе за исключением рода юлиболи (yiliboli) племени кипчаков – это монголоязычный род, откочевавший на запад из восточной Монголии и ассимилированный позднее тюркскими племенами [14; 6, р. 25].

Четвертая категория – «Тюркские племена, ранее называвшиеся монголами» – включает дарлекин и нирун монголов, оба этих племени принадлежат к монгольской языковой группе. Тем не менее последние отличаются от второй и третьей категорий племен. Например, вторая категория «Тюркские племена, называемые ныне монголами, но в прежние времена имевшие свои собственные отдельные наименования» включает не только монголоязычные племена. Поскольку среди них племена джалаир, татар, меркит, ойрат [1, р. 114] и некоторые другие, вероятно, можно назвать монголоязычными, но племена теленгут и каштым были, скорее всего, тюркоязычными [9, р. 343-345]. Третья категория озаглавлена «Тюркские племена, имеющие свои собственные правителей и родоначальников». Большинство из них были представлены тюркскими родами, но тангуты, например, являлись ветвью тибето-бирманской языковой группы. В этом разделе Рашид ад-Дин дает иную трактовку относительно трех племен: уйгуров,

карлуков и кипчаков, которых он до этого поместил в первом разделе (категории). Здесь он описывает их историю, достижения их правителей и обстоятельства, приведшие их к подчинению монголам.

По всей видимости, племена выделены в данную категорию, поскольку «каждое имело своего собственного правителя» и «более того, представляло собой отдельное государство или ханство» (см. Предисловие к «Сборнику»). Поэтому принадлежность этих племен к одной этнической группе не являлась главным мотивом выделения их в отдельную категорию [11]. Далее в своей статье Мураками Масацугу рассуждает о том, что различные племена, входящие в третью категорию «Сборника» и населявшие западную часть Монголии, в своем культурном развитии были выше соседних племен, а в политическом отношении они представляли собой племенные группы, находившиеся уже на стадии складывания государственных форм [11]. В связи с этим становится более понятным, почему и племя кераит также было отнесено к данной категории.

Что касается родовой или этнической принадлежности племени кераит, то в «Сборнике» в третьем разделе «Изложения повествований о племенах» говорится: «Они [представляют] собою род монголов; их обиталище есть [по рекам] Онону и Кэрулену, земля монголов. Те округа близки к границам хитайской страны» [1, с. 127]. Это описание более конкретно и детально, чем подобное описание о меркитах в этом же сочинении. Приведенный фрагмент, вероятно, привлек внимание многих исследователей, однако они, находясь под влиянием содержащейся в этом же труде классификации племен и не совсем ясного представления о происхождении кераитов, в итоге не были до конца убеждены пояснениями Рашид ад-Дина.

Тем не менее объяснения Рашид ад-Дина небезосновательны. Они отражают представления об этнической принадлежности кераитов в эпоху династии Юань. В сочинении Тао Цзуньи, историка эпохи поздней династии Юань (1260–1368 гг.) и ранней династии Мин, в разделе «Роды и племена» кераиты перечислены среди «72 монгольских народов» [15]. Распределение по родам в этом трактате основывается на существовавшем в Юаньскую эпоху принципе деления населения на четыре неравных социальных класса, а именно: монголы; сыму (букв. «цветноглазые») – пестрая в этническом отношении социальная группа, находящаяся ниже монголов, но выше природных китайцев; ханьцы (собственно природные китайцы); и так называемые

южные люди (преимущественно население южных провинций Китая). Принадлежность кераитов к «72 монгольским народам» означала их фактическое равенство с собственно монгольскими племенами и давала им преимущества перед другими социальными классами. Эта категория «72 монгольских народа» включает в свой состав большую часть упоминаемых в «Сборнике» монгольских племен нирун и дарлекин (племена, входящие в четвертый раздел «Изложения повествований о племенах»), а также племена, «в настоящее время называемые монголами» (племена второго раздела).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что племя кераит, по всей видимости, действительно относилось к монголоязычному этническому субстрату, ибо четкое определение его как подгруппы монголов в Юаньскую эпоху, содержащееся в работе Тао Цзуньи, вполне соотносится с таковым и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, где они определены как «род монголов», несмотря на то, что последний классифицировал племена в несколько ином порядке.

Литература

1. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. О.И. Смирновой, ред. проф. А.А. Семенова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1, кн. 1.
2. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. О.И. Смирновой, ред. проф. А.А. Семенова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1, кн. 2.
3. Сокровенное сказание монголов. – М.: Эксмо, 2012.
4. Dawson, Cristopher, editor. The Mongol Mission: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the 13th and 14th Centuries. London and New York: Sheed and Ward, 1955.
5. D' Avezac, Armand. Relation des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin. Paris: Arthus-Bertrand, Don-dey-Duprè, 1839.
6. Feng Chengjun. Continued Collection of Translations and Studies on Historical Places in the Western Regions and Southern Seas. Shanghai: Commercial Press, 1933.
7. Grousset, Rene. L'empire des steppes. Paris, 1969.
8. Han Rulin. A Philological Study of Turkish Official Position Titles // Collection from the Yurt. Shanghai People's Press, 1982.
9. Han Rulin. Chinggis Khan's and Other Neighboring Tribes in the Yuan Dynasty // Collection from the Yurt. Shanghai People's Press, 1982.
10. Irinchin, Yekeminghadai. On the Origins of the Ethnic Groups of Northern China and the Mongols // Journal of Inner Mongolian University, 1979, nos. 3-4 (joint volume).

11. Murakami Masatsugu. The Nomadic Tribes before the Emergence of the Mongol Empire // Journal of Oriental Research, vol. 23, no. 4, 1964.

12. Pelliot, Paul. La Haute Asie. – Paris. – L' édition artistique J. Goudard, 1931.

13. Pelliot, Paul; Hambis, Louis. Histoire des Campagnes de Gengis Khan. Leiden: Brill., 1951.

14. Pelliot, Paul. About the Kuman // Second Collection of Translations and Studies on Historical Places in the Western Regions and Southern Seas. Shanghai: Commercial Press, 1962.

15. Tao Zongyi. 南村輟耕錄 Nancun chuogeng lu (Записи Наньцуня, сделанные в перерывах между пахотой). Beijing: Zhonghua Book Company, 1959.

16. William of Rubruck. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World 1253-1255, As Narrated by Himself, with Two Accounts of the Earlier

Journey of John of Pian de Carpine, translated and annotated by William Woodville Rockhill. London: Hakluyt Society, 1900.

17. Wada Sei. A Study of the Miekeli // Collected Papers on Oriental History: A Festschrift in Honor of the 60th Birthday of Dr. Kuwabara. Kyoto: Kōbundō, 1931.

18. Wang Guowei. Corrected Records of Ancient Travel Accounts // Posthumous Papers of Wang Guowei. Shanghai Ancient Books Book Company, 1983.

19. Yanai Wataru. Research on Mongolian History. Tokyo: Tōkō Shoin, 1930.

20. Zhou Qingshu. The Ethnic Origin of the Önggüd // Collected Papers of the Memorial Conference for the Foundation of the China Mongolian History Institute. Hohhot. China Association of Mongolian History, 1979.

Золхоев Борис Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета, e-mail: boriszkhoev@gmail.com

Zolkhoev Boris, Ph.D., Associate Professor of the History of Buryatia, Buryat State University, e-mail: boriszkhoev@gmail.com

УДК 94 (510)

© Т.Г. Мазур

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В КИТАЕ (ПЕРИОДЫ ИМПЕРИИ И НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В работе предпринят сравнительный анализ двух социальных групп государственных гражданских служащих – служилого сословия (чиновничества) и ганьбу (кадровых работников), принадлежащих различным историческим эпохам в китайской истории – периоду Империи и периоду Народной Республики.

Ключевые слова: Китай, социальная группа, государственные гражданские служащие, служилое сословие (ши), ганьбу.

T.G. Mazur

THE SOCIAL GROUP OF CIVIL SERVANTS IN CHINA (THE PERIODS OF THE EMPIRE AND THE PEOPLE'S REPUBLIC)

The paper deals the comparative analysis of the groups of civil servants – service estate (bureaucracy) and ganbu (employees), belonging to different historical periods in Chinese history – the period of the Empire and the period of the People's Republic.

Keywords: China, a social group, civil servants, service estate (shi), ganbu.

Государственные гражданские служащие, или чиновники, являются одной из основных социальных групп любого современного общества. Особую актуальность исследование этой социальной группы получает, когда речь идет о китайском обществе, где теория и практика управления имеют многовековые традиции.

В традиционном императорском Китае социальная группа государственных гражданских служащих была представлена служилым сословием (ши), в КНР управленческие функции оказались сосредоточенными в руках социальной группы ганьбу (кадровых работников).

Известно, что в основе складывания любой социальной группы лежат два ряда факторов:

материально-объективные и духовно-сознательные.

Материально-объективные факторы фиксируют связь между членами социальной группы, которая проявляется, например, в типе деятельности в системе общественного разделения труда, в социальном статусе, в общности условий социального бытия и т.д.

Для служилого сословия и ганьбу характерен одинаковый тип деятельности в системе общественного разделения труда. Говоря другими словами, и та, и другая группа была призвана выполнять в обществе схожие функции, хотя и в разные исторические периоды.

Согласно традиционным китайским представлениям, общество должно подразделяться на следующие основные социальные группы: земледельцы (нун), ремесленники (гун), торговцы (гу) и служилые (ши). Каждая из них наделялась в традиционном Китае особым набором функций, и в обязанность представителям служилого сословия вменялась служба, которая состояла в том, чтобы «помогать» императору управлять Поднебесной. При этом, говоря о традиционно-китайском служилом сословии, необходимо иметь в виду, что это именно «сословие *служащих*» (в отличие, например, от европейского дворянства – по большей части «сословия людей, *имеющих право служить*») [1, с. 204; 2, с. 183]. Применительно к императорскому Китаю термином «служилое сословие» обозначается «социальная организация лиц, *связанных с государственной службой* и выделяемых в связи с этим законодательно в особую группу» [2, с. 181].

Термином «ганьбу» в КНР также стали обозначаться служащие, призванные обеспечивать контроль над социально-экономическими и политическими процессами в обществе, имеющие право принимать административные решения [3, с. 51]. Термин «ганьбу» распространяется на две категории кадровых работников – политическую элиту (руководители высшего эшелона власти, а также кадровые работники различных ведомств) и функционеров, составляющих штат партийно-государственного аппарата [4, с. 39]. В современном Китае все стороны их службы регламентирует закон КНР «О государственных служащих» (вступил в силу с 1 января 2006 г.), созданный на основе «Временного положения о государственных служащих» (действовало с 1 октября 1993 г.), который квалифицирует их как сотрудников, исполняющих по закону государственные должностные обязанности, входящих в штат государственного аппарата, получающих заработную плату и другие материальные блага из государственных финансов [5, ст. 2].

Исполнение служебной обязанности давало представителям служилого сословия право занимать привилегированное положение в обществе (это право обычно сохранялось до тех пор, пока они выполняли свои профессиональные функции). В социальной структуре традиционного китайского общества чиновничество выделялось в особое высшее сословие, чиновники освобождались от налогов, трудовой повинности, иногда – от телесных наказаний, они обладали юридическими, главным образом судебными, привилегиями, распространяя свой статус на членов семей и близких родственников [1,

с. 150-151; 203-204]. Социальный статус того или иного чиновника определялся общегосударственным рангом и должностью. Классической для традиционного Китая была чиновно-должностная система из девяти рангов, каждый из которых подразделялся на две степени [1, с. 72-73]. Оплата государственной службы осуществлялась путем выдачи жалованья, размер которого зависел прежде всего от ранга должности. Как правило, разница между высшим и низшим окладом была очень велика: один превышал другой не менее чем в 20 раз. Классический вариант выплаты жалованья, практиковавшийся в Тан и Сун, предусматривал параллельную выплату зерном, деньгами и натурой (одеждой, топливом, письменными принадлежностями и т.д.) [1, с. 124-131].

Что касается ганьбу, то выполнение управленческих функций также обеспечивает этой группе привилегированное положение в обществе. Так, определяя место госслужащих в социальной структуре современного китайского общества, их можно отнести к высшему и среднему высшему классу [3, с. 76]. «Временное положение...», а позднее и закон КНР также установили ранжированную иерархию государственных служащих, увязали ранги с определенными должностями (первый ранг у премьера Госсовета, второй и третий у его заместителей, третий и четвертый – у министров и глав администраций провинциального уровня и т.д. до 10-15 ранга, присваиваемого делопроизводителям), а сами должности подразделили на руководящие и не руководящие [6; 5, гл. 3]. Что касается жалованья ганьбу, то в первые годы существования КНР госслужащие также, помимо денег, получали продуктовые пайки и одежду, и лишь в 1956 г. этот порядок оплаты был заменен денежным жалованием, размер которого стал определяться занимаемой должностью [6], а также членством в партии [3, с. 52]. Разница между максимальной и минимальной заработной платой в среде кадровых работников также достигала 20 и более раз [3, с. 52].

Одной из характерных черт государственной службы в традиционном Китае была практика проверок и оценок чиновников, проводимых в форме плановых или нерегулярных, неплановых аттестаций. На аттестации, как правило, оценивались четыре основных параметра: личное поведение, исполнительские способности, послужной список и возраст, следствием аттестации становилось либо продвижение по службе, либо понижение в ранге, в должности или отставка [1, с. 116-118].

Проверка работы современных ганьбу также осуществляется путем аттестации, на которой вместе с проверкой практических результатов работы учитываются моральные качества и способности, прилежание, честность и неподкупность госслужащих. По итогам аттестации руководитель учреждения или аттестационная комиссия оценивают работу аттестуемого по четырехбалльной шкале: отлично, соответствует должности, соответствует должности в основном или не соответствует [5, гл. 5].

Материально-объективную основу рассматриваемых социальных групп – служилого сословия и ганьбу – составляют также принципы их комплектования.

Комплектование служилого сословия в традиционном Китае исходило из «подбора талантов» и осуществлялось путем сочетания нескольких способов поступления на службу. Основными тремя были экзамены, рекомендация и наследование, при этом экзаменационная система со временем стала наиболее характерным и специфичным для традиционного китайского государства элементом комплектования. Система регулярных экзаменов с присвоением ученых степеней в своем классическом виде сформировалась в эпоху Сун (960–1279) и стала представлять собой триаду последовательно проводимых раз в три года провинциальных, столичных и дворцовых экзаменов [1, с. 81-104].

Что касается ганьбу, то в начальный период формирования КНР, в 50-х гг. XX в., основным источником пополнения этой социальной группы являлась НОАК. Считается, что первоначально термин «ганьбу» применялся именно к людям, которые участвовали в революционном движении до создания КНР [3, с. 51-52]. В народном Китае преобладающим принципом при подборе управленцев на должность стала классовая принадлежность и идейно-политическая подготовка претендентов. Сама процедура приема на службу ограничивалась ознакомлением с личным делом, наведением справок о том, как человек себя зарекомендовал, после чего с ним проводилась краткая беседа, и окончательное решение принимали соответствующие руководители и отделы кадров на основании «внутриведомственного обсуждения» [7].

В настоящее время принцип комплектования ганьбу в Китае претерпел некоторые изменения. Согласно «Временному положению...» и закону КНР, одним из вариантов вхождения в группу ганьбу, как и в случае со служилым сословием, стало участие кандидата в конкурсных экзаменах, и этот вариант получил в современном Китае наиболее полное применение на

практике [6; 5, гл. 4]. Претенденты на должность теперь сдают устные и письменные экзамены, по результатам которых они могут быть назначены на должность [5, гл. 4].

Наряду с материально-объективными факторами основой социальной группы являются и факторы духовного порядка, такие как идеологические установки, ценностные ориентации, социально-психологическое чувство «мы», традиции и т.п., которые придают группе неповторимое своеобразие.

Служилое сословие и ганьбу представляют собой субъектов и носителей различных идеологий. Так, служилое сословие являлось субъектом и носителем конфуцианства как своей сословной идеологии. Ганьбу, являясь на начальном этапе носителем идеологии марксизма, впоследствии создало собственную идеологию, получившую наименование «саньгэ дайбяо» («трех представителей»), дополнив марксизм-ленинизм идеями Мао Цзэдуна и Дэна Сяопина. Однако и в случае со служилым сословием и в случае с ганьбу обращает на себя внимание высокая степень идеологизированности сознания этих социальных групп. Известно, например, что практически все без исключения представители служилого сословия получали традиционное конфуцианское образование, а при сдаче экзаменов проверялось прежде всего знание классических конфуцианских канонов. Требование соответствующей идейно-политической подготовки изначально лежало и в основе комплектования ганьбу, но даже и теперь, в условиях проведения открытых конкурсных экзаменов, проверка политических и идеологических качеств кандидата имеет особое значение. Так, в «Руководстве по развитию природных качеств молодых ганьбу Китая» в приведенном списке основных качеств, которыми должны обладать молодые руководящие кадры Китая сегодня (8 пунктов), первым пунктом значится системная основательная теоретическая подготовка (подразумевающая прежде всего знание основ марксизма), четвертым – прочное партийное воспитание [8, с. 110; 136]. «Положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов», регулирующее порядок замещения руководящих должностей, также выдвигает подобные требования к претендентам, помещая их в самое начало списка: во-первых, «необходимый для исполнения служебных обязанностей уровень в области марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэна Сяопина...», во-вторых, овладение «великими идеалами коммунизма и твердой

убежденностью в социализме с китайской спецификой...» [9, ст. 6].

Что касается ценностных установок, то одной из основных ценностей, характерных для служилого сословия, являлось образование. Известно, что это сословие нередко называют «ученым сословием», и что практически все известные философы, писатели и поэты императорского Китая являются выходцами именно из этого сословия. Собственно, именно образование, которое заключалось прежде всего в знании классических конфуцианских канонов, и давало возможность кандидатам войти в состав этого сословия в случае успешной сдачи экзамена и получения государственной должности. Именно поэтому в традиционном Китае на получение и повышение образования уходили многие годы. Например, танский мыслитель и литературный деятель Хань Юй следующим образом описывает этот процесс: «Продолжая занятия, оставленные [мне] в наследство предками (скорее всего, он имеет в виду отца и брата. – Т.М.), не усердствовал в войне, с сохой [в руках] – в [деле] наступления и обороны, в [деле] обработки земли, [а] читал книги, писал сочинения, начиная с семилетнего возраста и вплоть до сегодняшнего дня – все двадцать два года» [10, с. 1].

Говоря о ганьбу, необходимо отметить, что изначально эта группа сфокусировалась собственно на управленческих функциях, умственный труд и образованность в КНР стали прерогативой другого социального слоя – интеллигенции [3]. Таким образом, в народном Китае сферы управления и образования разделились. На момент начала реформ в Китае только 6 % из 810 тыс. кадровых работников, занимавших руководящие посты в государственных учреждениях, партийных и общественных организациях, органах управления производством, образованием и культурой, здравоохранением и пр., обладали специальными знаниями в размере вузовского образования [3, с. 53].

Однако с течением времени стало уделяться больше внимания повышению уровня образования ганьбу: большинство кадровых работников прошли подготовку в системе ускоренных курсов, был частично изменен их состав за счет принятия в партию представителей интеллигенции. Как следствие, уже к 1997 г. доля кадров с высшим образованием достигла 93,5% на уровне провинций, 91,5% на уровне префектур и 83,6% на уровне уездов [11, с. 50]. Требования к уровню образования закрепились и в законодательных документах, а также в литературе идеологического характера. Так, в упоминавшемся выше «Руководстве...» в качестве одного из ос-

новных способов воспитания молодых руководящих кадров названо их обучение, которое наряду с идеологической подготовкой, подразумевающей изучение основ марксизма-ленинизма, а также наследия Мао Цзэдуна и Дэна Сяопина, заключается в изучении современной мировой экономики, политики, науки и техники, законодательства, военного дела, а также всех культурных достижений человечества [8]. Согласно «Положению...», работники, выдвигаемые и назначаемые на руководящие должности партийных и государственных органов, также должны теперь иметь «высшее образование или культурный уровень в объеме специального курса и выше, в том числе руководящие кадровые работники окружного (управление), отдельного уровня обычно должны иметь высшее образование или культурный уровень в объеме курса по данной специальности и выше» [9, ст. 7]. Таким образом, на сегодняшний день мы можем констатировать усиление требований к уровню образования ганьбу и факт повышения их образованности, что в свою очередь не может не оказать влияния на повышение в их сознании такой ценности, как образование.

Говоря о ценностных установках служилого сословия, необходимо отметить и традиционно закрепленное в их сознании стремление к идеалам высокой морали, воплотившееся в создании образа цзюньцзы. Известно, что самым страшным наказанием для чиновника императорского Китая была «потеря лица», т.е. публичное уличение в аморальной проступке, что автоматически ставило крест на его дальнейшей карьере. Хотя наличие идеала и не избавляло от должностных нарушений, превышения полномочий и коррупции, которые нередко отмечались в среде традиционного китайского чиновничества [см., напр.: 12], однако должный моральный облик был закреплен идеологически и служил неким ценностным ориентиром для рядового чиновника.

Что касается современного китайского общества, то, как известно, практически весь XX век прошел в Китае под флагом борьбы с коррупцией в госаппарате. Однако и в начале XXI в. исследователи указывают на достаточно высокий уровень его коррумпированности [6]. Публикуя итоги обследования уровня нравственного состояния общества, официальная печать КНР сегодня отмечает, что «в некоторых сферах и местах общества утрачены моральные ориентиры <...>, стали произрастать меркантилизм, гедонизм, крайний эгоизм, иногда имеют место забвение долга ради выгоды, личная нажива за общественный счет, общественным злом стали утрата доверия, обман и подлог,

серьезный характер приобрели корыстное злоупотребление своим положением, разложение и деградация» [13, с. 219]. Как следствие на сегодняшний день руководители страны также начинают уделять больше внимания моральному облику современного чиновника, что способствует формированию и укреплению в сознании рядового ганьбу ценностной ориентации на нормы морали. Так, согласно «Программе укрепления норм гражданской морали», члены партии и руководящие работники по сути дела должны взять на себя функции цзюньцзы, стать проводниками принципа «образцовой поведенческой морали» [13, с. 221]. Среди требований, предъявляемых к руководящим кадровым работникам партийных и государственных органов, в «Положении...» отмечаются следующие моральные установки: «быть честным и неподкупным <...>, показывать личный пример, упорно преодолевать трудности, быть скромным...». В «Руководстве...» при анализе содержания природных качеств человека (сучжи) указывается на важное место моральных качеств как силы, способной изнутри сдерживать поведение человека, а также в определенной степени обеспечивать правильное направление развития других природных качеств [8, с. 90].

Итак, сравнительный анализ двух социальных групп – служилого сословия (ши) и ганьбу – позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на перемены, произошедшие в Китае за период перехода от традиционного общества к современному, эти группы госслужащих демонстрируют некоторое сходство по ряду признаков и даже определенную преемственность: по мере своего развития социальная группа ганьбу начинает проявлять все больше черт, свойственных традиционному служилому сословию.

Литература

1. Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 312 с.

Мазур Татьяна Геннадьевна, кандидат философских наук, заместитель директора по учебно-методической работе, Бурятский филиал Томского государственного университета. E-mail: mtbi@yandex.ru

Mazur Tatiana Gennadievna, candidate of philosophical Sciences, Deputy Director on teaching and methodical work, Buryat branch of the Tomsk state university. E-mail: mtbi@yandex.ru

2. Волков С.В. Социальный статус служилых слоев в дальневосточных деспотиях // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. – М.: Наука, Вост. лит.-ра, 1993. – С. 177-191.

3. Ангаева Ю.С. Современное китайское общество: модификация социальной структуры. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 140 с.

4. Никитина Т.Б. Бюрократия и реформы // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. – М., 1994. – С. 38-42.

5. Закон КНР «О государственных служащих» (вступил в силу с 01.01.2006) / пер. с кит. В.И. Антонова). – URL: <http://sudru.com> (дата обращения: 15.04.2014).

6. Гудошников Л.М. Метаморфозы государственной службы в Китае // Отечественные записки. – 2008. – №3 (42). – URL: <http://www.strana-oz.ru> (дата обращения: 29.09.2008).

7. Копков А.В. Как стать государственным служащим в КНР. – URL: <http://asiapacific.narod.ru> (15.04.2014).

8. Чжун циньянь линдао ганьбу сучжи цзяоюй дубэнь (Руководство по развитию природных качеств молодых ганьбу Китая). – Пекин: Чжун гун чжунъян дан сяо чубаньшэ, 2001. – 347 с.

9. Положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов (разослано ЦК КПК 9 июля 2002 г.) / пер. с кит. В.И. Антонова // Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов. – М.: Зерцало-М, 2004. – 432 с.

10. Хань Юй. Гань эр няо фу // Тун Дидэ (сост. и коммент.). Хань Юй вэньсюань. – Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1985. – 284 с.

11. Диксон Б. Красные капиталисты в Китае. Партия, частные предприниматели и перспективы политических перемен: пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2005. – 288 с.

12. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. – Смоленск: Русич, 2000. – 460 с.

13. Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.

УДК 91:636(571.53/.54) «17/18»

© Д.М. Маншеев

СКОВОДСТВО НА СЕВЕРОВОСТОКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVII–XVIII ВЕКАХ

В статье проанализированы труды русских и иностранных путешественников о скотоводстве бурят XVII–XVIII веков. Подробный анализ работ предшественников позволил выявить влияние природной среды на подвижность скотоводческого хозяйства, структуру стада и количество скота у различных групп бурят.

Ключевые слова: буряты, скотоводство, природная среда.

PASTORALISM IN THE NORTH-EAST OF CENTRAL ASIA IN XVII-XVIII CENTURIES

The article analyzes the works of Russian and foreign travelers on cattle buryats XVII-XVIII centuries. Detailed analysis of the works precursors revealed the influence of the environment on the mobility of livestock farming, herd structure and the number of cattle in different groups are drilled.

Keywords: *buryats, animal husbandry, natural environment.*

Первые письменные свидетельства о состоянии и развитии скотоводства в Бурятии относятся к XVII в. Сведения о скотоводстве и хозяйстве в целом у предбайкальских бурят содержатся в описании подьячего Максима Перфильева, который в 1626 г. был отправлен енисейским воеводой Андреем Ошаниным «*про Братцую землю проведати*». Подьячий Максим не дошел до Братской земли, так как не смог преодолеть Ангарские пороги. Однако, расспросив «шаманских» людей, Перфильев получил информацию о том, что «*Братцкая земля богата и людей в ней много, а люди седячие, а берут де братцкие люди ясак со многих с малых землиц у товарищев Братцкой земли. Соболи и лисицы и бобры и бухарских товаров дорогов и киндяков и зендней и шелков и белья много, и серебра де добре много, а коней и коров и велбудов бесчисленно, а хлеб паишут ячмень и гречу*» [1, с. 14-15]. Из описания Максима Перфильева видно, что ангарские буряты (эхириты и булагаты) занимались скотоводством и земледелием и имели элементы оседлого образа жизни. По-видимому, скотоводство здесь носило полуседлый характер, которое практиковалось и в XIX в. В условиях Предбайкалья полуседлое скотоводство было оптимальным вариантом хозяйствования, когда большую часть года (7 месяцев) буряты содержали скот на зимниках с его подкормкой, а в теплое время года перекочевывали на летники.

Кочевое экстенсивное скотоводство в Приангарье и в целом в Предбайкалье невозможно, так как здесь в течение зимы пастбища покрыты снегом (22-30 см). Исключение составляют сухие степи Ольхона – о. Ольхон и Приольхонье (западный берег Байкала, прилегающий к о. Ольхон). На Ольхоне зимние осадки минимальны, что позволяет вести здесь зимний выпас скота. Издревле Ольхон использовался в качестве прибежища кочевыми племенами Забайкалья, которые по ряду причин откочевывали на Ольхон. Так, в хронике Тугулдура Тобоева содержатся сведения о том, что хоринцы, кочевавшие по рекам Хилок, Уду, Ану, Тугнуй, «*услышали, что из Монголии пришло в качестве погони войско, испугались и бежали. Они откочевали на*

реки Итанцу и Кудару, а оттуда перекочевали и расселились по берегам Байкала и по острову Ольхону» [2, с. 17]. Очевидно, что устная информация, полученная Т. Тобоевым от людей прежних поколений, отражает факт переселения части хоринцев на Ольхон до русской колонизации Предбайкалья. В 1643 г. пятидесятник Братского острожка Курбат Иванов впервые встретился с «корилцами» (хоринцами) на краю Ламы (Байкала) при попытке собрать с них ясак. Однако «*к братским людям ночью весть пала, а скот и живот весь увезли и изпометали избы с войлоки*» [1, с. 51]. В отписке Курбата Иванова явно прослеживается кочевой уклад хоринцев, которые за одну ночь разобрали и навьючили свои войлочные жилища и откочевали со скотом. Очевидно, что природные условия сухих степей Ольхона позволяли хоринцам без изменений своего кочевого хозяйства легко адаптироваться на этом месте. Часть хоринцев под давлением казаков, разоривших их улусы на о. Ольхон, вернулись в Забайкалье [1, с. 77-78; 2, с. 17].

Природные условия Предбайкалья, где луговые степи Приангарья и верховьев Лены соприкасались с сухими степями Ольхона, позволяли сосуществовать в соседстве полуседлым скотоводам и кочевникам-мигрантам из Монголии и Забайкалья. Такое положение дел нередко вводило в заблуждение первых исследователей Бурятии, а также и их современных коллег, не учитывающих природный фактор. Так, Николай Спафарий, проезжавший территорию Бурятии по пути в Китай в качестве царского посланника в 1675 г., писал о западных бурятах, что «*юрты у братьев войлочные, а платья носят по калмыцки и скота всякого – коней, коров и овец много*» [3, с. 5, 9]. Каких братьев имел в виду Н. Спафарий, нам неизвестно. Это могли быть и хоринцы, и хонгодоры, и ойраты, часто мигрировавшие в Предбайкалье в поисках лучшей доли на всем протяжении XVII в. Тем не менее кочевникам, переселявшимся в Предбайкалье, приходилось, как и в древности, трансформировать свое номадное хозяйство в полуседлое скотоводство, что и сделали прибывшие сюда хоринцы, хонгодоры и другие группы кочевых племен. Если в

Предбайкалье и были пастбища, не покрывающиеся в зимнее время глубоким снегом и позволяющие вести экстенсивное кочевое скотоводство, все же этих зимних пастбищ было недостаточно, чтобы развивать полноценное кочевое скотоводство. Весь XVII век и начало XVIII века можно назвать смутным временем в истории Бурятии. Это период междоусобных войн в соседней Монголии, колонизации Бурятии казаками, связанной с насилием по отношению к аборигенам, и, наконец, борьба за сферы влияния между Россией и Китаем. В таких условиях происходят многочисленные миграции населения Юго-Восточной Сибири, вносящие путаницу в историческую картину.

Другой иностранный путешественник Идес, возглавлявший русское посольство в Китай в 1692–1695 гг. и проезжавший через Братский и Балаганский остроги в Приангарье (1693 г.), писал: «По горам и равнинам, входящим в состав территории подведомственной этим острогам, живут идолопоклонники, называемые бурятами. Буряты очень богаты скотом – в особенности быками и коровами, у которых длинная шерсть и совсем нет рогов. <...> Буряты живут в очень низких жилищах, прочно построенных из дерева и не покрытых глиной; они не меняют места жительства как это делают тунгусы и прочие идолопоклонники» [3, с. 10-11].

Известный бурятский ученый В.П. Гирченко, основываясь на данных Н. Спафария и И. Идеса, вывел: «Следовательно, у приангарских бурят к концу XVII в. войлочные юрты, в которых буряты прежде жили круглый год, уже заменились деревянными жилищами, и сократилась амплитуда прежних перекочевок» [3, с. 11]. Однако следует отметить, что для изготовления войлочной юрты необходимо большое количество овечьей шерсти (270–450 кг). Для этого нужно постричь 338–360 овец и использовать всю собранную шерсть только на изготовление войлока для юрты. При этом нужно учесть, что шерсть использовалась для изготовления матрасов, потников и других изделий. Известно, что предбайкальские буряты не обладали большими стадами овец. Самые богатые скотоводы имели до 100 голов овец, включая приплод, который не стригли, а середняки и того меньше (30-40 голов) [4, с. 88-89]. Таким образом, предбайкальским бурятам было достаточно сложно собирать шерсть, необходимую для изготовления войлочных юрт. В Предбайкалье издревле развивалось строительство деревянных жилищ. Они имели круглую форму и были распространены на территории Южной Сибири еще в тюркские време-

на. Об этом свидетельствует традиция строительства деревянных юрт у бурят, якутов, хакасов, алтайцев, шорцев, обитающих в переходной зоне. История развития деревянной и войлочной юрты требует отдельного исследования. Тем не менее деревянная юрта связана с оседлым и полuosедлым скотоводством, а войлочная юрта – с кочевым и полукочевым.

Следующим исследователем, который составил данные о предбайкальских бурятах, был член Большой академической экспедиции по обследованию Сибири и Дальнего Востока Гмелин Иоанн Георг. Проезжая через Балаганский острог в 1735 г., Гмелин записывает: «В районе Балаганского острога живет очень много бурят, которые до сего времени совершенно не помышляли о занятии земледелием. Они живут исключительно скотоводством. В особенности славятся бурятские быки; я видел несколько штук таких, которые ничуть не уступают черкасским». При вторичном посещении Балаганского острога в 1736 г. Гмелин внес некоторые поправки: «По богатству, то есть по количеству скота, балаганские буряты далеко уступают бурятам, живущим за Байкалом» [5, с. 129; 3, с. 17]. Забайкальские буряты, по сообщению того же путешественника, «живут только скотоводством. Живут они очень обеспеченно, и некоторые имеют до 1000 голов овец, а также много быков и лошадей. У овец, как и у калмыцких, хвост широкий. Буряты ездят на лошадях, быках и коровах» [5, с. 129]. По существу, Гмелин первым из ученых приводит сравнение количества скота у предбайкальских и забайкальских бурят, которого у последних было гораздо больше ввиду развития в Предбайкалье по преимуществу кочевого скотоводства. Также Гмелин маркирует скотоводство Предбайкалья быками, то есть крупным рогатым скотом, преимущество которых характерно для структуры стада полuosедлых скотоводов, а забайкальское скотоводство – овцами, преобладание коих в стаде свойственно кочевому образу жизни.

В 1768–1774 гг. в Сибири работала новая экспедиция Академии наук во главе с П.С. Палласом. По словам Палласа, «буряты, живущие в районах Иркутском, Балаганском и Верхоленском и на о. Ольхоне, хотя и не меняют еще, вследствие неблагоприятных естественных условий, скотоводства и охоты на земледелие, – в значительной их части уже привыкли к более оседлому образу жизни, зимники – прочные жилища, которые они покидают летом, уходя со скотом на летники – места, изобилующие травой» [3, с. 34]. Таким образом, Пал-

лас, знакомый с трудами предшественников, но не знакомый с этнографией отдельных групп бурят, предположил, что кочевники, обитавшие ранее в Предбайкалье, находятся в состоянии перехода на оседлый образ жизни. Современное же осмысление истории бурят Предбайкалья приводит к новым результатам. Ко времени исследований Палласа хонгодоры и другие кочевые племена, мигрировавшие в Предбайкалье из сухих степей Монголии и Забайкалья, под влиянием местных аборигенов – эхиритов и булагатов, а также природных условий сменили кочевое скотоводство на полuosедлое скотоводство, а границы обитания эхиритов и булагатов – полuosедлых скотоводов – были уже смещены на восток. Под давлением русской колонизации они заселили Ольхон, долины среднего и нижнего течения р. Селенги и Баргузинскую долину. Хоринцев на Ольхоне уже не было, т.е. основная часть хоринских родов ушла в сухие степи Забайкалья, а их незначительная часть осталась, смешавшись с эхиритами и булагатами. О том, что часть хоринцев осталась на Ольхоне, свидетельствует факт существования здесь и поныне представителей хоринского рода галзут. Они проживают в селах Харанца, Шар-Тогот и Еланцы [6, с. 17].

Участник экспедиции П.С. Палласа Г.-И. Георги оставил описание хоринских бурят. «Буряты, – писал он, – жизнь ведут кочевую, а главное их упражнение есть скотоводство... Хоринцы зажиточнее всех бурятских племен, имеют весьма великие табуны лошадей и стада рогатого скота и овец, верблюдов и коз не так много. ... Не взирая на то, что зима у них продолжается от 6 до 7 месяцев, с жестокими стужами, для скота своего буряты ничего корму не запасают, но оставляют оный питаться тем, что сыщется в сие время для насыщения своего. При всем том мало гибнет скота от того. Сие наиболее удивительно, в рассуждении столь нежных впрочем верблюдов, коих на зиму обшивают войлоками, а питаются единственно ивовыми леторослыми степными кустарниками. К исходу зимы скот становится так тощ, что едва ноги волочит; но вскоре весною оправляется и становится бодр и тучен».

Далее Георги характеризует виды скота и структуру стада у хоринских бурят: «Верблюдов держат только Даурские буряты. Коневодство есть главная отрасль их хозяйства и пользуется необыкновенной с их стороны любовью... Мясо лошадей есть величайший для буряты лакомый кусок, молоко дает напиток, вино и сыр; кожа – одежду, мех (для жидкостей); кости – стрелы, навоз – отопление, волосы из хвоста и гривы

– все необходимые веревки и бечевы. ... Рогатого скота буряты держат, в общем, менее. Он малоросл, дает мало молока, а молоко мало масла. ... Лошади их росту среднего, голову и уши имеют большие, бодр и послушны. Рогатый скот мелок, не удоист, но бодр и бывает весьма жирен. Овцы роду широкохвостых, имеют уши повислые, величиною поменьше калмыцких. Козы малы и весьма шерстисты. Верблюды, большею частью, двугорбые» [5, с. 131].

Г.-И. Георги дает сравнение количества скота предбайкальских бурят с количеством скота хоринских бурят. «В поколениях, на западной стороне, – пишет он, – Байкала кочующих, кто имеет до 100 скотин, тот и достаточен, а кто до 500, тот весьма богат. Но между Даурскими бурятами некоторые имеют и до 1000 верблюдов, 4000 лошадей; от двух до трех тысяч рогатого скота, до восьми тысяч овец и по несколько сот коз. Столь богатые люди никогда точно числа скота своего не знают» [5, с. 131–132].

В Баргузинской степи Г.-И. Георги останавливался у одного буряты, которого он называет «капиталистом». У последнего было 500 лошадей, столько же овец, 300 штук рогатого скота, несколько верблюдов и коз. Его соседи полагали, что у этого «капиталиста» чистыми деньгами и китайским серебром имеется на сумму до 4000 рублей. Бурятский ученый М.Н. Богданова замечает, что этот баргузинский «капиталист» по количеству скота занимает середину между более южными, даурскими, и добайкальскими богатыми, приближаясь к последним.

Далее Г.-И. Георги характеризует селенгинских монголов (сартулов, сонголов и др. – Д.М.): «Российские монголы суть совершенно кочевой народ, странствующий со своими стадами и получающий от оных свое пропитание, одежду и благоденствие. Судя вообще, а особливо сравнивая их с китайскими, они довольно зажиточны. Они живут в подвижных войлочных юртах. ... Они не имеют зимовников и не упражняются в земледелии. Табуны их состоят из лошадей и верблюдов, а стада из верблюдов, рогатого скота, овец и коз». Породы скота и уход за скотом те же, что и у бурят. Рогатый скот употребляется и для верховой езды (есть особые для этого седла) и для перевозки тяжестей. «Овцы их очень хороши». «На селенгинской стороне Яблонового хребта овцы бывают немного крупнее обыкновенных европейских; напротив того, на восточной горной стороне, около Аргуни и других мест, не менее почти киргизских» [5, с. 132].

Таким образом, П.С. Паллас и Г.-И. Георги, в отличие от предшественников, более тщатель-

но исследуют скотоводство у различных групп бурят. Они, по сути, классифицируют скотоводство бурят по подвижности, по структуре стада и по количеству скота. В исследованиях экспедиции П.С. Палласа и Г.-И. Георги выявляется полуоседлое скотоводство у предбайкальских бурят и кочевое скотоводство у забайкальских бурят во 2-й половине XVIII в.

Литература

1. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. – Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, 1960. – Вып. 1. – 494 с.

2. Летописи хоринских бурят. Хроники Т. Тобоева и В. Юмсунова. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – Т. 33. – 106 с.

Маншеев Доржа Михайлович, доктор исторических наук, доцент, кафедра истории и архивного дела, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40, в, e-mail: dorzham@mail.ru.

Mansheev Dorzha Mihaylovich, Doctor of History, Associate Professor, Department of History and Archives of the East-Siberian State University of Technology and Management, 670023, Ulan-Ude, ul. klushevskay, 40, v, e-mail: dorzham@mail.ru

3. Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVI, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. – Улан-Удэ: Бурят-Монгольское изд-во, 1939. – 90 с.

4. Маншеев Д.М. Традиционное скотоводческое хозяйство бурят Восточного Присаянья (конец XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. – 208 с.

5. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. – 2-е изд. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – 304 с.

6. Жамбалова С.Г. Традиционная охота у бурят. – Новосибирск: Наука, 1991. – 175 с.

УДК 32.001 (517.3)

© В.А. Родионов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РОССИИ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ СМИ МОНГОЛИИ (2000–2013 гг.)

Настоящее исследование посвящено анализу политических образов России, формирующихся и воспроизводимых в монгольских СМИ. В исследовании выделяются три основных политических образа России, доминирующие в информационном пространстве Монголии. Контекстом формирования данных образов выступают как исторические сюжеты, так и текущая ситуация в российско-монгольских отношениях.

Ключевые слова: политические образы, дискурс, российско-монгольские отношения, внешняя политика.

V.A. Rodionov

POLITICAL IMAGES OF RUSSIA IN MONGOLIA MEDIA DISCOURSE PRACTICES (2000–2013)

Research is aimed to studying of Russian political images forming by Mongolian mass media in the context of history, current situation and future trends of the Russian-Mongolian relations. There are three main Russia political images in Mongolia media. Within the framework of the research it is planned to reveal sources and mechanism of the given practices reproduction.

Keywords: political images, discourse, Russia-Mongolia relationship, foreign policy

Постоянное увеличение интенсивности взаимодействия между государствами, народами и иными субъектами международных отношений можно признать одной из ведущих тенденций. Причем стратегия взаимодействия зачастую выстраивается на основании существующих образов реальных или потенциальных партнеров по этому взаимодействию. В условиях растущего отчуждения от рядового гражданина сферы реального политического процесса образы и имиджи становятся все более значимыми феноменами процесса конструирования социальной идентичности. В этом смысле особую роль игра-

ет процесс формирования (конструирования) и трансформации образов стран и народов. Отдельное место в этом процессе занимают СМИ (газеты, телевидение, радио, Интернет), через которые формируются новые способы описания реальности, создаются особые представления о реальности, в том числе об окружающем, внешнем по отношению к собственной стране, мире.

Под *дискурсом* понимается относительно ограниченный набор утверждений, который устанавливает пределы того, что имеет значение, а что значение не имеет [16, с. 30]. Соответственно *дискурсивные практики* – это категория, обо-

значающая речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства. Данная категория подразумевает наличие в нашей повседневной реальности не одного, но множества самых различных типов и видов дискурсов, функционирующих одновременно и пронизывающих социальное пространство в виде автономных, гетерогенных и непрерывных информационных потоков [14]. Под «политическими образами» понимаются представления, знания и оценки объекта восприятия с точки зрения политического контекста ситуации. Формирование политических образов всегда обусловлено соответствующими политическими задачами, стоящими перед субъектами процесса формирования.

В данной работе рассматриваются основные наиболее яркие и широко распространенные политические образы России, формируемые в монгольском информационном пространстве. Источниками для анализа стали материалы наиболее популярных общественно-политических СМИ Монголии: газеты «Өнөөдөр», «Өдрийн сонин», «Зууны мэдээ», «Улс төрийн тойм», интернет-сайты www.news.mn, www.sonin.mn, www.olloo.mn, www.ulbpost.mongolnews.mn.

Роль России в отношениях Монголии с внешним миром традиционно высока и значительна. Практически любые темы международного взаимодействия Монголии не обходятся без упоминания о российском факторе. Такие ключевые вопросы, как безопасность, социально-экономическое развитие страны, культурно-исторические аспекты, в той или иной мере связаны с Россией. При этом стоит отметить, что общий контекст актуализации российской тематики в СМИ Монголии определила активизация политики России на монгольском направлении в 2000-х гг. В рамках общей стратегии внешней политики Москвы, направленной на усиление российского влияния на постсоветском пространстве, были обозначены задачи вывода отношений с Монголией на новый уровень. Одним из заметных итогов такой политики стало подписание в 2009 г. в ходе официального визита в Монголию президента России Д.А. Медведева декларации «О развитии стратегического партнерства» [7]. Кроме того, в 2000-е гг. были широко растиражированы планы крупных российских компаний по инвестированию в экономику Монголии. В итоге именно с 2000-х гг. процесс формирования/воспроизводства политических образов России в Монголии получил дополнительный импульс. Привлекая внимание монгольской аудитории к российской тематике, СМИ пытаются актуализировать проблему

оценки роли и значимости России для монгольских политических и экономических интересов. Иными словами, контекст формирования образов России в монгольских СМИ обусловлен в первую очередь задачами политического характера.

Среди распространенных политических образов России в СМИ Монголии, на наш взгляд, можно выделить три наиболее часто встречающихся.

Геополитический дискурс

С начала XX века, когда Монголия обрела независимость от Цинской империи, в монгольской общественно-политической мысли одно из центральных мест стали занимать представления о «китайской угрозе», вероятном поглощении маленькой страны великим южным соседом. В связи с этим Российская империя, а затем и Советский Союз рассматривались в качестве главного внешнеполитического союзника и защитника Монголии. В период социализма расхожим был лозунг «СССР – гарант независимости МНР». И хотя с нормализацией монголо-китайских отношений на рубеже 1980–1990-х гг. актуальность военной угрозы со стороны КНР значительно снизилась, а Россия перестала нести ответственность за безопасность Монголии, представления о «китайской угрозе» не исчезли.

Материалы монгольских газет и интернет-порталов, выступления известных политиков и общественных деятелей нередко содержат опасения по поводу возможного включения страны в состав Китая, в том числе и насильственным путем [4]. Помимо представлений о военной угрозе не менее распространенными являются представления об экономической, демографической и культурной экспансии южного соседа [13]. В этом свете автоматически повышается интерес к северному соседу Монголии, который нередко рассматривается как естественный противовес китайскому вызову [6]. Через призму представлений о «китайской угрозе» конструируется образ России как потенциального военного союзника. Здесь отчасти срабатывает указанная выше историческая модель взаимоотношений Монголии со своими географическими соседями. В результате в дискурсивных практиках, связанных с представлениями о «китайской угрозе», Россия видится в качестве безусловного партнера и даже союзника, способного оказать военную и иную помощь.

Однако другой составляющей геополитического дискурса является концепция «третьего соседа», утвердившаяся в монгольской внешнеполитической стратегии в постсоциалистический период [9]. Суть ее сводится к представлениям о внерегиональных государствах и между-

народных организациях как о противовесе влиянию в Монголии ее географических соседей – Китая и России. Одной из идейных основ концепции «третьего соседа» является представление о России как потенциальной угрозе (пусть и не такое масштабное, как Китай) безопасности Монголии [1, 8]. Например, импорт большей части (свыше 90%) нефтепродуктов из России видится по меньшей мере вызовом экономической безопасности страны [10, 19]. «Третий сосед» в свою очередь в этой системе взглядов видится олицетворением «добра», сил, питающих к ней только благие чувства и способных «спасти» Монголию от «сил зла» [1]. Такие представления неизбежно препятствуют прагматическому выбору стратегии безопасности.

Относительно низкая оценка роли современной России как одного из факторов национальной безопасности Монголии не вполне коррелирует с данными социологических опросов, регулярно проводящихся в Монголии. На протяжении последних лет, согласно данным социологических опросов, проводимых ведущим монгольским фондом «Сант-Марал», в номинации «Самые лучшие партнеры Монголии» Россия неизменно занимает первое место: 2009 г. – 57,5%, 2010 – 57,2%, 2011 – 51,9%, 2012 – 43,7%, 2013 – 51,1% [20].

Постсоциалистический дискурс

После демократической революции 1990 г. Монголия отказалась от социалистической модели развития и провозгласила курс на построение демократического общества и рыночной экономики. Социализм стал символом старого и регрессивного, демократия и рынок – символами современного и прогрессивного. По сути, руководство страны предприняло попытку кардинальной смены политической идентичности. В связи с этим вполне объяснима политика монгольских политических и интеллектуальных элит, направленная на противопоставление «отсталой эпохи социализма» новой «прогрессивной эпохе демократии и рынка».

Данный взгляд является органической частью постсоциалистического дискурса в Монголии 1990-х гг., согласно которому социализм признавался изначально «чуждым» монголам и монгольской культуре, социалистическое прошлое становилось «исторической ошибкой и трагедией» монгольского народа. В этом видится яркий пример проецирования представлений и идей по поводу настоящего на события прошлого. Тем самым создаются мифы, в дальнейшем призванные легитимировать цели текущей политики. Нахождение Монголии в течение многих десятилетий в сфере монопольного влияния СССР рисуется как крайне

негативная ситуация, любое отклонение от которой уже позитивно. Иными словами, какое-либо сближение с Россией как геополитическим преемником СССР рассматривается многими в Монголии как попытка «реставрации социалистического прошлого» [3].

В результате образ России как страны, первой в истории провозгласившей курс на построение социализма, стал ассоциироваться с социалистическим (а значит негативным) прошлым, а многое российское стало синонимом архаичного, отсталого и опасного. Советские (российские) стандарты образования и здравоохранения признаются низкокачественными, изучение русского языка – малоперспективным.

В монгольском обществе широко распространены тезис о том, что страна является образцовым примером перехода от авторитаризма к демократии, от планово-командной к рыночной экономике. В этом дискурсе образ «так и не обретшей демократии», «откатившейся обратно в эпоху авторитаризма» России призван контрастировать с образом Монголии как страны «с развитой демократией». Более того, образ «России социалистической» нередко сливается с образом «России имперской» [2] и «России бандитской» [11, 12], готовой постоянно навязывать свою волю соседям и таящей угрозу монгольской демократии. Фразы «империалистические взгляды в крови у русского человека», «ведение русского бизнеса сопряжено с криминалом и коррупцией» [15] стали обычным клише ряда монгольских СМИ. Отчасти такой образ складывается под влиянием процессов в самой России, в ряде случаев использующей символический капитал советского прошлого, а также негативных явлений, связанных с ведением бизнеса в России.

Цивилизационный дискурс

В 1990-е годы после распада СЭВ и СССР Монголия стала одним из так называемых национализирующихся государств. Началось формирование нового пантеона героев и новых символов страны. В сфере государственной символики, общенациональных культурно-исторических символов стали преобладать образы, связанные с традиционной номадной идентичностью. В первую очередь, образ Чингисхана как основателя монгольской государственности и создателя крупнейшей в мире кочевой империи. На рынке международного туризма Монголия, прежде всего, предстает и позиционируется в качестве страны «степей, юрт и номадов». Таким образом, в Монголии большое значение приобрели этнокультурные маркеры идентичности.

Одним из следствий этого стала изменившаяся картина окружающего мира. Произошла этнизация/культурологизация образа соседей, в том числе и России. Страна начала описываться в категориях этнического – «русский мир», «русско-православная цивилизация» [18]. Фактически стал выстраиваться непреодолимый «культурный барьер», отделяющий «страну номадов» от страны «русской цивилизации». При описании России зачастую используются такие этнокультурные символы, как матрешка, балалайка, медведи, водка, холода. Так, на вопрос о негативных чертах, которыестораживают граждан Монголии при поездке в Россию, 23,4% респондентов отмечают проблемы, связанные с распространением в России пьянства [5, с. 6-7]. При этом в самой Монголии проблема пьянства стоит не менее остро.

Это во многом стало возможным в силу сократившихся контактов между гражданами двух стран, в первую очередь, снизившейся привлекательности России в качестве страны-реципиента. Кроме того, многие монгольские СМИ при подаче информации о России используют материалы западных информационных служб, оперирующие ставшими уже классическими клише в отношении нашей страны.

Резюмируя, можно сделать вывод о дискурсивной природе образов России в современной Монголии. Цели и задачи, которые преследуются при создании того или иного образа, во многом определяют содержание самого образа. В геополитическом дискурсе, связанном с представлениями о «китайской угрозе», Россия это надежный защитник Монголии и в то же время источник потенциальных вызовов угроз. Постсоциалистический дискурс рисует Россию символом прошлого и отсталого, источником негативных тенденций. Наконец в цивилизационном дискурсе северный сосед наделяется чертами, призванными описывать российскую/русскую культуру или то, что принято понимать под этим.

Литература

1. Баабар Б. Приключения иностранных инвестиций. Биография политики третьего соседа [Электронный ресурс]. – URL: www.baabar.mn
2. Баабар Б. Хотят ли русские войны // Эдрийн сонин. – 2008. – 10 сент.

3. Баясах Ж. Если громоздкому государству не нужны ученые, то как начет мудрого? [Электронный ресурс]. – URL: www.zuuniiimedee.mn
4. Возможно в ближайшие 10 лет Китай завоюет Монголию // Ардчилал. 1993. №17.
5. Данные по: Железняков А.С. Социологический судалгааны дун (Результаты социологического исследования) // Умард хөрш. – 2007. – №11.
6. Два с половиной соседа // Эдрийн сонин. – 2012. – 07 март.
7. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25 августа 2009 года) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html
8. Западня: о российско-монгольских отношениях // Эдрийн сонин. – 2008. – 22 май.
9. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал // Официальный сайт правительства Монголии. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pmis.gov.mn>.
10. Монголия снова может стать спутником Путина // Эдрийн сонин. – 2012. 21 сент.
11. Монгольские и российские олигархи создали клуб сотрудничества? // Улс төрийн тойм. – 2010. – 10 окт.
12. Намерения русского медведя или АО «УБЖД» // Өнөөдөр сонин. – 2010. – 16 нояб.
13. Подробнее об этом: Галиймаа Н. Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодической печати // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 547-556.
14. Социологическая энциклопедия онлайн.
15. Хашчулуун П. Уезжают из Монголии с улыбкой, а возвращаются из России в нервном состоянии // Эдрийн сонин. – 2011. – 17 окт.
16. Филиппс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2004.
17. Цена победы С. Баяра и В. Путина // Улс төрийн тойм. – 2011. – 02 дек.
18. Chingis G. Are we Russians or Mongolian? [Электронный ресурс]. – URL: www.ubpost.mongolnews.mn. (дата обращения: 27.07. 2010).
19. Jargalsaikhan D. Russia and Price [Электронный ресурс]. – URL: www.ubpost.mongolnews.mn (June 17, 2011).
20. Politbarometr 2009, 2010, 2011, 2012, 2013. Официальный сайт фонда «Сант Марал». – URL: <http://santmaral.mn>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока) в странах Северо-Восточной Азии», проект № 14-03-00439.

Родионов Владимир Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета. E-mail: vladimir198025@yahoo.com

Rodionov Vladimir, PhD (candidate of political science), associate professor of department of history and regional studies of Asia, Buryat State University. E-mail: vladimir198025@yahoo.com

УДК 39:94 (=512.3)(510)

© Самусужун

К ИСТОРИИ БАРГУТОВ

В статье рассматриваются основные вехи истории баргутов.

Ключевые слова: баргуты, хунну, тюрки, монголы, этнические процессы.

Samusuzhun

TO THE HISTORY OF BARGUTS

In the article are examined the basic landmarks of the history of barguts.

Keywords: barguts, khunnu, Turks, Mongols, ethnic processes.

Племя баргут – одно из древнейших в Забайкалье, упоминание о которых впервые встречается в древнетюркских и китайских источниках VII–X вв. например, **ba ye gu**, 《拔也古》、《拔拽固》、《拔野古》 в сочинениях «Записки государства Суй» (в 636–656 гг. и «Древние записки государства Тан» в 940 и 945 гг.). Существуют также «Записки государства Вэй», сочинение Жуван Жувана, которое датировано 551–554 гг. В нем говорится об оставшихся племенах Хунну, кочевавших к северо-западу от жужаней, предводителем которого был **Ba ye ji**, 《拔也稽》 [1, с. 5]. В «Сокровенном сказании» были другие варианты названий, такие как 《巴尔浑》《巴尔忽惕》 [2, с. 4]. По мнению ученого Шагдарын Сундуй, это были прародители баргутов.

Во времена Тюркского Каганата баргуты выступали как северные соседи-союзники тюрков, а после его распада и главенства курыкан в Прибайкалье, баргуты вошли в состав племен монгольской группы. О баргутах упоминается в тюркских источниках, где их предводитель называется Великим Иркином (Ехэ Эрхэн) и тюркским богом.

Также в «Сокровенном сказании» говорится, что дочь вождя баргутов Баргудай Мэргэна – Баргажан-Гоа, была женой Хоридой Мэргэна. И от них родилась праматерь монголов Алан-Гоа. Жили баргуты на территории нынешней Баргузинской долины на севере Бурятии и после разгрома курыкан их южными соседями были меркиты и хори-туматы.

Во времена объединения Чингисханом всех племен Монголии и Прибайкалья баргуты встали на его сторону и внесли свой вклад в строительство монгольской империи. Наряду с другими монгольскими племенами они входили в гвардию Чингисхана и выдвинули много военных и государственных деятелей и как другие племена Баргуджин-Токума находились в составе коренного улуса Монгольской империи. Позже племя баргутов рассеялось с войсками Чин-

гисхана, и к приходу русских на территории Забайкалья проживало несколько немногочисленных баргутских родов, которые в итоге присоединились к хоринцам.

Как отмечает Шагдарын Сундуй в работе «Древнее племя баргутов», с древних веков баргуты кочевали по плодородным землям. Они были хорошими воинами, меткими стрелками, их использовали в качестве телохранителей или при охране особо важных территорий или государства.

В сочинении известного баргутского ученого-политика Далангууд Губэри говорится: «на 27-28-м годах правления (1688–1689) Энхэ-Амгалан хана в войне против России приняло участие много баргутов, на стороне России также участвовали баргуты. Кроме того, среди халхасцев есть баргуты» [3, с. 185].

Баргуты с древних времен находились в подданстве у халхасских ханов. После того как халхасские ханы переняли у маньчжуров административное устройство, баргуты были определены в состав аймака Гоолту Цэцэн-хана. По сочинению Далангууд Губэри, баргуты жили в составе четырех хошуунов: Средне-Западный, Срединный, Средне-Южный, средний хошуун Восточного крыла [4, с. 7]. Небольшая часть баргутов после восстания против царской России перекочевала на территорию Халхи и присоединилась к баргутам, которые изначально были в составе халхасского государства. Согласно Нерчинскому договору 1689 г. и Кяхтинскому договору 1728 г., земли баргу-бурят были разделены. Одна часть баргутов была закреплена на территориях Хулун-Буира, а другая присоединилась к баргутам, исконно кочевавшим на этих землях. Эту часть баргутов стали называть «Новобаргутами» [5, с. 7-8].

Баргуты вели полуоседлый образ жизни, занимались скотоводством, охотой, кузнечным и гончарным ремеслами. Кроме того, у них было развито земледелие. К свидетельствам следов земледельческой культуры баргутов Баргузинской долины относятся оросительные каналы,

земледельческие грядки, остатки плотины в местности «Баргутская мельница», сошники, серпы, жернова, обнаруженные в Баргутской пади [6].

С начала XVIII в. баргуты кочевали по северо-западной части современной Китайской Народной Республики на обширных степях Хулун-Буира к западу от Хинганского хребта. Впоследствии их стали называть «хулун-буирские баргуты». Это отмечается в «Краткой истории баргутского аймака», написанной видным баргутским общественным деятелем Р. Эрхимбат (1881–1951). Он также отмечает, что «баргутские племена совершали перекочевки на север к реке Уда, которая являлась истоком реки Харамурэн до тех пор, пока укрепившаяся маньчжурская династия не объединила китайский, монгольский, тибетский, хотонгутский государственные образования в свою империю. Баргутские племена в силу разных причин разделились на три части и стали кочевать в разных направлениях. Одна часть осталась в составе маньчжурского государства и откочевала на юг на территории восточнее города Цицикар, не доходя до города Мукдэн, они повернули на запад на земли чахаров, где прожили много лет. Впоследствии их стали называть “Старобаргуты”. Другая часть присоединилась к родственным халха-монголам и вошла в состав государства Цэцэн-хана. Однако из-за притеснений и больших налогов баргуты на двенадцатом году правления Найралту Тув-хана (1734 г.) попросили разрешения у маньчжуров на перекочевку в Хулун-Буир. После получения одобрения они вошли в состав маньчжурского государства, их стали называть “Новобаргуты”. Третья часть сразу перекочевала на север и вошла в состав Российского государства».

По свидетельству Р. Эрхимбат, одна часть баргутов, кочевавшая у истоков р. Харамурэн, присоединилась к аймаку халхасского Цэцэн-хана, но впоследствии вновь перекочевала в Хулун-Буир. Однако некоторые исследователи считают, что баргуты, кочевавшие по оз. Байкал, присоединились к халхасскому Цэцэн-хану, а уже оттуда перекочевали либо в Хулун-Буир, либо в Цахарский хошуун (территория современного АРВМ КНР). Отмечается, что баргуты, находившиеся в составе хошуна халхасского Жанчибдоржи и других хошунов количеством более 12 сомонов, перекочевав в Россию, вернулись обратно. После их возвращения нойоны издали охранную грамоту, более того, каждой семье было даровано тридцать лянов серебра, выделены земли в Хулун-Буире, создано административное деление на хошуны и сомоны. В

этот период многие баргуты халхасского государства находились на военной службе в местности Улиястай и не смогли перекочевать со всеми вместе в Хулун-Буир, остались в составе халхасских хошунов. Третья часть баргутов перекочевала на север, вошла в состав России и в настоящее время проживает и Республике Бурятия.

Этнические общности, именуемые баргутами, в настоящее время компактной массой проживают в пределах современного Хулунбуирского городского округа АРВМ КНР, расположенного в западной части северо-восточного Китая, на стыке границ трех государств – России, Монголии и Китая. Свое наименование городской округ получил от названий двух известных озер: Буир нур и Хулун-нур (Далайнур). Общая численность старобаргутов Хулун-Буира составляет примерно 10 тысяч человек, а новобаргутов около 20–25 тысяч человек [7].

Также они проживают в окрестностях г. Цицикар, на территории городского округа Хулун-Буир, в провинциях Ляонин, Гирин, Хэйлуцзянь, Синьцзян-Или, в аймаках Шилин-гол, Джоу-Уда и Жириме.

Можем предположить, что баргутские племена были разделены на три группы, воевали в составе разных государств. Часть баргутов откочевала из Хулун-Буира и вошла в состав царской России, другая примкнула к халхасским ханам. Оставшиеся на службе у маньчжуров баргуты составляли ударную силу при нападениях на Россию или на халхасского Галдан-Бошокту хана. Начиная с 1692 г., несколько тысяч баргутов были направлены в г. Цицикар и Мугдэн для охраны границ.

В своей статье Б. Шубуу пишет следующее: «В 29-ом году правления Энх-Амгалана хана баргуты переехали в Цицикарский край». В некоторых местных исторических летописях Харамурэна было упомянуто, что «Баргуты перекочевали в наш край всего 1000 семьи и около 10 000 человек [8, с. 42].

Ссылаясь на официальный отчетный доклад правительству региона, Харамурэн, генерал Сабасу описал текущее состояние приехавших баргутов. Среди прочей информации важно отметить, что количество приехавших баргутов составило 2284 семьи.

Помимо этого, две группы баргутов (800 семей) отправились в хошуны Дурбэд и Джалайд. Таким образом, всего баргутов насчитывалось 3 084 семьи.

На 31-м году правления Энх-Амгалан хана около 5000 баргутов (включая 1273 солдата) было отправлено в Шэнцзин, в том же году еще

400 солдат-баргутов – в местность под названием Ула хошуна Гирина. Так как среди 5000 человек было 1273 солдата, то в каждой семье в среднем насчитывалось 4 человека. Поэтому можно предположить, что в хошун Гирина было отправлено не 400 солдат, а 400 семей, т. е. 1560 человек, т. к. солдаты-баргуты по указу отправлялись со своими семьями и хозяйством [8, с. 43].

17 августа по лунному календарю 19-го года правления Тэнгри-Тэтхэгч (1754 г.) цицикарских баргутов, солонов, дауров – всего 1000 человек, распределили по воинским подразделениям в западном и северном направлениях.

В первый год правления Хэбту-Есту (1909 г.) в «Кратких летописях истории региона Харамурэн» сообщается, что в ямыне р. Лунцзян проживало 237 человек, р. Хулань – 80, р. Суйхуа – 4610, р. Хайлун – 152, т. е. всего 5179 баргутов.

В 1985 г. была проведена перепись баргутов в пяти районах Цицикарского региона. В районе Гооту зафиксировано 27 семей (119 человек), в р. Кумутай – 24 семьи (90), в р. Вуцзяцунь – 15 семей (40), в р. Цагаан-нуур – 8 семей (27), в р. Уньхай – 6 семей (29), всего насчитывает 80 семей, или 305 человек.

Самусужун, аспирант кафедры истории и регионоведения стран Азии, Восточный институт БГУ. E-mail: railia@mail.ru

Samusuzhun, postgraduate student at History, Archeology, and Ethnography Chair of Buryat State University.

УДК 903.7

© **В.И. Ташак**

ДРЕВНИЙ КУЛЬТОВЫЙ ОБЪЕКТ НА ГОРЕ КОЗЬЕЙ НА ЮГЕ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

В статье приводится детальное описание археологического местонахождения Гора Козья, расположенного в Кяхтинском районе Республики Бурятия. На основе анализа отдельных структурных элементов местонахождения сделан вывод о том, что скалистая вершина горы и окружающие ее каменные курганы вместе составляют древний культовый объект. На основе предварительных данных прослежен ареал распространения таких культовых объектов на юге Западного Забайкалья.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, древний культовый объект, Западное Забайкалье.

V.I. Tashak

ANCIENT RITUAL OBJECT ON KOZ'YA MOUNTAIN IN THE SOUTH OF WESTERN TRANSBAIKAL

The detailed description of an archeological site Gora Koz'ya situated in Kyahta District (Republic of Buryatia) is given in the article. On the base of analysis of the site's distinct structural elements it is concluded the mountain rocky top with stone burial mounds surrounded it compose together ancient ritual object. On the base of preliminary data such cult objects' distribution area is observed in the south of Western Transbaikal.

Keywords: archeology, Bronze Age, ancient cult object, Western Transbaikal

В ходе многолетних экспедиционных исследований на территории Западного Забайкалья, возглавляемых автором статьи, выявлены и изучены десятки различных археологических объектов. В числе выявленных и исследованных

В 1997 г. Б. Шубуу в статье «Баргуты региона Харамурен» подсчитал численность населения с. Готу: всего было 82 семьи (298 человек), среди них баргутских – 22 семьи (69 человек) [9, с. 45].

Литература и примечания

1. Шагдарын Сундуй. Эртний барга ястан. – Внутренняя Монголия, КНР, 2005. – С. 5
2. Дундад Улсын баргчууд // гл. ред. Чо Дугаржап. – Внутренняя Монголия, КНР, 2012. – С. 4.
3. Далангууд Губэри. Олон монголийн угэ хийгтэм дэглсэн бичиг оросиба. – 1989. – С. 185
4. Баргуты Китая: сб. стат. // гл. ред. Чо Дугаржап. – Внутренняя Монголия, КНР, 2012. – С. 42.
5. Баргуты Китая: сб. стат. // гл. ред. Чо Дугаржап. – Внутренняя Монголия, КНР, 2012. – С. 43.
6. Далангууд Губэри. Олон монголийн угэ хийгтэм дэглсэн бичиг оросиба. – 2010. – С. 87.
7. Приведенные здесь статистические данные получены в Комитете по делам национальных меньшинств при исполкоме городского округа Хулун-Буир и в ходе полевых исследований. Они отражают ситуацию начала 2000-х гг.
8. Сахаров Ц. Летопись баргуинских бурят. – 1887. – С.11.
9. Хулун-Буирийн тойм байдал // отв. ред. Ту-бэргэн. – 1987. – С. 7-8.

оказались местонахождения, определяемые как древние культовые объекты. В рамках целенаправленного поиска и изучения таких объектов, проводимых в последние годы, был поставлен ряд задач. Одним из приоритетных направлений

исследований стало изучение пространственной организации древних культовых объектов, определяемых как святилища. В первую очередь, актуальность этого направления в изучении древних культовых объектов Забайкалья обусловлена тем, что исследователи, обращавшиеся ранее к этой теме, ограничивались констатацией факта наличия святилища и общим описанием объекта. При таком подходе, например, сформировалось устойчивое мнение о том, что такой выразительный компонент в изучении духовного мира древнего человека Забайкалья, как наскальные рисунки, маркирует святилища или что скалы с петроглифами являются святилищами [1]. В качестве доказательства рассматривались археологические и остеологические находки под скалами с рисунками, залегающие в рыхлых отложениях. Находки под скалами интерпретировались как жертвоприношение. Не отрицая этого факта, следует заметить, что не всегда предметы, залегающие в рыхлых отложениях под скалами с наскальными рисунками, являются жертвенными. Нередко под скалами располагались отдельные жилища или даже стоянки древних жителей региона, а находки будут маркировать не культовый объект, а жилищный или стояночный комплекс. Но даже в тех случаях, когда скала с петроглифами обоснованно отнесена к святилищам, вопросы территориального распространения самого святилища в большинстве случаев не ставились и не рассматривались.

Другим важным источником по изучению духовного мира древнего человека являются могильники и захоронения. Сами погребальные объекты и комплексы объектов, а также артефакты, помещенные в погребения в процессе захоронения, дают разнообразный материал по обрядам, связанным с захоронением. Но эти данные не дают ответов на ряд вопросов. Один из них следующий: можно ли в рамках погребального комплекса выделять культовые объекты, например, святилища? Как показывают исследования, в рамках крупных погребальных комплексов Забайкалья выделяются структуры, отражающие проведение обрядов, не связанных напрямую с погребальными действиями. Например, С.В. Даниловым в границах крупного погребального комплекса возле с. Нижний Бургултай в Джидинском районе Республики Бурятия обнаружены сгруппированные каменные кладки со следами жертвоприношений под ними [2; 3]. Каменные кладки, перекрывающие углубления со следами жертвоприношений, группируются на ограниченной территории, маркируя

ее как место проведения обрядов на обширной площади могильника.

В ходе проводимых нами исследований выявлены новые археологические объекты, пространственная организация которых позволяет поставить вопрос об их культовом назначении. К этим объектам относятся местонахождения, морфологически определяемые как могильники по наличию каменных курганов в качестве основного конструктивного элемента. В их числе фиксируются как курганы с оградками из камней – курганы-керексуры, так и курганы без оградок. Еще одним важным структурным элементом объектов этого типа является гора со скалистой вершиной. Определенная пространственная организация и взаимосвязь всех структурных элементов выделяет их из общего объема древних могильников.

Наиболее интересным и демонстрирующим «классический» вариант археологических памятников подобного типа является могильник на горе Козьей в Кяхтинском административном районе Республики Бурятия (РБ). Объект обнаружен в 1991 г. в ходе изучения палеолитических памятников в долине реки Чикой. В 2012 г. осуществлено его детальное изучение [4].

Гора Козья расположена в 10 км на С-С-З от северной окраины с. Усть-Киран Кяхтинского района РБ и в 7,5 км прямо на запад от левого берега протоки р. Чикой. Являясь частью восточных отрогов хребта Бургутуй, гора возвышается по правому борту пади Нарин-Хундуй и делит ее на две части – широкую восточную, выходящую устьем к левобережью Чикоя, и более узкую западную, берущую начало в глубине хребта. По форме гора конусообразная (пирамидальная), на юге примыкает через седловины к массиву отрогов. Склоны горы на севере, непосредственно опускающиеся ко дну пади Нарин-Хундуй, крутые и очень крутые в нижней части со скалистыми выходами. С востока и запада склоны в нижней части средней крутизны с постепенным увеличением крутизны по мере продвижения вверх. По протяженности северный склон относительно других сторон короткий – немногим более 500 м, а протяженность восточного и западного около 750 м. Вершина горы возвышается над отрогами и имеет четко выраженную форму конуса. Подчеркивают конусообразность формы округлые очертания подножия самой горы с востока, севера и запада. Купол вершины скалистый, увенчанный небольшой площадкой. В XX в. на скалистой вершине горы возведен триангуляционный геодезический пункт.

Падь Нарин-Хундуй изобилует археологическими местонахождениями, среди которых численно преобладают стоянки финального палеолита, неолита, бронзового и железного веков. Такие же местонахождения сосредоточены у восточного подножия горы. По бортам пади, на

склонах и подгорных шлейфах небольшими группами или поодиночке фиксируются погребения бронзового и железного веков. Наиболее крупный памятник, определяемый как могильник, расположен в привершинной части горы Козья (рис. 1).

Рис. 1. Вид с запада на конусовидную вершину горы Козья

В связи с чем он получил название – могильник Гора Козья (могильник на Козьей Горе). Наиболее низко расположенные элементы могильника – отдельные курганы, превышают северо-восточное и восточное подножие горы на 170–180 м. В составе могильника выделяется три локальные группировки отдельных элементов. Две из них связаны с седловинами на юге и на севере от вершины.

Северная седловина образована между основной вершиной и небольшой скалистой возвышенностью на самом краю северного склона. Здесь расположено два каменных кургана, у одного слабо прослеживаются следы подквадратной оградки. У второго кургана следов оградки не обнаружено.

Южная седловина образована на гряде, соединяющей гору с массивом отрогов. Здесь расположено три элемента памятника – два каменных кургана-керексура с круглыми каменными оградками и помещенная между ними плиточная могила с низкими стенками. Как в первой, так и во второй седловинах курганы располагаются на субгоризонтальной поверхности с небольшим наклоном. Курганы в седловинах задернованы и по внешнему виду напоминают многие курганы из других погребальных комплексов.

Третья группа структурных элементов археологического памятника отличается по дислокации и внешнему виду от курганов в седловинах. Во-первых, все курганы этой группы сосредоточены вокруг конусообразной вершины горы. Во-вторых, курганы сооружены на крутом каменистом склоне. В-третьих, курганы сложены из крупных глыб, усеивающих склоны горы в привершинной части. В этой группе каменные оградки подквадратной формы прослеживаются только у четырех курганов. В остальных случаях оградок нет или они не прослеживаются на склонах, усеянных скальными обломками. Из-за положения на крутом каменистом склоне все сооружения из крупных скальных обломков задернованы слабо или не задернованы вовсе.

В связи со всеми перечисленными данными становится ясным, что курганы третьей группы сооружались не как надмогильные конструкции, а с какой-то иной целью. Эта цель становится понятной из анализа структуры археологического комплекса. В этой структуре четко прослеживается два основных элемента. Первый элемент ландшафтный (природный) – это конусообразная скалистая вершина с каменистыми склонами. Второй элемент искусственный (рукотворный) – каменные курганы. Искусственные конструкции окружают конусовидную вершину по периметру, образуя вокруг нее своеобразную

ограду, расчлененную на отдельные элементы. Само взаимное сочетание этих компонентов показывает, что центральная роль в этом комплексе отведена ландшафтному элементу – вершине горы. Она выбрана как центр, вокруг которого сооружались каменные курганы с целью проведения обрядов или в ходе проведения обрядов.

Гора, выступающая центром обрядовых действий, может сама рассматриваться как персонафицированный объект культа, с одной стороны. С другой стороны, гора может олицетворять элемент космогонических представлений народа, осуществлявшего здесь обрядовые действия.

В данной природно-рукотворной конструкции обращает на себя внимание то, что вершина горы и сооруженные вокруг нее курганы в совокупности напоминают каменный курган-керексур, окруженный жертвенниками. В этом случае, перед нами предстает сложная конструкция в виде природно-рукотворного керексура, окруженного искусственными курганами-керексурами.

Также следует обратить внимание на характер расположения курганов вокруг вершины (рис. 2).

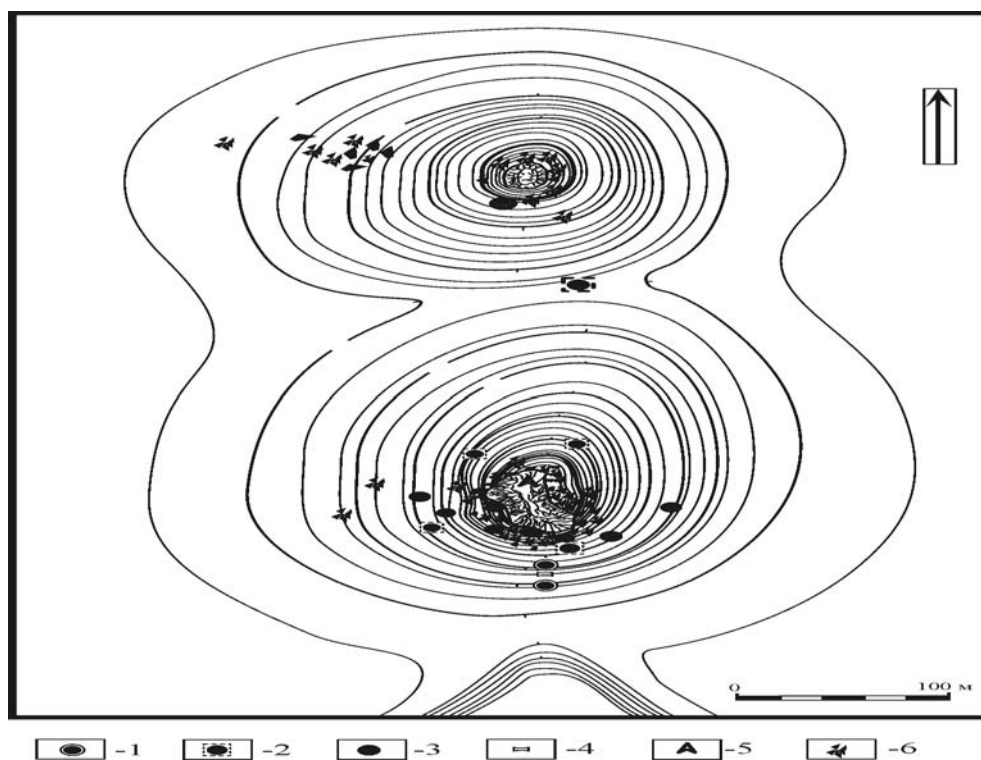

Рис. 2. Схема древнего культового объекта на горе Козья

1 – курганы с круглой оградкой; 2 – курганы с квадратной оградкой; 3 – курганы без оградки; 4 – плиточная могила; 5 – триангуляционный пункт; 6 – скальные обломки и выходы скал.

Искусственные сооружения не распределены вокруг вершины равномерно, большая их часть – 8 курганов – сосредоточена на южной и западной сторонах. С северной, северо-западной, восточной и юго-восточной сторон расположено всего 4 кургана. Такое расположение искусственных конструкций тем более показательно, учитывая, что погребения курганного типа располагаются у подножия гор и различных возвышенностей, на подгорных шлейфах, а иногда и горных склонах, но всегда с южной, юго-восточной, юго-западной сторон. Значительно реже эти сооружения встречаются с северо-западной и северо-восточной сторон от

вершин. И исключительно редко с северной (теневой) стороны. В случае с горой Козьей мы можем наблюдать исключительность, в силу того, что курганы возводились с ритуальной целью, в которой имело значение выделение вершины, а не следование ритуалу погребения.

Поскольку в седловинах зафиксированы бесспорные курганы-керексуры и плиточная могила, традиционно датируемые на территории Забайкалья и Монголии в пределах развитого и позднего бронзового века, а курганы на склонах вокруг вершины также являются керексурами, хотя и представлены в грубоватых конструкциях, появление всего комплекса может быть датировано

бронзовым веком. Уточняя датировку, следует отметить, что основными рукотворными элементами комплекса являются курганы-керексуры, датируемые концом 2-го – началом 1-го тысячелетия до н.э. [5: с. 140], поэтому следует считать, что появление данного комплекса происходит именно в этом временном диапазоне.

В последующие времена люди, по всей видимости, неоднократно обращались к этой горе как сакральному объекту. В 2012 г. на скальных блоках вершины горы были зафиксированы буддийские молитвы, написанные на старомонгольском языке, т.е. с распространением буддизма в Забайкалье гора была задействована в буддийских культах. В настоящее время 50% надписей покрыто лишайником, что указывает на то, что уже достаточно давно, не позднее чем в первой половине XX века, данная гора перестала посещаться как культовое место.

В рамках исследования территориальной организации древних культовых объектов Забайкалья могильник на горе Козьей следует, в первую очередь, рассматривать как сложноорганизованный ритуально-культовый комплекс. Его структура отличается от структуры других изучаемых в настоящее время культовых объектов Западного Забайкалья, в которых наблюдается выделение замкнутого пространства под скалами с петроглифами ритуальными кладками или каменными стенками [6; 7; 8]. Структуру культового объекта на Козьей горе можно охарактеризовать как круговую, где все элементы древнего святилища организуются вокруг центра, образуя округлые или овальные контуры по периметру. Можно предположить, что на скалистой вершине горы тоже была сооружена конструкция курганного типа, но если эта конструкция и была, то в ходе сооружения триангуляционного пункта на вершине она оказалась разрушенной.

Как уже было указано, культовый объект на Козьей горе был обнаружен еще в 1991 г., но поскольку его детальное изучение началось только в 2012 г., то и целенаправленный поиск аналогичных или подобных комплексов не осуществлялся. Тем не менее можно отметить, что объекты подобного типа, хотя и менее выразительные, зафиксированы на Субуктуевском мысу возле с. Усть-Кяхта. Здесь на невысоком гористом плато восточнее с. Усть-Кяхта, возвышаются несколько отдельных продолговатых возвышенностей с конусовидными вершинами. По периметру двух возвышенностей расположены курганы-керексуры, плиточные и фигурные могилы. Если последние надмогильные сооружения, безусловно, относятся к погребальным комплексам, то курганы-керексуры могут мар-

кировать культовые объекты, подобные тому, что обнаружен на Козьей горе. Детальное изучение первоначальных структур объектов на Субуктуевском мысу затруднено, в силу того, что из-за близкого расположения села, активного использования данной местности в ходе военных учений во времена Советского Союза, многие курганы были повреждены или уничтожены разработкой карьеров, выборкой камня и т.д. Тем не менее общий характер организации пространства путем возведения курганов вокруг возвышенностей и их скалистых вершин позволяет говорить о распространении такого типа культовых объектов на юге Западного Забайкалья. Исходя из результатов предварительного обследования архивных данных, подобные объекты могут быть зафиксированы и на территории Джидинского района РБ.

Привязка круговых структур погребальных и культовых объектов к югу Западного Забайкалья обусловлена геологией и геоморфологией южных районов. Именно здесь формировались отдельные конусовидные горы со скалистыми вершинами и холмообразные возвышенности на гористых плато, которые играют роль центрального элемента при организации структуры культового объекта в привершинной части горы.

Далее, по мере продвижения на север, такие природные объекты, как конусовидные горы, встречаются все реже, постепенно исчезая из ландшафта. Надо полагать, что именно отсутствие конусовидных гор или гор с конусовидными вершинами в доступном степному населению пространстве и ограничило распространение данного типа культовых объектов на север от Кяхтинского и Джидинского районов РБ.

Литература

1. Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 201 с.
2. Данилов С.В. Жертвенный комплекс у села Нижний Бургултай и некоторые вопросы древних обрядов и верований // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 92-101.
3. Данилов С.В. Отражение мировоззрения древних кочевников в археологических памятниках Центральной Азии (на примере комплекса в Нижнем Бургултае) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 156-159.
4. Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Древние святилища Забайкалья: новый этап исследования // Вестник Бурятского научного центра СО РАН, 2013. – № 1(9). – С. 18-29.

5. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.

6. Ташак В.И. Древнее святилище в долине Алана (Западное Забайкалье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 251-256.

7. Ташак В.И. Территориальная организация древнего святилища Барун-Алан-1 в Западном Забай-

калье // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2013а. № 3 (23). – С. 172-176.

8. Ташак В.И. Древние культовые объекты Забайкалья: современное их использование и интерпретация местным населением // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2013б. – Т. 2. – С. 298-300.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00274-а – «Древние святилища и культовые объекты Забайкалья»

Ташак Василий Иванович, главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН, доцент истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета. E-mail: tvi1960@mail.ru

Tashak Vasily Ivanovich, main scientific worker of the Institute of IMBT SD RAS, the senior lecturer of department of history and regional studies of Asia, Buryat State University. E-mail: tvi1960@mail.ru

УДК 323.1(47757)

© Д.Д.Трегубова

«В БАГДАДЕ ВСЁ СПОКОЙНО»*
(КОММЕНТАРИИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ)

Статья посвящена роли ученых и образования в воспитании межэтнической толерантности [1].

Ключевые слова: национальность, толерантность, этнос, культура.

D.D. Tregubova

«IN BAGHDAD ALL IS QUIET»
(COMMENTARIES TO A NATIONAL QUESTION)

The article is devoted to the role of scientists and education in the formation of interethnic tolerance.

Keywords: nationality, tolerance, ethnos, culture.

«В Багдаде всё спокойно» [2]? Нет. Игнорирование существующих в нашей стране проблем «на национальной почве» не является общепринятым [3]. В монографии главного советника администрации Президента РФ Н.Н. Губачева приводится следующая статистика: «По данным репрезентативных социологических опросов, проявления неприязни к представителям некоторых национальностей присущи каждому шестому россиянину. Неприязнь к представителям других национальностей чаще демонстрируют молодые россияне в возрасте 18-30 лет... Язык вражды и ненависти также присущ главным образом молодежи, хотя идеологами и организаторами экстремистских акций, расистского и иного мотивированного межгрупповой ненавистью насилия часто выступают взрослые люди. По данным Генеральной прокуратуры РФ, по фактам разжигания межнациональной розни свыше 70% обвиняемых – это молодёжь. При этом наибольшее количество преступлений на почве межнациональной розни отмечается в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Ставропольском крае, Нижегородской, Свердлов-

ской, Кемеровской, Тюменской и Новосибирской областях. В то же время в ряде республик растёт молодёжь, имеющая смутное представление о своей большой родине. Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на территории страны в 2004 г. было совершено 130 актов экстремизма, в 2005 г. таких преступлений зарегистрировано 152, в 2006 г. – 230, в 2007 г. – 356, в 2008 г. – 460, в 2009 г. – 310, в 2010 г. – 348, в 2011 г. – более 350... Данные ведомственного мониторинга, социологических исследований, мониторинга независимых информационных центров (информационно-аналитического центра «Сова», Московского бюро по правам человека и др.) подтверждают статистику Генпрокуратуры России, свидетельствующую об увеличении количества преступлений экстремистской направленности, в том числе количества пострадавших от проявлений этнической и расовой ненависти и религиозной ксенофобии» [4]. Однако связанные с «национальным вопросом» проблемы начались в России не вчера, а с момента образования древнерусского государства, изначально многонацио-

нального. Но порождаемые ими центробежные тенденции почти никогда не пересиливали центростремительные. Иначе мы бы не были гражданами сегодняшней многонациональной России.

К сожалению, интолерантность – столь же естественный элемент жизни любого социума, как и толерантность. Поэтому для стабильного развития общества важно не ее отсутствие, а ее содержание, и, главное, уровень. В настоящее время, несмотря на приведенную выше статистику, в России «интолерантность как форма социально-культурного взаимодействия этнического большинства и меньшинств не выливается в устойчивую систему формальных и неформальных дискриминационных практик в отношении последних. Однако в условиях общесоциального неблагоприятия фоновая этническая интолерантность, выражающаяся в фобиях, настороженном или высокомерном отношении к согражданам – представителям других этносов, способна обернуться серьезными конфликтами. В такой ситуации возрастает роль политической стратегии властей относительно регулирования идущих в стране этнических процессов» [5].

Л.М. Дробужева (руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям и один из основных инициаторов разработки и принятия правительственной программы «Формирование установок толерантного сознания и предупреждения экстремизма») считает, что драматизировать межэтнические отношения в России не стоит. «Доля предубежденных в отношении основных по массовости видов межэтнического общения (выбор круга друзей, выбор соседей, вступление в брак) в целом колеблется уже несколько лет в районе 30% (по данным Левада-Центра). 89% русских и столько же среди других национальностей считает, что „насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо“, но одновременно 44% считают: „насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа“, и 41% согласны: „все средства хороши для защиты интересов моего народа“» [6].

По данным Левада-Центра за 2011 г., среди осознаваемых людьми забот, наличие межнациональных противоречий отметили 9%, и эти заботы были на 14 месте из 20 перечисленных. Рост нерусского населения в традиционно русских областях в качестве проблемы, вызывающей озабоченность, назвали 14%, и этот фактор был на 13 месте. Таким образом, ресурс межна-

ционального согласия в России сохраняется. Но все же среди ухудшений в различных сферах жизни в 2000-е гг. 47% упомянули межнациональные отношения. Так что усилия, направляемые на адаптацию населения к поликультурности окружающего пространства, остаются актуальными [7].

И не только для России. К примеру, П. Харвей, профессор Центра исследований социокультурных изменений Манчестерского университета, пишет о том, что современная антропология [8] пытается добраться до сути того, «что значит жить в мире, где культурное многообразие, с одной стороны, принимается за данное, считается очевидным и необходимым измерением общественного существования человека, но с другой... – воспринимается как нечто угрожающее и не укладывающееся в рамки разумного... В наши дни вопрос о культурных различиях должен оставаться центральным в антропологических исследованиях» [9]. В 2003 г. Пенни Харвей принимала участие в организации V Конгресса ассоциации антропологов в Манчестере. Избрав тему «Антропология и наука», ученые решили сосредоточиться на позиции антропологии в сегодняшнем мире, «где всем наукам в равной мере приходится определять свое отношение к обществу и серьезно считаться с последствиями ослабевающей веры в эффективность научной экспертизы в этом самом обществе, в то время как волна инвестиций в коммерческие технонаучные проекты, как ни парадоксально, находится на подъеме» [9, с. 28]. Как показали выступления на многочисленных секциях конгресса, британская антропология сегодня тесно связана с антропологическими исследованиями во многих других странах. По мнению П. Харвей, в таком союзе «маргинальный» голос ученых может, наконец, приобрести силу [9]. Созвучны этим надеждам слова ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Н.А. Лопуленко: «Органы власти всех уровней не только могут, но и должны широко использовать прикладную этнологию для решения проблем, возникающих в многонациональных регионах» [10]. Они могут использовать опыт ученых, применять их знания о культурных различиях и потребностях людей.

23 января 2012 г. со статьей по национальному вопросу выступил В.В. Путин [11]. В частности, он подчеркнул ту огромную роль в воспитании толерантности и культуры межэтнического общения, которую должно играть образование. Вот некоторые шаги, предпринятые в этой сфере. «Институт толерантности» [12] разработал и осуществляет специальный детский

проект «Другой, другие, о других», призванный воспитывать толерантность с детства. Авторы вышедших в рамках этого проекта книг стремятся объяснить детям, что все люди разные и что к чужим культурам и обычаям надо относиться с уважением. Книги посвящены различным аспектам жизни: семье, религии, кухне, одежде, обычаям разных народов. Главная задача – дети должны понять, насколько разнообразен мир, и чтобы им при этом было не скучно. Серия призвана содействовать воспитанию уважения и терпимости к незнакомым культурным явлениям, снятию устоявшихся негативных этнических стереотипов. К реализации проекта также подключилось ЮНЕСКО – из выпущенных в рамках проекта 12 книг пять уже переведены и изданы на английском языке. С целью удовлетворения религиозных и ценностных запросов учащихся школ с 2010 г. был разработан и в настоящее время проходит апробацию комплексный учебный курс для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики», включающий основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур, основы светской этики. Для студентов высших учебных заведений Минрегионом России было разработано учебно-методическое пособие «Толерантность и культура межнационального общения» (2009) [13], содержащее на DVD хрестоматию и практикум по учебно-методическому комплексу. (Данное пособие было апробировано в ряде школ Краснодарского края) [14]. Ведется работа по недопущению к использованию в школе учебной литературы, содержащей экстремистские материалы.

Конечно, для преодоления бытового расизма этого недостаточно. Как и всех мер, описанных в монографии Н.Н. Губачева. Об их углублении, так же, как и о выработке новых мер, позаботится власть в союзе с научным сообществом [15]. А что можем сделать мы как граждане и как родители? Вносить свой ежедневный посильный вклад в поддержание мира в нашей стране, в образование и развитие наших детей. Основатель гештальт-терапии Фредерик Перлз справедливо отметил: «Картина мира формируется в нашем сознании не автоматически, а избирательно. Мы не видим – мы смотрим, ищем и разыскиваем нечто. Мы не слышим все звуки мира – мы слушаем». И от нас не в последнюю очередь зависит, что услышат и увидят в этом многообразном мире наши дети. Ситуации, описанные Мариной Сайдуковой в статье, процитированной на сегодняшний день (6 мая 2014 г.) 6873 раза в

различных социальных сетях, продолжают происходить. Но и жизнь вне этих ситуаций продолжается. Готовится к празднованию Дня Победы 1 «Д» класс школы №2070 г. Москвы. Дочь учит стихотворение:

День Победы! – значит, нет фашизма,
Значит, над Россией тихий свет,
Значит, дети рождены для жизни,
Для счастливых, мирных, долгих лет.

* Слова из известной песни, процитированные в статье Марины Сайдуковой.

Литература и примечания

1. В статье не затрагивается Указ Президента Российской Федерации №1666 от 19 декабря 2012 года «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», а также основные мероприятия, касающиеся реализации государственной национальной политики Российской Федерации.

2. Блог Марины Сайдуковой, 11 февраля 2014 г. (<http://www.snob.ru/profile/28033/blog/71698>). – Дата обращения: 6 мая 2014.

3. Ни один из авторов из указанного списка литературы не пишет, что «все равно все спокойно».

4. Губачев Н.Н. Государственная национальная политика Российской Федерации: состояние, проблемы и основные направления модернизации. – Чебоксары, 2013. – С. 25-26.

5. Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. Национальная политика в России: XVI – начало XXI в. – М., 2013. – С. 265.

6. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М., 2013. – С. 239-247.

7. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М., 2013. – С. 260-284.

8. Напомним, что британская социальная антропология и американская культурная антропология синонимичны российской этнологии.

9. Харвей П. О преимуществах структурной маргинальности британской социальной антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: сб. статей. – М., 2012. – С. 21.

10. Лопуленко Н.А. «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» 1990-2011: Аналитический обзор / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., 2012. – Вып. 228. – С. 158.

11. Статья выложена на многих интернет-сайтах. В печатном виде см., напр., Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Россия и мусульманский мир: научно-информационный бюллетень. – М., 2012. – № 4 (238). – С. 5-17.

12. Губачев Н.Н. Государственная национальная политика Российской Федерации: состояние, проблемы и основные направления модернизации. – Чебоксары, 2013. – С. 63-64.

13. URL: http://www.minregion.ru/uploads/attachment/documents/2011/02/110204/110204_p.pdf

14. Подробнее об этих и других проектах см. Губачев Н.Н. Государственная национальная полити-

ка Российской Федерации: состояние, проблемы и основные направления модернизации. – Чебоксары, 2013. – С. 30-31, 58-59 и др.

Трегубова Динара Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: railia@mail.ru

Tregubova Dinara Dmitrievna, candidate of History, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: railia@mail.ru

УДК 327(470: 100)

© О.Д. Тугулова

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ КИТАЯ

В статье исследуются бытовые факторы, которые формируют китайское общественное мнение в отношении постсоветской России. В образе присутствует немало негативных составляющих, что можно объяснить трансформациями, происходящими как в России, так и в Китае, противоречивостью национального образа в переходный период.

Ключевые слова: национальный образ, имидж страны, российско-китайские отношения, межкультурная коммуникация.

O.D. Tugulova

IMAGE OF RUSSIA IN THE SOCIO-CULTURAL DISCOURSE IN CHINA

The article examines the domestic factors that shape the Chinese public opinion about post-Soviet Russia. There is a lot of negative components in the image of Russia, which can be explained by the transformations taking place in Russia and China, contradictory national image in the transition period.

Keywords: national image, the image of the country, Russian-Chinese relations, intercultural communication.

На протяжении всей истории двусторонних отношений России и Китая представления обеих стран друг о друге претерпевали трансформации, не всегда отличались полнотой и достоверностью. Особенно это верно в отношении периода 1990-х гг. – начала XXI в., поскольку стремительно менялись сами страны в условиях проведения реформ.

Актуальность представляют исследования образов различных стран в представлениях народов других государств, проводимые в рамках различных гуманитарных наук: прежде всего, истории, социологии, политологии, культурологии, литературоведения, психологии, имагологии. Однако большинство имеющихся работ пока еще не позволяет составить целостное представление об образе современной России в Китае, вскрывая, фактически, лишь «поверхностный» слой многоаспектного понятия «образ», корректно укладываясь в рамки официальных представлений о должном положительном имидже.

Так, в диссертационном исследовании Цюй Юна «Образы Китая и России в межкультурной коммуникации» (Цюй Юн, 2011) они представлены как однозначно положительные, «соответствующие реальности» [4, с. 14], хотя автор с осторожностью отмечает и некоторые негативные составляющие образов изучаемых стран,

касающиеся в основном личностных качеств, присущих россиянам.

Более полной с этой точки зрения представляется работа по изучению образа России в современном Китае, выполненная Н.В. Тен [3], что обусловлено объектом исследования, определенным как «система представлений о России и русских, существующая в современном Китае и сложившаяся под влиянием комплекса информационных источников: школьных учебников, прессы, популярной литературы, интернет-материалов и научных работ» [3, с. 2].

К вопросу имиджа и образа России XX в. в представлении Китая обращались С.Л. Тихвинский, О.С. Артемьева, Ю.М. Галенович, Д.А. Владимирова, Л.С. Переломов, А.Е. Лукьянов, В.Л. Ларин, А.П. Забияко, Ли Суйан, Сюй Хуа и др. Еще в середине прошлого столетия академик В.М. Алексеев отмечал: «Надо следить за Китаем и за его интересом к России. Надо выписывать китайские книги о России и переводы» [1, с. 254].

Как правило, исследователи уделяют должное внимание экономическим, политическим, культурно-цивилизационным факторам формирования национального образа. Вместе с тем на складывание имиджа любой страны влияние оказывают и так называемые бытовые факторы, включающие процесс межкультурной коммуни-

кации, возникающий при личном общении с представителями той или иной страны, а также сведения из рассказов знакомых, из продукции массовой культуры, СМИ, блогов и интернет-ресурсов. Поскольку такая информация более доступна самым широким слоям населения, то при изучении национального образа невозможно не учитывать эти факторы.

Основным источником для данной работы послужили тексты, отражающие сложившийся образ и формирующие его у новых поколений носителей данной культуры, содержащиеся в популярной страноведческой литературе, газетных статьях, материалах сети Интернет, а также некоторые теоретические работы исследователей, касающиеся бытовых факторов формирования образа. Указанные источники призваны знакомить с российскими реалиями широкую китайскую аудиторию, создавать обобщенное представление и, более того, имидж, репутацию страны. Кроме того, в поле нашего исследовательского интереса оказалось учебное пособие по переводу [5], адресованное узкой, но специфичной аудитории – специалистам, чья профессиональная деятельность будет связана с Россией, в связи с чем данный источник представляет особый интерес.

Согласно результатам официальных опросов китайских респондентов в Китае, складывается в основном положительный образ России: «Россия представляет собой мощную в экономической, политической, культурной областях, значимую на международной арене страну. Культурные достижения России XIX–XX веков в литературе, музыке, кинематографе, теории искусства, в философии стали широко известны в Китае. Имеющиеся в средствах массовой информации Китая сведения о России акцентируют положительную сторону образа России» [4, с. 13]. Однако в образе россиян, без которого немислим и образ страны в целом, присутствуют и многие отрицательные составляющие, формируемые в представлении жителей Поднебесной за счет личных качеств, привычек, в частности, нередко можно встретить упоминания о пристрастии россиян к алкоголю: «Пить можно по поводу рождения и смерти, свадьбы и развода, ухода в армию и возвращения из нее, окончания школы и университета, избавления от болезни и защиты диссертации. Пить без повода не хорошо, но найти хороший повод труда не составляет» [5], «23 февраля: он стал российским эквивалентом Дня отца. Поздравляют каждого мужчину, служил он в армии или нет, и на этот раз уже молодые люди вправе ожидать от своих девушек небольшой подарок. Военные не возражают против такой интерпретации, потому

что каждый солдат знает, что в этот день он имеет полное право выпить двойную норму» [5]; «Кто рано встает, у того будет, что выпить» [2]. Подчеркивается такая черта россиян, как склонность к роскоши, излишествам в целом: «Оба праздника (речь идет о 1 мая и 7 ноября) традиционно сопровождаются шумными застольями, где пища поглощается в гигантских количествах и все возвращаются домой с полными желудками, довольно икая. Иностранцев, которых пригласили посидеть за русским праздничным столом, обычно выносят из-за стола на носилках, и только через несколько дней они снова способны думать о пище» [5]. К отрицательным качествам также относят хитрость и коварство: «Русские – народ ушлый. Международный женский день (8 Марта), призывающий женщин бороться за равные права с мужчинами, был интерпретирован как своеобразный день матери, в который не только матери, но все особы женского пола, от малышки до старушки, получают поздравления и всевозможные подарки, главным образом цветы»; допустимы даже ироничные интонации при описании праздников, которые россияне провозгласили, якобы для увеличения возможности не работать: «Посткоммунистическое правительство сделало попытку ввести новые праздники. Один такой праздник несколько раз менял название. Он празднуется 12 июня по двум причинам: во-первых, до него летом не было общенациональных праздников, а это непорядок; во-вторых, именно в этот день несколько лет назад РФ провозгласила свою независимость. Историки, политики, журналисты до сих пор спорят, от кого это Россия получила независимость» [там же].

Тон и стилистика подобных текстов, представленных в учебном пособии, являющемся начальным этапом формирования образа России в сознании будущих русистов, конечно, нелицеприятны, но заставляют задуматься и посмотреть на себя со стороны, оценить работу и факторы, влияющие на представления иностранцев о нас и нашей стране.

Если на уровне культурной рецепции положительные составляющие образа России представлены четко и очевидно (литература, особенно XIX в., балет, другие виды искусства), то постсоветская Россия для китайского обывателя ничем особо не примечательна. Как показывают неофициальные опросы, представленные в сети Интернет (youtube, zhidaobaidu.com), далеко не все опрошенные владеют самой поверхностной информацией о современной России (столица страны, на каком языке говорят ее жители, что вообще интервьюируемый знает о стране). Не

добавляют положительного в образ России и те граждане Китая, которые по роду деятельности вовлечены в тесное общение с представителями разных слоев российского общества.

Так, в личной беседе с автором статьи китайские преподаватели, проработавшие несколько лет в Сибири, на Дальнем Востоке, высказывали явное предпочтение к времяпрепровождению в США или европейских странах, среди причин сожаления и даже недовольства вынужденного проживания в России назывались суровые климатические условия, скудный и однообразный рацион питания, пренебрежительное и высокомерное отношение россиян к представителям Поднебесной, неуставное отношение правоохранительных органов (мелкие, но постоянные вымогательства со стороны сотрудников таможенной, миграционной, патрульно-постовой службы), неразвитая инфраструктура культурно-досуговой сферы.

Более однозначным, как на обывательском уровне, так и для людей, профессионально занимающихся изучением России, в Китае представляется образ В.В. Путина, причем через призму его высокого лидерского авторитета воспринимается и образ всей страны: «С начала 2000-х годов формируется образ «России Путина»: страны с постепенно восстанавливающейся экономикой и сильным руководством, которое придает достаточное значение сотрудничеству с Китаем» [3, с. 13]. В СМИ, ресурсах сети Интернет, исследовательских работах китайских ученых президент России представлен как сильный руководитель, заботящийся о своем народе, развивающий в обществе чувство патриотизма, способный вывести страну на достойный уровень. Имя Путина респонденты ставят в одном ряду с Лениным и Сталиным, подчеркивая тем самым его лидерские качества. Исследователи выделяют «патриотизм и бескомпромиссный характер» Путина, что позволяет ему «изменить свой имидж национального лидера, все это рассматривается как мудрая стратегия» [6, с. 116].

Стереотипы, существующие со времен СССР, претерпевают определенные изменения в представлениях китайского народа, однако большинство официальных источников (в т.ч.

«Жэньминьжибао») при обращении к современной России часто наследует определения и характеристики, применяемые ранее к образу «большого брата», что, с одной стороны, говорит о традиционном консерватизме и, с другой стороны, препятствует получению релевантной информации о тех или иных аспектах жизни российского общества. В наибольшей степени это касается освещения культурной, социальной сфер. Как правило, основное внимание уделяется политической и в меньшей степени экономической мощи РФ. Неоспоримым признается факт доминирования РФ на Дальнем Востоке. В настоящее же время в Китае происходит процесс сложения нового образа России, мифологемы и идеологемы периода прагматичного взаимовыгодного военно-политического альянса XX в. уступают место новым представлениям. В этой связи важными для равноправного или по крайней мере результативного партнерства, стратегического прогнозирования процессов взаимодействия обеих стран являются усилия самой России, как на уровне государственной политики, так и на уровне бытовой межкультурной коммуникации, в формировании своего достойного образа.

Литература

1. Алексеев В.М. О последнем, 1943 года, переводе «Евгения Онегина» на китайский язык // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1985. – Вып. 2.
2. Попова А. Пронизывая взглядом Россию // Арсеньевские вести. – 25 августа 2010. – №34 (910).
3. Тен Н.В. Образ России в современном Китае: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012.
4. Цуй Юн. Образы Китая и России в межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Комсомольск-на-Амуре, 2011.
5. 俄汉–汉俄高级口译教程 / 王立刚, 彭甄编著. –北京: 外语教学与研究出版社, 2006. – 373 с. [Продвинутый курс устного перевода. – Пекин, 2006].
6. 刘亚丁.祖国保卫者形象塑造 – 2012年2月23日普京卢日尼基体育场演讲分析 // 俄罗斯研究. – 2013. –第3期. –第94-117页 [Лю Ядин. Создание имиджа защитника Отечества – Анализ речи Путина в Лужниках 23 февраля 2012 г. // Изучение России. – 2013. – №3. – С. 94-117].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока) в странах Северо-Восточной Азии», проект № 14-03-00439.

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета. Тел.: (3012) 442522. E-mail: tugulova@bsu.ru

Tugulova Olga Dorzhievna, candidate of philological science, lecturer of the department of Far Eastern country's philology, Buryat State University. Tel.: (3012) 442522. E-mail: tugulova@bsu.ru

ЯПОНСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В МАНЬЧЖУРИИ (1931–1945 гг.)

В статье рассматривается создание японских и китайских школ в марионеточном государстве Маньчжоу-го. Проанализирован процесс обучения китайских и японских школьников, учитывая идеологическую обработку.

Ключевые слова: Маньчжоу-го, образование, идеология.

V.M. Fomenko

THE JAPANESE SYSTEM OF EDUCATION IN THE MANCHURIA (1931–1945)

The article deals with creation of Japanese and Chinese schools in the puppet state of Manchukuo. The process of learning Chinese and Japanese students was analyzed including ideological work.

Keywords: Manchukuo, Education, Ideology.

Японцы всегда уделяли большое внимание уровню грамотности населения у себя в стране. После того как Маньчжурия попала под их влияние, был взят курс на незамедлительное воплощение в жизнь этой системы и в северном Китае. Быстроту, с которой представители Страны восходящего солнца взялись за развитие сферы образования, можно объяснить рядом причин. Во-первых, правительство Японии вело пропаганду среди своих граждан о возможности их переселения в Маньчжурию. Чтобы стимулировать желание японцев переехать на постоянное жительство в Маньчжурию, переселенцам необходимо было создать условия жизни не хуже, а даже лучше, чем в Японии. Так как поощрялось переселение семьями, для японских детей необходимо было организовать налаженную работу школ.

Во-вторых, население Маньчжурии не обладало высоким уровнем грамотности, следовательно, японцам было крайне сложно среди них вести свою пропаганду. Ведение пропаганды играло важную роль, поскольку это могло предотвратить недовольство китайцев японским «протекторатом». Пропаганда заключалась в разъяснении причин образования Маньчжоу-го, в рассуждениях о братстве пяти дружественных народов (японцы, корейцы, китайцы, маньчжуры, монголы), а также об идее создания Паназиатского государства. Среди взрослого населения Маньчжурии такую пропаганду было вести не просто, так как уже сформировавшийся человек имеет свои идеологические убеждения, ко всему новому относится с подозрением и недоверием. А китайские дети могли стать хорошим, податливым материалом. Как известно, дети легко поддаются влиянию, если из дня в день пред ними декларировать лозунги, то они обязательно воспримут их за чистую монету, станут патриотами вновь созданного государства, в данном случае – Маньчжоу-го.

На начальном этапе японские и китайские дети должны были обучаться в отдельных школах. Это было вполне оправданно, из-за разной языковой подготовки. Часть школ была открыта на средства крупнейшей железнодорожной компании «Мантэцу». Эта компания финансировала открытие как обычных школ для учащихся начальной, средней и высшей ступеней, так и специализированных училищ, где ученики могли получить рабочую профессию [5].

Другая часть школ была открыта на средства общества «Кио-ва-кай». В обязанности этого общества входило: ведение пропаганды среди населения; борьба с безграмотностью; организация учебного процесса для японских и маньчжурских детей; организация культурного досуга (кино, выставки, лекции, экскурсии); содействие населению Маньчжурии в проведении различных церемоний (свадьбы, погребение), а также снабжение населения дешевыми лекарственными препаратами [3, с. 168]. В 1937 г. в обществе «Кио-ва-кай» было создано специальное отделение по работе с молодежью – «Сехэхуэи».

Японцами был снят ряд фильмов о крупнейших городах Маньчжурии, в которых было рассказано и показано, как и чем живет Северный Китай. Фильмы были посвящены описанию самых развитых городов Маньчжурии: Синьцзина – столица Маньчжоу-го, Мукдена – южная Маньчжурия и Харбина – северная Маньчжурия. Их транслировали в крупнейших городах Японии, но особая ставка была сделана на сельское население Страны восходящего солнца. Было запланировано, что сельское население Японии станет твердой опорой для японских властей в Маньчжурии. Основной акцент в фильмах был сделан на архитектуру, инфраструктуру, образование и культуру. Теме образования и культурного досуга уделялось достаточно большое внимание. В фильмах всяче-

ски подчеркивалось, что жизнь в Маньчжурии мало чем будет отличаться от жизни в Японии, скорее даже будет лучше. В первой части фильма «The largest city in Manchukou» (Самый большой город Маньчжурии) было сказано, что начальное образование в Маньчжурии было введено с 1907 г. (после победы Японии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. часть Маньчжурии перешла под покровительство японцев). Повсеместно школы начали открываться с 30-х гг. XX в. Компанией Мантэцу было открыто множество средних и начальных школ для китайских детей, из которых начальных было около 15 по всей Маньчжурии. Конечно же, для японских детей тоже были открыты школы. Только в Мукдене приблизительно было 25 начальных школ. Учебники, по которым учились дети Маньчжурии, были такими же, как и у детей в Японии. Уровень получаемого образования полностью соответствовал всем японским стандартам. Для девочек существовала специальная высшая школа, где их обучали женским делам: приготовлению блюд, шитью, традиционным танцам [4].

В фильме было отмечено, что наблюдался дефицит педагогических кадров в начальных школах, поэтому в Мукдене было открыто педагогическое училище для девушек, после окончания учебы они сразу же поступали на работу в начальные школы Маньчжурии. Кроме того, Мукден, как и другие города Маньчжурии, имел библиотеки, в которых школьники могли найти необходимую им информацию.

Большое внимание было уделено образованию девочек. Они учились тому, что японцы называли «путем женщины»: ведению хозяйства, стряпне, шитью, чайной церемонии, икебана, вышиванию, рисованию и искусству наслаждаться прекрасным. Главное умение, которое прививалось, – это умение нравиться собственному мужу: одеваться, причесываться, кланяться и, конечно, беспрекословно повиноваться. Как писал современный японовед Мещеряков в «Книге японских обыкновений»: «В Японии до сих пор можно увидеть в продаже символы женской добродетели – это три обезьянки, одна из которых с закрытыми ушами; другая – с закрытыми глазами, третья – с закрытым ртом» [10, с. 48].

Некоторые экзамены для девочек представляли собой практические задания, например, приготовить какое-нибудь блюдо или расставить в вазе *цветы*. Экзаменационная комиссия состояла из местных чиновников, китайцев и японцев, и они оценивали не только результаты экзаменов, но и самих девушек. Их фотографии в нарядных фартучках, сшитых собственными руками, висели на доске рядом с их характеристиками. Японские чи-

новники часто присматривали там себе невест, потому что браки между японскими мужчинами и местными женщинами поощрялись.

Особое внимание уделялось здоровью школьников. Практиковались публичные занятия спортом, когда все дети выходили на огромную площадь и под музыку делали зарядку. Среди школьников средней и высшей ступеней популярной игрой был волейбол, даже девушки были привлечены в этот спорт. Однако исключительное место в развлечениях японских школьников занимали гольф и бейсбол. Крупные города Маньчжурии были оборудованы идеальными полями для игры. В американском фильме о Маньчжурии диктор с гордостью в голосе отметил, что американские игры бейсбол и гольф бьют все рекорды популярности в Маньчжурии [7]. Японские и китайские школьники с удовольствием проводят свое свободное время за соревнованиями друг с другом. Плата за икру в гольф в будние дни составляла 1,5 иены, а в выходные 3 иены [6]. Кроме того, в Синьцзине был построен большой, комфортабельный ипподром, где с мая по октябрь проходили соревнования, в том числе международные. Школьники также имели доступ к ипподрому, тренировались там в верховой езде.

Обычно пропагандистские фильмы озвучивали мужчины, однако фильм про жизнь в Харбине озвучивал радостный женский голос, который сообщал зрителю, что в Харбине много русских красивых девушек. Также было отмечено, что они ходят в купальниках и солнечных очках [8]. Даже сегодня многие японцы не надевают солнечные очки, так как это у них считается неприличным, что-то вроде европейского стиля. Можно предположить, что этот фильм был рассчитан на мужчин, которые могут проявить интерес к вышесказанному и поехать в Маньчжурию.

Японцы действительно создали в Маньчжурии практически с нуля крупнейший образовательно-культурный центр как для японских, так для китайских детей. Однако все обучение сопровождалось интенсивной идеологической обработкой. Тем более что официальным языком, на котором должно было проводиться обучение был провозглашен японский. В школах для китайских детей первые три года разрешалось вести обучение на китайском, постепенно добавляя предметы на японском языке. К четвертому классу абсолютно все предметы должны были преподаваться только на японском. Из воспоминаний одной китайки, которая написала книгу по рассказам своей матери: «В школе маму учили, что она живет в стране Маньчжоу-го и что соседние государства – это две китайские республики: одна – враждебная, во главе с Чан Кайши, другая –

дружественная, во главе с Ван Цзинвэем, японским марионеточным правителем восточных провинций Китая. Ей и в голову не приходило, что Китай – единое государство, а Маньчжурия – его часть» [11, с. 145]. Судя по этому свидетельству, можно предположить, что японцы действительно готовили патриотически настроенное молодое поколение. Именно эти дети должны были в будущем стать опорой для Маньчжурии. Из их памяти постепенно бы стерлись рассказы и родителей о жестокости японцев. Они бы воспринимали японцев как старших товарищей, которые помогли им получить образование, сделали их жизнь лучше. «На прогулках дети распевали песни наподобие таких:

Красные мальчишки и зеленые девочки идут по улицам,

Все они говорят, как хорошо жить в Маньчжоу-го.

Тебе хорошо и мне хорошо,

Люди мирно живут и радостно трудятся без горестей и забот» [11, с. 146].

Вся жизнь в японских и китайских школах сопровождалась церемониалом. Все нужно было делать по правилам, те, кто осмеливался их нарушить, наказывались. Например, поведение детей на школьной линейке требовало соблюдения следующего церемониала:

«Директор школы выкрикивал четырежды поклониться на четыре стороны. Сначала: «Дальний поклон столице империи!» – в сторону Токио. Потом: «Дальний поклон столице страны!» – в сторону Синьцзина (столицы Маньчжоу-го). Затем: «Верноподданный поклон Небесному Императору!» – то есть императору Японии. Четвертое «Верноподданный поклон императорскому портрету!» – портрету Пу И. Следом шел более легкий поклон учителям» [11, с. 151].

Когда начинался новый учебный год, на школьные линейки приезжали высокопоставленные чиновники Маньчжоу-го. Обычно заранее выбирался ученик, который будет вручать букет чиновнику. Это считалось большой честью. Для того чтобы заслужить это право, нужно было хорошо учиться и быть дисциплинированным учеником.

Японцы тратили немалые деньги на работу с приезжими учениками и командирование своих учеников за рубеж. В связи с укреплением дружественных отношений между Маньчжоу-го и Турцией и упрочением связей на почве религии и культуры, институт мусульманской культуры в Мукдене командировал для продолжения образования в священные мусульманские земли Турции 5 маньчжурских учеников [1, л. 34]. Также частым явлением стала организация экскурсий для школьников из юго-восточного Китая с ознакоми-

тельной целью, японцы хотели показать, как им удалось наладить жизнь в Маньчжурии. Японское телеграфное агентство «Кокуцу» сообщило, что 25 апреля 1939 г. в Синдзин прибывает группа из 45 студентов из Пекина для ознакомительной экскурсии в Маньчжоу-го, затем они отправятся в Японию [1, л. 44]. Обычно на таких экскурсиях китайцам рассказывали о том, как бы они могли жить в Маньчжоу-го. Рассказывали о возможности ехать учиться в саму Японию.

Любой иностранец, прибывший в Маньчжурию с ознакомительным визитом, незамедлительно окружался заботой. Особенно если это были высокопоставленные чиновники или журналисты. Мнение иностранных журналистов было крайне важно для японцев, поэтому они всячески пытались продемонстрировать представителям прессы свое гостеприимство. Американский журналист Джордж Друммонд вспоминал: «Прежде чем отправиться из Америки, я, конечно, имел общее представление о тех или иных формах гостеприимства, которое я мог ожидать в Японии. Теперь я знаю не только внешнюю форму этого гостеприимства, но также и его внутреннюю сущность. Когда сотни маленьких школьников встречали нас на станциях, когда еще более многочисленные сотни маленьких детей приветствовали нас, в то время как мы направлялись по улицам к нашим отелям, и когда все это продолжалось во время всего нашего пути от Токио до Синьцзина, то становится трудно выразить словами те трогательные чувства, которые вызывались таким гостеприимством» [2].

Страна восходящего солнца стремилась развивать контакты со всеми соседними странами через учебные заведения. В Маньчжурии в 1922 г. был открыт Японо-русский институт, основанный правительством Японии, где японцы изучали русский язык. Один из русских учителей-эмигрантов написал о том, как проходила жизнь этого института. Обучение в институте занимало три года. На каждом курсе было около 30 молодых японцев, окончивших среднюю школу в Японии. Лекторами в этом университете были как белые эмигранты, так и советские граждане, а также японцы. Директором института был японец Танака. Кроме русского языка преподавали монгольский, английский и французский.

С. Ильин писал: «В младшем классе преподавание начиналось с азбуки, а для старших я обычно выбирал отрывки из рассказов наших классиков – Толстого, Тургенева, Пушкина. В наше преподавание никто не вмешивался. Почти за 3 года, что я преподавал, ко мне в класс единственный раз зашел проф. Симидзу, посидел минут десять и ушел. Когда я его после урока спросил: «Ну,

как?», он ответил: «Ничего, ничего!». Этим все и ограничилось» [9, с. 183].

В апреле в институт всегда приезжала партия молодых японцев на младший курс. Учебный год в Японии начинался, как и сегодня, с апреля. В Маньчжурии была введена такая же система. В то же самое время старшекурсники сдавали выпускные экзамены. Происходил торжественный акт в зале, на котором директор произносил речь, а затем выступали три лучших ученика с речами на русском, английском и монгольском языках. Вечером, в столовой института, студенты-выпускники устраивали для педагогического персонала ужин. Приготовлялось традиционное «скияки». После еды студенты запевали песни. Обычно на этих студенческих вечерах звучала довольно мелодичная песня «Арабианно», знакомая каждому японцу. В ней повествуется о том, как из Аравии навстречу восходящему солнцу шли японцы.

В этом институте японцы не только изучали иностранный язык на уроках, но и пытались понять культуру интересующей страны через постановку спектаклей, в которых сами же и участвовали. Обычно спектакли ставили на новогодние праздники или перед выпуском. Из русских пьес японцы в основном выбирали сюжеты из казачьего быта по Гоголю. С. Ильин так описал увиденное: «Вообще казаки пленяли воображение японцев. Нужно было видеть собственными глазами, чтобы представить себе весь комизм, когда на сцене появлялись низкорослые «казаки» с желтыми лицами, раскосыми глазами, с черными как смоль, длинными висячими, приклеенными усами, в каких-то экзотических куртках, долженствующих изображать «свитки», в широчайших шароварах, на которых были нашиты пунцовые лампы, и на ногах краги – гармоникой» [9, с. 187].

Система высшего образования Маньчжурии была построена так, что японские и китайские студенты обучались вместе. Примеров тому может послужить Медицинский университет, открытый на деньги компании «Мантэцу» в Мукдене. Кроме того, японцы предоставляли китайским студентам возможность получить высшее образование непосредственно в Японии.

Когда японский милитаризм был полностью побежден, корейские, китайские студенты, обучавшиеся в Маньчжурии и Японии, начали открыто высказывать свое мнение о политике Страны восходящего солнца. Корейский и китайский студенты признались, что на утренних богослужени-

ях за японского императора они и другие студенты молча молились и за поражение империалистической Японии [12, с. 115].

Таким образом, японцам удалось в кратчайшие сроки создать систему образовательных учреждений для детей всех возрастов. Начиная с начального образования, заканчивая обучением в университетах. Курировали создание школ две организации: «Мантэцу» и общество «Кио-ва-кай». Для привлечения японцев в Маньчжурию практиковались общественные просмотры фильмов о жизни в Северном Китае. Китайское население принудительно было вынуждено отдавать своих детей на обучение. Несомненно, что обучение японских и китайских школьников было крайне идеологизировано, однако как бы то ни было дети все же получали образование, невзирая на идеологическую пропаганду.

Литература

1. Архив внешней политики РФ. Ф. 146. Оп. 22. Д. 86. П. 60. Л. 34, 44.
2. Газета Харбинское время. 1934. № 316.
3. Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Государственная организация Кио-ва-кай и Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи, 1942. 422 с.
4. The largest city in Manchukuo 1/2 [Electronic resource]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=xg7ssIBDiew> (дата обращения: 15.03.2014.)
5. The capital of Manchukuo 1/2 [Electronic resource]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=7LAAM2JSnr4> (дата обращения: 2.03.2014.)
6. The capital of Manchukuo 2/2 [Electronic resource]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=tir3u3OL8Y> (дата обращения: 03.03.2014.)
7. Manchuria under Japanese control [Electronic resource]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=tBzm9DxM9WI> (дата обращения: 03.03.2014.)
8. Harbin Manchukuo [Electronic resource]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=W4Pr8mAOVaA> (дата обращения: 12.03.2014.)
9. Ильин С. На службе у японцев // Новый журнал. – Нью Йорк, 1947. – № 24. – С. 179-203.
10. Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. – М., 2003. – 560 с.
11. Чжан Юн. Дикая лебеди. – М.: Изд-во И.Д. Лимбаха, 2008.
12. Eri Hotta. Pan-Asianism and Japan's War 1931 – 1945. – USA, 2007. – 290 p.

Фоменко Вера Михайловна, аспирант исторического факультета Иркутского государственного университета, ул. Карла Маркса 2. 664003, г. Иркутск, e-mail: faith.88@mail.ru

Fomenko Vera Mikhailovna, graduate of the Historical Department of the Irkutsk State University, 664003, 2 Karl Marks St. Irkutsk, e-mail: faith.88@mail.ru

ОТ СИМВОЛЬНОГО АЛЛЯНСА К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕГЕМОНИИ. ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ТИБЕТО-МОНГОЛЬСКАЯ БУДДИЙСКАЯ ОБЩИНА В XVII–XIX ВВ.

Несмотря исторически сложившуюся в период VIII–XVII вв. в тибето-монгольском буддизме традицию политико-административного доминирования монашеского сегмента над светским, в период империи Цин государство поставило целью взять под контроль этот независимый источник политической власти. Маньчжурские императоры фактически в течение одного столетия внедрили принципы государственного регулирования численности монахов, децентрализации монашеской общины, контроля над институтами монашеского посвящения и прослеживаемой реинкарнации. В данной статье анализируются особенности процесса формирования системы символической и политической гегемонии имперской администрации над буддийской сангхой в Монголии, что в значительной степени сказалось на политическом балансе сил в этом регионе к началу XX века.

Ключевые слова: буддизм, Монголия, Цинская империя, государство, империя, религиозная община, политика.

N.V. Tsyrempilov

FROM SYMBOLIC ALLIANCE TO POLITICAL HEGEMONY. THE QING EMPIRE AND TIBETO-MONGOLIAN BUDDHIST COMMUNITY IN THE 17-19TH C.

Notwithstanding the tradition of political and administrative domination of the monastic segment over secular in Tibeto-Mongolian Buddhism that was the case in some parts of Inner Asia in the period of the 8-17th century, during the Qing period the state aimed at putting this source of independent power under effective control. In fact, within one hundred years the Manchu emperors implemented the principles of state regulation of the number of monks, decentralization of the monastic network, imposed control over the monastic initiations and institutionalized reincarnation. The paper analyzes the peculiarities of the evolution of the system of symbolic and political hegemony of the Qing imperial administration over the Buddhist sangha in Mongolia which considerably affected the power balance in this region by the early 20th century.

Keywords: Buddhism, Mongolia, Qing empire, state, empire, religious community, politics.

За период с конца XVI до конца XVII в. буддизм занял прочные позиции в Монголии. Традиция патронирования монгольскими ханами монашеских общин и крупных религиозных авторитетов привела к постепенному перемещению реальной власти в руки хубилганов и крупных монастырей. Буддийская историография постепенно закрепила подчиненный статус светских покровителей буддизма, а обычное право закрепило за хубилганами и монашеством преимущественные права перед другими категориями населения. Как и в Тибете, в Монголии количество монахов никак не регулировалось, а монастыри оставались фактически автономными учреждениями, быстро превращающимися в крупные политико-экономические центры местного и регионального значения. Однако за несколько последующих десятилетий взаимоотношения между буддийской монастырской общиной и светскими правителями претерпели существенную трансформацию в пользу явного доминирования последних над первыми. К началу XIX в. Цинская империя сумела взять под свой контроль ключевые институты тибето-монгольского буддизма. Как это стало возмож-

ным и какие шаги предприняли маньчжурские императоры для установления властной гегемонии над самой могущественной силой, оказывавшей прямое влияние на политический климат во Внутренней Азии того времени?

Имперский проект маньчжуров не мог быть осуществлен без сотрудничества с монголами, чья военная сила оставалась наиболее эффективной во Внутренней Азии. Несомненно, еще Нурхацзи, начавший историю восхождения маньчжуров, хорошо знал политические ценности, разделявшиеся монголами, а именно «что они связаны с определенными традициями буддизма и привержены идее Великих Ханов, восходящей к Хубилаю» [5, с. 205]. Монгольские источники сообщают, что сакьяские ламы, действовавшие в Чахаре при Лигден-хане, проникали и на восток к чжурчженям [7]. Маньчжурские документы сообщают, что в 1621 г. гелугпинский монах Нансо имел определенное влияние при маньчжурском дворе и курировал строительство буддийских храмов в Мукдене (маньчжурской столице), а принятие Нурхацзи титула Просветленный хан (маньчж. Genggiyen han) в те же годы могло быть предпринято под влияни-

ем буддийских идей. Однако осознанно использовать идеи покровительства буддийской сангхе маньчжуры начинают с началом кампании против Лигден-хана, который, помимо идеи Великого хана Монголов и легитимного правителя Северной Юань, рассматривал и пропагандировал свой имидж хана-чакравартина как важнейшую часть своей политической идеологии. Маньчжуры, разбив чахарские войска, узурпировали обе идеи, и уже в 1642 г. благосклонно приняли у себя миссию Далай-ламы V. Так началась трехсотлетняя история маньчжурского покровительства буддийской традиции гелугпа, которая во многом определила успех Цинского имперского проекта.

В 1653 г., после успешного завоевания маньчжурами большей части Китая, император Шуньчжи принимает в Пекине высшего буддийского авторитета Внутренней Азии Далай-ламу Нгаванг Гьяцо. Для маньчжуров эта встреча была важной, в том числе и как декларация их официального отношения к буддизму традиции гелуг. Но и представители буддийской иерархии ждали от этой встречи многого. Прежде всего, они также нуждались в том, чтобы их отношения с крупнейшей силой Внутренней и Восточной Азии того времени приобрели статус официальных, они желали централизации религиозной власти в Лхасе и уничтожения других альтернативных источников религиозной власти в Тибете и Монголии. Потому нужно согласиться с А.С. Мартыновым, что инициатива встречи «могла принадлежать и любой из сторон и обеим вместе: возможно ведь, что каждая сторона решила сделать первый шаг, не зная об аналогичном намерении другой» [1, с. 79].

Результатом встречи императора с Далай-ламой стало не только выведение на официальный уровень идеи о цинском патронировании гелугпы, религиозной традиции, широко распространившейся среди монголов. Новая светская империя и новая религиозная империя имели множество совместных интересов, и одним из важнейших была централизация религиозного авторитета в Лхасе и подавление любых других альтернативных источников религиозной власти. По мнению американского монголоведа Йохана Эльверскога: «Поскольку буддийская власть была мощным инструментом в имперской консолидации, она могла легко заимствоваться и конкурирующими партиями, как и происходило во время монгольских и тибетских гражданских войн, и как случилось во взаимоотношениях маньчжурского государства с джунгарами» [6, с. 105].

Однако, как и любая другая сильная и централизованная монархия, Цинская империя не могла рассматривать саму гелугпинскую иерократию как альтернативный, а значит конкурирующий, источник политического влияния, тем более что независимость Далай-ламы V и его регента Сангье Гьяцо способствовали успешному сопротивлению маньчжурскому доминированию в Центральной Азии со стороны западных монголов, а возрастающая власть Джебцун-Дамба-Хутухт в Халхе также грозила непредсказуемостью на северных границах империи. Потому в XVIII в. императоры Юньчжен и Цяньлун прикладывают усилия к установлению контроля над тибето-монгольскими религиозными институтами. Что конкретно было ими предпринято?

В XVIII в. цинские императоры постепенно устанавливают контроль над институтом Джебцун-Дамба-Хутухт. Так, после смерти второго представителя этой линии халхаских перерожденцев император Цяньлун издал указ о том, чтобы все последующие перерождения выбирались бы только в Тибете из этнических тибетцев. Этот закон был принят после антицинского восстания Чингунчжава, в котором второй Джебцун-Дамба сыграл весьма недвусмысленную роль. Кроме того, таким образом цинские императоры, по всей видимости, пытались избежать сосредоточения светской и религиозной власти в определенных аристократических семьях Монголии [2, с. 273-274]. С начала XVIII в. все монгольские хубилганы должны были проходить процедуру утверждения в Пекине, где создавались списки одобренных правительством линий перерожденцев: 57 линий во Внутренней Монголии и 19 во Внешней. Несомненно, существовало большое число линий (до 44 во Внутренней Монголии), не имевших имперской легитимации, однако, несомненно, признание цинского императора значительно добавляло престижа хубилганам. Кроме того, цинские власти ввели особую иерархию хубилганов, напомилавшую иерархию аристократических титулов, с гэгэнами и хутуктами во главе [2, с. 233-275].

Политически мотивированными и укладываемыми в цинскую стратегию контроля над религиозными институтами тибето-монгольского буддизма были усилия цинских императоров, начиная с Канси, по формированию альтернативного центра притяжения тибето-монгольских буддистов в Пекине и окружавших его территориях и учреждению института пекинских хутухт. Институт пекинских первосвященников (大國師) был создан еще в конце XVII в. в пери-

од правления императора Канси, который пригласил в Пекин весьма авторитетного в те времена в Тибете и Монголии монаха, происшедшего родом из кукунорских монголов (土族), окитаившегося монголоязычного народа, населяющего провинции Ганьсу и Цинхай, – Чжанчжа Нгаванг Лосанг Чойдена (1642–1715). Маньчжуры вполне осознанно делали ставку на буддийских монахов из области Амдо, находящейся на культурном перекрестье Монголии, Тибета и Китая, поскольку «предпочитали людей, способных сочетать в себе различные культуры; они ценили этот ресурс и верили, что он сослужит им хорошую службу» [11, с. 162]. Должность пекинских первосвященников должна была стать высшим религиозным авторитетом для буддистов Внутренней Монголии и Пекина, а в последующем, возможно, и всей Монголии. В разное время эту должность занимали видные перерожденцы из Амдо Чжанчжа-хутухты и Туган-ринпоче. Для цинских императоров лояльные и контролируемые религиозные авторитеты в статусе тулку служили инструментом для воздействия на умы буддийских подданных, главным образом монголов. Однако свой расчет существовал и у гелугпинского духовенства: «Не только маньчжуры рассматривали чжанчжа-хутухт как средство для расширения своей власти, но и хутухты использовали императоров для распространения своей традиции. В этом нельзя, конечно же, видеть некое религиозно-политическое задание Лхасы. Это скорее инициатива и благоразумие хутухты, который искусным образом умел увязывать интересы церкви и государства для создания внутреннемонгольско-китайского религиозного единства» [9, с. 170].

С 1691 по 1724 г. политика Цинской империи в отношении монголов и тибетцев, осуществлявшаяся через Лифаньюань (理藩院), или Управление внешними территориями (маньчж. *tulergi golo be dasara jurgan*), была направлена на децентрализацию и дефрагментацию монголов, которые были разделены на административные единицы (хошунуны) с подчинением каждой из них правительству в Пекине. При этом дела монголов Внутренней и Внешней Монголии относились к разным отделам внутри Лифаньюаня и регулировались различным законодательством. Таким образом маньчжуры исключали угрозу объединения монголов и концентрировали управление монголами на имперской бюрократии.

Сеть буддийских монастырей, опутывавшая Монголию и включавшая крупные резиденции хубилганов, также была децентрализована по

тому же принципу, что и уделы монгольской аристократии. Каждый в отдельности монастырь подчинялся Лифаньюаню. Таким образом, Джебцун-Дамба, несмотря на свой престиж и авторитет среди буддистов Монголии, являлся лишь *primus inter pares* [10] в ряду множества хубилганов, а подведомственная ему администрация не имела власти снять неугодного ей настоятеля с должности. Как и в случае с монгольской аристократией, данный порядок ставил целью предотвратить консолидацию религиозной власти в руках Джебцун-Дамба-хутухты. В Тибете, однако, маньчжуры не решились ввести такую же систему, вероятно, в силу невозможности наладить ее в далекой и труднодоступной области, недостаточно интегрированной в состав империи. Однако крупные тибетские перерожденцы, не исключая далай- и панчен-лам, были все же подчинены императору через особые дворцовые ритуалы.

Одна из основных функций Лифаньюаня заключалась в организации ежегодных дворцовых ритуалов, в которых были обязаны участвовать монгольские, уйгурские и тибетские светские и религиозные лидеры. Эти ритуалы включали паломничество в Пекин (朝覲), императорскую охоту (圍獵) и принесение дани (朝貢). Все эти ритуалы, несмотря на большие расходы для их проведения, которые ложились на государственную казну, имели в первую очередь важное символическое значение. Они должны были «символизировать верховенство маньчжурского императора над всеми своими подданными... и открывали альтернативный канал для интеграции собственно Китая и Внутренней Азии» [4, с. 62, 86]. Исследователь истории Лифаньюаня Нин Цзя отмечает, что, несмотря на то, что монгольские и тибетские религиозные лидеры были освобождены от обязательного участия в ежегодных паломничествах в Пекин и уже тем более от участия в охоте, они были обязаны предоставлять дань, пусть и через посредников. Эта дань, однако, носила чисто символический характер: «Тибетская дань и дань от монгольских религиозных лидеров включала хадаки (шелковые приветственные шарфы – тибетский ритуальный символ уважения и дружбы), шели (бронзовый Будда – священная буддийская икона), кораллы, янтарь, тибетские специи и так далее. Ответные подарки императора имели и символическую и практическую ценность: большие и малые или пятицветные хадаки, позолоченные коробочки для чая, серебряные часы, сатин различных цветов, одежды и так далее» [4, с. 72].

Так или иначе, но еще одним инструментом, помимо механизмов ритуально-символического

подчинения или административного аппарата принуждения и властного представительства, было законодательство, с помощью которого цинские власти достаточно эффективно контролировали буддийскую общину Тибета и Монголии. В сравнении со свободным и привилегированным статусом сангхи в до-цинский или раннецинский период истории Внешней Монголии, когда, согласно обычному праву, буддийские общины были совершенно автономными учреждениями и не имели серьезных ограничений в своей деятельности, с начала XVIII в. Лифаньюань начинает жестко регулировать дела буддистов Монголии. Число монахов было теперь ограничено квотами, которые регулировались специальными сертификатами на посвящение. Параллельно с традиционной иерархией должностей и званий в буддийских монастырях маньчжуры вводят собственную систему духовной титулатуры, которая включала должности дзасак-да-ламы и дзасак-ламы, полномочия которых затмили власть кхенпо и ширетуев [8, с. 254-255]. Должность дзасак-ламы, единственная должность, которая могла замещаться как монахом, так и мирянином, была создана для осуществления эффективной судебной и административной власти.

Таким образом, специфика взаимоотношений между буддийской сангхой и цинскими императорами заключалась в постепенном укреплении контроля имперской администрации путем бюрократизации отношений и скрупулезным выстраиванием иерархии, в которой светский суверен занимал доминирующее положение. Этот контроль был жизненно необходим маньчжурам для эффективного подавления независимого канала власти, который представляли собой институционализированные системы религиозных администраций в Тибете и Монголии. Путем целого комплекса мер, среди которых наиболее важными были рутинизация ежегодных обрядов принесения дани, введение штатного расписания в монастырях, должности светского распорядителя в монастырскую иерархию, постепенная узурпация права религиозной инвеституры, установление контроля даже над институтом тулку, введение должности пекинских первосвященников и, наконец, установление вертикали власти над монастырями Монго-

лии, имперская администрация наладила эффективный надзор за буддийскими институтами Внутренней Азии.

Примечание

Кхенпо (тиб. མཁན་པོ་ལྷན་པོ་) – тибетское обозначение настоятеля монастыря или старейшего представителя сангхи. Ширетуи (монг. siregetüi) – монгольское слово, которым обозначались настоятели монастырей.

Литература

1. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений. – М.: Наука, 1978. – 282 с.
2. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. – СПб., 1887.
3. Atwood, Christopher P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Facts On File, Inc., 2004. – 678 с.
4. Chia, Ning. The Lifanyuan and the Inner Asian Rituals in the early Qing (1644–1795) // Late Imperial China. – Vol. 14, No. 1 (June 1993). – P. 60-92.
5. Crossley, Pamela Kyle. History and Identity in Qing Imperial Ideology. University of California Press: Berkley, Los Angeles, London, 1999. – P. 403.
6. Elverskog, Johan. Our great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawaii Press: Honolulu, 2006.
7. Grupper, Samuel. Review of Klaus Sagaster, Die Weisse Geschichte // Mongolian Studies 7 (1981–1982). – P. 127-133.
8. Rawski, Evelyn S. The Last Emperors. A Social History of Qing Imperial Institutions. University of California Press: Berkeley, Los Angeles. – London, 1998. – 481 с.
9. Subud erike. 'Ein Rosenkranz aus Perlen'. Die Biographie des 1. Pekingers IČang skya Khutukhtu Ngag dbang blo bzang č'os ldan, verfasst von Ngag dbang č'os ldan alias Šes rab dar rgyas. (Asiatische Forschungen Bd. 20). Klaus Sagaster (tr.). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967. – 435 с. + 164 с. facsim.
10. The Jebtsundamba Khutukhtus of Uрга. Text, Translation and Notes by Charles Bawden. Asiatische Forschungen. Band 9. Otto Harasowitz: Wiesbaden, 1961. – 91 с.
11. Wang, Xiangyun. The Qing court's Tibet connection: Lcang skya Rol pa'i rdo rje and the Qianlong Emperor // Harvard Journal of Asiatic Studies. – Vol. 60. – No. 1. – 2000. – P. 125-163.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ № 13-01-00086 «Традиция и инновация в Восточном Тибете».

Цыремпилов Николай Владимирович, кандидат исторических наук, член Принстонского института перспективных исследований (08540 Принстон, Нью Джерси, США). Тел. +1 (609) 454 1079. E-mail: tsyrempilov@ias.edu

Tsyrempilov Nikolay Vladimirovich, candidate of History, George Kennan Member of Princeton Institute for Advanced Study, (1, Einstein Dr., Princeton, New Jersey, USA, 08540). Phone: +1 (609) 454 1079. E-mail: tsyrempilov@ias.edu

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

<i>Марханова Т.Ф.</i> Буддизм в Китае в период правления суйского императора Ян-ди.....	3
<i>Найданова С.М.</i> Философские основы Тибетской медицины.....	8
<i>Стеженская Л.В.</i> Эволюция понятия «Мандат Неба» (<i>тяньмин</i>) с древности до наших дней: о добродетели и судьбе.....	16
<i>Цыренов Ч.Ц.</i> Религиозно-философская полемика конфуцианца Хэ Чэнтяня и буддиста Янь Яньчжи (IV–V вв. н.э.).....	19

Филология

<i>Биликова М.З.</i> Адвербиальная функция деепричастий монгольского и турецкого языков	27
<i>Васильева Д.Н.-Д.</i> Личные имена монголов. Современный период.....	28
<i>Ваталева Н.В.</i> Тенденции употребления глаголов речевой деятельности в современном разговорном китайском языке.....	33
<i>Дамдинова Б.-Х.В.</i> Из истории изучения китайско-монгольских языковых отношений....	38
<i>Дашеева В.В.</i> Лексико-семантическая характеристика китайских антропонимов.....	42
<i>Дашибалова Д.В.</i> Монгольская литература 1990- начала 2000-х гг.: поиски новых идей, форм, образов.....	47
<i>Дондокова М.Ю.</i> Трансформация художественных образов и тенденции современной компаративистики.....	51
<i>Именохоева И.Н.</i> Концепт «кочевник» и этническое самосознание в современной монголоязычной поэзии.....	54
<i>Кулач Э.</i> О классификации служебных слов в современном турецком языке.....	59
<i>Кулач Э.</i> Послелогии места в бурятском и турецком языках.....	63
<i>Монхтувшин С.</i> Некоторые особенности монгольских народных игр.....	65
<i>Тугулова О.Д.</i> Поэтический дискурс китайского андеграунда.....	67
<i>Цыбикова Д.Б.</i> Грамматическое выражение категории аспектуальности в типе речи «повествование» (на материале китайского языка).....	71
<i>Цыбикова Д.Б.</i> Способы грамматического выражения категорий <i>разновременности</i> и <i>одновременности</i> в китайском языке.....	74
<i>Цыренов Б.Д.</i> Лексикографические пометы в монголоязычно-русских словарях	79
<i>Шахаева А.А.</i> Типологически общее и различное в выражении перемещения в пространстве составными бурятскими и сложными китайскими глаголами направления движения.....	82
<i>Шулунова О.В.</i> Концептосфера пейзажной лирики Хань Дуна.....	88

История

<i>Бадмаев А.З.</i> Внешняя политика в информационном контексте: центрально-азиатский вектор.....	92
<i>Бадмаева Е. Н.</i> Повседневная жизнь населения Калмыкии в период немецкой оккупации	96
<i>Базарова Л.Ч.</i> Историография изучения буддийских общественных организаций Тайваня.....	101
<i>Балдоржиева В.Б.</i> Из истории становления здравоохранения Закамны в советский период.....	104
<i>Барлукова О.М., Пэн Лин.</i> К вопросу о состоянии образования детей сельских мигрантов в Китае.....	108
<i>Ботоев И. К.</i> Образы Сибири и Дальнего Востока России: взгляд японского бизнеса.	111
<i>Бураев Д.И., Гармаханов М.Ц.</i> Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения.....	115
<i>Бутаев И.А.</i> Внешняя Монголия в российско-японских геостратегических противоречиях в начале XX века.....	120
<i>Бухоголова С.Б.</i> Способ разделки мяса у новых баргутов.....	123
<i>Гомбожапов А.Д.</i> Общие проблемы и особенности развития номадов Монголии (на	

примере Селенгинского аймака).....	126
<i>Дашибалов Э.Б.</i> Древний этап истории монголоязычных народов.....	130
<i>Жабон Ю.Ж.</i> Опыт научного описания медицинской коллекции тибетского фонда ЦВРК (ИМБТ СО РАН).....	136
<i>Золхоев Б. В.</i> Этническая и языковая принадлежность племени кэраит в IX–XII вв. В источниках по истории монголов и исследованиях зарубежных авторов.....	140
<i>Мазур Т.Г.</i> Социальная группа государственных гражданских служащих в Китае (периоды Империи и Народной Республики).....	144
<i>Маншеев Д.М.</i> Скотоводство на северо-востоке Центральной Азии в XVII–XVIII веках	148
<i>Родионов В.А.</i> Политические образы России в дискурсивных практиках СМИ Монголии (2000–2013 гг.).....	152
<i>Самсужун.</i> К истории баргутов.....	156
<i>Ташак В.И.</i> Древний культовый объект на горе Козьей на юге Западного Забайкалья.....	158
<i>Трегубова Д.Д.</i> «В Багдаде все спокойно» (комментарии к национальному вопросу).....	163
<i>Тугулова О.Д.</i> Образ современной России в социокультурном дискурсе Китая.....	166
<i>Фоменко В. М.</i> Японская система образования в Маньчжурии (1931 – 1945 гг.).....	169
<i>Цыремпилов Н.В.</i> От символического альянса к политической гегемонии. Цинская империя и тибето-монгольская буддийская община в XVII–XIX вв.....	173

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Markhanova T.F.</i> Buddhism in China in the period of Sui emperor YANG-DI.....	3
<i>Naydanova S.M.</i> Philosophical base of tibetan medicine.....	8
<i>Stezhenskaya L. V.</i> The evolution of the concept «THE MANDATE OF HEAVEN» (TIANMING) from antiquity to nowadays: on the virtue and the fate.....	16
<i>Tsyrenov Ch. Ts.</i> Religious and philosophical polemic between confucianist He Chengtian and buddhist Yan Yanzhi (IV - V cent. ad).....	19

PHILOLOGY

<i>Bilikova M.Z.</i> Adverbial functions of participles in mongolian and turkish.....	27
<i>Vasilieva D.N-D.</i> Personal names of mongols. The modern period.....	28
<i>Vataleva N.V.</i> The tendencies of using speech act verbs in modern informal speech Chinese.	33
<i>Damdinova B.-Kh.V.</i> From the history of studying of chinese-mongolian languages relations.	38
<i>Dasheeva V.V.</i> Lexical and semantic characteristics of chinese anthroponyms.....	42
<i>Dashibalova D.V.</i> Mongolian literature of 1990-2000's: the quest of new ideas, forms, characters.....	47
<i>Dondokova M.Yu.</i> Transformation of artistic image and new tendencies of comparative literature.....	51
<i>Imenokhoeva I.N.</i> Concept "nomad" and ethnic self-consciousness in modern mongolian poetry.....	54
<i>Kulach E.</i> About the classification of function words in modern turkish language.....	59
<i>Kulach E.</i> Place postpositions in buryat and turkish languages.....	63
<i>Munktuvshin S.</i> Some features of mongolian folk games.....	65
<i>Tugulova O.D.</i> Poetic discourse of the chinese underground poetry.....	67
<i>Tsybikova D.B.</i> Grammaticalization of aspect modifiers in chinese narrative texts.....	71
<i>Tsybikova D.B.</i> Grammaticalization of synchronicity and diachronicity functional categories in chinese language.....	74
<i>Tsyrenov B. D.</i> Lexicographical labels in the mongolic-russian dictionaries.....	79
<i>Shakhaeva A.A.</i> Typological common and different features of buryat compound direction motion verbs and chinese complex direction motion verbs in situations which express direction of motion.....	82
<i>Shulunova O.V.</i> The conceptosphere of Han Dong's landscape lyric.....	88

HISTORY

<i>Badmaev A.Z.</i> International policy in informational context: the central-asia's vector.....	92
<i>Badmaeva E.N.</i> Everyday life of the population of Kalmykia during the german occupation.....	96
<i>Bazarova L.Ch.</i> The historiography of the study of Taiwanese buddhist community organizations.....	101
<i>Baldorzhieva V. B.</i> History of the healthcare development in the Zakamna at soviet period.....	104
<i>Barlukova O., Peng Ling.</i> To a question on the educational problem of labor migrant's children in China.....	108
<i>Botoev I. K.</i> Image of Siberia and Far-Eastern Russia: from the viewpoint of japanese business.	111
<i>Buraev D.I., Garmahanov M. T.</i> Korean wave and soft power. Strategy of development and distribution.	115
<i>Butaev I.A.</i> Mongolia in struggle between Russia and Japan for the political influence at the beginning of XX century.....	120
<i>Buchogolova S.B.</i> Method of cutting meat at the new barguts.....	123
<i>Gombozhapov A.</i> Selenge aimag of Mongolia: general problems and patterns of nomadic development.....	126
<i>Dashibalov E.B.</i> Ancient period of history of mongols.	130

<i>Zhabon Yu. Zh.</i> Experience of the scientific description of medical treatises from the tibetan collection of the center of oriental manuscripts and xylographs (IMBTS SB RAS).....	136
<i>Zolkhoev B.V.</i> Ethnic and linguistic identity of the tribe of kerait in IX–XII centuries according to chronicles on the history of the mongols and the foreign researches.....	140
<i>Mazur T.G.</i> The social group of civil servants in China (the periods of the empire and the People's Republic)	144
<i>Mansheev D.M.</i> Pastoralism in the north-east of Central Asia in XVII–XVIII centuries.....	148
<i>Rodionov V.A.</i> Political images of Russia in Mongolia media discourse practices (2000-2013)...	152
<i>Samusuzhun.</i> To the history of barguts.....	156
<i>Tashak V.I.</i> Ancient ritual object on Koz'ya mountain in the south of Western Transbaikal.....	158
<i>Tregubova D.D.</i> «In Baghdad all is quiet» (commentaries to a national question)	163
<i>Tugulova O.D.</i> Image of Russia in the socio-cultural discourse in China.....	166
<i>Fomenko V.M.</i> The japanese system of education in the Manchuria (1931–1945).....	169
<i>Tsyrempilov N.V.</i> From symbolic alliance to political hegemony. The Qing empire and tibeto-mongolian buddhist community in the 17–19 th c.....	173

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2014 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95
эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44
эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58
эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48
эл. адрес: vestnik_biology@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49
эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62
эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47
эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22
эл. адрес: railia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57
эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имихелова Светлана Степановна – тел. 21-05-91
эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98
эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55
эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гасков Алексей Владимирович – тел. 21-69-89
эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62
эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57
эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8–16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

• Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

• Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректуре авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.

• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 60x84 1/8.

• Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.